Морская летопись

МЯТЕЖ БРОНЕНОСЦА «КНЯЗЬ ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ»

ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

В.В. Шигин

МЯТЕЖ БРОНЕНОСЦА «КНЯЗЬ ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ»

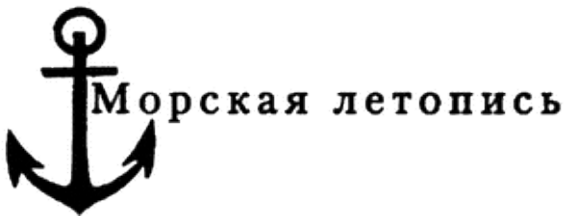
Annotation

Долгое время восстание на эскадренном броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический» было окутано легендами. О восстании писали многие, а Сергей Эйзенштейн снял художественный фильм, ставший не толы» классикой мирового кинематографа, но и гимном всем революциям мира. А потому совсем не случайно, что и само восстание на броненосце «Потемкин», с момента которого уже минуло сто лет, мы вольно или невольно воспринимаем именно через знаменитый фильм

Новая книга В.В. Шигина правдиво рассказывает историю броненосца и восстания его экипажа. Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

- В.В. Шигин
  -
  - Глава первая.
  - Глава вторая.
  - Глава третья.
  - Глава четвертая.
  - Глава пятая.
  - Глава шестая.
  - Глава седьмая.
  - Глава восьмая.
  - Глава девятая.
  - Глава десятая.
  - Глава одиннадцатая.
  - Глава двенадцатая.
  - Глава тринадцатая.
  - Глава четырнадцатая.
  - Глава пятнадцатая.
  - Глава шестнадцатая.
  - Глава семнадцатая.
  - Глава восемнадцатая.
  - Глава девятнадцатая.
  - Глава двадцатая.
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ

В.В. Шигин
МЯТЕЖ БРОНЕНОСЦА «КНЯЗЬ ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ»



«Вече», 2014

День прошел.
На заре,
Облачась в дымовую завесу,
Крикнул в рупор матросам матрос
— выбирай якоря!
Голос в облаке смолк.
Броненосец пошел на Одессу,
По суровому кряжу
Оранжевым крапом
Горя.

Б.Пастернак

Кто из нас не слышал о восстании на эскадренном броненосце Черноморского флота «Князь Потеллкин-Таврический»! Кто не помнит знаменитый фильм Сергея Эйзенштейна, ставший не только классикой мирового кинематографа, но и гимном всем революциям мира. А потому совсем не случайно, что и само восстание на броненосце «Потемкин», с момента которого уже минуло сто лет, мы вольно или невольно, но

воспринимаем именно через знаменитый фильм.

Однако зададимся вопросом: почему, когда и у кого вообще возникла потребность в создании именно этого фильма, ведь в распоряжении режиссера и сценариста имелось немало других героических сюжетов из недавнего революционного прошлого России? Почему же воспеты в фильме были именно события не социалистической 1917-го, а буржуазной 1905 года революции? Почему не «Аврора», а «Потемкин»? На этот, казалось бы, на первый взгляд совершенно неважный вопрос мы и попытаемся ответить, ибо именно в нем кроются многие тайны трагических событий лета 1905 года.

Вне всяких сомнений, что утверждавший романтическую версию одного из самых кровавых восстаний отечественного флота фильм был сделан столь талантливо и убедительно, что нашел путь к сердцам миллионов зрителей. Однако попробуем разобраться в том, насколько правдиво отражает знаменитая кинолента настоящий ход событий на «Потемкине». Да и все ли мы знаем о том, что в действительности предшествовало восстанию на броненосце и как оно проходило на самом деле?

Глава первая. КЛАССИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ ВОССТАНИЯ

История восстания на эскадренном броненосце «Потемкин» в «классическом» изложении многочисленных книг, публикаций и учебников в общих чертах выглядит следующим образом. На броненосце Черноморского флота «Потемкин» к середине 1905 года сложились невыносимые условия службы. Командование корабля постоянно и вполне осознанно измывалось над своими матросами. Особенно тяжело пришлось матросам во время учебного плавания к Тендровской косе.

После завтрака, когда началась приборка, матросы якобы почувствовали запах испорченного мяса. Потом матрос Григорий Кульков увидел подвешенное мясо, кишащее червями. Позвал товарищей, началось волнение. Вахтенный начальник прапорщик Ливенцов, выслушав матросов, доложил командиру корабля капитану 1-го ранга Голикову. Командир корабля и старший врач Смирнов пришли на спардек Доктор, разрезав кусочек мяса, заявил, что мясо хорошее, а ползают по нему не черви, а личинки, которых достаточно промыть морской водой.

Чашу терпения голодной и замордованной команды переполнила весть о том, что их будут кормить на обед борщом из червивого мяса. Матросы отказываются от некачественного борща Взбешенный командир строит команду на палубе и приказывает всем есть борщ! Чтобы не доводить дела до крайнего обострения, наиболее сознательные матросы-большевики во главе с Григорием Вакуленчуком выходят из строя и говорят, что согласны есть борщ. Они считают, что время восстания на броненосце еще не пришло и его надо устроить на всем флоте одновременно, причем несколько позднее. За матросами-большевиками соглашаются есть борщ и все остальные. Инцидент, кажется, исчерпан, но командир корабля внезапно для всех решает жестоко покарать не желавших обедать матросов. Он приказывает отделить часть команды для публичного массового расстрела здесь же на палубе. Матрос Вакуленчук пытается предотвратить расправу, но разъяренный старший офицер смертельно ранит матроса из револьвера.

Убийство Вакуленчука служит сигналом к восстанию. Самый близкий друг и соратник Вакуленчука матрос Афанасий Матюшенко тут же из

винтовки убивает старшего офицера, после чего матросы убивают особо ненавистных офицеров, поднимают красный флаг, избирают матросский комитет для руководства кораблем и спешат в Одессу на помощь восставшим рабочим. Там они организуют похороны Вакуленчука, стреляют из орудий по правительственным войскам, а потом выходят из порта навстречу правительственной эскадре и в молчаливом поединке заставляют царских адмиралов признать свое поражение. Однако офицеры не дают остальным кораблям примкнуть к восстанию. К восставшему броненосцу присоединяется броненосец «Георгий Победоносец», но предатели революции быстро выводят его из строя, и «Потемкин» снова остается один.

В течение недели «Потемкин» бороздит Черное море, сея страх в душах власть предержащих. Он еще раз наводит ужас на царскую власть в Феодосии, а затем, когда кончается уголь, уходит в Румынию. Там потемкинцы сходят на берег и пополняют собой ряды революционеров-эмигрантов.

Значение восстания на «Потемкине» высоко оценил в ряде своих работ В.И. Ленин, как первое восстание против царского режима целой воинской части в полном составе. Именно В.И. Ленин и дал характеристику мятежному «Потемкину», как «непобежденной территории революции».

С большими-меньшими подробностями, но именно такая «классическая» версия восстания на знаменитом броненосце кочует уже больше века из одного научного труда в другой. На ее же основе пишутся учебники истории и популярные книжки.

Удивительно, но, несмотря на изобилие всевозможной литературы о «Потемкине», что-либо конкретного и документально подтвержденного о событиях на броненосце известно крайне мало. И это совсем не случайно! Начать надо хотя бы с того, что в архиве ВМФ следственные материалы о восстании на «Потемкине» почему-то отсутствуют. Там в изобилии имеются документы по восстанию на крейсере «Очаков», о восстании в Свеаборге и Кронштадте, а о «Потемкине» практически ничего нет. Почему? Этого не знает никто. Когда и кто изъял «потемкинские» документы, неизвестно. Где они находятся ныне, тоже непонятно. Судя по всему, сделано это было уже давно, так как никто из историков никогда материалами расследования «потемкинского дела» не пользовался. Почему? Может, потому, что там имеется много такого, что в корне расходится с навязываемой нам официальной версией?

Именно поэтому практически единственным источником информации о восстании на броненосце «Потемкин» всегда традиционно были

воспоминания участников тех достопамятных событий. Их печатали, их цитировали, на них ссылались. Удивительно, но чем больше проходило времени со времени восстания, тем все больше и больше воспоминания, а затем и научные работы (на эти воспоминания ссылающиеся) становились как две капли воды похожими на сценарий кинофильма о «Потемкине». А потому, начиная разговор о восстании на броненосце «Потемкин», лучше всего обратиться к воспоминаниям, которые отделяло от восстания совсем немного времени.

В 1925 году, к 20-летию революционных событий на Черноморском флоте, Всесоюзным обществом политических каторжан и ссыльнопоселенцев была издана книга воспоминаний участников тех достопамятных событий, озаглавленная: «Революционное движение в Черноморском флоте в 1905 году. Сборник воспоминаний и материалов». Эта небольшая по объему книжица интересна сразу по нескольким причинам. Во-первых, воспоминания написаны до периода сталинской диктатуры, в период еще так называемых партийных свобод, а потому она полностью свободна от цензуры последующих лет. Во-вторых, перед нами воспоминания непосредственных участников восстания, написанные еще по относительно свежим следам революционных событий до выхода на широкий экран знаменитого кинофильма, а следовательно, свободные от версии Эйзенштейна.

*** * ***

В 1977 году я поступил в Киевское высшее военно-морское политическое училище. Где-то на втором курсе у нас объявили, что группа ротной художественной самодеятельности должна ехать в Киевский дом престарелых ветеранов партии, чтобы поздравить со столетним юбилеем последнего потемкинца, матроса Шестидесятого. Мне очень хотелось увидеть и услышать живого потемкинца, а потому я тоже напросился в эту поездку.

Столетний ветеран к этому времени уже почти не вставал с кровати и пользовался слуховым аппаратом, однако сохранил известную трезвость ума. Когда наши ребята подарили ему традиционную флотскую тельняшку, спели пару революционных песен и сплясали «яблочко» прямо в палате, растроганный старик начал нам рассказывать о восстании на «Потемкине». Однако чем больше я его слушал, тем больше мне казалось, что ветеран просто пересказывает нам содержание хорошо известного фильма С.

Эйзенштейна. Когда же Шестидесятый начал рассказывать о том, что собственными глазами видел, как на Потемкинской лестнице каратели расстреливали демонстрацию и вниз по ступням внезапно покатилась детская коляска с ребенком (а это, как известно, был эпизод, придуманный самим Эйзенштейном, о чем уже тогда много писалось), все стало окончательно понятно. Разумеется, винить старика в том, что знаменитый кинофильм давным-давно перемешался для него с реальными событиями, нельзя. Сила искусства и преклонный возраст сделали здесь свое дело. Так началось мое знакомство с темой знаменитого восстания. Затем были книги о восстании на броненосце «Потемкин», но чем больше я их читал, тем больше понимал, что в реальности то, о чем писали «историки», происходить просто не могло.

Вот лишь один пример. Классикой потемкинской темы вот уже более полвека считается книга И. Пономарева «Герои “Потемкина”» (М., Воениздат, 1956), переиздававшаяся множество раз. В ней автор не просто изложил свое личное видение событий на мятежном броненосце, но создал поистине фантастическое произведение, не имеющее ничего общего с реалиями. Чего стоят только выдуманные им диалоги, в которых «отважные революционеры» разговаривают исключительно плакатными лозунгами. И. Пономарев пишет «Как только раздался призыв Матюшенко, Вакуленчук понял, что теперь ничего не остановит матросов. Он тоже выхватил у кого-то из караула ружье и, высоко подняв его, громко крикнул: “Да здравствует революция! Долой самодержавие! Да здравствует свобода!” “Смерть драконам!” — дружно подхватили матросы. Вакуленчук решительно направился к командиру: “От имени народа вы арестованы!” — заявил он Голикову. Это видел Гиляровский. По поведению матросов и по действиям самого Вакуленчука он понял, что Вакуленчук и есть тот самый вожак команды, которого они с командиром искали. Старший офицер прицелился и выстрелил. Григорий упал на палубу, смертельно раненный. Падая, он крикнул подбежавшим матросам “В Одессу! К рабочим!” Многие из матросов слышали этот призыв любимого товарища. Выстрел в Вакуленчука на какой-то миг вызвал среди матросов замешательство. На это и рассчитывал Гиляровский… “Гиляровского за борт!” — крикнул кто-то. Матросы устремились туда, откуда раздался выстрел. Но Гиляровского за башней не оказалось. Он скрылся. На палубу с винтовкой в руках (но без патронов) выбежал Матюшенко. Голиков вместе с артиллерийским офицером Неупокоевым преградили ему путь. “Брось винтовку!” “Никогда, пока я жив!” “Брось оружие, приказываю!” “Убирайся вон, броненосец теперь наш!” Сказав это, Матюшенко швырнул в Голикова штык, а затем

изо всех сил замахнулся на командира прикладом, но тот сумел увернуться. Удар пришелся по палубе и был настолько силен, что приклад винтовки переломился. Перед Матюшенко вдруг появилась фигура отца Пармена и на какое-то время отвлекла его, да и других матросов от Голикова. “Мир с тобой, сын мой!” — осеняя Матюшенко крестом, бормотал испуганный поп. “Отстань от меня, пьяница!” — оборвал его Афанасий. Тем временем Голиков исчез. На палубу принесли патроны. Матюшенко взял другое ружье и прицелился в артиллеристского офицера Неупокоева, бегавшего по юту и кричавшего: “Всех под суд!” Выстрел оказался точным Труп Неупокоева матросы выбросили в море. Некоторые из офицеров, боясь возмездия, попрыгали в море и поплыли к миноносцу. Матросы открыли по ним огонь. Другие попрятались в каютах, в машинном отделении. Наконец-то был обнаружен прятавшийся от справедливого возмездия Гиляровский. Вторым выстрелом Матюшенко ранил его. Подоспевшие матросы подняли старшего офицера на штыки и тоже выбросили в море. В этот момент на палубу вышел лейтенант Вильгельм Тон и сделал знак рукой: дескать, внимание, буду говорить. На секунду водворилась тишина. “Хочу тебе поведать…” — Тон направился к Матюшенко и неожиданно дважды выстрелил в него из револьвера. Пули не задели Матюшенко. Афанасий быстро прикончил Тона “Где тиран? Куда делся Голиков?” Перетрусивший Голиков заперся в своей каюте и пытался выброситься в море через иллюминатор. Чтоб его не узнали по мундиру, разделся. Матросы взломали дверь каюты. “На палубу!” — раздались голоса. Бывшего командира поволокли наверх. На палубе Голиков бросился Матюшенко в ноги. “Я согрешил перед командой. Прости, братец!” — писклявым, дрожащим голосом лепетал он… “Как, матросы?” — обратился Матюшенко к команде броненосца. “На нок его! Он угрожал нам ноком! Пусть теперь сам повисит там! Нечего с ним возиться, расстрелять кровопийцу!” — кричали другие. Голикова расстреляли, тело выбросили за борт».

Увы, любое историческое событие постепенно обрастает легендами. Порой это происходит само по себе, однако чаще искусственное легендирование имеет ярко выраженный политический аспект. Любой правящий режим всегда старается «заработать» на истории и изменить прошлое в свою пользу. Говорят, что историки тем и отличаются от Бога, что в отличие от него могут менять прошлое по своему усмотрению.

Видимо, настала пора и нам разобраться и с событиями, произошедшими в 1905 году на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», восстановить истинный ход событий и дать беспристрастную оценку тем давним событиям Интерес этот далеко не

праздный, так как и сегодня определенные политические силы, ставя все с ног на голову, пытаются извлечь из истории с восстанием на броненосце «Потемкин» политические дивиденды.

Глава вторая.
«ПОТЕМКИН» И ЕГО КОМАНДА

Что же представлял собой эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический» и его команда?

Что касается броненосца, то он был заложен 28 сентября 1898 года на стапеле Адмиралтейства в городе Николаеве. Разработку проекта, а впоследствии руководство строительством, осуществлял корабельный инженер Севастопольского военного порта А.З. Шотт.

Прототипом для «Потемкина» послужил построенный ранее броненосец «Три Святителя», однако проект нового корабля вобрал в себя ряд перспективных конструкторских решений, примененных при строительстве и других броненосцев. Так, его мореходные данные соответствовали ранее построенному броненосцу «Пересвет».

На «Потемкине» впервые в российском флоте использовали централизованное управление артиллерийским огнем — из центрального поста, расположенного в боевой рубке. Стал «Потемкин» и первым кораблем Российского флота, имевшим котлы для жидкого топлива.

При стандартном водоизмещении 12 480 тонн (фактическом 12 900 тонн) «Потемкин» имел следующие размерения: длину 113,2 метров, ширину по миделю 22,2 метра, максимальную осадку 8,4 метра. Максимальная скорость хода броненосца была не слишком велика, всего 16,7 узлов. Дальность плавания корабля составляла 2200 миль при экономичном ходе в 12 узлов.

Энергетическая установка — три группы паровых котлов (две из них — 14 котлов — работали на жидком топливе и одна — из 8 котлов — на угольном), приводивших в действие две вертикальные паровые машины тройного расширения суммарной мощностью 10 600 лошадиных сил.

Бронирование «Потемкин» имел вполне солидное: палуба — 38—76 миллиметров, башни — 254 миллиметра, казематы — 76—152 миллиметра, рубка — 229 миллиметров.

Артиллерийское вооружение броненосца было тоже весьма внушительным Главный калибр «Потемкина» составляли четыре 305-миллиметровых орудия со стволами длиной 40 калибров, размещенные в двух башнях—носовой и кормовой. Помимо этого броненосец имел шестнадцать 152-мм орудий, четырнадцать 75-мм, четыре 47-мм и два 37-

мм орудий, а также две 63-мм десантные пушки и пулемет. В дополнение к этому на броненосце было установлено и пять торпедных аппаратов.

По своим тактико-техническим характеристикам эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический» на момент ввода в строй являлся мощнейшим в своем классе кораблем Российского военного флота. Кстати, по вооружению он превосходил близкий ему по типу эскадренный броненосец «Ретвизан», строившийся в Америке для русского флота, а также новейшие английские броненосцы типа «Куин» значительно большего водоизмещения. При этом следует признать, что «Потемкин» уступал им в скорости полного хода, но русское военно-морское командование считало его парадные 16 узлов вполне достаточной скоростью для броненосцев Черноморского флота.

В сентябре 1900 года в торжественной обстановке эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический» был спущен на воду, а летом 1902 года переведен в Севастополь — для достройки и вооружения. Первоначальный срок ввода в строй был сорван из-за большого пожара, вспыхнувшего в котельном отделении. Урон, причиненный огнем, оказался значительным. Особенно пострадали котлы. Пришлось заменить их другими, рассчитанными уже под твердое топливо. В том же 1902 году во время испытаний артиллерии главного калибра обнаружились раковины в броне башен. Пришлось заменять старые башни на новые. А их изготовили лишь к концу 1904 года. Все это в итоге чуть ли не на два года задержало ввод корабля в строй.

Как знать, сложись все иначе, может быть, высшее командование и нашло бы вариант, как вывести новейший броненосец через Босфор, включив его в состав 2-й Тихоокеанской эскадры. Смог бы в этом случае «Потемкин» что-либо изменить в раскладе сил в печальном для России Цусимском сражении? Думаю, что вряд ли. Впрочем, скорее всего, он вошел бы в историю, как корабль, героически дравшийся с врагом в самом кровавом для нас морском сражении.

Летом 1902 года «Потемкин» был переведен в Севастополь — для достройки и вооружения. Первоначальный срок ввода в строй был сорван пожаром, вспыхнувшим в котельном отделении. Урон был таким, что котлы пришлось заменить на котлы под твердое топливо. Во время испытаний артиллерии главного калибра обнаружились раковины в броне башен. Их тоже пришлось заменять новыми.

Как бы то ни было, но к 1905 году «Потемкин» все же был принят в состав Российского императорского флота, несколько пополнив обескровленные после Русско-японской войны наши морские силы.

К формированию команды броненосца приступили практически одновременно с его закладкой. Для этого был создан 36-й флотский экипаж, в котором готовили корабельных специалистов различного профиля — артиллеристов, машинистов, минеров.

При вступлении броненосца в строй в мае 1905 года экипаж состоял из 731 человека, в том числе 26 офицеров.

Согласно данным военно-морского историка Б.И. Гаврилова, «Потемкин» имел следующий состав экипажа: 20 офицеров флота, четыре инженера-механика, два врача, священник, 12 кондукторов, 763 матроса. Для испытаний механизмов и орудий на нем находились гарантийный механик Николаевского завода А.Н. Харкевич, 23 мастеровых и три офицера от высших технических органов морского ведомства. На день мятежа на борту корабля находилось 15 офицеров, 781 матрос, два врача и один священник, при штатной численности в 705 матросов и 26 офицеров.

*** * ***

Как и на всех других кораблях Российского императорского флота, костяк офицеров на «Потемкине» составляли кадровые офицеры, окончившие полный курс Морского корпуса в Петербурге (а старшие офицеры—еще и офицерские классы), имевшие хорошую теоретическую подготовку и необходимый практический опыт как морской, так и военной службы. Именно эта категория офицеров и определяла лицо флота начала XX века, именно они и занимались обучением и воспитанием личного состава

Что касается корабельных инженер-механиков, то одна часть из них были выпускниками Морского технического училища в Кронштадте, другая же являлась выпускниками технических вузов, в частности, половина младших офицеров-механиков «Потемкина» была выпускниками Харьковского технологического института. Будучи неплохо подготовленными по специальности, выпускники технических институтов не являлись настоящими офицерами в классическом понимании этого слова. Многие из них далее не имели офицерских званий. К тому же из-за достаточно тяжелой службы и небольших окладов, затруднительной карьеры служба на флоте считалась для дипломированных инженеров (которые в то время ценились в России на вес золота) не слишком престижной. Поэтому особой мотивации у инженер-механиков (особенно у самых молодых из них) для военно-морской службы просто не было.

Помимо этого, из-за больших потерь в Русско-японской войне и хронического некомплекта офицеров на «Потемкине», как и на других кораблях российского флота в 1904—1905 годах, находилась еще одна категория офицеров — младшие офицеры, призванные на время войны из запаса. Это были по большей части гражданские штурманы и механики, ставшие на время прапорщиками по адмиралтейству. Данная категория людей офицерами вообще являлись лишь номинально. Прапорщики по Адмиралтейству в большинстве случаев просто отбывали номер, считая дни и часы, когда они снова вернутся к вольготной гражданской жизни. Если для войны морской опыт этих людей и мог быть востребован, то для мирных флотских будней они были больше вредны, чем необходимы.

Как мы увидим в дальнейшем, именно представители последних двух категорий офицерского состава окажутся менее стойкими в своем противодействии мятежникам. Как мы понимаем, это произошло совсем не случайно.

На момент рассматриваемых нами в книге событий на борту «Потемкина» из штатного офицерского состава находились: командир корабля капитан 1-го ранга Е.Н. Голиков 1-й, старший офицер капитан 2-го ранга И.И. Гиляровский, ревизор мичман А.Н. Макаров 4-й, старший минный офицер лейтенант В.К. Тон, старший артиллерийский офицер лейтенант Л.К. Неупокоев 2-й, младший артиллерийский офицер мичман Б.В. Бахтин 3-й, старший штурманский офицер капитан корпуса флотских штурманов К.Г. Гурин, младший штурманский офицер прапорщик по морской части Н.Л. Ливенцев, вахтенный начальник прапорщик по морской части Д.П. Алексеев, вахтенный начальник прапорщик по морской части Н.С. Ястребцев, старший судовой механик подполковник корпуса инженер-механиков флота Н.Я. Цветков, минный механик поручик корпуса инженер-механиков флота С.А. Заушкевич, трюмный механик поручик корпуса инженер-механиков флота А.М. Коваленко, гидравлический механик поручик корпуса инженер-механиков И.Ф. Назимов, вахтенный механик подпоручик корпуса инженер-механиков П.В. Калюжнов, старший судовой врач надворный советник С.Г. Смирнов, младший судовой врач лекарь А.С. Галенко.

Буквально накануне мятежа был списан с корабля мичман А.Н. Кусков. В книге «Борец за свободу» Б.И. Гаврилов пишет, будто ленинградский историк В.А. Ермолов установил, что А.Н. Кусков участвовал в революционной работе. Однако при этом не приводит никаких подтверждающих фактов. К тому же, несмотря на обилие исторических трудов о революционных событиях 1905—1906 годов, о таинственном

революционном мичмане Кускове никогда никто ничего и слыхом не слыхивал. Думается, что мичман Кусков был просто переведен с корабля на корабль в обычном порядке, а уж «революционером» его сделали задним числом любители исторических сенсаций. Такое стремление понятно — вот перед вами еще одна тайна броненосца «Потемкин», ведь, может быть, окажись мичман-«революционер» в день мятежа на палубе броненосца, был бы сейчас у нас второй лейтенант Шмидт!

Уже в самый последний момент с уходящего в море броненосца по каким-то делам съехали на берег мичманы Гнилосыров и Тихменев. Относительно этих офицеров, чудом оказавшихся вне корабля во время печально знаменитых событий на «Потемкине», в 50—70-е годы писали, что оба они якобы были особо нелюбимы командой, а потому, узнав каким-то неведомым образом о готовящейся на корабле расправе с офицерами, попросту сбежали загодя с корабля. В это не слишком верится.

Во-первых, еще никто из историков не привел по данному факту никаких документальных свидетельств. Таковыми, как мы понимаем, могли стать документы расследования трагических событий на «Потемкине» или объяснительные записки самих отбывших с борта броненосца офицеров.

Во-вторых, почему съехавшие на берег офицеры при этом не предупредили командира о готовящемся мятеже? Струсили? Сподличали? С точки зрения офицерской чести, да и вообще человеческой морали, никакой офицер, находившийся в здравом уме и твердом рассудке, никогда бы так не поступил. Если бы такой факт действительно имел место, то Гнилосырову с Тихменевым после этого не было бы места на флоте, тогда как оба они впоследствии вполне достойно служили на флоте и никто никаких претензий к ним относительно событий на «Потемкине» не предъявлял.

В-третьих, выход в море корабля намечался самый заурядный и самый кратковременный, поэтому крайней необходимости присутствия на борту всех офицеров просто не было, тем более что офицеры, скорее всего, были просто отправлены решать какие-то служебные дела на берегу. Это самая обычная практика и в этом откомандировании корабельных офицеров на сутки-двое на берег нет ничего сверхъестественного. Все, служившие когда-либо на кораблях, прекрасно это представляют.

*** * ***

Говоря о команде «Потемкина», необходимо отдельно сказать о такой

категории, как сверхсрочнослужащие.

Что касается нижних чинов сверхсрочной службы и кондукторов, то они появились в российском флоте в 90-х годах XIX века, по примеру некоторых западноевропейских флотов. Число сверхсрочников (оставшихся на службе свыше 7 лет) из-за малого жалования и почти одинакового положения с чинами «срочной» службы было незначительным. Мало было и чинов сравнительно привилегированной категории — кондукторов и старших боцманов флота, которые имели свои «кают-компании», особые каюты на кораблях и носили форму одежды наподобие офицерской.

Комплектование кораблей кондукторами и старшими боцманами затруднялось отсутствием системы их подготовки при достаточно сложном экзамене и малыми размерами жалованья. Жалованье кондуктора на берегу составляло 45—55 рублей в месяц — т.е. столько, сколько мог заработать квалифицированный мастеровой, не стесненный к тому же строгими требованиями военной службы. К 1904 году не удалось заполнить даже весьма ограниченные корабельные кондукторские штаты (580 человек). На кораблях эскадры Тихого океана, к примеру, служили всего 96 старших боцманов и кондукторов—несколько более 0,5% от количества нижних чинов. Только при комплектовании 2-й эскадры Тихого океана на каждый большой броненосец удалось назначить по 12—16 кондукторов.

Среди кондукторов были настоящие мастера своего дела. В боях Русско-японской войны кондукторы и старшие боцманы, по существу, будучи избранными из лучших нижних чинов, как правило, вели себя храбро, грамотно руководили устранением повреждений, иногда заменяли офицеров. Об этом свидетельствуют их почетные места в списках награжденных. Однако в силу своей малочисленности эта категория личного состава не в полной мере отвечала тем надеждам, которые возлагались на нее при учреждении. В целом кондуктора и унтер-офицеры «Потемкина» соответствовали предъявляемым им требованиям

*** * ***

Ну а что представляли собой матросы «Потемкина»? Известный военно-морской историк капитан 1-го ранга В.Ю. Грибовский в свое время дал развернутую картину общего положения дел в 1904—1905 годах на Тихоокеанском флоте, которая не слишком отличалась от ситуации на флоте Черноморском. Он писал: «Достаточно высокий уровень развития системы подготовки нижних чинов позволил в военное время успешно

обучить многочисленных новобранцев и направить их на корабли. Дополнительные потребности покрывались призывом *6,6* тысяч запасных матросов и унтер-офицеров, которые на кораблях 2-й эскадры Тихого океана составили от 15 до 23% общей численности нижних чинов. Опасности войны не вызвали возрастания дезертирства, что свидетельствует о достаточно высоком моральном духе рядового состава флота.

Немногочисленными “нетчиками”, как и до войны, оказывались матросы “дурного поведения”, зачастую из разряда штрафных, т.е. бывших под судом. Даже в исключительно тяжелом и длительном походе 2-й Тихоокеанской эскадры на театр военных действий “нетчиков” были единицы. Так, по свидетельству обер-аудитора этой эскадры В.Э. Добровольского, среди нижних чинов (почти 16 тысяч человек) был зафиксирован всего один побег — с крейсера “Адмирал Нахимов” в Малаккском проливе. Беглец был подобран иностранным судном и вернулся на эскадру. Правда, имелись сведения и о трех матросах, пропавших с новых броненосцев во время стоянки у берегов Индокитая.

Редки были в этом походе и т.н. “массовые беспорядки” — коллективное выражение претензий во фронте. Оба случая — на броненосце “Орел” и “Адмирале Нахимове” — были связаны с недовольством команды пищей. Только последний случай закончился судом с приговором “зачинщиков” к 3—4 годам каторжных работ (приговор отложен и не исполнен). И это притом, что матросы эскадры были оставлены без положенного вещевого довольствия и напоминали оборванцев в импровизированной обуви. Увольнения на берег — т.е. минимальный отдых — были редки, а на части кораблей с наиболее многочисленным экипажем не проводились вовсе.

Из дисциплинарных проступков 46 стали предметом расследования, из них только 11 закончились судом. Максимальный приговор — 8 лет каторги с отсрочкой исполнения, два дела касались “оскорбления действием” матросом офицера, одно — кондуктора. На берегу имели место случаи массового пьянства нижних чинов. Но на эти явления начальство смотрело сквозь пальцы. Зато за пьянство в сообществе подчиненных ему нижних чинов боцманмат-фельдфебель Алексей Новиков контр-адмиралом Н.И. Небогатовым был лишен звания и понижен в матросы 1-й статьи.

Случаи рукоприкладства офицеров по отношению к матросам не были правилом, хотя и имели место. Любители кулачной расправы, если случай становился известен начальству, подвергались взысканиям в приказе: например, лейтенанту А.П. Мордвинову (“Владимир Мономах”) за удар по

лицу машиниста Щербакова было объявлено 5 суток ареста в каюте “с приставлением часового”. В то же время многие унтер-офицеры и боцмана явно злоупотребляли рукоприкладством, которое не наказывалось и как бы оставалось не известным офицерам.

В боях нижние чины, как правило, сражались храбро и самоотверженно. Многие раненые не оставляли своих боевых постов. Об этом ярко свидетельствуют рапорты и боевые донесения. Так, матрос Булгаков (“Паллада”), имея ранение, помогал переносить других раненых, а после перевязки вернулся к своему орудию. Остался у орудия дважды раненный комендор Малахов (“Диана”) и др.

Случай паники имел место только один раз — на крейсере “Дмитрий Донской” в бою 15 мая 1905 г. Но он носил исключительный характер, так как в расстройство пришли уже потрясенные накануне гибелью своего корабля и выловленные из воды матросы броненосца “Ослябя”. В значительной степени были деморализованы и потянулись к казенному вину матросы сдавшихся 15 мая 1905 г. кораблей, но это произошло только после сдачи. Даже в безнадежных условиях люди до конца оставались на боевых постах.

Многие нижние чины проявили себя не только храбрыми воинами, способными к самопожертвованию, но также инициативными исполнителями и далее руководителями, принимавшими самостоятельные решения. Среди таких можно назвать боцманмата с броненосца “Победа” Петра Апалинова, кавалера всех четырех степеней Знака отличия Военного Ордена (самостоятельно командовал минным катером) или машинного квартирмейстера с крейсера “Баян” Василия Бабушкина, участника боев под Порт-Артуром и Цусимского сражения. Помимо четырех “Георгиев” Бабушкин был отмечен также Знаком отличия ордена Святой Анны — т.е. получил максимум возможных для нижнего чина наград. После войны (в порядке исключения) в офицеры по Адмиралтейству был произведен бывший минный квартирмейстер с “Баяна” Андрей Буторин, который в Порт-Артуре со знанием дела выполнял самые рискованные вылазки.

Качество специальной подготовки (профессионализм) матросов и унтер-офицеров в начале XX в. было достаточно высоким. Достижение его обеспечивалось экстенсивным путем — за счет увеличения сроков обучения. Неоправданно много времени тратилось на теоретический курс и строевую подготовку. В практическом обучении комендоров не применялись береговые тренажеры, зато во время практического плавания стремились к освоению всех систем артиллерийского вооружения, количество которых из года в год возрастало.

Так, в кампании 1900 г. ученики-комендоры старшего класса проходили 21 урок стрельбы из различных орудий, имевшихся на кораблях учебно-артиллерийского отряда, в том числе из новейших патронных, а также из совершенно устаревших образца 1867 г. К сожалению, руководители учебных отрядов — адмиралы З.П. Рожественский, Д.Г. Фелькерзам, Н.И. Небогатов, П.П. Молас — не смогли оценить значение специализации в обучении артиллеристов. Характерно, что многие выпускники учебных отрядов, успешно освоив весь курс подготовки, при назначении на корабли флота вновь сталкивались с совершенно незнакомыми им новыми артиллерийскими установками.

Следует отметить, что специальность комендора, как и сигнальщика, была непопулярной среди нижних чинов, которые рассчитывали за семилетнюю службу приобрести навыки, полезные для “гражданки”. Например, стать машинистами или гальванерами (электриками). Учрежденные в начале XX века призы для комендоров Учебно-артиллерийского отряда за лучшую стрельбу являлись недостаточным стимулом к управлению орудиями.

В то же время нельзя согласиться с отдельными заявлениями о том, что русский матрос заведомо тяготился службой, “тянул лямку” как придется, а по натуре был ленив и глуп. События войны показали, что при обеспечении грамотного управления и личной примерности офицеров нижние чины флота были вполне на уровне требований, предъявляемых боевой обстановкой».

По возрасту матросы «Потемкина» серьезно отличались от нынешних призывников-мальчишек. Если в советское время и сейчас призываются в основном 18-летние мальчишки, то тогда призыв производился лишь с 21 года, а во многих случаях еще на два-три года позднее. А так как служили тогда матросы в соответствии с российским законодательством семь лет, то в большинстве случаев матросы имели возраст 23—28 лет, т.е. были уже вполне взрослыми людьми.

Из 780 матросов броненосца «Потемкин» было много относительно молодых матросов, прежде всего учеников кочегаров и машинистов, прибывших на флот весной 1905 года. При этом и вся команда была достаточно молода для российского флота того времени, а ее основу составляли, прежде всего, призывники 1904 года, составлявшие около 30% всей команды. При этом крестьяне составляли минимум 73% команды, мещане — 9%. Что касается представителей пролетариата, то их на корабле практически не было. Историк Ю.П. Кардашев в своем фундаментальном труде «Восстание. Броненосец “Потемкин” и его команда» провел

исследование социального состава команды и пришел к следующему выводу: «Подавляющее большинство новобранцев броненосца состояло из призывников традиционных земледельческих районов России — центральночерноземных и южных губерний, где в значительной степени преобладало крестьянское население. Кроме того, такие специальности, как кузнец, плотник, мельник, сапожник и ряд других, были обычными для самой деревни и не означали полного отрыва этих людей от крестьянских занятий. В основном это были полурабочие-полукрестьяне, полурабочие-полуремесленники. Таким образом, к “чистому” пролетариату относилась лишь незначительная часть команды, но какая именно, проследить по документам не представляется возможным. Если применять термины недавнего прошлого о классовой структуре общества, то следует признать, что команда “Потемкина” была в значительной степени мелкобуржуазной».

Данные Ю.П. Кардашева полностью опровергают бытовавшее утверждение советской историографии, что в технические службы кораблей подбирали «грамотную молодежь почти исключительно из рабочих».

На самом деле грамотных на броненосце была почти половина матросов, но это данные на момент призыва, так как в процессе службы многие матросы добровольно-принудительно, но читать и писать учились.

Опыт команды «Потемкина» был мал — только 80 матросов проходили ранее службу на других кораблях Черноморского флота (при этом большинство из них служило совсем не на боевых кораблях, а, к примеру, на транспорте «Березань», да еще 14 ранее служили на крейсере «Варяг». Вот и весь реальный опыт! А ведь командиру броненосца Е. Голикову надлежало в кратчайшие сроки сделать корабль боеготовым Это значило, что надо было муштровать команду непрерывными учениями днем и ночью, так как никакой другой методики превращения небоеготового корабля в боеготовый до сегодняшнего дня никто пока не придумал.

Что касается дисциплины на «Потемкине», то она был не хуже и не лучше, чем на других кораблях Черноморского флота. Основные взыскания, налагаемые на матросов, тоже самые обычные и бытовые — пьянство, драки, воровство. Гораздо реже встречается такое взыскание, как «чтение не просмотренной офицерами литературы», и уж совсем редко — чтение или распространение листовок.

*** * ***

Разумеется, служба в Российском императорском флоте никогда раем не была. Как и на каждом флоте, случалось всякое. Бывали и преступления, и несчастные случаи. Офицеры тоже были далеко не ангелами, могли и под суд отдать и по морде съездить. И хотя к началу XX века телесные наказания были уже далеко в прошлом, все же нерадивых матросов иногда били. Сказывалась и кастовость кадрового офицерства, которое было практически полностью дворянское и в силу этого не имело ничего общего с низшими социальными слоями. Все это так. Но доподлинно известно и то, что офицеры били матросов весьма редко, и в самой офицерской среде рукоприкладство презиралось, а потому не было типичным. Если кто и бил матросов, так это сверхсрочники-кондуктора, да и то сомневаюсь, что кто-то из них поднял бы руку на знающего свое дело старослужащего матроса. Если кондуктора и давали подзатыльники, то исключительно бестолковым новобранцам, чтобы учились шустрее. Но так было всегда, в том числе и в советское время. Командир отделения и по шее даст, и пожалеет, и на путь истинный наставит. Что касается «Потемкина», то, несмотря на все обвинения в адрес командования корабля, я нигде и никогда не встречал упоминания в воспоминаниях потемкинцев о конкретных случаях избиения матросов офицерами корабля. Ругали, это было. А слышали ли вы, как поносили нерадивых матросов на советских кораблях, да и на сегодняшних российских? Так что, из-за этого всякий раз устраивать мятежи?

К тому же «Потемкин» еще не был принят в состав флота. На броненосце велись доделочные работы, и сам он пошел к Тендре, чтобы опробовать новые орудия и отработать артиллеристов. На новостроенных кораблях команда всегда очень «сырая», так как является сборной с разных кораблей и учебных отрядов. Служившие на флоте знают, что новые корабли со сборными экипажами самые сложные. Ведь одна часть матросов переводятся на такие корабли с других, и командиры, как правило, не желая расставаться с дисциплинированными и хорошо подготовленными подчиненными, отдают на новостройки по принципу «бери боже, что душе негоже». Из-за этого у командиров новых кораблей наряду с освоением новой техники, испытаниями оружия и вводом корабля в боевую линию стоит еще не менее важная и сложная задача в кратчайшее время создать из матросской массы то, что называется лаконично, но емко, — экипаж. Период достройки опасен и резким падением дисциплины, так как на корабле идут заводские работы, туда-сюда снуют рабочие, внося неразбериху, да и сами матросы больше работают, чем занимаются службой, а потому любой корабль в период достройки больше напоминает плохой партизанский отряд, чем экипаж боевого корабля. Этот период

времени традиционно дает всегда всплеск правонарушений. Отметим, что и второй мятеж на Черноморском флоте в ноябре 1905 года был поднят на крейсере «Очаков», корабле, находящимся в стадии достройки. Это, разумеется, не случайно.

В июне 1905 года перед командиром «Потемкина» капитаном 1-го ранга Голиковым и его старшим офицером капитаном 2-го ранга Гиляровским стояла серьезная задача — как можно быстрее ввести свой корабль в боевой состав флота. После Цусимы Россия осталась безоружна на море, и необходимо было в кротчайшие сроки пополнить флот полноценной боевой единицей. Это они, увы, сделать так и не успели. О том, что команда «Потемкина» была профессионально подготовлена очень плохо, говорит то, что, оказавшись без офицеров, матросы так и не смогли (и слава богу!) освоить стрельбу из орудий главного калибра и за несколько дней полностью засолили все котлы корабля.

Потемкинец Н. Рыжий в своих воспоминаниях делит матросов «Потемкина» на сознательных, тех, кто постоянно нарушали дисциплину и бунтовали (именно к таким относился Матюшенко и его ближайшее окружение, включая самого Н. Рыжего), и «жлобов», которые старались служить «верой и правдой» начальству и все действия офицерства считали законными. То были в большинстве представители селян-куркулей. Они только и мечтали отслужить как-нибудь и вернуться в свою сельскую среду живыми и здоровыми». Подавляющее дисциплинированное большинство команды было, разумеется, по градации Н. Рыжего, «жлобами». Вообще, честно говоря, надо быть на самом деле изрядно не в себе, чтобы не мечтать «отслужить и вернуться живыми и здоровыми». Мечтать о судьбе уголовника может только истинный люмпен… Заметим, что на матросском жаргоне того времени те «сознательные» матросы тоже имели свое наименование — их звали шпаной.

В целом же и офицеры, и сверхсрочники, и матросы «Потемкина» были вполне на уровне тогдашних требований, не лучше и не хуже, чем на других кораблях Черноморского флота.

*** * ***

У историков революционного движения мятеж на «Потемкине» традиционно определяется как знаковое событие в революции 1905 года. Кто-то называет его даже «детонатором последующей революционной бури на юге России». Думается, что такой взгляд слишком поверхностен и

наивен, так как на самом деле поразивший Россию политический кризис был на много порядков сложнее. В нем воедино переплелись происки западной и японской агентуры и экстремистские акции профессиональных разрушителей России — революционеров и националистов всех мастей, военные мятежи и крестьянские беспорядки, рабочие стачки и забастовки, недовольство как либеральной интеллигенции, так и старого дворянства. Причем все это происходило на фоне сокрушительного и обидного поражения в войне с Японией.

Если даже рассматривать мятеж на «Потемкине» как один из фрагментов общероссийской смуты, необходимо признать, что государственные власти еще загодя готовились к возможным протестам и предпринимали определенные меры для их предотвращения, по крайней мере в армии и на флоте. Хотя, как мы теперь понимаем, меры принимались все же весьма половинчатые.

Так, для предотвращения нежелательных контактов матросов с наводнившими Севастополь агитаторами всех мастей командующий Черноморским флотом 1 ноября 1904 года отдал приказ, запрещающий увольнение в город, что сразу же вызвало негодование матросов. В принципе все было сделано правильно, т.к. Россия находилась в состоянии войны, и матросам надо было готовится сражаться с врагом, а не шляться по кабакам. Впрочем, возмущение матросов объяснялось еще и тем, что перед ними стояла перспектива отправки на 3-ю Тихоокеанскую эскадру, которая в это время уже готовилась к отплытию на Дальний Восток, и это не прибавляло им любви к власти.

Уже 3 ноября несколько тысяч матросов в Лазаревских казармах потребовали у дежурного офицера увольнения в город. Не получив от него разрешения, они вскрыли оружейные пирамиды и, захватив оружие, принялись беспорядочно палить в воздух, потом сорвали с петель ворота военного городка и утопили их в Южной бухте. Одновременно самые предприимчивые сразу же бросились грабить находившиеся рядом с казармами офицерские квартиры, стремясь поживиться за чужой счет и, прежде всего, разжиться спиртным. Некоторое время спустя среди матросов замелькали неизвестные штатские лица, которые, собирая их в группы, начали призывать к вооруженному мятежу. Но ничего у агитаторов не вышло. Матросы к этому времени уже выпустили пар и несколько успокоились, после чего вернулись в казармы.

Ноябрьские события 1904 года в Севастополе так и остались лишь массовой хулиганской выходкой, не более того. Однако это было уже предостережение, которое надо было учитывать в дальнейшем. Зачинщиков

беспорядков подвергли аресту и различным наказаниям в соответствии с требованиями дисциплинарного устава и военного законодательства, но, впрочем, отнеслись достаточно лояльно. Несколько сотен матросов все же отправили на Балтику на доукомплектование 3-й эскадры. При их отправлении 5 декабря произошли новые волнения, на этот раз в основном среди портовых рабочих. Какое дело было портовым рабочим до перевода нескольких сотен матросов с одного флота на другой, никто вслух не говорит. Однако ответ здесь прост — дело было вовсе не в матросах, нужен был повод для выступления, и повод был найден. Сегодня уже ни для кого не является тайной, что японская разведка щедро финансировала революционеров всех мастей с единственной целью — организовывать саботаж на военных предприятиях и железных дорогах. Так что попытки севастопольских портовых рабочих, вышедших на улицы со своими приезжими агитаторами, явились не чем иным, как отработкой полученных японских денег. В окнах вагонов воинского эшелона истеричные девицы выставляли заранее приготовленные красные флаги. Одновременно матросам раздавалась водка. Матросы водку пили, а выпив, горланили песни. В печати сообщалось, что пели именно революционные.

Власти в данном случае снова оказались на высоте. Истеричных девиц с перрона выгнали, темные субъекты разбежались сами. Наиболее перепившихся и хулиганивших сняли с эшелона и отдали под суд. Пятеро из них были приговорены к каторжным работам, 7 человек направлялись в арестантские роты, а 16 — в дисциплинарный батальон. В ответ на это в Одессе, Николаеве, Екатеринославле, Баку революционеры организовали акции протеста, впрочем, не слишком многочисленные и впечатляющие.

Разумеется, что командир «Потемкина» капитан 1-го ранга Голиков несомненно знал о том, что на вверенном ему корабле тоже не все ладно. Это следует из материалов судебного расследования по факту мятежа на броненосце. В них имеется сообщение прокурора Симферопольского суда о том, что «…по ходу следствия по делу потемкинского восстания выяснилось, что еще до выхода корабля в море его командир капитан 1-го ранга Голиков получил анонимное письмо с предупреждением об ожидаемом бунте эскадры в море, и далее приводились имена бунтовщиков на “Потемкине”, но Голиков не докладывал об этом командованию флота». В этой излишней самонадеянности и нежелании «выносить сор из избы» и была его роковая ошибка.

За две недели до роковых событий на броненосце мичман Б.В. Бахтин неожиданно получил по почте от неизвестного лица пачку прокламаций. Для чего это было сделано, до конца не ясно, ведь, что это насторожит

мичмана, и он обязательно доложит о странной посылке по команде, отправляющий прокламации не мог не понимать. Можно предположить, что это было своеобразным предупреждением преданного властям неизвестного матроса, оказавшегося каким-то образом в рядах бунтарей и решившего столь своеобразно предупредить командование о надвигающейся угрозе. По крайней мере, другого логичного объяснения данному факту я не вижу.

Глава третья.
МЯТЕЖ: КАК ЭТО БЫЛО В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Накануне событий на «Потемкине» командующий Черноморским флотом вице-адмирал Г.П. Чухнин отбыл в Петербург на обсуждение новой судостроительной программы, оставив за себя старшего флагмана вице-адмирала Кригера. В числе последних распоряжений перед отъездом Чухнин отдал приказ командиру броненосца «Потемкин» выйти в отдельное плавание в Тендровскии залив для выполнения артиллерийских стрельб главным калибром

В воскресенье 12 июня 1905 года новейший эскадренный броненосец Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический» вышел на учебные стрельбы из Севастополя в Тендровскии залив в сопровождении миноносца № 267. За день до этого на корабле произошло сразу два тревожных события. Во-первых, сразу 50 матросов под разными предлогами обратились к командованию с просьбой списать их с броненосца. Вероятно, они знали о подготовке восстания и не желали в нем участвовать. Во-вторых, кто-то из них предупредил командира анонимным письмом о планируемом мятеже и называл имена руководителей. Однако командир броненосца капитан 1-го ранга Голиков почему-то оставил оба этих происшествия без должного внимания.

13 июня 1905 года эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический» в сопровождении миноносца № 267 прибыл к Тендровской косе для проведения опытных стрельб в присутствии прибывшей из Петербурга комиссии. Корабль был недавно спущен на воду, и необходимо было проверить прочность конструкции корабля в месте установки орудий. Кроме этого, стрельбы должны были быть выполнены и в интересах артиллерийского отдела Морского технического комитета (МТК). Команда «Потемкина» на тот момент была сборная, в основном состоявшая из новобранцев и молодых матросов с других кораблей. Старослужащих, прослуживших на флоте более пяти лет, было всего около ста человек.

Историк Р.М. Мельников так описывал в своей книге «Броненосец “Потемкин”» события, предшествующие мятежу: «12 июня 1905 года “Потемкин” снялся с бочки на большом Севастопольском рейде и, обогнув Константиновскую батарею, проложил курс на север. На левом траверзе

корабля держался назначенный в распоряжение командира броненосца маленький 77-тонный миноносец № 267, давно уже, как и его собратья постройки 80-х годов, использовавшийся для посыльной службы. Командовал им “по совместительству” единственный на борту офицер лейтенант барон Клодт фон Юргенсбург, артиллерийский офицер “Потемкина”… В 7 часов утра, в понедельник 13 июня, обогнув справа длинную песчаную косу, корабли отдали якоря в пустынной Тендровской бухте. Уже оборудованная после зимы навигационными знаками бухта должна была вскоре заполниться кораблями Практической эскадры, которая подобно полкам, уходившим из казарм на лето в полевые лагеря, перебиралась с началом кампании для учений на удаленный от юродских соблазнов и закрытый с моря удобный Тендровский рейд. Высланный вперед “Потемкин” должен был до прихода эскадры успеть выполнить задуманные МТК опытные стрельбы с целью определить эффективность действия снарядов при падении в воду вблизи борта корабля. Для участия в стрельбах на корабль прибыли специально командированные из Петербурга начальник артиллерийской чертежной МТК полковник И.А. Шульц (на самом деле И.А. Шульц являлся полковником корпуса морской артиллерии. — *В.Ш.)* и член комиссии морских артиллерийских опытов лейтенант Григорьев. На тот момент полковник Шульц являлся одним из лучших специалистов в области морской артиллерии.

Днем миноносец № 267, приняв мичмана Макарова, артельщика и буфетчика броненосца, ушел за провизией в Одессу, а командир Е.Н. Голиков, полковник И.А. Шульц и несколько офицеров отправились на берег для осмотра бетонных укреплений и рыбною завода. С управляющим заводом командир договорился о сетях для коллективной рыбной ловли — испытанного и безотказного средства отдыха и развлечения матросов, позволявшего на время забыть о тяготах службы, а заодно и отвлечь от опасных мыслей.

Между тем покинувший в 21 час Одессу экипаж миноносца № 267 был весь во власти тревожной обстановки в городе, охваченном широкой политической стачкой, вот-вот грозившей перерасти в вооруженное восстание. Доставленные на тихий Тендровский рейд известия о массовых избиениях и расстрелах забастовщиков в Одессе, о первых разгоревшихся схватках рабочих с полицией быстро распространились среди матросов. Общее возбуждение охватило корабль. Достаточно было самого незначительного повода и решительного призыва к действию, чтобы пламя восстания охватило корабль».

Итак, днем 13 июня ревизор мичман Макаров с баталером Геращенко,

с двумя артельщиками и двумя коками отправились на миноносце № 267 в Одессу для закупки провизии. Поскольку в Одессе в этот день уже началась забастовка, пришлось закупить 28 пудов мяса в частном магазине Коновалова, Мясо, хотя и не местного, а привозного убоя, было пригодно к употреблению, другого в охваченной беспорядками Одессе в тот момент просто не было. Затем мясо еще более пяти часов пролежало в мешках на горячей палубе миноносца, который задержался в пути на два часа из-за столкновения с вышедшей в море без огней рыбачьей шаландой. Помимо мяса было закуплено и большое количество овощей и зелени, как для кают-компании, так и для команды. Переданное на броненосец после трех часов ночи мясо, по свидетельству вахтенного прапорщика Ястребцева, было с небольшим «запашком». Заметим, что в это время Голиков уже договорился не только об организации рыбалки для матросов, но и о доставке на корабль свежей рыбы, чтобы разнообразить матросский стол. Об этом факте историки постараются забыть: еще бы, сатрап Голиков, «кормивший своих матросов червивым мясом» — и вдруг такая забота о тех же матросах! Это никак не укладывалось в миф о «Потемкине». Кроме этого, отметим, что 13 июня был объявлен на корабле выходным днем и команда броненосца отдыхала. Матросы лишь посменно несли стояночную вахту у действующих механизмов, все же остальные загорали на палубе, спали, читали и ловили с борта рыбу. Никаких занятий, никаких издевательств и притеснений. Этот факт отмечен в вахтенном журнале броненосца Что ж, не так уж и плохо служилось на эскадренном броненосце «Князь Потемкин-Таврический».

В ночь на 14 июня часть привезенного мяса пошла на варку обеденного борща для команды, а остальное подвесили в мешках на спардеке с левой стороны.

*** * ***

В 10 утра началось предусмотренное распорядком дня купание команды в море. После купания боцмана и унтер-офицеры просвистали сигнал «К вину и на обед» и команда выстроилась на баке на традиционную чарку, за которой должен был последовать и обед.

Как и положено по корабельному уставу, вахтенный офицер прапорщик Н.Я. Ливийцев снял пробу борща. По сведениям квартирмейстера Матюшенко, пробы Ливийцев не снимал. А когда старший офицер Гиляровский спросил его о качестве борща, то Ливийцев

якобы ему ответил; «Борщ чудный, я бы ел его с удовольствием, но, к сожалению, глотка болит».

Каким образом эту фразу слышал Матюшенко, так и осталось загадкой, так как его просто никогда бы не пустили на ходовой мостик, да еще позволили стоять и подслушивать разговор старшего офицера корабля с вахтенным начальником.

Скорее всего, мы имеем дело с обычной выдумкой, сочиненной для оправдания своих последующих действий.

В это время вахтенному квартирмейстеру Луцаеву кто-то из команды заметил, будто борщ сварен из плохого мяса. Как «кто-то из команды» мог заметить приготовление борща из некачественного мяса, непонятно. Кто хоть немного представляет себе организацию корабельной службы, знает, что доступ на камбуз на военном корабле весьма ограничен. Скорее всего, вахтенного квартирмейстера известили бы о «плохом борще» в любом случае, так как решение на мятеж было уже принято.

Дисциплинированный Луцаев немедленно доложил информацию о борще на вахту, после чего висевшее на спардеке мясо было освидетельствовано в присутствии мичмана Макарова старшим судовым врачом Смирновым. Он нашел его достаточно свежим, нуждающимся лишь в промывке рассолом для удаления замеченных на нем местами личинок домашней мухи: в жаркое время они легко появляются на всяком мясе. Никаких червей, как потом врали многочисленные историки, на мясе обнаружено НЕ БЫЛО!

О результатах освидетельствования доложили старшему офицеру, и тот распорядился выдавать команде обед. Но лишь только в камбузе началась раздача борща по бачкам, откуда ни возьмись появился минный машинный квартирмейстер Афанасий Матюшенко с несколькими подручными матросами и под угрозой избиения запретил бачковым разбирать бачки с борщом. Он-де сварен из червивого мяса! Бачковые, большинство которых составляли молодые матросы, разумеется, выполнили указание Матюшенко, так как знали, что связываться с ним далеко не безопасно.

Затем Матюшенко со своими сообщниками стали силой гнать всех из батарейной палубы, часть команды (а это были в основном новобранцы), разбирая куски хлеба, потянулась на бак. Тех, кто пытался пообедать украдкой, били и гнали наверх. После этого Матюшенко со своей братвой явился к вахтенному квартирмейстеру Луцаеву и заявил, что команда жалуется на недоброкачественность борща и есть его не желает.

Историк Ю. Кардашев в своем труде «Буревестники» так описывает

этот момент: «…Матросы удерживали друг друга за рукава. “Куда идете, — говорили они товарищам, — есть борщ с червями?” Вот так вот просто нежно удерживали «друг друга за рукава». Увы, на самом деле боевики Матюшенко кулаками отгоняли команду от обеденных баков. Часть команды уже начала есть, поэтому у них опрокидывали баки с борщом и пинками выгоняли наверх. Тех, кто все же пытался обедать, грозили выкинуть за борт. Составлялись списки «борщеедов», и Матюшенко грозил им расправой. Одному из таких бедолаг, посмевшему, вопреки приказу Матюшенко, съесть свой борщ, кочегару М. Хандыге пригрозили убийством, после чего ему удалось вскоре сбежать с «Потемкина» по приходу в Одессу. Он-то и рассказал первые подробности о мятеже на броненосце. Заметим, что те, кто поел свой борщ, но уже после захвата власти на корабле, сторонниками Матюшенко были отнесены к категории надежных.

Пытался съесть борщ и ученик кочегара Резцов, но ему не дали этого сделать. По его словам, борщ был хороший, все хотели есть, но им не давали этого сделать.

Позднее станет известно, что сам Матюшенко от себя ничего не придумал. Он действовал в соответствии с переданной ему из Одессы инструкцией, в которой упоминалось именно о червях в мясе, как о самом лучшем поводе для возбуждения команды. В обвинительном акте по делу о мятеже специально отмечалось, что «решение ни в коем случае не есть борща передавалось среди команды еще задолго до обеда». Это подтвердили в своих воспоминаниях моляр Старцев и минный машинист Рыжий, признавшие, что матросы заранее уже решили по свистку дудки на обед не ходить, борща не есть и устроить на корабле бучу.

Любопытно, что, по словам потемкинца ученика кочегара А.С. Рыжова, «до завтра число и величина червей на нем все увеличивается», т.е. слухи о червивом мясе множились в геометрической прогрессии.

Тем временем Голиков, как гостеприимный хозяин, пригласил своего гостя полковника Шульца отобедать у него в салоне. Понять Голикова было можно: помимо гостеприимства его, несомненно, интересовали взгляды и мнения столь опытного артиллериста, каким был Шульц, на использование артиллерии в современном морском бою, опираясь на опыт Порт-Артура и Цусимы. Шульц владел всей последней информацией на этот счет, тогда как офицеры Черноморского флота все еще пребывали в неведении о деталях обороны Порт-Артура и особенно относительно цусимских событий. Так что двум офицерам было о чем поговорить за обедом.

Тем временем старший офицер Гиляровский прибыл на батарейную

палубу, где его встретили фельдфебели Кузьминов и Курилов, доложившие об инциденте с борщом. Поняв, что дело зашло уже весьма далеко и без вмешательства командира не обойтись, Гиляровский отправился к нему с докладом.

Из показаний И.А. Шульца: «Около 11 с половиной часов утра, как только командир вместе со мной начал обедать, явился старший офицер с докладом, что команда отказывается есть сваренный из привезенного мяса борщ, так как мясо червивое и тухлое. При этом старший офицер объяснил, что, по заявлению врача, мясо было не испорченное, а лишь только один кусок покрылся червями, как это бывает при сильной жаре, сделав же промывку в рассоле, мясо сделалось вполне годным. Командир приказал собрать команду на шканцах. Когда это было сделано и доложено старшим офицером, командир вышел наверх».

Одновременно Голикову доложили, что командир миноносца № 267 просит «добро» сняться с якоря для поисков рыбаков, чтобы купить у них свежей рыбы к матросскому столу, что командиру еще накануне велел сам Голиков. Однако командиру броненосца было сейчас уже не до рыбы, и он приказал Клодту фон Юргенсбургу быть в готовности к отходу, но пока оставаться около «Потемкина». Для чего удержал миноносец Голиков, так и осталось тайной. Возможно, он просто не хотел пока забивать себе голову другими делами, кроме как решением вопроса с командой, а может быть, смутно он уже что-то предчувствовал и именно поэтому предпочел иметь рядом с бортом своего броненосца быстроходный минный корабль.

Впрочем, есть свидетельства, что уже до появления в командирском салоне Гиляровского командир уже знал о затеваемой бузе. Так, по воспоминаниям участников мятежа, его видели незадолго до этого в батарейной палубе, где Голиков спрашивал матросов, почему они не хотят есть борщ. На что ему отвечали, чтобы он ел такой борщ сам, а они лучше будут кушать хлеб с водой. По воспоминаниям поручика Коваленко, уже тогда в настроении команды чувствовалось большое напряжение. По крайней мере, он лично слышал резкие выкрики из толпы в адрес Голикова и вообще офицеров. Крики были самые демагогические о том, что заставляют работать с шести утра до пяти вечера, а кормят «гнильем». Странно, что это не насторожило Голикова. Впрочем, возможно, сыграло свою роль и присутствие на борту полковника Шульца. Голиков, как гостеприимный хозяин, счел нужным все же разделить с ним трапезу, и лишь доклад Гиляровского о том, что ситуация продолжает накаляться, вынудил его прервать совместный обед с уважаемым столичным гостем. Если все обстояло именно так, то это значит, что командир «Потемкина» в

тот момент до конца еще не осознал всей критичности складывавшейся на борту его корабля ситуации.

Как и положено, по сигналу «большой сбор» заиграл горн, забил барабан, последовала команда «Повахтенно, во фронт!». Команда выстроилась на юте броненосца побортно. Первая вахта, как и положено, по правому борту, вторая — по левому. Несколько офицеров во главе с Гиляровским собрались у кормового флагштока. По свидетельству очевидцев, ожидая командира, Гиляровский прохаживался из стороны в сторону с понурым и растерянным видом.

Выйдя, Голиков поздоровался с командой, та ответила, но недружно и слабо. Затем Голиков вызвал из строя артельщиков и коков и спросил их, почему команда отказалась от борща. Те ответили, что мясо было с червями. После этого командир приказал вызвать врача.

В это время Смирнов с другими офицерами заканчивал обед в кают-компании. По воспоминаниям поручика Коваленко, сбор команды был вполне обычным явлением, поэтому к сигналу о большом сборе офицеры отнеслись спокойно. Наверх поднялись лишь строевые офицеры, механики и врачи же остались дообедывать.

Получив приказание прибыть на ют, старший врач Смирнов вместе с младшим врачом Голенко поднялись на верхнюю палубу. После этого Голиков приказал подать пробу борща и в присутствии команды приказал Смирнову снять пробу борща. По одним показаниям, Смирнов попробовал борщ, по другим — нет. Как бы то ни было, но он признал борщ хорошим и добавил, что матросы просто зажирели. После чего из строя раздались крики: «Если борщ хороший, то кушай же его!» Поднялся шум. Стремясь навести порядок в строю, Гиляровский приказал матросам замолчать.

Тем временем Голиков поднялся на буксирный кнехт.

Относительно речи Голикова воспоминания потемкинцев разнятся. Одни вспоминают, что командир разъяснял необоснованность претензии, другие (наиболее активные участники мятежа) — что он им угрожал расправой.

В более-менее обобщенном виде речь Голикова выглядела приблизительно такой: «Так как по заключению врача борщ признан хорошим, то нет больше никаких оснований считать его плохим. Это уже третий раз, когда вы под разными предлогами демонстрируете свое неподчинение, предъявляя необоснованные претензии к качеству продуктов. Это бунт не только против меня, но и против царя. Я прикажу врачам опечатать порцию борща и доставить ее на миноносце в Севастополь на анализ к прокурору. Прошу всех успокоиться и приступить

к обеду. Вас пытаются возбудить против власти несколько зачинщиков. Некоторые из них мне уже известны и их ждет суровая кара. Как командир корабля, находящегося в отдельном плавании, я имею право применить к ним самые суровые меры».

После этого Голиков объявил, что все, кто желает теперь кушать борщ, должны выйти к 12-дюймовой башне, а кто не хочет, на тех у него найдется управа.

Первыми выполнили команду кондукторы, боцманы и большинство унтер-офицеров, всего человек двадцать. Первым вышел, пользовавшийся большим авторитетом, кондуктор Вакуленчук. Голиков еще раз повторил свой приказ. Тогда из строя вышло уже более полутора сотен человек Позднее в потемкинской литературе, освещая этот скользкий момент, будут писать, что матросы, «боясь сами за себя, удерживали друг друга за рукава». В реальности представить такое невозможно, и правильно, потому что ничего подобного не было. На самом деле боевики Матюшенко удерживали остальных матросов в строю, применяя при этом физическую силу. Однако матросы все переходили и переходили. Тогда матюшенковцы начали применять для удержания матросов на своей стороне физическую силу. Увидев это, Голиков понял, что активистов надо изолировать от остальной команды и уже потом с ними разбираться, поэтому он приказал вызвать караул.

Прибыл караул. После этого почти вся команда бросилась к башне, т.е. туда, куда переходили те, кто был согласен обедать.

Отказников оказалось, по воспоминаниям очевидцев, всего каких-то человек тридцать — Матюшенко и его подручные. После этого Голиков приказал арестовать их и отправить в карцер для последующего разбирательства.

Историк Ю. Кардашев так описывает этот момент: «…Старший офицер И. Гиляровский, решивший, что если из строя выйдут все, то виновных не останется. “Караул, окружите их! Переписать их имена! — продолжал командовать он. — Остальным обедать!”»

Думается, что это и была первая ошибка, которую совершил капитан 2-го ранга Гиляровский, посчитавший, что буза уже закончилась и теперь осталось только наказать зачинщиков.

Прапорщик Ливийцев, боцман Зыбалов и фельдфебель Михайленко начали переписывать упорствующих. Часть не желавших обедать, поняв, что дела их плохи, попытались удрать через офицерский люк, но дорогу туда им преградил сам командир. После этого Голиков приказал команде следовать на обед.

*** * ***

Для Матюшенко наступил момент истины. Сдаться командованию значило получить, что называется, по полной программе, т.е. дело уже не могло закончиться для него только списанием с корабля, вопрос стоял как минимум об арестантских ротах. И Матюшенко принял решение рискнуть и поставить на кон все. Он решил попытаться спровоцировать открытый бунт. Для этого надо было действовать как можно быстрее и решительнее, т.к. каждая минута теперь работала против него.

Как только этот приказ следовать на обед прозвучал (это потом историки выдумают, будто Голиков приказал расстреливать матросов!), Матюшенко начал действовать и кричать: «Кто переписывает, тот будет висеть на рее сегодня с Голиковым!» и призывать к бузе.

В этот момент Гиляровский совершает вторую роковую ошибку и зачем-то приказывает принести на ют брезент с вельбота. Этим воспользовался Матюшенко, который сразу же начал кричать, что брезент несут для расстрела: «Братцы, нас сейчас будут расстреливать! Забирай винтовки и патроны! Бей их, хамов!»

Брезент еще только выносили на ют, когда Матюшенко, сорвавшись с места, со своими сотоварищами с криками «ура» бросился в батарейную палубу, где стояли пирамиды с винтовками. Несшие брезент матросы, испугавшись, бросили брезент и разбежались. Матюшенковцы ворвались в батарейную палубу, взломали пирамиды. Первыми вооружились Матюшенко, Заулошнов, Резниченко, Шестидесятый, Гузь и анархист Бредихин. Но винтовки были без патронов, матюшенковцы стали требовать патронов. За ними в батарейную палубу устремилась часть команды из строя. Не было патронов, дверь оружейного погреба на замке, но машинный ученик Порфирий Глаголев, бывший слесарь Тульского оружейного завода, сбегал в машинное отделение, «принес зубило, молоток и сломал замок». Теперь у матросов были патроны. По другим сведениям, это сделал кочегар Медведев ломом, он же вытащил оттуда и цинки с патронами. Вскрывая цинки, Медведев и помогавшие ему кочегары Богданов и Фурсаев порезали руки в кровь. Матюшенковцы, быстро вооружившись, начали стучать прикладами о палубу. Это был сигнал оставшимся на палубе подельникам, что они уже вооружились.

Когда сторонники Матюшенко кинулись за оружием, капитан 1-го ранга Голиков крикнул в сторону батарейной палубы: «Кто не хочет участвовать с бунтовщиками, переходи ко мне!» Одновременно он

распорядился дать сигнал общего сбора, а фельдфебелям вывести команду на ют.

В это время до продолжавших обед офицеров-механиков донесся громкий крик старшего офицера, вслед за этим послышался крик сотен голосов, всем стало очевидно, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Теперь находящимся в кают-компании было уж не до обеда.

Из воспоминаний находившихся в кают-компании офицеров: «Нестройный крик толпы, походивший на «ура», и топот ног, бегущих в батарейную палубу, откуда лишь треск разбиваемых пирамид». После этого прибежавший вахтенный квартирмейстер прокричал, что командир требует всех офицеров на ют.

Впоследствии штурман Гурин объяснял, что не мог идти на ют без фуражки, за которой якобы и побежал. Когда же взял фуражку, идти на ют уже не решился, а отправился на один из сигнальных постов. Младший артиллерийский офицер мичман Бахтин и старший механик Цветков также побежали в свои каюты, где взяли сабли. Когда они вернулись в кают-компанию, там уже было пусто. Тогда Бахтин решил переждать ситуацию в каземате 6-дюймового орудия, а Цветков спустился в машинное отделение.

Остальные четыре офицера (минный механик Заушевич, приехавший из Питера лейтенант Григорьев, инженер Николаевского завода Харкевич и поручик Коваленко) спрятались в каюте Коваленко и закрылись на ключ.

Оба врача, которых Голиков отправил с юта опечатывать борщ на камбуз, поняв, что все зашло слишком далеко, разбежались.

Что касается обедавшего в одиночестве за обеденным столом в командирском салоне полковника Шульца, то он перешел в отведенный ему для проживания адмиральский салон в ожидании развязки.

Вооруженный браунингом, на ют прибыл только гидравлический механик поручик Назаров. Из воспоминаний Назарова: «Я с лестницы, ведущей на спардек… глянул вниз и увидел… сбившихся в кучу матросов возле опущенных стволов в сильнейшем возбуждении, громко кричащих. В дверях, ведущих из закрытой батареи на шканцы, стоял лейтенант Тон. Я слышал, как он громко и внятно спросил: “Чего же вы хотите?” На что ответили ему дружным криком “Свободы! Свободы!” Лейтенант Тон слегка усмехнулся и, как мне показалось, ответил словами: “Ну, этого не будет”. После этого шум и крики усилились…»

Следом за Назаровым на ют прибыли вахтенный начальник прапорщик Алексеев, вахтенный механик подпоручик Колюжнов, младший минный офицер прапорщик Ястребцов и ревизор мичман Макаров.

На юте уже находились Голиков, Гиляровский, вахтенный офицер

Ливийцев, старший минный офицер Тон и старший артиллерийский офицер Неупокоев. Рядом с ними стоял вооруженный караул из 12 матросов. Чуть поодаль стояли несколько сотен матросов, которые не желали бунтовать.

Только тогда Голиков приказал караулу зарядить ружья, а находящимся на шканцах офицерам — пересчитать всю оставшуюся в строю команду. Одновременно он распорядился кондукторам и фельдфебелям идти по всему кораблю и вызывать матросов на ют. В принципе решение это было правильным, потому что только так можно было бы собрать вокруг себя подавляющее большинство команды и дать отпор бунтовщикам. Но Голиков, увы, опоздал с этим решением.

Теперь ситуация для командира, офицеров и поддерживающих их матросов сложилась критическая. После захвата обоих входов на батарейную палубу и господствовавшего над ютом спардека они оказались начисто отрезаны от всего корабля. При этом офицеры находились на открытом пространстве, тогда как мятежники — в укрытии. Впрочем, оставался еще один люк, ведший с юта в низы. Часть матросов кинулась туда, чтобы спрятаться, всего около полутора сотен человек.

В это время из батарейной палубы выбежал Матюшенко с криком «Что вы, братцы, неужели в своих стрелять будете?» Разбив о палубу винтовку и бросив ее в сторону командира, он, крикнув: «Смотри, Голиков, будешь завтра висеть на ноке», — снова скрылся в батарейную палубу. Голиков приказал старшему офицеру вместе с караулом спуститься и поймать Матюшенко.

Матюшенко тоже не дремал, и у входа во внутренние помещения броненосца уже стояли его люди с винтовками на изготовку. Пытавшихся спуститься вниз капитана 2-го ранга Гиляровского и лейтенанта Неупокоева боевики вытолкнули прикладами.

Тогда попытку спуститься в батарейную палубу предпринял сам командир. Но дорогу ему преградил Матюшенко. Далее между ними произошел приблизительно следующий диалог.

Голиков: Что тебе нужно? Поставь ружье!

Матюшенко: Я брошу тогда ружье, когда буду не живым существом, а трупом

Голиков: Уходи с корабля!

Матюшенко: Это корабль народа, а не твой!

После этого Матюшенко метнул в командира винтовку, как копьем, чтобы попасть штыком, но промахнулся. Рядом с Матюшенко стояли его подельники: Шестидесятый, Гузь, Бредихин, Сыров и другие.

Из воспоминаний матроса Г. Хвостова: «Они (боевики. — *В.Ш.)* ругали командира матерными словами и кричали: “Голиков, завтра ты будешь повешен!”»

Часть караула еще оставалась верной командиру, и, когда матюшенковцы попытались в первый раз вырваться из батарейной палубы на ют, караул с примкнутыми штыками их загнал обратно вниз. Голиков приказал караульным стрелять в любого из бунтовщиков, кто попробует напасть на офицеров.

В это время матросы Н.П. Рыжий и Е.Р. Бредихин перерезали провода в радиорубке, чтобы не дать им возможности сообщить о бунте в Севастополь.

А из батарейной палубы снова выскочил Матюшенко и стал кричать караульным, агитируя их на свою сторону: «Что вы, братцы, в своих стрелять будете! Не стреляйте в нас, а бейте драконов!» При этом он призывал караул присоединиться к нему и его сторонникам

Караульные матросы занервничали. Ситуация еще больше обострилась, так как, по существу, именно караул оставался последней надежной опорой Голикова. Командир приказывает одному из фельдфебелей вызвать миноносец к борту. Услышав этот приказ, матюшенковцы закричали, что выбросят за борт того, кто передаст сигнал. Тогда Голиков решил направить Гиляровского во главе караула к дверям батарейной палубы.

Что касается самого Гиляровского, то он в это время уже отвел за башню Вакуленчка для разговора о прекращении беспорядков.

Одновременно командир корабля призвал остававшихся на юте матросов не поддаваться на уговоры бунтарей, а остаться верными присяге. На призыв командира корабля откликнулась большая часть матросов, которые двинулись в сторону командира.

«Это был решительный и страшный момент, — признается в своих мемуарах Матюшенко. —Дело шло о жизни и смерти либо командующих офицеров, либо команды (?) Если бы офицеры остались в живых, они могли бы повернуть все дело в свою пользу, восстание за народную свободу было бы проиграно, и команда попала бы под расстрел». Под словом «команда» вдохновитель мятежа в данном случае подразумевает себя и своих сторонников.

*** * ***

…Ив это время неожиданно для всех раздается выстрел. Как выяснилось позднее, это кочегар Никишкин, заполучив винтовку, решил пальнуть ради озорства из нее по чайкам на баке. Вслед за этим выстрелом раздался выстрел со стороны мятежников. Стоявший рядом с прапорщиком Алексеевым лейтенант Неупокоев упал на палубу. Стоявшие рядом бросились врассыпную. Кто в точности стрелял в Неупокоева, так и осталось неизвестным. Матюшенко позднее всеми силами будет доказывать, что в Неупокоева стрелял Вакуленчук: «Товарищ Вакуленнчук побежал за Неупокоевым и почти на бегу выстрелил в него; тот упал с простреленной головой за адмиральский полубронированный люк».

Если по версии Матюшенко Вакуленчука смертельно ранил Гиляровский, то, по другим показаниям, в него стрелял сам Матюшенко. Но зачем тогда Матюшенко врать? Какая ему разница, сколько он убил офицеров, одним больше, одним меньше, зачем озвучивать версию, что первым начал бойню не он, а Вакуленчук?

Логика в версии Матюшенко есть, и версия эта железная. Как увидим дальше, у него для этого были свои серьезные причины. Да и не мог Вакуленчук стрелять в Неупокоева, т.к. в этот момент, по свидетельству всех других очевидцев, он общался со старшим офицером за кормовой башей главного калибра

Затем прозвучало еще несколько выстрелов в толпу. Еще несколько человек были убиты и ранены. Позднее эти выстрелы пытались свалить на офицеров корабля. Однако фамилии стрелявших офицеров почему-то никогда никем не называются. Но зачем же было Голикову и офицерам стрелять в матросов, которые откликнулись на призыв командира? По всей видимости, несколько провокационных выстрелов в толпу произвели сторонники Матюшенко, захватившие к этому времени винтовки у матросов караула. Выстрелы и падающие товарищи произвели на команду жуткое впечатление, и вся матросская масса сразу же бросилась врассыпную в нижние помещения.

Вскоре наверху остались в основном подручные Матюшенко и офицеры, после чего и началась расправа над последними. В это время со спардека также раздались ружейные выстрелы. Это подручные Матюшенко прицельными выстрелами убили лейтенанта Неупокоева и часового у кормового флага Мятеж начался! Находившиеся на шканцах матросы в панике бросились к люку адмиральского помещения, куда спустился командир Голиков.

Любопытные показания оставил кочегарный квартирмейстер Евтихий Рубан, показав, что в начале мятежа спросил кочегара Валобуева, зачем ему

оружие, на что тот ответил, что оружие раздается по приказу судовой комиссии «надежной команде с тем, что если кто будет сопротивляться комиссии, то чтобы убить его».

О какой судовой комиссии рассказывает Е. Рубан, совершенно непонятно, ведь известная судовая комиссия «Потемкина» была создана лишь после захвата власти на корабле, а здесь речь идет о комиссии, которая готовила мятеж и им руководила Заметим, что больше об этой таинственной комиссии никто никогда больше не проговаривался. Наличие данной руководящей структуры у мятежников разом отметает все утверждения о стихийности событий на «Потемкине». И такое свидетельство не единично.

Из показания помощника кока Самочкина следует, что в начале мятежа на камбуз зашел помощник кока Рыженков с винтовкой, который сказал, что «винтовку ему дали и приказали стрелять, но он не стрелял, а только ходил с винтовкой».

По юту метались сотни людей, пытаясь найти спасение от выстрелов, которые раздавались все чаще и чаще. При этом матюшенковцы кричали «Убит! Убит!», чем еще больше увеличивали панику. По воспоминаниям поручика Назарова матросы бросались в командирский люк, так что образовали пробку, через которую невозможно было пробиться. Другая часть матросов метнулась к флагштоку. Оказавшийся в этой толпе мичман Макаров был ее напором сброшен за борт.

Вместе с остальными поддавшись всеобщей панике, разбежался и караул. Мятежники между тем вырвались на верхнюю палубу, причем весьма организованно — сразу из двух дверей батарейной палубы, с криком: «Бей тех, у кого нет винтовки!» Это значило, что они были готовы убивать не только офицеров, но и не поддержавших их матросов. Первыми выбежали на шканцы с оружием комендор Иван Задорожный, минный машинист Тихон Мартьянов, матросы Александр Заулошнов, Сергей Гузь и Федор Гуцаев.

Есть сведения, что по людям в воде в азарте стреляли даже из 47-мм пушки. Правда, совершенно непонятно, откуда у орудия оказались патроны.

Что касается капитана 2-го ранга Гиляровского, то он так и остался стоять за кормовой башней. Недалеко от него держались и три последних матроса караула. Матюшенко, крича: «Довольно они нас вешали, будем их вешать!», бросился за кормовую артиллерийскую башню. Последние караульные, увидев Матюшенко с винтовкой, разбежались.

Кто и когда «вешал» Матюшенко, об этом история умалчивает, но то,

что сам Матюшенко будет вешать, в этом можно было не сомневаться!

Далее описания событий, происшедших за кормовой артиллерийской башней, разнятся. По одной из версий, в это время капитан 2-го ранга Гиляровский, спасаясь от пуль, с тремя оставшимися рядом с ним матросами караула попытался уйти под прикрытие башни. Но из батарейной палубы якобы выскочил матрос Вакуленчук с винтовкой в руках. Заметив целившегося в него Вакуленчука, Гиляровский будто бы выхватил из рук караульного винтовку и выстрелил в матроса. Раненый Вакуленчук отбежал к борту и, потеряв равновесие, упал в воду. В это время со спардека раздался новый залп, которым был убит Гиляровский. По другой версии, в Гиляровского стрелял Матюшенко. Есть свидетельства, что, уже будучи раненным и лежа на палубе, Гиляровский кричал Матюшенко: «Я с тобой, мерзавец, еще посчитаюсь!» Подбежавшие к нему подручные Матюшенко добили старшего офицера несколькими выстрелами в упор и выбросили за борт.

Как бы то ни было, но почему-то одновременно за кормовой артбашней оказались сразу трое — старший офицер корабля капитан 2-го ранга Гиляровский, Вакуленчук и Матюшенко. Тому, что там произошло дальше, у нас будет посвящена отдельная глава. Пока же скажем, что в результате происшедшего за артбашней был убит Гиляровский, смертельно ранен Вакуленчук, Матюшенко же нисколько не пострадал.

В это время мятежники заполнили ют, сгоняя в кучу остальных матросов. Запасшись пачками патронов, они разделились на группы и начали поиски разбежавшихся офицеров. Часть отправилась в офицерский коридор, проверить офицерские каюты. Прятавшиеся там офицеры, поняв, что пришел их черед, попытались спастись вплавь.

Историк потемкинских событий, причем явно симпатизирующий матюшенковцам, Б.И. Гаврилов своей книге «В борьбе за свободу» пишет: «Из группы обреченных раздались голоса: “Ваше высокоблагородие, не стреляйте, мы не бунтовщики!” Все напряженно ждали, что будет дальше. Зловещую тишину разорвал призыв А.Н. Матюшенко: “Братцы, что они делают с нашими товарищами? Забирай винтовки и патроны! Бей их, хамов!”

Революционные моряки с криками “ура!” бросились на батарейную палубу и расхватали винтовки. Но патронов не было. Несколько обойм, спрятанных заранее за иконой Николая Угодника, разобрали моментально. Тогда машинный ученик П.И. Глаголев взломал замок оружейного погреба, а подручный хозяина трюмных отсеков Я. Медведев вынес оттуда патроны. В ответ на растерянный вопрос лейтенанта В.К. Тона: “Чего же вы хотите?”

— десятки гневных голосов грянули: “Свободы!”

На ходу заряжая винтовки, вооруженные матросы разъяренным потоком разлились по верхней палубе. В числе первых были машинисты А.С. Зиновьев и Ф.Я. Кашугин, минные машинисты Т.Г. Мартьянов, Н. Хохряков и И.П. Шестидесятый, кочегары В.А. Зиновьев и В.Б. Пригорницкий, плотник И.П. Кобцы, ложник К.Н. Савотченко, матросы С.Я. Гузь, А.Н. Заулошнов, А.П. Сыров, Н.С. Фурсаев, комендоры И.П. Задорожныи и Ф.И. Пятаков.

Пытаясь остановить их, старший офицер И.И. Гиляровский кинулся к левому проходу с батарейной палубы. А.Н. Матюшенко ударил его прикладом по ноге. Испуганный Гиляровский метнулся к Б.Н. Голикову: “Что же это делается, Евгений Николаевич?! Что же это делается?!”

А.Н. Матюшенко метнул в командира штык, но не попал. Б.Н. Голиков приказал строевому квартирмейстеру А.Я. Денчику взять часть караула и собрать всех матросов, на которых можно положиться. Денчик отобрал восемь караульных, но не успели они двинуться с места, как раздались выстрелы.

Первый выстрел — в воздух — сделал трюмный В.З. Никишкин, а третьим был убит лейтенант Л.К. Неупокоев.

Матросы кричали караулу: “Братцы, не стреляйте, ведь все мы братья!” Караул разбежался, но старший офицер И.И. Гиляровский успел взять у одного из караульных винтовку и укрыться за башней».

*** * ***

Между тем офицеры и матросы стали бросаться за борт, пытаясь вплавь добраться до стоявшего за кормой миноносца. По ним сразу же стали стрелять «матюшенковцы», убив лейтенанта Григорьева, прапорщика Ливенцева и несколько матросов. Потом мятежники обвинят в их гибели офицеров.

Командир корабля Голиков, прапорщики Ливенцев и Алексеев заперлись в адмиральском салоне. Понимая, что долго там им не продержаться, они решили прыгнуть в море и попытаться доплыть до миноносца. Первым прыгнул в воду прапорщик Ливенцев и сразу же был убит несколькими выстрелами с палубы. Прапорщик Алексеев впоследствии вспоминал, что из окна адмиральского салона он видел, что в море плавают несколько десятков человек, по которым непрерывно стреляют с корабля. Наверху мятежники винтовками отгоняли от борта

молодых матросов, которые также хотели броситься в воду. Они кричали: «Не прыгать! Все равно в воде всех перебьем!»

В своей каюте укрылся и вахтенный механик подпоручик Калюжнов, который решил до конца защищать жизнь своим единственным оружием — кортиком.

Тем временем заговорщики, вооруженные винтовками, стали собираться на шканцах, ободряя команду и уговаривая се продолжать бунт. После этого началась кровавая расправа над офицерами, о которой мы ниже поговорим отдельно. Когда часть офицеров была зверски убита, а остальные, раненые или избитые, заперты в одной из кают, Матюшенко стал полновластным хозяином корабля.

Всего во время мятежа было убито шесть офицеров и восемь матросов. Много было и раненых.

В пылу захвата корабля потемкинцы не обращали внимания на миноноску, стоявшую в десяти метрах по левому борту броненосца. Там же все происшедшее на «Потемкине», разумеется, наблюдал вахтенный миноносца № 267 (миноносец помимо номера имел еще и собственное название — «Измаил»). Вахтенный немедленно доложил командиру Клодту, что на броненосце происходит бунт. Выскочив наверх и убедившись в правильности доклада, лейтенант Клодт решил сняться с якоря и уйти от броненосца. Случайно с «Потемкина» заметили, что миноноска, до которой удалось доплыть некоторым офицерам, пытается сняться с якоря. По ней открыли стрельбу из винтовок. Несмотря на огонь, командир миноноски приказал выбрать якорный канат. Но канат захлестнулся на вьюшке. Командир попробовал оборвать его, дав задний ход, но безрезультатно. *Аля* того чтобы не дать миноноске уйти, потемкинцы сделали по ней три выстрела из 47-миллиметровой пушки. Один из снарядов пробил дымовую трубу. После этого с миноноски передали семафором: «Присоединяюсь к “Потемкину”».

По требованию потемкинцев командир миноноски лейтенант П.М. Клодт фон Юргенсбург развернул ее кормой к броненосцу, а затем на лодке отправился на «Потемкин».

Лейтенант Клодт, не желая подвергать миноносец обстрелу, отправился на броненосец. Здесь он увидел новоиспеченного командира Алексеева и толпу матросов, которые предложили ему исполнять обязанности старшего офицера. Клодт решительно отказался. Тогда с него сорвали погоны, избили и связали. В версии советских историков эти события были представлены по-иному: дескать, команда миноносца, увидев происходящее на броненосце, сама примкнула к бунтовщикам. На

самом деле миноносец был попросту захвачен под прицелом направленных на него орудий броненосца.

После этого с броненосца на миноноску перешли два машиниста, два кочегара, рулевой и еще около десяти вооруженных винтовками матросов. Караул арестовал офицеров и вернулся на броненосец. Но потемкинские машинисты, кочегары и рулевой в дальнейшем почти постоянно находились на борту миноноски, заменив соответствующих специалистов. Вероятно, потемкинцы не доверяли команде миноноски и поэтому держали на ней своих людей, которые не только стояли вахты и наблюдали за настроением команды, но также вели революционную агитацию.

Историк Б.И. Гаврилов пишет. «Восставшие заняли важнейшие посты на корабле в соответствии с заранее намеченным планом (значит, план все же был и мятеж не являлся стихийным!. — *В.Ш.)*. В то время как революционные моряки бросились за оружием, часть команды, более 200 человек, преимущественно новобранцы, в растерянности металась по палубе. Их пытался хоть как-то организовать член одной из революционных групп Я.А. Горбунов. Командир Е.Н. Голиков, еще на что-то надеясь, приказал офицерам Д.П. Алексееву, Н.Я. Лизинцеву, А.Н. Макарову и Н.С. Ястребцову переписать фамилии не желающих бунтовать новобранцев, которых пытался поднять Горбунов. На миноноску он распорядился передать приказ подойти к “Потемкину”. Но, едва фельдфебель В.И. Михайленко начал передавать это распоряжение, послышался крик: “Кто семафорит, тот будет, как гадина, выброшен за борт!” Б.Н. Голиков рассчитывал бежать на миноноске вместе с офицерами. Но было поздно. Офицеры стали бросаться за борт. За ними последовала часть несознательных матросов.

Пока наверху команда расправлялась с офицерами, кочегары и машинисты под руководством С.А. Денисенко и Е.К. Резниченко, выполняя план восстания, готовили корабль к походу. Машинные кондукторы не оказали восставшим никакого сопротивления. Специально выделенные матросы периодически информировали кочегаров и машинистов о ходе вооруженной борьбы на верхней палубе. Машинисты собирали разобранные накануне машины.

А тем временем старший инженер-механик броненосца подполковник корпуса инженер-механиков флота Н.Я. Цветков пробрался в кочегарку. Он приказал хозяину трюмных отсеков К. Давиденко затопить пороховые погреба, так как по всему кораблю прошел слух о готовящемся взрыве броненосца. С.А. Денисенко, появившийся в кочегарке вслед за Н.Я. Цветковым, сообщил кочегарам о ходе восстания, убедил их в ложности

слуха о взрыве и велел разводить пары. Надежные матросы встали на караульные посты у всех клапанов затопления».

Позднее мятежники пустят слух, будто бы это пытался взорвать броненосец его командир капитан 1-го ранга Голиков, чтобы разом покончить со всеми. Скорее всего, эта «утка» произрастает именно из попытки механика Цветкова затопить водой артпогреба.

*** * ***

После того как власть на корабле окончательно перешла в руки мятежников, Матюшенко велел собрать «авторитетов», чтобы выслушать их предложения о дальнейших действиях. Некоторые предлагали тут же взорвать броненосец, другие — уходить в иностранный порт, третьи — идти с повинной в Севастополь. Затем слово взял сам Матюшенко и объявил, что броненосец пойдет в Одессу, где его уже ждут восставшие рабочие. После этого на верхней палубе был собран митинг, где Матюшенко снова объявил о походе в Одессу, там же для руководства всеми делами была избрана корабельная комиссия, возглавил которую, разумеется, сам же Матюшенко.

Историк Гаврилов пишет: «Членов комиссии выбрали из наиболее авторитетных, технически грамотных и преданных общему делу товарищей. Кандидатуры для утверждения по списку, составленному социал-демократами, предлагал команде В.П. Кулик Точный состав комиссии неизвестен. Все писавшие мемуары называют совершенно разное число ее членов. А.П. Березовский определял число ее членов в 22—25 человек, К.И. Фельдман — в 32, С.Ф. Найда и некоторые другие — в 15, а П.П. Гришин считал, что состав комиссии доходил до 36 человек. Столь значительное расхождение вызывается тем, что на заседаниях комиссии обычно присутствовали не только ее постоянные члены, но и многие другие политически активные матросы, формально не входившие в состав комиссии».

Есть данные, что судовая комиссия насчитывала даже 65 человек. Любопытная особенность — если полистать послереволюционные мемуары потемкинцев, то окажется, что все они или входили в состав судовой комиссии, или хотя бы принимали участие в некоторых ее заседаниях. Разумеется, перед нами пример того, как желаемое выдается ветеранами за действительное во имя собственного престижа. На самом деле главные вопросы решала отнюдь не аморфная судовая комиссия, а

Матюшенко с его ближайшим окружением.

По наблюдениям поручика Коваленко, на «Потемкине» «…людей решительно настроенных, готовых стоять до конца, было человек полтораста, между ними душ пятьдесят были, кроме того, люди совершенно сознательные и более или менее развитые… Явно враждебных революционному направлению было душ семьдесят во главе с кондукторами и, пожалуй, прапорщиком Алексеевым. Остальная часть команды, хотя и была… в общем, проникнута революционным настроением, однако совершенно не была воспитана в этом направлении и потому являлась элементом весьма неустойчивым».

Анализируя личности лидеров мятежа, необходимо отметить, что это были в основном унтер-офицеры срочной службы, говоря современным языком старшины. Унтер-офицерами были и Матюшенко, и Денисенко. Практически из одних унтер-офицеров состояла и созданная Матюшенко судовая комиссия. Так что на самом деле, говоря о потемкинском мятеже, более корректно называть его не матросским, а унтер-офицерским. Именно группа старослужащих унтер-офицеров и захватила власть на корабле. Что касается рядовых матросов, то для них ситуация изменилась лишь в худшую сторону. Никаких прав на корабле они не приобрели, что такое революция и для чего она вообще нужна, понимали смутно. Уже вечером после мятежа начали раздаваться первые голоса за то, чтобы освободить оставшихся в живых офицеров и идти в Севастополь с повинной. Однако об этом говорилось лишь шепотом, подальше от членов судовой комиссии и других активистов.

Ни о какой демократии в выборах нового руководства речи тоже не шло. Все решали сам Матюшенко и его ближайшее окружение. Именно поэтому Матюшенко сам себя и определил в руководители судовой комиссии, в состав которой тоже вошли его дружки. Команда, потрясенная всем случившимся, что называется, безмолвствовала… Ни о какой демократии не могло быть и речи, с точки зрения Матюшенко, и в остальных делах. На корабле с первого дня была установлена самая настоящая диктатура небольшой группы лиц, которые взяли себе право не только решать возникающие проблемы, но и карать непослушных. Из воспоминаний машинного унтер-офицера Денисенко: «В машинном отделении были собраны все машинисты. Им были объяснены все достижения матросов и предложено как можно тщательней выполнять свои обязанности; машинисты были также предупреждены о том, что в случае халатного отношения к своим работам их ожидают строгие наказания (!) …» Этот факт говорит о том, что машинистам недвусмысленно угрожали

расправой в случае их неприсоединения к Матюшенко, это означает, что власть на броненосце перешла вовсе не ко всей команде (мнением которой никто особо и не интересовался), а к группе заговорщиков во главе с Матюшенко, которые немедленно и стали претворять в жизнь свой собственный «Одесский план».

Так как командовать броненосцем Матюшенко не мог, он назначил командиром «Потемкина» прапорщика Алексеева, кондуктора Мурзака — старшим офицером, кондуктора Шопоренко — артиллерийским офицером, а квартирмейстеров Волгина и Коровенского — вахтенными начальниками. Общее «политическое» руководство взялся осуществлять, разумеется, сам Матюшенко.

Спустя пять часов после начала восстания «Потемкин», бросив на произвол судьбы так и не законченные установкой щиты, снялся с якоря и взял курс на Одессу. На этом переходе мятежники выбрали из своей среды комиссию, которая должна была управлять всеми судовыми делами и корабельной кассой.

Глава четвертая.
ЗА ЧТО УБИВАЛИ ОФИЦЕРОВ

Итак, мятеж на «Потемкине» начался с массового убийства офицеров корабля. Подобное в российском флоте произошло впервые за всю его историю, а потому на этом необходимо остановиться отдельно.

Разумеется, идеализировать морской офицерский корпус России было бы совершенно неправильно. В отношении офицеров к матросам в определенной мере сказывалась и кастовость Морского корпуса, куда брали, прежде всего, сыновей офицеров и дворян. Как и в любом другом флоте (в том числе и советском), в российском императорском флоте тоже встречались различные люди. Попадались гордые и холодные аристократы, не видящие матросов в упор, были настоящие мужланы, которые если и не били матроса кулаком в лицо, то унижали его бранью и презрительными кличками, были вообще никчемные и бездарные личности. Но ни те, ни другие, ни третьи не определяли офицерского корпуса в целом, так как основу его составляли преданные флоту и Отечеству люди, понимавшие матросов и видевшие в них, прежде всего, защитников Отечества и своих боевых товарищей. Таких настоящих флотских офицеров было подавляющее большинство. Подавляющее большинство таких офицеров было и на «Потемкине». Отметим сразу, что личное отношение матросов к тем или иным офицерам на «Потемкине» никакого влияния на развитие событий на броненосце не имело. Все было предрешено заранее, и даже если бы на месте одних офицеров броненосца оказались другие, пусть даже самые демократичные и либеральные, это ничего бы не изменило.

Из общего числа офицеров во время мятежа на корабле матросы убили семерых: командира броненосца капитана 1-го ранга Голикова, старшего офицера капитана 2-го ранга Гиляровского, лейтенантов Григорьева, Неупокоева, Тона, прапорщика Ливинцева и судового врача Смирнова.

*** * ***

Начиная разговор о зверской расправе над офицерами «Потемкина», необходимо отдельно сказать о командире «Потемкина» Евгении Николаевиче Голикове, чье имя и по сей день оболгано историей. По

понятным причинам в советское время никогда ничего хорошего о нем не говорили. И не зря! Дело в том, что никаким «держимордой» командир «Потемкина» не был, а наоборот, являлся одним из храбрейших боевых офицеров российского флота. Официальный историк С. Найда о расправе с Голиковым говорит скороговоркой: дескать, командир был убит во время самого восстания. Это неправда! Голикова убили позднее, когда никакой надобности в этом не было! Почему убили? По двум причинам. Во-первых, убирали главного свидетеля, а во-вторых, надо было повязать команду кровью.

Имя командира броненосца «Потемкин» Евгения Николаевича Голикова оболгано историей. А ведь это был один из выдающихся офицеров своей эпохи! Уже юным мичманом Евгений Голиков отважно сражался с турками на Дунае в 1877—1878 годах, вначале на минных катерах, которые бесстрашно ходили в атаку на турецкие броненосцы, а потом на мониторе «Систово». В 1880—1881 годах он принял предложение капитана 2-го ранга Макарова участвовать с ним в экспедиции в Среднюю Азию. Во время похода Голиков командовал ракетной установкой. Вместе с другими участниками экспедиции он мужественно переносил все тяжести похода по безжизненной пустыне и проявил отвагу при штурме неприступного Геок-Тепе. После окончания Ахалтекинской экспедиции, завершившейся взятием Геок-Тепе и присоединением Ахалтекинского оазиса к России, генерал М.Д. Скобелев, покидая Красноводск, издал следующий приказ: «Расформирование морской батареи и возвращение господ офицеров к своим частям по случаю окончания военных действий дает мне случай вновь высказать по долгу службы господам офицерам и молодцам матросам то искреннее уважение, которое внушили они боевым товарищам… В обстановке, для них совершенно чуждой, моряки еще раз доказали, как в незабвенные дни Севастополя и турецкой войны, что им по плечу все славное, доблестное, молодецкое. Участвуя во всех крупных делах экспедиции, морская батарея показала себя на высоте доблестных преданий нашего флота и кровью закрепила за собой свою заслуженную славу. От глубины всего сердца и убеждения благодарю флигель-адъютанта капитана 2-го ранга Макарова, командира батареи лейтенанта Шемана, мичманов Голикова и Майера. Молодцам матросам еще раз спасибо: они доблестно исполнили долг присяги и службы и гордо могут смотреть в глаза товарищам». За участие в Ахалтекинском походе молодой офицер был удостоен Анны 4-й степени «за храбрость», а за штурм Геок-Тепе — орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом — для мичмана награда очень и очень высокая!

Затем Голиков служил в гвардейском экипаже и несколько лет был флаг-офицером в плаваниях на императорских яхтах. Интеллигентный, грамотный и умный лейтенант пришелся по душе императору Александру III, и тот всегда с удовольствием брал его с собой в море. Именно тогда будущий командир «Потемкина» достаточно близко познакомился и с будущим императором Николаем, который относился к флаг-офицеру с большим уважением и запросто называл его Женей. В 1883 году Голиков был на коронации Александра III в Москве, что являлось большим доверием со стороны царствующей семьи. Однако придворная служба не удовлетворяла боевого офицера, и в 1885 году он переводится на Черноморский флот старшим офицером на канонерскую лодку «Уралец». Несмотря на расположение императора, делать карьеру настоящему моряку надо было все же на боевых кораблях. А затем началось многолетнее командование Голиковым различными кораблями и судами: транспорт «Псезуапе» и шхуна «Гонец», броненосец береговой обороны «Новгород» и судно «Эриклик», канонерская лодка «Уралец» и транспорт «Березань». При этом Голиков являлся признанным знатоком парусного спорта. В 1888 году Голиков стал инициатором создания яхт-клуба в Николаеве и первым его руководителем

В 1903 году Голиков получил назначение на достраивающийся эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический». С началом Русско-японской войны вице-адмирал Макаров запросил Морское министерство прислать Голикова к нему в Порт-Артур (кроме Голикова он просил прислать к нему капитана 1-го ранга Миклуху и нескольких других офицеров, которых лично знал по боевым делам в Турецкую войну). Однако капитан 1-го ранга Голиков был оставлен на Черном море. Дело в том, что никто тогда еще не знал, как пойдет война, и в министерстве имелся план посылки на Дальний Восток отряда черноморских кораблей, и в т.ч. и «Потемкина». Когда же этот поход был отменен, Голикову был поручен скорейший ввод сильнейшего броненосца Черноморского флота в боевой состав, чем, собственно, летом 1905 года он и занимался.

В воспоминаниях матюшенковца Н. Рыжего командир броненосца Голиков предстает таким: «…Выше среднего роста, борода с проседью в форме лопатки, тупое выражение лица, манеры аристократа». Насчет манер аристократа спорить сложно, но вот насчет «тупого выражения лица» имеются сомнения. На дошедшем до нас портрете Е. Голикова у него, наоборот, на редкость интеллигентное и приятное лицо. Впрочем, для матроса Н. Рыжего идеалом интеллектуала, видимо, был приблатненный корабельный «пахан» Матюшенко.

И.И. Пономарев в книге «Герои “Потемкина”» пишет. «Голиков… озверел. Он перестал, уезжать на ночь домой, оставался на броненосце и каждую ночь обходил кубрики. Голиков наполовину сократил команде время на обед и стирку белья. Матросы вынуждены были стирать по ночам. С утра до вечера матросов гоняли то на ученья, то на работы. По приказанию Голикова ввели ежедневное мытье палуб с протиркой песком Матросов избивали за самые малейшие проступки. Ухудшилось их питание».

О питании мы уже говорили. Командир, который в день мятежа договаривается с местными рыбаками о поставке на корабль большого количества свежей рыбы для улучшения матросского стола, — это, скажу я вам (как человек, прослуживший в российском ВМФ более 30 лет), очень и очень заботливый командир. А в чем же остальные зверства Голикова? В том, что мало сходил с корабля и все силы отдавал приведению корабля в нормальное боевое состояние? Командир обходил по ночам кубрики! Так это, кстати, вообще вменялось в обязанность офицерам на советском флоте! Голиков делал это по собственной инициативе, что тоже говорит о нем только как о трудолюбивом и ответственном командире. То, что с утра до вечера на корабле игрались учения и проводились работы, так для этого, собственно, матросы и служат, а не для того, чтобы валяться пузом кверху на палубе. О ежедневном мытье палубы я уже молчу! Корабль на то и корабль, чтобы на нем ежедневно проводилась приборка, причем несколько раз! Так происходит на всех кораблях нашего ВМФ и сегодня! Насчет избиений позволю себе вообще не согласиться с Пономаревым, так как даже при всей своей предвзятости ни один из реальных потемкинцев в своих мемуарах не привел ни одного акта избиения матроса офицерами броненосца. Увы, книга И. Пономарева «Герои “Потемкина”» — одно из многих историко-фантастических произведений на «потемкинскую» тему.

Отметим, что помимо командования кораблем Голиков серьезно занимался расчетами организации централизованной стрельбы отрядом кораблей в морском бою. Именно из-за отсутствия такой централизации в ведении огня в определенной мере было проиграно Цусимское сражение. После смерти Голикова его работу продолжит контр-адмирал Цывинский. Результаты этой деятельности будут потрясающими, и к началу Первой мировой войны российский флот стрелял точнее всех в мире. К 1905 году по возрасту, прохождению службы и заслугам капитан 1-го ранга Голиков был уже вполне достоин контр-адмиральских эполет. Скорее всего, все так бы и произошло, если бы не трагические события июля 1905 года.

Над командиром броненосца, как мы уже знаем, была утроена самая

настоящая показательная казнь. Мало кому известно, но у Матюшенко с Голиковым, как оказалось, были свои старые счеты. Дело в том, что в 1903 году Матюшенко служил под началом Голикова на транспорте «Березань»., Тогда Матюшенко тоже пытался спровоцировать команду на бунт из-за якобы плохого обеда. Но командир судна в тот раз успокоил матросов, и авторитет Матюшенко был серьезно подорван. Теперь для него настала минута мести.

Капитан 1-го ранга Е.Н. Голиков вел себя в день мятежа отчаянно храбро. Да, он знал, что потенциальные мятежники только и ищут предлога для бузы, поэтому был настроен решительно. Единственно, что он не мог предположить, что все обернется большой кровью, ибо ничего подобного в истории российского флота еще никогда не было. Из описания историка Ю.П. Карташева: «Когда выяснилось, что, несмотря на заключение врача и приказ командира, матросы все равно отказываются от еды, распорядился построить команду на юте… Он сказал матросам, что это уже не первый случай коллективного отказа от пищи, и заявил, что, как командир находящегося в отдельном плавании корабля, пользуется особыми правами и может жестоко наказать зачинщиков протеста… Пытался помешать захвату оружия. Посылал с этой целью в батарейную палубу, где хранились винтовки, сначала кондукторов, затем офицеров, а когда это не помогло, пошел туда сам, но был выгнан матросами. Один из них—минно-машинный квартирмейстер А.Н. Матюшенко бросил в командира винтовку, штык от которой упал рядом с офицером. Предпринял попытку собрать вокруг себя “не желающих бунтовать” матросов, но их собралось только несколько десятков человек… С началом стрельбы прятался в адмиральском салоне. По требованию матросов вынужден был выйти на верхнюю палубу, где его встретили криками… расстрелян группой матросов на месте, тело выброшено за борт».

Думаю, что слова «прятался в адмиральском салоне» не слишком справедливы. Спрятаться можно, к примеру, в артпогребе, в бункере с углем, наконец, междудонном пространстве, но никак в адмиральском салоне. Скорее всего, не видя возможности сделать что-то реальное для подавления мятежа, Голиков просто удалился в салон.

Будучи не только лично храбрым человеком, Голиков до самых последних минут своей жизни оставался и заботливым командиров, заботящимся о своих матросах. Из воспоминаний матроса К.М. Перелыгина: «Ученик кочегара Староверов для своего спасения спустился по борту почти в воду, но не мог там долго держаться, так как и туда попадали пули. Командир заметил этого матроса и приказал ему как-нибудь

взобраться к иллюминатору, где ему помогли пролезть другие товарищи. Он был так рад, что бросился всех спасших его целовать».

Вот так, всюду свистят пули, вокруг убивают офицеров, самому Голикову остается жить какие-то минуты, а он занимается спасением молоденького матросика. Что и говорить, перед нами образец выполнения своего воинского долга настоящим русским офицером.

Из матросских описаний совершенно непонятно, как Голиков смог уйти с палубы в каюту (да и был ли он там вообще?), уже после того как Матюшенко метнул в него штыком, когда тот отдавал запоздалый приказ строевому квартирмейстеру А.Л. Денчику отобрать надежных караульных (тот собрал таких всего восемь человек).

Б.И. Гаврилов со слов матросов пишет: «Командира Голикова Е.Н. матросы нашли раздетым в адмиральской каюте, где он собирался прыгнуть в море через иллюминатор. Он валялся в ногах у А.Н. Матюшенко, умоляя о пощаде. Его вывели на палубу и расстреляли».

Из воспоминаний потемкинца Н. Рыжего: «Капитан Голиков был выведен из своей каюты в одном белье… Голиков был расстрелян».

Из воспоминаний потемкинца И. Старцева: «Потом вытащили командира Голикова из его каюты голым, он хотел выброситься в иллюминатор и спастись от казни народной. Когда его вытащили, он начал креститься… В этот момент раздался крик машиниста Резниченко: “Расступись!” Раздался выстрел, и Голиков падает…»

Вспоминает потемкинец матрос Е. Лакий: «Тут закричали: “Давай командира!” Его нашли, вывели наверх раздетого и расстреляли его». Совершенно очевидно, что вошедшие в раж палачи раздели Голикова исключительно ради глумления.

Потемкинец И. Лычев живописует расправу над командиром корабля так: «Голиков. Этот безгранично жестокий старик, лишь несколько минут назад державшийся как всемогущий “царь и бог”, повелевавший жизнью и смертью сотен матросов, сразу преобразился в немощного старца. Он ползал на коленях перед Матюшенко, умоляя его о пощаде, клялся, что никогда больше не посмеет обидеть ни одного матроса. Этот жалкий, подлый трус, только что собиравшийся зверски убить тридцать матросов за отказ есть гнилое мясо, теперь просил их даровать ему жизнь. Голикова после краткого суда расстреляли. Его тело полетело в море под дружный крик сотен голосов…»

Из воспоминаний потемкинца М. Лебедева: «Началась вполне заслуженная кара над офицерами корабля… Грянул залп, и пронизанный десятками пуль труп самодура-командира полетел за борт». Обратите

внимание на слова «десятки пуль». Откуда эти десятки? Все дело в том, что убийство командира корабля Матюшенко обставил особо. Дело в том, что подавляющее большинство молодых матросов все еще сомневались в правильности происходящего. Поэтому новобранцев силой согнали в кучу и раздали им винтовки. После этого Матюшенко и его подручные вывели избитого и раздетого догола Голикова, которого поставили у борта. Некоторые матросы уговаривали Матюшенко не расстреливать командира, но их разогнали прикладами. Голиков хотел было что-то сказать матросам, но Матюшенко ударом кулака выбил ему зубы. Затем по команде Матюшенко матросы подняли винтовки и разом выстрелили в своего командира. Думается, большинство стреляли мимо или вообще не стреляли. Но это было уже неважно. Отныне все они были повязаны командирской кровью, и обратного пути у них уже не было. По некоторым воспоминаниям, после залпа Голиков был все еще жив и его добил все тот же Матюшенко, после чего тело командира корабля было выброшено в море.

К. Фельдман в своей книге «Броненосец “Потемкин”», повторяя с чужих слов истории о червивом мясе, о брезенте и о подготовке к расстрелу, сочиняет собственный фантастический рассказ, который, с его точки зрения, должен был оправдать зверское убийство командира корабля. По версии Фельдмана, Голиков, дескать, намеревался взорвать некую крюйт-камеру (возможно, так он именовал артпогреб, где хранились заряды к 305-мм снарядам) на броненосце, но, мол, бдительные матросы этого сделать ему не позволили. При этом они обиделись на своего командира и за это его расстреляли. Как мог затевать Голиков взрыв «крюйт-камеры», когда его обнаружили в собственной каюте?

Все сказанное о капитане 1-го ранга Голикове — наглое и подлое вранье. На самом деле Евгений Николаевич Голиков бежать никуда не собирался, как не собирался взрывать свой корабль, ну и тем более ни у кою в ногах не валялся. Офицер, храбро отвоевавший две войны, не мог валяться в ногах у мятежников! Помните слова Скобелева о Голикове, что он после своих подвигов может «гордо смотреть в глаза товарищам». Я уверен, что командир «Потемкина» так же гордо смотрел в глаза и своим палачам

*** * ***

В потемкинской историографии традиционно принято также считать,

что первой жертвой восстания стал артиллерийский квартирмейстер Г.И. Вакуленчук, которого убил старший офицер капитан 2-го ранга И.И. Гиляровский. Авторы советского времени всегда подчеркивали это.

Относительно убийства И. Гиляровского историк Ю.П. Кардашев, к примеру, пишет следующие: «Во время разбирательства претензии вместе с вахтенным офицером прапорщиком Н.Я. Ливенцевым задержал в строю около 30 “бунтовщиков”, приказал переписать их имена, вызвать на верхнюю палубу караул и принести брезент. Для каких целей нужен был ему брезент, осталось неизвестным Приказы старшего офицера были восприняты командой, как подготовка к расстрелу… матросы бросились в батарейную палубу, где находились пирамиды с винтовками. Предпринимал попытки успокоить команду и помешать матросам вооружиться, но был выгнан из батарейной палубы, при этом минно-машинный квартирмейстер А.Н. Матюшенко ударил его винтовкой. Когда вооруженные матросы начали стрелять по офицерам и выбежали на ют, в завязавшейся схватке выстрелил в артиллерийского квартирмейстера Г.Н. Вакуленчука. По его приказу одновременно с ним в Г.Н. Вакуленчука стреляли начальник караула строевой квартирмейстер АЯ. Денчик и два матроса из состава караула. Чья пуля попала в Г.Н. Вакуленчука — неизвестно. Убит восставшими, тело выброшено за борт».

Более того, режиссер С. Эйзенштейн показал в фильме его смерть как результат преследования вооруженным офицером безоружного матроса. На первый взгляд вопрос о том, кто был убит первым в начавшемся восстании, как будто не имеет принципиального значения. Однако это не так. Г.Н. Вакуленчук с самого начала был представлен восставшими как жертва произвола, что и вызвало их ответную реакцию. Таким его считали не только руководители восстания, таким его восприняли бастовавшая Одесса и печать левых партий. Жертвой произвола он был назван и в литературе советского времени. Как говорят факты, ни руководителем восстания, ни тем более жертвой офицерского произвола Вакуленчук не был.

В действительности первой жертвой восстания был не матрос, а офицер. В самом начале восстания был убит лейтенант Л.К. Неупокоев, а уже потом произошла и таинственная история с Вакуленчуком — в него, по версии Матюшенко, стреляли состава караула, но убийство Вакуленчука— это отдельная тема.

Имя капитана 2-го ранга Ипполита Гиляровского, как и имя командира «Потемкина», тоже, к сожалению, оболгано историей. Должность старшего офицера (старпома) по своим функциональным обязанностям не предусматривает любовь команды. Если командир корабля может

позволить себе быть либералом, то старший офицер должен быть деспотом и диктатором в организации всех аспектов корабельной службы. Думаю, служившие на флоте меня поймут. Много или мало требовал с матросов Гиляровский? Наверное, столько, сколько надо. Заметим, что он перед самой войной был переведен с Дальнего Востока с должности старшего офицера броненосного крейсера «Громобой». Новое назначение не было случайностью. «Потемкин» готовился к возможному походу на Тихий океан, и офицер с опытом океанских плаваний был на нем просто необходим

Кстати, капитан 2-го ранга Ипполит Гиляровский являлся двоюродным братом Владимира Гиляровского, знаменитого «дяди Гиляя», которого знала вся Россия, друга Чехова, Куприна, Бунина, знатока московского «дна», талантливого писателя и актера. О семье Гиляровских писали, что в ней рождались люди цельные, сильные, своеобразные.

Возможно, что в последние дни перед мятежом Гиляровский и срывался на матросах. Не дай вам бог оказаться на его месте… Почти каждый день капитан 2-го ранга узнавал все новые и новые имена погибших друзей. Помимо этого буквально месяцем раньше произошла и страшная личная трагедия. Гиляровский еще не успел обзавестись квартирой в Севастополе, и семья жила в Ревеле. У старшего офицера «Потемкина» было три сына, умные и талантливые, воспитанные отцом на примерах офицерской чести. Старший был гардемарином выпускного курса Морского корпуса, а два младших близнеца, наоборот, только что туда поступили. В отпуске они пригласили знакомых гимназисток покататься на лодке на озере Юлемисте. Когда же внезапный шквал перевернул лодку, мальчики отважно кинулись спасать своих спутниц и спасли, но при этом все трое утонули. Лишиться разом трех сыновей — такого не пожелаешь и злейшему врагу!

Труп Голикова случайно обнаружит в море у Евпатории транспорт «Гонец» в начале августа 1905 года. На таллинском кладбище Александра Невского прежде была могила со сломанным якорем. На фронтоне камня четыре мраморных медальона, на которых изображены лица трех погибших мальчиков и их отца. В могиле лежат три сына Гиляровского, для него самого могилой стало Черное море. Памятник поставили безутешная вдова и верные друзья. Теперь уж этой могилы нет, она разрушена…

*** * ***

Матюшенко в своих воспоминаниях писал, что первой жертвой среди офицеров стал лейтенант Неупокоев, которого якобы убил Вакуленчук: «Товарищ Вакуленчук побежал за Неупокоевым и почти на бегу выстрелил в него; тот упал с простреленной головой за адмиральский полубронированный люк».

Если по версии Матюшенко Вакуленчука смертельно ранил Гиляровский, то по показаниям других потемкинцев в лейтенанта стрелял сам Матюшенко. Но зачем тогда Матюшенко врать? Какая ему разница, сколько он убил офицеров, одним больше, одним меньше, зачем озвучивать версию, что первым начал бойню не он, а Вакуленчук? Логика в версии Матюшенко есть, и логика эта железная. Но об этом наш разговор еще впереди.

На первом этапе мятежа взрыв озлобления матросов «Потемкина» в значительной мере носил в себе все признаки стихийного и дикого, подогреваемого экстремистами матюшенковцами. При этом, однако, не будем забывать, что сам мятеж стихийным отнюдь не был. Все подготовлено и спланировано было заранее. При этом матросы в ряде случаев сводили личные счеты со своими начальниками. Именно так поступил тот же Матюшенко, убивший старшего минного офицера лейтенанта Тона. Строевой инструктор Сыров, лишенный командиром корабля своей должности за драку, кричал, стреляя в капитана 1-го ранга Голикова: «Ты меня разжаловал в матросы, так теперь же умри!» Кочегар Чича вбежал в кочегарку с криком: «Дайте кондуктора Бордюкова, я его разорву!» Машинист 2-й статьи Шевченко кричал своему другу квартирмейстеру Денисенко: «Дай, пойду хоть одного офицера убью!» Причем кричал Шевченко не просто так, а действительно затем самым активным образом участвовал в убийстве трех офицеров.

После публичной казни командира «Потемкина» расправа над офицерами продолжилась. Матюшенко еще не насытился пролитой кровью.

— Тащите сюда мне еще какого-нибудь офицера! — велел он, войдя в раж.

На палубу к онемевшей от ужаса команде притащили избитого лейтенанта Тона. Матюшенко потребовал, чтобы тот снял погоны. На это Тон ответил: «Дурак, не ты их мне надел, не тебе их с меня и снимать». Матюшенко ткнул Тона в погоны. «Напились крови, а вот и вам пришел конец». С этими словами он отступил на несколько шагов и выстрелил в лейтенанта. Упав навзничь, Тон пытался достать револьвер, но стоявшие рядом подручные «пахана» тут же сделали по нему несколько выстрелов.

Не удовлетворившись этим, Матюшенко (по одной из версий) на глазах всей команды размозжил лейтенанту голову прикладом винтовки, назидательно сказав при этом: «Так будет с каждым, кто пойдет против революции!»

Тело лейтенанта Тона также было выброшено за борт.

Отечественные историки, пытаясь хоть как-то приукрасить жуткие события на «Потемкине», писали, что добрые мятежники хотели было поначалу вообще выбрать Тона своим командиром, так они его, мол, любили! Но лейтенант оказался каким-то несговорчивым. К тому же он публично послал Матюшенко куда подальше, ну и тот, надо понимать, сильно обиделся… Впоследствии говорили, что Тон якобы даже первым выхватил револьвер и направил его на Матюшенко. Но ловкий Матюшенко успел выстрелить в Тона первым (дескать, Тон сам во всем виноват).

Есть и еще более изощренные выдумки. Из воспоминаний потемкинца И. Старцева: «Потом подняли наверх на ют с батарейной палубы правого борта лейтенанта Тона. Он хотел взорвать пороховые и патронные камеры (таких на броненосце никогда не было. — *В.Ш.)*. Но так как провода (какие провода, откуда? — *В.Ш.)* заблаговременно (!) были перерезаны, то взорвать не удалось. Матюшенко приказывает снять погоны. Тон выхватывает в судорожном состоянии из кобуры револьвер и хочет выстрелить в Матюшенко, но Матюшенко выстрелил из винтовки, и револьвер выпал из руки Тона».

Потемкинец И. Лычев в своей книге воспоминаний «Потемкинцы» буквально упивается рассказом о своем участии в убийстве офицеров: «Офицеры настолько перепугались, что даже не пытались применить оружие. Лишь один из них, лейтенант Толь (так у Лычева, на самом деле, разумеется, это был лейтенант Тон. — *В.Ш.)*, командовавший минными аппаратами, бросился в минное отделение, чтобы взорвать броненосец, но матросы заметили это и вовремя схватили Толя, вытащили его на палубу. Матюшенко обратился к нему с предложением: “Если хочешь быть с нами, то останешься в живых”. В ответ он услышал — “дурак”, и над головой Матюшенко просвистела пуля. Матюшенко тут же застрелил Толя. Чтоб избегнуть матросского гнева, большинство офицеров искало спасения в бегстве, бросились за борт. Вслед за ними бросились в море и некоторые кондуктора. Мы перенесли огонь за борт, начав обстреливать беглецов. Офицеры продолжали плыть. Их обстреливали до тех пор, пока они не скрывались под водой».

Здесь тоже полное вранье. Дело в том, что в минном отделении взрывать было нечего, так как зарядные отделения самодвижущихся мин

(торпед) хранились в отдельном минном погребе.

Остальные же офицеры тоже были убиты самым зверским образом. При этом никто из них практически (за исключением разве что Гиляровского) даже не пытался сопротивляться.

Из воспоминаний потемкинца С. Токарева: «Офицеры до того перепугались, что многие даже не пытались стрелять (дело в том, что при себе револьверы были далеко не у всех. — В.Ш.). Некоторые офицеры сопротивлялись, но были расстреляны. Некоторые бросились в воду. Они искали спасения, но пули догоняли их».

Чтобы хоть как-то оправдать изуверскую расправу над беззащитными офицерами, в советское время придумывалась всевозможная чушь, лишь бы их опорочить. Вот один из образчиков таких «исследований»: «…Н.Ф. Григорьев и Н.Я. Ливенцев были убиты в воде при попытке добраться до миноноски». Дескать, сами и виноваты, нечего было убегать, да еще плыть на миноносец, чтобы дальше пакостить! Разумеется, офицеры прыгали в воду! А что бы вы делали, когда за вами бы гонялся с винторезами Матюшенко со своими дружками?

Из воспоминаний кораблестроителя гарантийного механика А. Харкевича, спрятавшегося в каюте с механиком Заушевичем, Коваленко и лейтенантом Григорьевым: «…Почти у всех нас мелькнула одна и та же мысль — за борт! Мы были убеждены, что если промедлим хоть минуту, то тут же будем перебиты как зайцы. Внимание наше сосредоточилось на окне, выходившем на батарею. Мигом выбито стекло и выворочены медные прутья. На батарее пока никого не было. Мы бросились к полупортикам 75-мм орудий, по стволу орудий вылезли наружу и спрыгнули на нижний броневой уступ, на уровне 6-дюймовых пушек. Здесь спешно разделись и стали прыгать в воду. Первым прыгнул Коваленко, за ним, почти касаясь друг друга, Григорьев и я. В этот момент к амбразуре хлынула толпа матросов с криком: “Бей его, это старший офицер…” Это было явное недоразумение. Очевидно, часть команды еще не знала, что старший офицер был первым убит на шканцах, тут же их ввело в заблуждение некоторое физическое сходство между мною и старшим офицером. Заушевич прыгнуть за борт не успел и был захвачен матросами. Когда после прыжка я выбрался на поверхность, то увидел рядом с собой тяжело плывущего Григорьева, а в нескольких саженях впереди голову Коваленко, быстро удалявшегося от корабля. Сзади трещали выстрелы. Пули кругом взрывали воду. Вдруг Григорьев издал какой-то странный звук, голова его и вода кругом окрасились кровью и несчастный пошел ко дну».

Что касается Харкевича и Коваленко, то им удалось доплыть до

артиллерийского щита и, взобравшись на него, ждать решения своей судьбы. Несколько позже оба были сняты шлюпкой с «Потемкина» и доставлены на корабль.

Не все понятно и со смертью лейтенанта Неупокоева. В начале мятежа Неупокоев находился на юте рядом с Гиляровским. По официальной версии и ряду воспоминаний, он был там же убит из винтовки кем-то из выскочивших наверх вооруженных мятежников. К примеру, потемкинец Н. Рыжий вспоминает: «Восстановить порядок пытался только… помощник капитан 2-го ранга Гиляровский и лейтенант Неупокоев, которые и были расстреляны немедленно (не убиты, а именно расстреляны. — *В.Ш.)*, а остальные офицеры были арестованы».

По версии историка Б.И. Гаврилова, старшего артиллерийского офицера лейтенанта Л.К. Неупокоева убили первым из офицеров. Его гибель описана так: «..Ленчик (строевой квартирмейстер. — *В.Ш.)* отобрал восемь караульных, но не успели они двинуться с места, как раздались выстрелы. Первый выстрел — в воздух — сделал трюмный В. Никишин, а третьим был убит лейтенант Л. Неупокоев». В книге Ю.М. Чернова «Мятежный броненосец» это описано несколько иначе: «Патроны, спрятанные за иконой Николая Угодника, пригодились Василию Никишкину. Он погнался за лейтенантом Неупокоевым, который взвел пистолет, но выстрелить не успел — Никишкин его опередил. Не ясна его роль в начальный период событий на юте».

Однако матрос Г. Полторацкий описывает куда более жуткую смерть этого храброго офицера: «В каземате лейтенант Неупокоев не давал матросам брать винтовки. Его убили прикладами».

Из кают-компании бунтовщики вытащили мичмана Бахтина, которого тут же забили ногами и стульями (!) до полусмерти. Но, на его счастье, рядом не оказалось Матюшенко, а потому, избив мичмана, добивать его матросы все же не стали, а бросили. Мичман Бахтин от удара прикладами по голове «впал в бессознательное состояние». Очнувшись, он спрятался под столом в кают-компании, чтобы не быть выброшенным за борт. Чудом выжил.

Что касается судового священника иеромонаха 65-летнего отца Пармена, то и он едва остался в живых. В момент мятежа старик иеромонах обедал в кают-компании. По собственному его показанию, по сигналу общего сбора он вышел в коридор, где неожиданно какой-то матрос с криком «Бей попа!», нанес ему три удара прикладом «в левую челюсть, в правую руку и подмышку левого бока». Прятался старик в артиллерийском каземате. Матросы обещали отца Пармена расстрелять.

Несмотря на угрозы расправы, он в этот же день причащал раненого старшего врача Смирнова и артиллерийского квартирмейстера Вакуленчука.

Не дали матросы убить Матюшенко и мичмана Макарова, доставившего на броненосец злополучное мясо, которого команда любила за доброе отношение и заботу. Не решившись на открытый конфликт, Матюшенко на сей раз отступил.

Из воспоминаний кораблестроителя гарантийного механика А. Харкевича: «Вдруг за кормой произошло движение. Группа матросов бросилась туда и вытащила на палубу мичмана Макарова, пытавшегося вплавь добраться до миноносца. Утихшие было зверские инстинкты проснулись вновь, и жизнь Макарова повисла на волоске. Но в толпе раздались решительные крики: “Довольно крови!” — и Макаров был спасен».

Раненный в начале мятежа на палубе в живот врач Смирнов кое-как добрался до своей каюты и лег на койку. Фельдшер Бринк пытался оказать ему помощь, но его выгнали. Расправиться с врачом пожелал сам «пахан». С юмором профессионального живодера Матюшенко поинтересовался у истекающего кровью: «Ну, что, мясо-то хорошее было? Вот мы тебя сейчас на котлеты и изрубим». По его приказу матросы вытащили стонущего Смирнова на верхнюю палубу и с криком: «Раз, два, три» — выбросили еще живого за борт. После этого пытавшегося плыть Смирнова добили выстрелом в голову. Остальные офицеры и кондукторы были избиты прикладами и ногами, связаны и заперты в кают-компании. Матюшенко и его помощники к этому времени уже просто подустали от кровавых дел и решили передохнуть.

Вот как убивали корабельного врача согласно версии историка И.И. Пономарева: «А где же доктор? — спросил кто-то. Доктор Смирнов в момент восстания скрылся в своей каюте, сделал бритвой надрез на теле и, обмазавшись кровью, притворился тяжелораненым Восставшие выволокли доктора на палубу, на суд народный. Он также был расстрелян».

По другой версии, врача убивали подручные Матюшенко: квартирмейстер Курилов, рулевой Самойленко и матрос второй статьи Фурсаев. Они якобы вытащили тяжелораненого Смирнова наверх. «Мясо хорошее?» — кричали ему. «Нет», — ответил врач. «Что же ты сказал, что хорошее?..» Смирнов не нашел ответа, и мятежники, подняв его на штыки, выбросили в море. Есть другие варианты предсмертного глумления над врачом, но суть их примерно та же.

Есть свидетельства, что инициатором выбросить за борт доктора

Смирнова был его непосредственный подчиненный санитар Черницын. Он же лично и выбросил раненого доктора в море. Этот же Черницын, озорства ради, стрелял из винтовки и в офицерские каюты. Смирнов еще живым выброшен за борт во время перехода броненосца от Тендры в Одессу. По некоторым свидетельствам, руки врача были связаны.

Верный матюшенковец Лычев расправу над Смирновым в своих мемуарах описал так: «Суд был краток и единодушен: “За борт подлеца!” — и Смирнов полетел в море. А чтобы ему не пришлось долго плавать, один из матросов пустил ему вслед пулю с напутствием* 'Ты нас заставлял есть червей, теперь сам покорми рыб!”»

В ряде мемуаров и исторических работ к истории убийства подошли более творчески. Дело в том, что как ни крути, а зверское убийство врача не красит далее самых продвинутых революционеров — ведь врач он и есть врач! Поэтому, чтобы хоть как-то оправдать убийство доктора Смирнова, был придуман поистине иезуитский ход. Уже знакомый нам историк Ю. Кардашев пишет, что врач Смирнов сам себе нанес рану ножом (!), сделав надрез на коже живота». Прямо не корабельный врач, а самурай, делающий себе харакири. Сделал он это якобы для того, чтобы притвориться раненым и вызвать к себе жалость у мятежников, вот ведь какой подлюга! Ну как такого не прикончить!

Вспоминает матрос Г. Полторацкий: «Доктор Смирнов для спасения себя сделал себе в мякоть самострел и спрятался в лазарет. Доктора Смирнова выбросили за борт».

На самом деле, разумеется, никаких самострелов и надрезов себе Смирнов не делал. Он был вначале тяжело ранен в живот штыком (в лазарете ему делал перевязку корабельный фельдшер), а потом зверски добит все тем же Матюшенко и его дружками. При этом в своей «самурайской» выдумке Ю. Кардашев отнюдь не оригинален, а просто повторяет «утку», рассказанную бывшим матюшенковцем И. Лычевым. Тот принимал самое активное участие в расправе с офицерами, а спустя годы, как мог, оправдывался в своих мемуарах.

Как здесь не вспомнить знаменитый революционный лозунг «Дело прочно, когда под ним струится кровь!»

Пытались убить мятежники и младшего врача корабля А.С. Голенко. Сбежавшиеся матросы стреляли в младшего врача Голенко и по тем, кто пытался спастись в море. Один из них, по собственному признанию, выпустил по плавающим в воде офицерам и матросам 40 пуль. Однако стрелками матросы были неважными, в Голенко они промахнулись. Около семи часов он прятался в рулевом отделении под цистерной с маслом. По

его показаниям, от жары и волнения младший врач находился в полуобморочном состоянии и был обнаружен матросами во время перехода броненосца от Тендры к Одессе.

Поначалу найденного Голенко хотели снова расстрелять, но потом решили, что врач на корабле все же будет нужен. Забегая вперед, отметим, что поведение младшего врача Голенко в дни мятежа вообще было достаточно странным — он то вроде бы поддерживал мятежников, то пытался организовать заговоры с целью ареста главарей мятежа. И сейчас историки затрудняются дать однозначную оценку деятельности Голенко. Что касается властей, то они решили однозначно — Голенко с флота изгнать, чина лишить и никогда обратно не возвращать.

Помимо семи убитых офицеров большинство остальных было ранено и практически все были зверски избиты. Оставшихся в живых офицеров заперли в одной из кают, пообещав завтрашний расстрел. После этого начался повальный грабеж офицерских кают и расхищение вещей убитых матросов.

Выше мы уже описали личное участие Афанасия Матюшенко в издевательствах и казнях офицеров. Картина его зверств выглядела настолько жутко, что в советское время историки всеми силами пытались замолчать его деяния — уж больно страшно все выглядело даже по революционным меркам. Отсюда и скороговорка историка С. Найды и других. Понять можно, правдивое описание только издевательств над офицерами сразу бы сорвало весь флер романтизма с палача Матюшенко и его подручных.

По воспоминаниям очевидцев, Матюшенко все время кричал: «Довольно они нас вешали, будем их вешать!» Где и когда Матюшенко видел, чтобы в русском флоте вешали матросов, пусть даже самых нерадивых, я, честно говоря, не знаю. Думаю, не мог знать этого и Матюшенко. Кричал же он эту ахинею исключительно для того, чтобы хоть как-то снять с себя ответственность за намеченные им убийства офицеров корабля.

Из всего вышесказанного напрашивается вывод, что убийства офицеров, причем убийства зверские и публичные, были запланированы заранее, еще до начала мятежа. При этом о какой-либо конкретной мести речь вообще не шла. Дело было в ином Необходимо было ошеломить команду «Потемкина» пролитой кровью и дать понять каждому, что обратного пути после совершенного ни у кого уже нет. Все они участники и соучастники совершенных преступлений, и никакого снисхождения им уже не будет, а потому все отныне должны быть послушны новым вожакам и

идти за ними до конца.

*** * ***

После захвата власти на корабле мятежники разыскали и вывели на верхнюю палубу сверхсрочников кондукторов. Матросы решали — убивать их или оставить в живых. За расстрел кондукторов, естественно, был Матюшенко, но большинство матросов заявили, что без сверхсрочников им будет трудно управлять кораблем, к тому же уже хватит крови. Из показаний минного кондуктора Акима Лесового: «Когда я вышел наверх, то увидел, на кнехте среди команды стоял с ружьем Матюшенко. Матюшенко, увидев меня, подозвал меня, и когда я подошел, с меня сорвали сзади погоны. Матюшенко спросил у команды: убивать меня или нет, раздалось несколько голосов, чтобы убить, и тогда Матюшенко… крикнул: “Расступись!” — сзади меня команда разбежалась, а Матюшенко и Сыров, стоявший возле него, нацелились в меня. Я схватил их за винтовки, подойдя к ним, и спросил у команды, за что меня убивают, тогда несколько голосов раздалось, что не надо убивать, я опустил ружье Сырова, который его убрал и продолжал спрашивать команду, пока команда опять меня не окружила, и тогда опустил винтовку Матюшенко. Матюшенко приказал меня арестовать».

Матюшенко просил команду расстрелять и артиллерийского кондуктора Шопарева, но матросы не согласились.

Ученик машиниста матрос А.Н. Заулошнов все порывался застрелить боцмана Зыбалова, но и его удержали.

До конца остался верен присяге строевой квартирмейстер Александр Денчик, пытаясь защитить офицеров. Матюшенко выбил у него из руки винтовку, пообещав, что он с ним расправится позднее. Каким-то чудом остались в живых машинный кондуктор П.Г. Бардкжов и сигнальный боцманмат Фридрих Веденмеер.

На протяжении многих лет в трудах по восстанию на «Потемкине» факт того, что потемкинцы не перебили кондукторов корабля — сверхсрочников, специалистов, прослуживших на флоте по 15—20 лет, подавался образцом революционной гуманности и даже излишней мягкотелости. При этом обычно писали так: «Подавляющее большинство их было верными помощниками и слугами офицеров, являясь связующим звеном между офицерами и нижними чинами. Им вменялось в обязанность следить за “порядком” на корабле и доносить на всех подозрительных и

политически неблагонадежных матросов. За это они пользовались рядом привилегий, имели даже свою кают-компанию. Некоторые матросы требовали расправиться с кондукторами так же, как и с офицерами. Но часть команды выступила против, и великодушно предложила простить их, поверив лживому обещанию во всем повиноваться восставшим и честно нести службу. Дальнейшие события показали, как дорого заплатили матросы за свое великодушие».

На самом деле ни о каком великодушии речи и быть не могло. «За прошлые обиды» матросы преследовали по всему кораблю боцманов, фельдфебелей, кондукторов, избивали их, выводили на суд команды и угрожали расстрелом. Кондукторам была уготована та же участь, как и офицерам, если бы матросы могли сами управлять кораблем Сборная команда со всего флота с большим количеством новобранцев была не в состоянии управлять кораблем и его эксплуатировать. Это могли обеспечить исключительно сверхсрочные унтер-офицеры, только поэтому они и были оставлены в живых.

При этом традиционно (опять же бездоказательно) считается, что группа противников восстания на «Потемкине» была относительно немногочисленна и состояла из 10 кондукторов и 60—70 матросов, в основном новобранцев. Оформленной организации эта группа создать не успела, но наиболее активные ее члены, сознательные враги восстания — прежде всего сверхсрочники-кондуктора и часть матросов, — устраивали тайные сходки. Возглавлял контрреволюционеров прапорщик Д.П. Алексеев, назначенный потемкинцами командиром корабля. Эта группа, если верить мемуарам потемкинцев, «вела активную агитацию, занималась провокациями и вредительством».

Историк Ю.П. Кардашев, откровенно симпатизирующий мятежникам, даст сверхсрочнослужащим «Потемкина» следующую характеристику: «Сверхсрочники корабля, исполнявшие обязанности младших командиров — боцманов, фельдфебелей, кондукторов, более определенно, чем офицеры, проявили свое отношение к восставшим». Эта небольшая по численности группа, составлявшая всего 16 человек, занимала особое положение среди личного состава корабля. Получая в отличие от рядовых матросов различные льготы и преимущества, они стали открытыми или тайными противниками восстания. Оставленные на броненосце по решению судовой комиссии сверхсрочники всячески вредили восставшим. Отказывались от выполнения своих обязанностей, уговаривали матросов не подчиняться распоряжениям руководителей восстания, вели переговоры со сверхсрочниками броненосца «Георгий Победоносец» с целью захвата

власти на восставших кораблях и уводе их в Севастополь. Тайно составляли списки активных участников восстания, планировали арест судовой комиссии и выступали против эмиграции команды. Все они вернулись в Россию сразу же после высадки матросов в Румынии и выступили свидетелями на суде по делу о восстании, назвав имена практически всех его участников».

Вызывает уважение, что сверхсрочники-кондукторы, едва не погибнув от рук мятежников, фактически сразу лее возглавили реальную оппозиционную работу на мятежном корабле, стремясь восстановить законную власть.

Забегая вперед, скажем, что машинный кондуктор П.Г. Бардюков, которого едва не расстреляли в день мятежа, пытался в Констанце изгнать с корабля будущего знаменитого троцкиста Х. Раковского, а также осточертевшего матросам А. Березовского. Храбро вел себя сигнальный боцманмат Фридрих Веденмеер. Вначале его намеревались убить вместе с офицерами, но потом решили оставить в живых, как специалиста. Все время пытался организовать сопротивление мятежу и арестовать вожаков. Отказывался исполнять приказы Матюшенко и его сообщников, поднимать сигнальные флаги, якобы сообщил артиллеристам во время обстрела Одессы неверные данные дистанции до цели — дома командующего округом.

Во время перехода из Феодосии в Румынию Веденмеер вместе с Алексеевым был обвинен в попытке повернуть броненосец на Севастополь и едва не был выброшен за борт. В Констанце именно он собрал и передал секретные сигнальные книги командиру судна «Псезуапе» капитану 2-го ранга Н.И. Банову.

Что касается строевого квартирмейстера А. Денчика, то он впоследствии тайно составил список активных участников мятежа. Вернулся в Севастополь из Констанцы. «Я команды не знал и, уже потом, наводил справки о тех людях, которых заметил с винтовками и патронами, я их всех записал в книжечку, которую теперь вам передаю». В своей книжке Денчик указал 77 фамилий активных мятежников.

Итак, из 746 человек команды в восстании активно участвовали около 280—300, неустойчивую позицию занимали около 400 человек и около 70 человек являлись противниками восстания. Революционные матросы прекрасно знали всех «контрреволюционеров» и теоретически могли бы применить к ним «самые решительные меры, не ограничиваясь агитацией на митингах». Однако они не сделали этого, но, как мы понимаем, совсем не от своей доброты. Просто они прекрасно понимали, что, только начни

они вслед за массовым убийством офицеров также убивать сначала кондукторов, а потом и просто всех с ними не согласных, их самих быстро перебьют. Правда, матюшенковцы постановили было избавиться от главных своих врагов — кондукторов, но это решение, принятое уже в конце восстания, так и не было исполнено. Да и не могло быть исполнено, т.к. без профессиональных специалистов матросы были просто не в состоянии обслуживать сложную корабельную технику. Тем самым оказались не осуществлены «рекомендации» «Централки», которые якобы предусматривали поголовную ликвидацию всех контрреволюционных элементов.

Всего в команде «Потемкина» на момент мятежа было 763 матроса и 12 кондукторов. Из них пять матросов погибли, еще 12 было ранено. Однако известно, что офицеры в матросов не стреляли и ни один из них (о смерти Вакуленчука мы будем говорить еще отдельно) от офицерских пуль не погиб. Кто же убивал и ранил матросов на «Потемкине»? Ответ напрашивается сам собой — Матюшенко и его подручные. Отдельные историки пытаются говорить о неких «шальных пулях». Но это явная ложь! Убить и ранить случайно 17 человек не так-то просто. На самом деле это были матросы, которые не просто не желали участвовать в мятеже, но и активно противодействовали его началу. Скорее всего, это были люди из окружения Вакуленчука. С ними и расправились под шумок Известны некоторые имена убитых комендор Шевелев, матросы второй статьи Этель, Османский и Татаренко и трех раненых — Грязцов, Сложеница и Пригорницкий (Прогорницкий). Впрочем, в ряде источников говорится о 30 погибших во время мятежа матросах. При этом, правда, фамилии их не приводятся.

*** * ***

А как вообще жилось матросам на «Потемкине», как обстояло дело с питанием? Не голодали ли они? Вообще, нормы питания на кораблях российского флота в начале XX века были весьма высокими, почти в полтора раза выше, чем у солдат. При этом физически матросы работали гораздо меньше, чем солдаты, в основном во время погрузки угля и боезапаса. Однако и на время таких авральных работ существовал специальный повышенный рацион с увеличенными порциями мяса.

В этой связи весьма полезно приглядеться к матросам в фильме Эйзенштейна. В центре кадра у него то и дело появляются «оголодавшие

матросы» с такими потрясающе толстыми лицами и двойными подбородками, что с трудом верится, чтобы оные битюги чего-то где-то недоедали. Форменки на них просто трещат! Что касается офицеров в фильме, то они, напротив, все на редкость тщедушны, а потому зритель совсем не удивляется, почему толстенные матросы так легко побеждают своих худосочных начальников.

Относительно ситуации с питанием па «Потемкине» есть два свидетельства. Первое изложил историк Б.И. Гаврилов своей книге «В борьбе за свободу»: «В мае на инспекторском смотре команда “Потемкина” доказала инспекторам, что офицеры на корабле ежедневно воруют 50 матросских пайков. Впервые подобная претензия была высказана еще в 1904 г.

Но и теперь заявление матросов ни к чему не привело. Члены команды высказали также возмущение негодным мясом и червивыми сухарями, но безрезультатно. 18 мая потемкинцы вновь выразили недовольство качеством хлеба и крупы, на этот раз командир корабля назначил комиссию для расследования. Она признала справедливость высказанных требований, и качество хлеба было улучшено. Причина уступок командира заключалась, вероятно, в том, что к этому времени Е.Н. Голиков получил первое анонимное письмо о подготовке восстания и решил лишний раз не озлоблять матросов».

Что касается возмущения историка Б.И. Гаврилова относительно воровства пайков, то здесь все поставлено с ног на голову: разумеется, офицеры «Потемкина» никаких пайков не воровали. Дело в том, что иногда кают-компания вполне законно обращалась к корабельному ревизору, и тот для улучшения питания за плату по казенным расценкам действительно выдавал ей некоторое количество пайков. О таком случае на крейсере «Изумруд» во время Цусимского похода, в частности, рассказывает в своих мемуарах врач с крейсера «Аврора» Кравченко. Это было удобно и офицерам, так как не надо было ломать голову, что и где купить, и ревизору, который официально проводил этот обмен по ведомостям. При этом, конечно, никакого ухудшения матросского стола не происходило, так как продовольственные пайки офицеры выкупали не из числа матросских пайков. Помимо этого во время достройки на «Потемкине» присутствовала масса специалистов и рабочих, которые «доводили» корабль. Всех их надо было кормить. На всех них выделялись продпайки. Причем оформлялись они так же, как оформлялось питание прикомандированных матросов и офицеров на советском и нынешнем российском флоте. Человек прибывает на корабль, имея на руках продовольственный аттестат, равный одному

пайку. По аттестату его ставят на довольствие. Если же у прибывшего такого аттестата нет, то он просто вносит командировочные деньги в корабельную кассу, фактически выкупая свой продпаек, после чего питается наравне со всеми. Поэтому 50 продпайков — это, скорее всего, именно пайки, выделяемые для работавших на броненосце специалистов. Заявление о незаконности кормежки рабочих было откровенным обманом не разбирающихся в тонкостях расчетов матросов, которых кто-то подзуживал. Именно поэтому никакой реакции на эти «претензии» и не последовало.

18 мая команда выразила недовольство качеством хлеба и крупы. По другой версии, вопрос об улучшении качества поставляемых на корабль продуктов подняли офицеры. Голиков немедленно назначил комиссию для расследования. Комиссия признала справедливость требований. После этого командир принял все меры для улучшения качества провизии, предъявив претензии к тыловым службам флота. Так что вопросами улучшения питания на корабле занимались.

Любопытное свидетельство оставил нам инженер-механик Александр Коваленко, который оказался единственным офицером, добровольно присоединившимся к восставшим, в своих воспоминаниях, опубликованных в «Литературно-научном вестнике» во Львове в 1906 году, писал: «…Вообще матросу живется совсем неплохо… обычная еда команды хорошая. Я, как и много кто из офицеров, часто охотно ел матросский борщ Правда, бывали иногда, как я заметил, случаи неудовольствия команды мясом или маслом, но они были отдельные и всегда происходили от случайного недосмотра Тяжелым трудом матросы не обременены: обычный рабочий день не более восьми часов. В отношениях офицеров к команде постепенно завелся тот тон, который не только не позволяет им прибегать к кулачной расправе, но и вынуждает их оставаться в определенных рамках корректности. Даже те, которых очень немного между ними и которые, безусловно, являются исключением из них, что были бы не прочь припомнить иногда старину, вынуждены сдерживать себя: во-первых, из страха перед высшим начальством, которое скорее из осторожности, чем из каких-либо гуманных мотивов, обуславливает офицерам необходимость некой тактичности в отношениях к “нижнему чину”, а во-вторых, из чувства неловкости перед товарищами».

Кому, спрашивается, верить, историку Гаврилову или непосредственному участнику событий поручику Коваленко, которому что-либо выдумывать не было никакого резона? Я больше верю в данном случае Коваленко. А потому, на мой взгляд, вывод однозначен — офицеров

на «Потемкине» убивали вовсе не из-за сведения каких-то личных счетов, а только потому, что так надо было организаторам бунта — цель оправдывала средства…

*** * ***

Однако смерти офицерам на «Потемкине» желали далеко не все матросы. Одних заставляли участвовать в мятеже насильно, и они вынуждены были уступить силе, другие проявили твердость и остались людьми. Фактически реальным участником мятежа был лишь каждый третий из числа матросов. Колеблющаяся масса, составлявшая, согласно расчетам историка Ю.П. Кардашева, более 500 человек, во время мятежа оставалась достаточно инертной, а впоследствии вообще постепенно стала выходить из повиновения боевиков. Это был своеобразный барометр, который с каждым новым днем демонстрировал приближение контрреволюционной бури.

Тот же историк Ю.П. Кардашев на основе собственного анализа ситуации во время мятежа пишет «Например, некоторые матросы в начале восстания оказались с винтовками в руках не по своей воле. Те, кто первыми начали восстание, были заинтересованы в том, что число их сторонников было как можно большим. — Бей того, у кого нет винтовок! — кричали они».

Вывод Кардашева подтверждают многочисленные факты. Так, матрос Никита Фурсаев, по показаниям очевидцев, бегал около пирамид с винтовками, кричал «ура» и обещал молодым матросам: «Кто не будет брать винтовки, тех будем бить!»

Из показаний матроса Тараса Шестака: «В начале восстания находился в батарейной палубе и видел, как возмущенные матросы разбивали обеденные столы и вооружались. При этом они кричали: “Бери винтовки!”, а тех, кто не брал — били». Водолаз Ф.В. Попруга, машинисты И.П. Шестидесятый, В.П. Кулик и кочегар В.З. Никишкин заставили его (Шестака) взять винтовку. «Я ее взял, а потом обратно поставил в пирамиду».

Фактом является и то, что не хотевших участвовать в мятеже матросов не только избивали. Боевиками Матюшенко демонстративно на глазах всех был убит не пожелавший участвовать в мятеже ученик кочегара матрос Гавриил Шевелев. Другой же ученик кочегара, Сычев, был так напуган стрельбой и угрозами расправы, что прятался от боевиков Матюшенко все

дни восстания и был обнаружен только после того, как команда покинула броненосец в Констанце. Как он там выжил, знает только Бог…

Машинный квартирмейстер Афанасий Сербин, к примеру, пытался защищать офицеров-механиков, за что был ударен штыком в голову. А квартирмейстер Резниченко, приставив ему к виску револьвер, заявил: «Мы сами механики теперь!»

А сигнальщики «Потемкина» закрыли собой вход в штурманскую рубку, где укрылся старший штурман корабля капитан Гурин. Туда рвался конопатчик палубы Иван Кобец, один из боевиков Матюшенко, чтобы «прикончить кровопийца». Именно Кобец должен был, согласно изначальным матюшенковским планам, убивать и командира корабля Голикова. Несмотря на угрозы расправы, сигнальщики не отдали озверевшему Кобецу штурмана и тем спасли ему жизнь.

Через несколько часов жизнь Турина снова висела на волоске, и он остался в живых лишь благодаря заступничеству прапорщика Алексеева. Турину было приказано довести «Потемкин» до Одессы. Был предупрежден, что если корабль сядет на мель, его тут же расстреляют. Ночью пытался вместе с боцманматом Ф.А. Веденмеером выбросить за борт секретные сигнальные книги и таблицы высот рангоута броненосца, но ему помешали и избили.

По показаниям того же капитана Турина и прапорщика Алексеева в один из дней мятежа к Алексееву подошел сигнальщик Василий Хитеев и сказал: «Эх, ваше благородие, жалко мне вас. Я себя теперь проклинаю, что я вам не сказал раньше об этом.

— А ты разве знал раньше? — спросил я его.

— Как же, мы были еще в Севастополе и когда ходили на берег брать высоты, то я хотел сказать вам, что на корабле готовится бунт, но побоялся».

Историк Ю.П. Кардашев пишет: «Различное отношение к восстанию матросов проявилось среди офицеров корабля. Наиболее решительно против “зачинщиков” выступил командный состав: командир корабля, старший офицер, старшие артиллерийский и минный специалисты. Ими были предприняты попытки подавить протест матросов, не останавливаясь даже перед угрозой применения оружия. Все они погибли. Большинство из оставшихся в живых офицеров осуждали восставших, некоторые замкнулись в себе, пытаясь понять истинный смысл произошедших событий, в других возникли симпатии к… матросам. Уже на второй день восстания два офицера и младший врач заявили о своем желании остаться на восставшем корабле. Как показали дальнейшие события, только

либерально настроенный поручик А.М. Коваленко искренне примкнул к восставшим и разделил с ними судьбу эмигранта. Другой офицер оказался трусом, младший врач — двурушником».

Что и говорить, офицеры на «Потемкине» тоже были разные, однако большинство из них все же остались верными присяге и воинскому догу.

Глава пятая.
МИФ О ЧЕРВИВОМ МЯСЕ

Уже более ста лет история с червивым мясом считается чуть ли не аксиомой событий 14 июня. Увы, на самом деле все было совсем не так. Никакого червивого мяса на самом деле не было. Якобы некачественный борщ стал всего лишь поводом для готовящегося заранее мятежа. Не было бы мяса, подверглась бы гнилая капуста или плохие сухофрукты. Заметим, что в начале XX века на Черноморском флоте проблема сохранения мяса существовала. В жару при отсутствии холодильных установок его было очень трудно сохранять, а солонину матросы вообще ненавидели. Проблемы с мясом возникали и до «Потемкина» и после него. Поэтому в летнюю жару при приготовлении еды из свежего мяса придраться к его качеству можно было почти всегда. Холодильная установка на «Потемкине» была, но, судя по всему, ее еще не успели ввести в строй. Вспомним, что корабль еще фактически достраивался, причем в самом авральном порядке.

Обычно пишется, что миноносец был послан в Одессу только за мясом. На самом деле это не совсем так. Миноносец был послан в Одессу за свежим мясом и за зеленью.

Если бы капитан 1-го ранга Голиков действительно не интересовался нуждами команды, то, находясь в отдельном плавании, он мог несколько дней вообще кормить матросов борщом с солониной. Это было, конечно, не слишком вкусно и питательно, но зато бесхлопотно и, что важно, вполне законно, а потому не имело бы для командира никаких последствий. Но командир «Потемкина» был рачительным командиром, а потому решил не только закупить для своих подчиненных свежее мясо, но помимо этого еще и свежей зелени (капуста, лук, чеснок, огурцы), чтобы улучшить и разнообразить матросский стол.

Были проблемы с мясом и в советском военно-морском флоте. Во время моей службы на корабле однажды у нас в море вышла из строя рефрижераторная камера и мы несколько дней были вынуждены есть мясо «с душком». Но офицеров у нас за это почему-то не убивали.

О том, что события 14 июня развивались на «Потемкине» не спонтанно и никакое мясо к ним отношения не имело, проговорились впоследствии в своих воспоминаниях и сами участники событий 14 июня.

«Настроение команды как-то сразу изменилось (после прихода миноносца. — *В.Ш.)*, у нас появилось желание поддержать рабочих», — вспоминал матрос Батеев. Другой участник восстания, комендор Лакий, сообщил, что «было тайное собрание в машинном отделении и было решено, что наступил момент дружно выступить против начальства».

На совещании разгорелась борьба между группой Вакуленчука и сторонниками немедленного восстания во главе с Матюшенко и Бредихиным. Дело дошло до взаимных матерных оскорблений и рукоприкладства. Победили более многочисленные сторонники Вакуленчука: участники тайной сходки решили дождаться прихода эскадры. Уязвленный Матюшенко все же предложил организовать протест команды против плохого мяса и выяснить, пойдет ли за ними команда или нет.

Вакуленчук был против. Вопрос так и остался нерешенным. С этой минуты Матюшенко и его компания уже действовали сами, без оглядки на чьи-либо авторитеты.

О явно провокационной роли Матюшенко в начале мятежа, как и том, что мятеж был заранее спланирован, проговорился в своих воспоминаниях машинный унтер-офицер С. Денисенко: «Во время восстания я был внизу корабля в машинном отделении и видел, что творилось там, когда с верхней палубы раздались свистки строевых унтер-офицеров и боцманов. Созывая всю команду броненосца наверх, “на суд нечестивых”, я вышел туда почти последним. Забравшись наверх, я увидел, что команда не построена в рядах, как того требовала дисциплина, а как-то сбилась в кучу.

Вдруг старший офицер скомандовал:

— Караул наверх! Давай брезент!

Около меня стоял минно-машинный унтер-офицер Афанасий Матюшенко и трясся, как в лихорадке, от охватившего его волнения. Вдруг, обратившись ко мне со словами: “Ну, Степа, зевать тут нечего”, он побежал, крича:

— Давай винтовки, бери винтовки! Бей их, подлецов!

Этого как будто только и ожидали. Часть команды с криком “Давай винтовки”, бросилась разбирать их.

Я заметил, что стоявшие впереди офицеры повернулись в сторону матросов, как будто желая заметить тех, кто кричит. Побежал и я, но не к винтовкам, а в заранее назначенное место — в машинное отделение. За мной туда вбежало еще несколько машинных унтер-офицеров и машинистов… Вдруг один из стоявших здесь машинистов, Шевченко, крикнул: “Дай, пойду, хоть одного офицера убью!” И побежал наверх.

Большая часть команды не знала о подготовлявшемся восстании; но, видя, что дело склоняется в нашу пользу и, заражаясь отвагой Матюшенко и других сознательных матросов, — остальные матросы начали дружно помогать нам, войдя в курс дела».

Один из историков потемкинской темы, Б.И. Гаврилов, в своей книге «В борьбе за свободу», вышедшей еще в советское время, повторяет все мифы о плохом мясе. Он пишет. «14 июня в 5 часов утра команду подняли на молитву. Затем после завтрака началась утренняя приборка, во время которой матросы увидели, что на привезенном мясе, подвешенном с левой стороны спардека, ползают черви. Они стали высказывать свое возмущение вахтенному начальнику прапорщику Н.Я. Ливийцеву. Коки на камбузе поддержали команду и отказались готовить борщ Н.Я. Ливийцев доложил об этом командиру.

Е.Н. Голиков в сопровождении старшего судового врача титулярного советника С.Г. Смирнова поднялся на спардек. Врач осмотрел мясо и признал его годным. Тогда Е.Н. Голиков приказал матросам разойтись и распорядился поставить на спардеке дневального для записи всех недовольных. Затем он приказал промыть мясо в соленой воде, рассчитывая такой “дезинфекцией” успокоить матросов. Но когда кусок вынули из рассола, все с отвращением увидели, что мясо буквально кишит червями. Матросы разошлись, полные злобы. За обедом никто не притронулся к борщу. По просьбе команды кок И. Данилюк приготовил чай с хлебом Матросы стали покупать продукты в судовой лавке.

Прапорщик Н.Я. Ливийцев и старший офицер И.И. Гиляровский пытались заставить команду есть борщ, но встретили решительный отказ. И.И. Гиляровский доложил командиру об угрожающем настроении матросов. Е.Н. Голиков приказал выстроить команду на юте в четыре шеренги. Когда матросы построились, командир вызвал коков и артельщиков и спросил, почему команда не хочет обедать. Коки и артельщики объяснили, что мясо с червями.

“Их нужно проучить, Евгений Николаевич, чтобы они весь свой век помнили”, — заявил командиру старший офицер И.И. Гиляровский. По приказу Е.Н. Голикова принесли бак с борщом Старший врач С.Г. Смирнов на виду у матросов съел несколько ложек борща, предварительно процедив его. Сняв пробу, он заявил, что борщ “чудесный”. Командир спросил кока и артельщиков: “Вы пробу давали мне из этого мяса?” Те, боясь наказания, ответили: “Так точно”.

Тогда командир сказал, что прикажет запечатать бак с борщом и отправить к военному прокурору в Севастополь, но матросы, которые

откажутся повиноваться, будут повешены. Затем он приказал не желающим бунтовать выйти из рядов к орудийной башне, однако, кроме кондукторов, никто не двинулся с места. Е.Н. Голиков вызвал караул. Он хотел расправиться с непокорными матросами поодиночке.

Наступил решающий момент. Социал-демократы, не желая раньше времени обострять конфликт и дать повод к выделению “зачинщиков” для расправы, первыми перешли к башне. За ними последовали и остальные матросы.

Через минуту у правого борта оставалось не более 30 человек. Но тут выступил старший офицер И.И. Гиляровский. Вместе с прапорщиком Н.Л. Ливинцевым он остановил перебегавших матросов и приказал записать их фамилии, а остальным велел разойтись. Едва боцманмат В.И. Михайленко начал переписывать матросов, как из толпы у башни послышался крик: “Кто переписывает, тот будет висеть на рее сегодня с Голиковым!” И.И. Гиляровский приказал принести брезент, и матросы поняли, что готовится расстрел».

Отметим, что, повторяя классическую версию о причине мятежа на «Потемкине» (а в советское время он просто не мог написать ничего иного), Б.И. Гаврилов, однако, все же вынужден признать, что и врач, и командир снимали пробу с приготовленного борща. При этом на ходу автором выдумываются ничем не подтвержденные объяснения, что, дескать, для врача борщ был кем-то (кем именно?) процежен, а командиру якобы давали на пробу другой борщ. Неужели для команды варили одновременно несколько борщей? Это абсурд! Отмечены и действия Голикова по передаче бачка с борщом в прокуратуру. Разумеется, если бы борщ был с червивым мясом, командир бы его ни за что в прокуратуру не отправил.

О том, что капитан 1-го ранга Голиков уже сталкивался с недовольствами командой пищей и умел гасить это недовольство, написал впоследствии в своих воспоминаниях младший инженер-механик броненосца Коваленко. Этот человек, взявший сторону восставших и ушедший с ними в Румынию, оставил по горячим следам воспоминания, опубликованные во Львове в 1906 году и более не перепечатывавшиеся в советских изданиях. В частности, Коваленко писал: «В 1903 году Голиков командовал крейсером “Березань” (вспомогательным судном. — *В.Ш.)*. Во время перехода из Сухуми в Севастополь матросы отказались есть мясо, которое оказалось червивым; команда даже угрожала потопить корабль. Однако командир приказал выдать доброкачественную пищу, и инцидент был исчерпан». Если верить Коваленко (а не верить ему у нас нет никаких

оснований), то у Голикова был личный опыт, как «разрулить» возникшую ситуацию на «Потемкине». Почему же он этого не сделал? Да только потому, что ему просто не дали это сделать! Единственное, что успел командир «Потемкина», — это дать приказание вынести на верхнюю палубу брезент. Да, да, тот самый брезент, с помощью которого якобы собирались расстреливать несчастных голодных матросов…

Потемкинец Н. Рыжий в своих воспоминаниях признает: «Мясо с червями (т.е. с личинками мух. — *В.Ш.)* на кораблях Черноморского флота в те времена было нередким явлением (напомним, что в жаркую летнюю погоду, при отсутствии холодильников на кораблях, личинки могли появиться уже через несколько часов. — *В.Ш.)*, и раньше на разных кораблях оно появлялось кое-когда, но всегда обходилось без серьезных конфликтов. На этот раз сознательная часть команды решила запротестовать, вонючего борща не есть, а взамен потребовать сухарей и масла. Благодаря этому протесту мы думали только узнать, как к этому отнесется вся команда, да и начальство».

*** * ***

Есть еще весьма оригинальная версия «червивого мяса»: «Говорят, будто бы накануне восстания на борт броненосца “Князь Потемкин-Таврический” из Одессы доставили тушу быка и вместе с ней несколько мешков контрабандной (значительно дешевле) итальянской вермишели, мешки с вермишелью имели маркировку на итальянском языке. Вахтенный начальник броненосца, принимая продукты и увидев на мешках итальянскую маркировку, не смог в разговоре с офицером, руководившим их доставкой, удержаться от каламбура:

— Ну вот, теперь и мы, и наши матросики вволю мяса с червячками отведаем

Суть каламбура заключалась в том, что любимое среди моряков блюдо “макароны по-флотски” готовилось из макарон с молотым вареным мясом, прожаренным на свином сале с луком и специями. Конечно, макароны легко можно было заменить вермишелью, от такой замены желанное блюдо хуже бы не стало. С другой стороны, итальянское слово vermicelli имеет два значения: во-первых — червячки; во-вторых — пищевой продукт, разновидность макаронных изделий из пресного теста в виде тонкой круглой лапши фабричного производства.

Один из матросов, участвующих в погрузке продуктов на борт

броненосца, услышал этот разговор, ничего не понял, все перепутал и раззвонил по кубрикам, будто бы золотопогонники, сиречь офицеры, собираются кормить братву, то бишь нижних чинов, червивым мясом. Безобидный каламбур вахтенного начальника броненосца, обычное у любого человека желание создать сенсацию вокруг своей персоны и негативная настроенность экипажа, вызванная непрерывной и весьма успешной работой партийных агитаторов, вылились в кровавую бойню».

Как ни странно, слухи о вермишели нашли и свое документальное подтверждение В Архиве Военно-Морского Флота находится рапорт вахтенного начальника броненосца мичмана Бахтина. В нем говорится: «… также доношу до Вашего сведения, что 14 июня сего года пополудни состоявший судовым врачом на Броненосце “Князь Потемкин-Таврический” доктор Смирнов при проверке приготовления пищи нижним чинам, а именно выдачи мучных продуктов на камбузной палубе, на вопрос судового кока, что означает написанное на бумажном мешке слово VERMICHELLI, ответил, что это вермишель, а на итальянском языке, откуда и прибыли означенные мучные изделия, это означает “червячки”, что впоследствии и послужило основанием для недовольства команды…»

Так что борщ (или суп) с вермишелью — это вполне реально, как реально и то, что для мятежа Матюшенко мог использовать любой повод, даже столь анекдотический.

Самым же важным доказательством того, что борщ был совершенно нормальным и никакие черви там не плавали, служит тот факт, что, перебив своих офицеров и изрядно от этого умаявшись, команда как ни в чем не бывало отобедала уже изрядно остывшим борщом… из того самого «червивого мяса».

Любопытно, что достаточно активными участниками мятежа стали даже закупавший несвежее мясо в Одессе артельщик П.Г. Колбаса и готовившие «плохой борщ» коки И.К. Данилюк и В.В. Шестопалов, т.е. те, кто в некоторой степени были повинны в некачественном борще. Но о них никто даже не вспомнил. Это лишний раз подтверждает то, что борщ был лишь предлогом, но не настоящим поводом к мятежу.

Мало кто знает, но на старых кораблях 2-й и 3-й Тихоокеанских эскадр, проделавших переход по трем океанам к Цусиме («Адмирал Нахимов», «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах»), не было рефрижераторных камер, и почти весь поход они вынуждены были питаться мясом «с душком» или солониной с сухарями. Но революционеров и провокаторов среди идущих на смерть не было. Единственный трус — небезызвестный лейтенант Петр Шмидт постыдно

сбежал еще в Красном море.

Глава шестая. ПРЕСЛОВУТЫЙ БРЕЗЕНТ ЭЙЗЕНШТЕЙНА

Первая ассоциация с восстанием на броненосце «Потемкин» у большинства из нас — это сцена приготовления расстрела матросов на юте. Одна из самых эффектных и драматичных сцен в фильме С. Эйзенштейна; готовый к стрельбе караул с винтовками на изготовку и накинутый на расстреливаемых матросов брезент.

Сцена, вне всяких сомнений, эффектна, но, увы, лжива от начала до конца. Отказы команды от приема пищи, если она была на самом деле недоброкачественной, случались в российском флоте и раньше. Однако никто никогда не устраивал из этого массовых кровавых побоищ. О либерализме командира пишут даже участники восстания, сваливая всю вину за строгость корабельной дисциплины на старшего офицера капитана 2-го ранга Гиляровского, который якобы и организовал подготовку к массовой казни. Забегая вперед, скажем, что либерализм командира, однако, не спас ему жизнь.

Чтобы убедиться в абсурдности решения о массовом расстреле матросов, достаточно хотя бы немного представлять себе специфику корабельной службы и полистать корабельный устав российского флота, не говоря уж о простом здравом смысле. Начнем с того, что без приказа командира, причем приказа письменного, с занесением в вахтенный журнал корабля, никто и никогда не начал бы приготовления к массовому расстрелу матросов. В вахтенном журнале таковых записей, разумеется, нет. Кроме этого заметим, что ни до, ни после «Потемкина» на российском флоте ничего подобного не происходило НИКОГДА! Со времен Петра ни на одном российском корабле ни разу не расстреливали матросов! Пусть не согласные со мной приведут мне хотя бы один подобный случай, и я сниму перед ним шляпу!

Историк Ю.П. Кардашев по этому поводу пишет следующее: «Наиболее одиозно в советской литературе излагалась история с брезентом, которым якобы накрыли несколько десятков матросов для расстрела. Распространению этой версии способствовал фильм режиссера С. Эйзенштейна, в котором для усиления эмоционального воздействия на зрителей матросов накрывают брезентом, а караулу приказывают по ним

стрелять. Как позже писал сам режиссер, это был его вымысел. Но эта сцена, по его же собственному признанию, “вошла в плоть и кровь истории событий”. Фильм произвел сильное впечатление не только на отечественного и зарубежного зрителя, но и на бывших матросов “Потемкина”. Некоторые из них стали “вспоминать”, что сами стояли под этим брезентом. В свидетельских показаниях имеются указания на то, что приказ принести брезент в действительности был отдан. Но его не успели доставить на ют, так как восстание уже началось. Те, кто несли брезент от шестивесельного баркаса, кинули его и убежали. По воспоминаниям писаря К.М. Перелыгина, командир броненосца приказал “принести брезент и завесить этих негодяев”, по другим сведениям, это распоряжение было отдано старшим офицером И.И. Гиляровским. Как именно “завесить”, накрыть или отгородить от остальной части команды, чтобы они не разбежались, осталось неизвестным. Попытки побега эти матросы в действительности делали. Что же касается приказа стрелять по ним, то об этом в документах, в том числе судебных, нет никаких упоминаний. При всей строгости существовавших на флоте порядков, расстрел 30 человек мог быть применен только на основании решения суда. Тем не менее, вымышленный эпизод с брезентом и приказом расстрелять накрытых им матросов вошел как реальный исторический факт в литературу, в вузовские и школьные учебники».

Сцена подготовки расстрела была от начала до конца выдумана Эйзенштейном и целиком заимствована им из дешевых голливудских вестернов начала XX века, причем, что самое удивительное, без малейшего понимания даже смысла происходящего. Сам Эйзенштейн даже хвастается, как он придумал свой трюк с брезентом.

«Я отчетливо помню, — рассказывал он, — как в отчаянии хватался за голову мой консультант и эксперт по флотским делам, бывший морской офицер… когда мне взбрело на ум покрыть матросов брезентом при угрозе расстрелом!

“Нас засмеют!.. — вопил он. — Так никогда не делали!”

И потом подробно объяснил, что при расстреле на палубу действительно выносили брезент. Но совсем с другой целью: он расстилался под ногами обреченных с тем, чтобы кровь их не запятнала палубы…

Помню, как я огрызнулся: “Если засмеют — так нам и надо: значит, не сумели сделать…”

Сцена осталась в фильме. Вошла в плоть и кровь истории событий».

Из статьи о фильме «Броненосец “Потемкин”»: «Эйзенштейн велел

вести сцену (сцену с брезентом. — *В.Ш.)* в том именно виде, в каком она и сейчас в картине. В дальнейшем именно эта деталь, как бы отрезающая изолированную группу восставших от жизни, оказалась одной из наиболее сильных в “Броненосце”. Образ гигантской развернутой повязки, надетой на глаза осужденных, образ гигантского савана, накинутого на группу живых, оказался достаточно эмоционально убедительным, чтобы в нем утонула техническая неточность, к тому же известная очень небольшому кругу знатоков и специалистов. Брезент произвел столь сильное впечатление, что перекочевал из фильма в исторические исследования мятежа на “Потемкине”».

Эйзенштейну думать было некогда, он творил «классику», но мы-то с вами можем хотя бы задуматься: для чего определенных якобы для расстрела матросов вообще пытаются накрывать брезентом?

Дело в том, что в XVI—XVIII веках в британском флоте при расстрелах провинившихся офицеров и взбунтовавшихся матросов действительно выносили брезент, но, как правильно говорил режиссеру эксперт, вовсе не для того, чтобы накрывать им головы приговоренных, а для застилания палубы, чтобы не пачкать ее лишний раз кровью. Постановщики фильма кое-что где-то слышали о процедуре старинных морских казней, но ничего конкретного для себя так и не уяснили. Эйзенштейну вся эта «жуткая» сцена понадобилась для того, чтобы хоть как-то объяснить неискушенному зрителю причину последовавшего вскоре беспощадного истребления офицеров. Небезынтересно, но именно эта мифическая сцена с брезентом была взята и в основу знаменитого одесского памятника потемкинцам, и сегодня являющегося одной из визитных карточек этого города. Увы, выдуманная история рождает и выдуманные памятники…

Не до конца ясна и роль вызванного на бак караула. Здесь есть одна немаловажная загадка. Дело в том, что начальником караула на корабле 1-го ранга в российском флоте должен был быть обер-офицер. Но ни в одних воспоминаниях о восстании на броненосце я фамилии этого таинственного офицера так и не нашел, словно его никогда и не было. Это по большей мере странно, ведь именно этот офицер и должен был бы руководить затеваемым расстрелом, именно он, а не Голиков и не Гиляровский. Именно он и должен был навлечь на себя праведный гаев восставших и последующую за этим праведную расправу. Но вот беда! Все потемкинцы в своих воспоминаниях расписывают ход восстания чуть ли не по секундам, но никто из них не вспомнил о такой ключевой фигуре, как начальнике расстрельного караула. С чего бы такая забывчивость? А может, отсутствие

фамилии командира караула совсем не случайно? Может быть, этого караула никогда и не было? А появился он все с той же легкой руки режиссера Эйзенштейна, так сказать, для усиления трагизма. Если это так, то получается, что не только о расстреле, но и о вооруженном подавлении матросского недовольства не было и речи? Сомневающихся в этой моей версии я прошу найти этого таинственного начальника караула, буду за это весьма признателен.

Интересен и тот факт, что в своих воспоминаниях большинство участников восстания не говорит однозначно, для чего все же выносился на бак злосчастный брезент. Воспоминания М.И. Лебедева: «Когда же старший офицер громко отдал приказание одному из боцманов принести брезент, матросами, по всей вероятности, это распоряжение старшего офицера было принято, как знак того, что оставленных насильно офицером на старом месте их товарищей будут расстреливать. Это приказание оказалось роковым для старшего офицера. Из толпы, напряженно наблюдавшей ту сцену, раздался громкий и уверенный голос (это кричал Матюшенко. — *В.Ш.).* “Братцы, довольно терпеть! Ведь они хотят расстреливать наших товарищей! Бей их, извергов!” “К оружию!” — раздалось в ответ, и сначала несколько человек, а потом за ними и вся команда, с криками “ура”, “да здравствует свобода”, бросились к ружьям Караул разбежался…» Лебедев уклончиво говорит о возможной вероятности расстрельного предназначения брезента, которое якобы возникло в головах у неких матросов. Но если бы на приговоренных к расстрелу действительно накидывали брезент, то слова “по всей вероятности” здесь совершенно неуместны.

Еще раз вспомним мемуары машиниста Степана Денисенко (пусть читатель простит автора за повтор): «Забравшись наверх, я увидел, что команда не построена в рядах, как того требовала дисциплина, а как-то сбилась в кучу. Вдруг старший офицер скомандовал:

— Караул наверх! Давай брезент!

Около меня стоял минно-машинный унтер-офицер Афанасий Матюшенко и трясся, как в лихорадке, от охватившего его волнения. Вдруг, обратившись ко мне со словами: “Ну, Степа, зевать тут нечего!” — он побежал, крича:

— Давай винтовки, бери винтовки! Бей их, подлецов! Этого как будто только и ожидали…»

Если верить Денисенко, Матюшенко сильно разволновался именно тогда, когда на палубу выносили брезент. Причины для волнения у него были серьезные, но вовсе не потому, что он боялся расстрела своих

сослуживцев.

Вспоминает потемкинец матрос Е. Лакий: «Вызвали караул и окружили человек 20 матросов. Было приказано накрыть их брезентом. Послали за брезентом, но матросы все разбежались.

Брезент так и остался на месте. Кинулись все к оружию, достали патроны, зарядили винтовки».

Еще раз вспомним признание потемкинца Лебедева: «Старший офицер громко отдал приказание одному из боцманов принести брезент, матросам, по всей вероятности, это распоряжение старшего офицера было принято, как знак того, что оставленных насильно офицером на старом месте их товарищей будут расстреливать…»

Что примечательного в этой фразе? Прежде всего, то, что поводом к восстанию, по словам матроса Денисенко, послужил вовсе не начинающийся расстрел, как поведал нам Эйзенштейн, а вслед за ним и несколько поколений историков, а вынос брезента. Волноваться при виде выносимого брезента у организаторов мятежа действительно были все основания. Но вовсе не по тому поводу, о котором нам поведал Эйзенштейн. Дело в том, что, согласно корабельному уставу начала XX века, в русском флоте в летнее время пища раздавалась команде прямо на верхней палубе. Ели матросы там же на расстеленном брезенте, чтобы не пачкать пролитым борщом отдраенные до белизны тиковые доски. Отметим, что никто из матросов не утверждает, что брезент выносили именно для расстрела. Причем, если Лебедев говорит, что брезент, «по всей вероятности», мог бы быть выносим для расстрела, то Денисенко не говорит об этом вообще. Зато он проговаривается о куда более важных вещах. По его словам, Матюшенко вовсе не находился в командном строю, как Вакуленчук, а наблюдал за развитием событий со стороны. Вынос брезента, как мы уже говорили, по словам Денисенко, ввергнул Матюшенко в нервную дрожь. Скорее всего, минно-машинный унтер-офицер понял, что сейчас следом за брезентом принесут бачки с борщом, проголодавшиеся матросы усядутся обедать и на этом инцидент будет исчерпан. Тогда-то он и крикнул в толпу о расстреле и о винтовках.

Но и это не всё! Лебедев говорит, что брезент принес всего один человек. Кто смотрел фильм Эйзенштейна, то там огромнейший брезент волочет целая команда. Совершенно очевидно, что огромное (и тяжеленное) брезентовое полотнище одному человеку не поднять. Кто же врет, Эйзенштейн или Лебедев? Врет режиссер. Возможно, сам того не желая, Лебедев в данном случае написал правду. Голиков действительно дал команду, но принести не брезент, а брезенты. В русском флоте матросы

традиционно питались артелями («бачками»), т.е. группами по 7—10 человек. Эта бачковая традиция была сохранена и в советском флоте. Каждая артель и имела свой небольшой брезент, который застилался на палубу во время летних обедов. Именно такой артельный брезент и принес боцман. Разумеется, такая тряпка совершенно не устроила Эйзенштейна. Именно тогда на свет и появился фантастический брезент-монстр.

Из всех потемкинцев о том, что брезент выносился для массового расстрела, пишут только Матюшенко и его ближайший подручный Лычев.

В своих мемуарах А. Матюшенко будет вовсю фантазировать: «У команды захватило дух… Приказ, отданный Гиляровским боцману, значит, что этих товарищей накроют пеньковым пологом (надо понимать, брезентом. — *В.Ш.)* и дадут по ним, совершенно беспомощным, несколько залпов. В каждом из бледных матросов, столпившихся у башни, сердце колотилось в груди от жалости, ужаса и гнева, но никто не знал, что делать».

Вот описание ситуации у И. Лычева, в котором он заученно повторяет историю о брезенте Эйзенштейна: «Появился брезент: его приволокли, задыхаясь от служебного рвения, кондуктора и офицеры.

— Закрыть их! — приказал Гиляровский.

Брезент взметнулся в воздух и отделил от толпы обреченных людей. Наступила жуткая тишина. Вихрем понеслись мысли:

“Брезент — это ведь саван! Неужели их собираются расстреливать?.. Что делать?” Прошла томительная минута, толпа у башни казалась парализованной.

— Стрелять! — прохрипел Гиляровский.

Но караул, охваченный, как и мы, ужасом, не шевельнулся. И в этот миг из-за брезента раздался голос

— Братья, не стреляйте! Почему вы нас покинули?! Этот отчаянный вопль точно ножом ударил в сердце. Из толпы загремели крики:

— Не стреляйте!

И через мгновение все изменилось. Почти одновременно несколько голосов закричало:

— К оружию!

Тогда Гиляровский, выхватив револьвер, пытался сам расправиться с матросами. Вакуленчук кинулся к Гиляровскому, чтобы отобрать у него оружие. Старший офицер выстрелил один за другим два раза и смертельно ранил Вакуленчука. Эти события послужили сигналом к восстанию… Раздался призыв Матюшенко:

— К оружию, братья! Довольно быть рабами!

Палуба застонала от топота Мы бросились за Матюшенко в центральную батарею и через несколько секунд с винтовками появились на палубе. Затрещали выстрелы… Первую пулю получил Гиляровский. Падая за борт, он успел прокричать лишь угрозу по адресу Матюшенко: “Я с тобой посчитаюсь! Я тебя знаю!” Еще несколько минут яростной схватки, шум, крики погони, и… броненосец «Князь Потемкин-Таврический» оказался во власти восставших матросов».

Еще один весьма любопытный нюанс За брезентом был послан не кто иной, как старший боцман корабля Мурзак. Он исполнил приказание и доставил брезент от 16-весельного баркаса. Если брезент действительно собирались использовать для расстрела, то Мурзак чуть ли не враг восставших! Но все происходит наоборот. Именно он первым примыкает к мятежникам и пользуется почти абсолютным доверием Матюшенко. Впоследствии мы еще поговорим о дальнейшей революционной деятельности боцмана Мурзака. Сейчас же нас интересует иное: мог ли Матюшенко доверять тому, кто лично готовил казнь матросов? Разумеется, нет! Но он вполне мог доверять тому, кто притащил брезент для организации обеда на верхней палубе. В противном случае его бы попросту сразу убили вовремя мятежа, как врага и палача.

*** * ***

Есть в истории с брезентом и еще одна сторона, наверное, самая подлая. Эту подлость при ознакомлении с хроникой событий на броненосце сразу не видно. При этом подлость в истории с брезентом была сделана вполне сознательно и с весьма далеко идущими пропагандистскими целями. Автором се является, скорее всего, не только сам Эйзенштейн, но и его не менее гениальный покровитель и изначальный главный куратор фильма Лев Бронштейн-Троцкий.

Дело в том, что, отсекая определенных к казни матросов от тех, кому этот расстрел должен был стать уроком на будущее, офицеры «Потемкина» якобы хватали первых, т.е. тех, кто просто попался им на глаза. Другими словами, принцип вынесения приговора о расстреле матросов был совершенно случайным; кому повезло, тот останется жить, кому нет, того пустят в расход! Голиков с Гиляровским решили, по версии Эйзенштейна, убить несколько десятков первых попавшихся матросов, чтобы запутать остальных. Это вам ничего не напоминает?

Теперь вспомним дореволюционное российское законодательство.

Перелистайте корабельные уставы конца XIX — начала XX века. Да, за отказ принимать пищу матроса можно было арестовать и посадить в карцер. Если отказ носил действие коллективного неповиновения, то самым разумным для начальников было вначале любой ценой успокоить матросов, а затем уже выявлять зачинщиков. Так, кстати, на кораблях всех флотов мира и поступали. Выявленных зачинщиков вполне можно было затем отдать под военный суд и даже отправить на каторгу, но (заметьте!) только через суд, где матросам обязаны были предоставить хоть казенного, но все же защитника. Разумеется, командир корабля, находясь в отдельном плавании, имел право применять оружие, если кораблю и жизни его экипажа угрожает реальная опасность. Это право, кстати, остается за командирами кораблей и в сегодняшнем российском флоте. Но ведь на момент выноса пресловутого брезента никакого вооруженного мятежа еще не было. Да, команда не желала есть борщ, да, ее уговаривали и, кстати, почти уговорили, так как большая часть матросов согласилась идти на обед. Зачем же устраивать кровопролитие? Не лучше ли подождать, когда ситуация сама собой сойдет на нет, и потом уже разобраться с виновными?

Думаю, что правдивее всего этот весьма запутанный момент изложен в июльском номере журнале «Нива» за 1905 год: «Во вторник 14 июля судовая команда под предлогом якобы недоброкачественности привезенного из Одессы миноносцем мяса отказалась принимать в пищу борщ. По распоряжению командира команда была собрана на шканцы, где старший офицер капитан 2-го ранга Гиляровский приказал выступить перед фронтом тех из нижних чинов, которые не отказываются от принятия пищи, т.е. не участвуют в протесте, выраженном в столь резкой форме. Когда же перед фронтом выступило большинство из судовой команды, то старший офицер стал записывать имена недовольных, составляющих меньшинство. Воспользовавшись этой минутой, последние схватили из пирамид ружья…»

В действительности все именно так и происходило. Но такой поворот сюжета не устраивал ни Эйзенштейна, ни Троцкого. Тут не то что не пахло героикой, а наоборот, отдавало самой дешевой провокацией, которую затеяла банда Матюшенко. И тогда Эйзенштейн (возможно, с подачи того же Троцкого) придумал свой гениальный ход с брезентом. Итак, согласно версии Эйзенштейна—Троцкого, взбесившиеся офицеры броненосца решили устроить бойню невиновных, чтобы принудить к повиновению основную рядовую массу. Не напоминает ли это вам нечто подобное из боевой практики самого Льва Давидовича? Как не вспомнить здесь его публичные децимации (расстрел каждого десятого) в красноармейских

полках под Пермью в 1919 году? Тогда Троцкий со товарищи поступали именно так, как якобы поступили в 1905 году офицеры на «Потемкине». Как не вспомнить здесь знаменитое высказывание подельницы Троцкого по децимациям комиссарши Ларисы Рейснер: «В Перми мы расстреливали красноармейцев, как собак!»

Именно в этом и заключается подлость создателей фильма. Во-первых, подготовка к убийству невиновных на экране обязательно вызовет праведный гнев зрителей, а значит, оправдает перед ними все последующие убийства в фильме самих офицеров. Во-вторых, поколение, помнившее кровавые децимации самого Троцкого, теперь могло утешиться тем, что эти жуткие казни были лишь «социальным ответом» наркомвоенмора на точно такие же злодеяния «царских опричников»! Помните слова В.И. Ленина о том, что из всех искусств для нас важнейшим является кино? Эту формулу прекрасно понимал, разумеется, не только Ленин. В отличие от книги кинофильм человек впитывает не только сознанием, но и подсознанием (вспомните пресловутый 25-й кадр!). А потому сцена с брезентом должна была навсегда отпечататься в памяти всех, кто хоть раз просмотрел фильм Эйзенштейна, а таких в СССР были миллионы. И эти миллионы отныне твердо знали, что децимации, оказывается, были вполне обычным делом на дореволюционном русском флоте, а добряк Троцкий только скопировал их из-за революционной необходимости, мстя угнетателям за потемкинский брезент.

Помимо всего прочего, вся придуманная история с брезентом — это не что иное, как показанная зрителю масонская мистерия, изображающая массовое заклание ягнят во имя Молоха власти. И это не пустые слова! Режиссер Эйзенштейн был не столь прост, как может показаться на первый взгляд. Все его «гениальные выдумки» в «Броненосце “Потемкине”» — это совсем не озарения обычного ищущего художника, а многоходовые обманы с большим подтекстом, рассчитанные вовсе не на неискушенного зрителя (как в случае с пресловутым брезентом), а на посвященных. Сокрытые от посторонних знаки-сигналы Эйзенштейна рассудочны, полны аллегорической схоластики и дидактики, подчинены формулам масонских обрядов и могут быть до конца поняты только «своими». В фильме Эйзенштейн, возможно, впервые в истории кинематографа, продемонстрировал зрителю масонскую идеологию и символику в динамике. Отсюда, кстати, и тот восторг, с которым встречала фильм вся мировая масонская элита, назвавшая «Броненосец “Потемкин”» лучшим фильмов всех времен и народов. Еще бы, ведь фильм был цельным и продуманным посланием масонам мира от их советских коллег, в том числе

и от его создателя — розенкрейцера ордена «Lux astralis» Сергея Эйзенштейна (режиссер вступил в него в конце 1920 года и был весьма активным членом). Кстати, и сам заказчик фильма Троцкий тоже являлся масоном, причем весьма высокой степени и с большим стажем.

В цели моей работы не входит анализ фильма «Броненосец “Потемкин”» с точки зрения масонской символики. Отмечу лишь, что помимо сцены с брезентом, пожалуй, самыми креативными кадрами фильма был расстрел демонстрации на Потемкинской лестнице. Гигантская лестница уже изначально была не столько главным символом Одессы для внешнего мира, но и главным масонским символом Одессы.

Дело в том, что лестница в масонской символике — главный осевой символ. Ось Вселенной — это лестница, по которой начинается движение восхождения и нисхождения. Лестница — многозначительный символ пути, по которому человек может подняться к небесам, преодолевая ее ступени. Лестница — символ совершенства масона от ученика до высших степеней. Не зря на вершине гигантской лестницы была поставлена фигура масона высших степеней герцога Ришелье — он был как идол для поднимающихся по ступеням. Как пишет одесский краевед Виктор Савченко, много лет изучавший данный вопрос, по замыслу масона графа Воронцова, создавшего лестницу, «она (как и библейская лестница Иакова, служившая для путешествия ангелов на Землю) должна была гармонизировать пространство, превратив Одессу в масонский Храм».

Где знать рядовому зрителю, что на самом деле никакого расстрела на реальной Потемкинской лестнице никогда не было, как не было и несущейся вниз по ступеням коляски с грудным ребенком!

Из воспоминаний известного актера Михаила Штрауха: «Еще до поездки в Ленинград мне было поручено собирать материал о революции 1905 года Я усиленно бегал в Ленинскую библиотеку. Однажды я наткнулся во французском журнале “Иллюстрасьон” на интересный материал. На рисунке художником, очевидцем событий, был изображён расстрел на Одесской лестнице. Удивившись оперативности западной журналистики, я показал рисунок Эйзенштейну. Этот рисунок дал толчок воображению Сергея Михайловича* В его памяти жили страшные картины расправы с рижской демонстрацией 1905 года, свидетелем которой он был в детстве. Отголоском этих воспоминаний, несомненно, были финальные эпизоды “Стачки”. Очевидно, найденный мной рисунок оживил вновь это сильнейшее детское впечатление. И первое, что мы сделали, приехав в Одессу, — даже не позавтракав, побежали на знаменитую лестницу! Тут-то и надо быть Эйзенштейном, обладать его хваткой, его творческой энергией,

чтобы суметь сочинить “на ходу” целую часть, ставшую центром картины. Он на неделю засел в гостинице и писал монтажные листы новых эпизодов. Параллельно шла организация съемок».

Эпизод «Лестница», драматическая вершина трагедии, настолько потрясает, что он был включен как истинное историческое событие в путеводитель по СССР в 1928 году и в одно американское исследование, посвященное этому мятежу. В действительности резня происходила не днем (как в этом волнующем кадре), а ночью, на улицах и в пригородах, расположенных далеко от этого места, Эйзенштейн рассматривал эпизод «Лестница» как синтез всех событий 1905 года, ознаменовавшихся жестокими репрессиями. Об этом он писал в 1939 году: «Сцена на лестнице вобрала в себя и бакинскую бойню, и 9 января, когда так же, “доверчивой толпой” народ радуется весеннему воздуху свободы пятого года и когда эти порывы так же беспощадно давит сапогами реакция, как зверски подожгла Томский театр во время митинга разнузданная черная сотня погромщиков».

…Грабежи, пьяные драки и поножовщина пьяной шпаны в порту были, а вот киношного расстрела в реальности никогда не было! А вы можете представить себе полоумную мамашу, которая толкает перед собой коляску с младенцем прямо под пули солдат? Я, честно признаюсь, не могу, думаю, что и читатели тоже. Но разве это важно для масона Эйзенштейна! В фильме он разыгрывает (и разыгрывает, признаем, талантливо!) мистерию гигантской лестницы: народ поднимается но лестнице вверх, а власть наступает сверху вниз, заставляя народ бежать еще ниже. Аллегория предельно ясна! Народ пытается стихийно подняться (т.е. без руководства масонов) по ИХ лестнице, но власть загоняет его на более низкий уровень духовного развития. А как стремительно несется в бездну знаменитая коляска с ребенком, символом будущего поколения! Вывод прост: без высшего масонского руководства невозможно подняться к сияющим вершинам Великой лестницы духовного совершенства.

Заканчивая разговор на данную тему, совершенно понятно, что и брезент, и расстрел были вставлены в сюжет фильма совсем не случайно. История матросского бунта была превращена Эйзенштейном в настоящую энциклопедию масонской символики. Именно в этом, а не в чем-либо другом все подлинное «величие» и фильма, и его режиссера. С этой точки зрения следует относиться и к знаменитому брезенту.

Глава седьмая.
ТАЙНА УБИЙСТВА ВАКУЛЕНЧУКА

Одним из весьма темных мест мятежа на «Потемкине» является смерть Григория Вакуленчука. Официально признано, что Вакуленчука якобы убил старший офицер корабля капитан 2-го ранга Гиляровский. Однако здесь есть определенные неувязки, а значит, и сомнения.

Уже известный нам историк Б.И. Гаврилов в своей книге «В борьбе за свободу» вынужден признать наличие некой загадки в истории смерти Вакуленчука, Он пишет «Источники (имеются в виду исторические источники, повествующие об обстоятельствах мятежа. — *В.Ш.)* не содержат серьезных противоречий, за исключением вопроса о смерти Г.Н. Вакуленчука. Некоторые потемкинцы утверждают, что в ответ на возмущение команды приказом о расстреле И.И. Гиляровский выхватил револьвер и убил Г.Н. Вакуленчука, подозревая в нем вожака матросов, смерть которого и послужила сигналом к восстанию. Другие свидетельствуют, что Вакуленчук погиб уже в ходе восстания. Последняя версия представляется наиболее верной, так как подтверждается документами следствия. Разделяет ее и ряд историков. Однако обстоятельства гибели Г.Н. Вакуленчука остаются все же не совсем ясными. Но поскольку большинство потемкинцев пишут о рукопашной схватке между Г.Н. Вакуленчуком и И.И. Гиляровским в разгар борьбы на палубе, то на основании мемуаров и документов следствия можно предположить следующее.

После раздачи оружия в батарейной палубе Г.Н. Вакуленчук вышел наверх и в погоне за лейтенантом А.К. Неупокоевым забежал на башню. Здесь его ранил из винтовки И.И. Гиляровский, но Вакуленчук бросился на него и вырвал винтовку. В это время сзади в Вакуленчука выстрелили строевой квартирмейстер А.Я. Денчик и один из караульных, тяжело ранив его в голову и спину. Теряя сознание, Вакуленчук упал на палубу, залив ее кровью. В этот момент за башню забежал А.Н. Матюшенко. Он застрелил И.И. Гиляровского, но не оказал помощи П.Н. Вакуленчуку, считая его убитым. Затем Матюшенко отошел от башни и взял на себя руководство восстанием

Г.Н. Вакуленчук, придя в сознание, хотел добраться до лазарета, но силы оставили его. Он схватился за бортовой леер (ограждение) и упал в

море, где его подобрали матросы с шестерки, стоявшей у трапа». Согласно воспоминаниям Матюшенко, смертельно раненный Вакуленчук «добежал до борта, ухватился руками за леер и упал за борт».

Версия потемкинца Лебедева выглядит несколько иначе: «Первым был убит лейтенант Неупокоев. После первых выстрелов офицеры, окружавшие старшего офицера, разбежались. Старший офицер, оставшись один и увидев себя окруженным матросами, выхватил у одного из остолбеневших от неожиданности и страха часовых винтовку и выстрелом из нее смертельно ранил матроса Вакуленчука, который шел на него с винтовкой в руках. Другой матрос, все время старавшийся не упускать из вида старшего офицера, прицелился в него в тот момент, когда офицер уже выстрелил в Вакуленчука; офицер, обливаясь кровью, упал на палубу».

Вот весьма оригинальная версия потемкинца И. Старцева. По этой версии, Вакуленчук является старшим караула, который должен усмирить недовольных. Он дерется на кулаках с Гиляровским, и тот убивает Вакуленчука из револьвера. Самому же Гиляровскому разбивает голову прикладом Матюшенко. И. Старцев рассказывает: «Разводящим караула был матрос Вакуленчук(!!!). Он обращается к старшему офицеру Гиляровскому: “Ваше высокоблагородие, дайте мне распоряжение командовать караулом!” И тут же в ответ дает команду: “К ноге!” Гиляровский бросается к Вакуленчуку, и между ними начинается борьба за винтовку. Гиляровский улучил момент, вытащил револьвер и выстрелил в Вакуленчука Вакуленчук упал. В это время слышим: “Бей драконов! Бей паразитов!” — это Матюшенко бежит с батарейной палубы с винтовкой вверх прикладом и с размаху бьет по голове Гиляровского, который не ожидал этого удара. Он падает».

А вот уже версия матроса Г. Полторацкого, который полностью опровергает И. Старцева. По версии Г. Полторацкого, Вакуленчук вовсе не был разводящим караула, который должен был осуществлять казнь, а, наоборот, он был среди тех, кого собирались казнить. Да и с Гиляровским он не дрался, а тот убил его просто так. Да и сам Гиляровский был убит не прикладом по голове, а пулей в затылок!

Из воспоминаний Г. Полторацкого: «В это время Вакуленчук, попавший под брезент, обратился ко всем матросам, находившимся на палубе: “Братцы! Нас расстреливают!” Гиляровский выхватил револьвер и выстрелил в Вакуленчука. Тот упал. Матросы разобрали оружие, началась перестрелка. Матюшенко выскочил из каземата… Выйдя на палубу, направился между башей и казематом к двери… где встретился с Гиляровским, которого выстрелом в затылок убил наповал».

А вот другой вариант. Согласно ему, Вакуленчук не был ни разводящим караула, ни обреченным на казнь. Ему просто не хватило патронов, и он кинулся в рукопашный бой. Убивают же Вакуленчука уже не из револьвера, а из винтовки. Вспоминает потемкинец матрос Е. Лакий: «Товарищ Вакуленчук, не дожидаясь патронов, начал рукопашный бой со старшим офицером капитаном 2-го ранга Гиляровским. Гиляровский схватил у часового заряженную винтовку и застрелил Вакуленчука. Команда тут же уложила Гиляровского и двух лейтенантов, которые пытались сопротивляться».

Из воспоминаний потемкинца С. Токарева, согласно которой Вакуленчук был убит при попытке разоружить Гиляровского, а самого старшего офицера убивают уже некие безымянные матросы: «Явился караул с заряженными винтовками. Тогда матросы зашептались и сначала поодиночке, а затем целыми группами стали переходить направо. На месте осталось человек тридцать, не успевших перебежать к орудийной башне. Но командование корабля не хотело закончить эту стычку мирным путем Оно хотело запугать команду. Неожиданно старший офицер Гиляровский перегородил путь перебегавшим матросам. “Принести брезент!” — велел он кондукторам. Появился брезент… Его приволокли кондуктора и офицеры. Наступила жуткая тишина… И вдруг из толпы слышим крик: “Не стреляйте!” И уже через секунду несколько голосов закричало: “К оружию!” Гиляровский выхватил револьвер — он хотел сам расправиться с матросами. Но Григорий Вакуленчук кинулся к Гиляровскому. Он хотел отобрать у офицера оружие. И тут Гиляровский выстрелил два раза подряд и ранил Вакуленчука. Рана оказалась смертельной. Тут, слышим, Матюшенко: “К оружию! Бей гадов!” Матросы разобрали винтовки, открыли патронный погреб и пошла стрельба. Первую пулю получил Гиляровский. Его бросили за борт». Истории на любой вкус, выбирай любую!

Как мы понимаем, вообще воспоминаниям участников мятежа, да и большинству описаний начала мятежа на броненосце в отечественной литературе надо верить очень осторожно. К примеру, автор некогда популярной книги «Герои “Потемкина”» И. Пономарев вообще явно был не в теме того, о чем он писал. Относительно обстоятельств гибели Гиляровского он вообще пишет абсолютную ахинею. Согласно Пономареву, Гиляровский вообще убежал и спрятался где-то в низах, где и был найден вездесущим Матюшенко, который вначале ранил старшего офицера, а потом подоспевшие друзья-матросы подняли Гиляровского на штыки, на тех же штыках вытащили на верхнюю палубу и выкинули за

борт. Но это образчик дешевой литературы для широких масс, поговорим о серьезных историках.

*** * ***

Начнем с того, что утверждения отдельных историков о том, что именно Вакуленчук руководил корабельной организацией РСДРП на «Потемкине», документально ничем не подтверждены. Даже столь тенденциозный советский историк революционного движения в военно-морском флоте, как генерал С.Ф. Найда, и тот, говоря о политической ориентации Вакуленчука, ограничивается лишь тем, что последний был членом «Централки» (Центрального революционного комитета Черноморского флота по подготовке восстания в 1905 году). Однако так как никаких документальных списков членов «Централки» никогда не существовало, то и членство в ней того или иного матроса советские историки устанавливали на основании воспоминаний участников событий. Разумеется, по прошествии многих лет и субъективности воспоминаний, эту информацию нельзя считать абсолютно достоверной. Однозначно можно сказать и то, что нет ни одного документального свидетельства того, что Вакуленчук был членом РСДРП, а тем более еще и большевиком. О принадлежности Вакуленчука к большевикам стали говорить только после Октябрьской революции, когда партии понадобились герои.

Напомним, что первые разногласия у российских социал-демократов начались на II съезде РСДРП в 1903 году, но окончательно большевики и меньшевики разделились лишь на III съезде в Лондоне в апреле—мае 1905 года, А потому к лету 1905 года ни о каком четком разделении социал-демократов на большевиков и меньшевиков в низовых организациях речи не шло, там еще только пытались разобраться в сути скандала в партийных верхах. Кто придумал большевика-социал-демократа Вакуленчука, в точности неизвестно, но версия эта так понравилась нашим историкам, что ее начали использовать практически все пишущие о событиях на броненосце «Потемкин». Впрочем, судя по всему, именно Вакуленчук (как вполне возможный член все той же «Централки») все же пользовался большим авторитетом на корабле. При этом поведение Вакуленчука, с точки зрения восставших, было весьма странным Он откровенно не желал мятежа и не только сам противился ему, но и всеми силами удерживал команду, считая призывы Матюшенко провокацией. Официально считается, что Вакуленчук, как член «Централки», вынашивал свои далеко идущие

планы, чтобы мятеж произошел не на одном отдельно взятом корабле, а сразу на всем Черноморском флоте, и бунт из-за борща туда не вписывался. Однако это всего лишь догадки историков. О чем на самом деле думал Вакуленчук, мы не знаем, так как он был убит и о своих думах никому рассказать просто не успел. А потому, оставив на совести историков думы Вакуленчука, обратимся к его поступкам, которые говорят об одном — он делал все возможное, чтобы предотвратить восстание.

Честно говоря, знакомясь со всем корпусом исторической литературы по «Потемкину», у меня создалось впечатление, что Вакуленчук вообще не был никаким революционером, а просто авторитетным старослужащим, которого уважали и матросы, и офицеры; говоря современным языком, он был неформальным лидером. Смерть этого корабельного «авторитета» была вначале весьма умело использована организаторами мятежа, когда же имя Вакуленчука, как жертвы «офицерского произвола», стало известно всей России, его уже задним числом причислили и к руководителям восстания, и к членам «Централки», и к членам РСДРП, и, наконец, годы спустя и к большевикам. А так как поступки реального Вакуленчука не вписывались в созданный историками образ, то ему и были приписаны некие таинственные раздумья.

Как мы знаем, уже в начале мятежа, когда командир броненосца дал команду, чтобы желающие обедать перешли на противоположный борт корабля и тем самым подали остальным пример смирения и послушания, первым, кто выполнил это распоряжение, был именно Вакуленчук. На глазах всей команды он демонстративно перешел на противоположный борт корабля, недвусмысленно дав понять, что бузу пора прекращать и идти на обед. За ним, как за признанным авторитетом, потянулись и остальные матросы. Этот поступок вне всяких сомнений видел Гиляровский. Зачем же ему было убивать именно Вакуленчука, который объективно помогал восстановить порядок на корабле? Наоборот, в данной ситуации Вакуленчук был самым главным союзником старшего офицера! Здесь полная нестыковка! Причем нелогичность поведения Гиляровского столь вопиющая, что историки даже не пытаются ее объяснить. По их версии, Гиляровский просто так схватил винтовку и убил своего самого верного помощника. Почему убил. А потому что царский сатрап!

Отметим и тот факт, что взаимоотношения Вакуленчука и Матюшенко были не просто противоположными, а откровенно враждебными. Историки осторожно признают эту враждебность, объясняя ее лишь различным подходом к вопросу времени начало мятежа. А так, пишут они, Вакуленчук и Матюшенко были чуть ли не закадычными друзьями. Заметим, что о

дружбе Вакуленчука и Матюшенко не упоминает ни один из участников событий, зато глухие упоминания об их явном и давнем соперничестве имеются. Скорее всего, на броненосце существовали два конкурирующих между собой клана, боровшиеся за лидерство среди матросской массы. При этом на момент мятежа клан Вакуленчука пользовался куда большим авторитетом среди команды, чем его конкуренты. Кроме этого, Матюшенко не пользовался на корабле влиянием Вакуленчука, хотя бы потому, что не был членом «Централки», если Вакуленчук все же этим членом был. Отметим, что в планах «Централки» одесский вариант никоим образом не рассматривался, мятеж надлежало поднимать в Севастополе. В противовес этому Матюшенко явился главным инициатором и последовательным проводником «одесской» линии в «потемкинском» восстании Совершенно ясно, что после прибытия из Одессы миноносца именно Матюшенко всеми силами провоцировал выступление матросов. Вакуленчук же старался его не допустить. Более внимательное чтение мемуаров участников мятежа на «Потемкине» заставляет вообще задуматься, что все происшедшее на броненосце было спровоцировано именно Матюшенко. Для чего? Об этом остается только догадываться, хотя вариантов не так уж и много. Скорее всего, Матюшенко желал стать лидером восстания. Если бы мятеж произошел позднее, по задуманному «Централкой» плану, то Матюшенко там к руководству никто бы не подпустил, так как там имелись свои вожаки. В дальнейшем мы еще поговорим о характере Матюшенко, его патологической жажде власти и склонности к садизму. Пока же ограничимся тем, что если Вакуленчук, скорее всего, объединял вокруг себя наиболее грамотных матросов, то Матюшенко являлся, как бы сейчас сказали, лидером корабельной люмпен-группировки.

*** * ***

Афанасий Матюшенко — личность в нашем повествовании весьма важная. Матюшенко был из крестьян, родился в 1879 году в селе Деркачи Харьковской губернии. До призыва на флот работал смазчиком в Харьковском паровозном депо, кочегаром на пароходе, забойщиком скота. С 1900 года на Черноморском флоте. Анархист Харкевич, друг детства Матюшенко, так писал о нем: «Даже тогда, в детстве, видна была в Матюшенко какая-то… не то ненависть, не то что-то похожее на ненависть к “интеллигенции”».

По воспоминаниям очевидцев, только Вакуленчук мог как-то повлиять

на ситуацию и остановить бунт на «Потемкине», но именно его почему-то и убивают. Согласитесь, что такое убийство очень напоминает заранее запланированное устранение конкурента, которое сразу же решало две весьма важные для сторонников восстания на «Потемкине» задачи:

1. Устранение неформального лидера, не желающего восстания.

2. Создание повода для последующей беспощадной расправы с офицерами.

Устранение Вакуленчука, да еще инсценированное как убийство офицером, было на руку только Матюшенко и его сторонникам. Что было бы, если бы Вакуленчук остался жив? Если он действительно являлся членом «Централки», то ориентированный не на Одессу, а на Севастополь, он, скорее всего, принял бы «севастопольский» план дальнейших действий. Направил бы «Потемкин» не в не нужную никому Одессу, а в Севастополь, где его ждали соратники по «Централке». Матюшенко же был для севастопольских активистов чужим, зато, видимо, своим для одесских. Если же Вакуленчук не был вообще никаким революционером, то, останься он жив, весь мятеж на «Потемкине» закончился бы выявлением и арестом его зачинщиков. А потому, в любом случае, если Вакуленчук и мешал кому-то на корабле, так только Матюшенко и его сторонникам.

Но мог ли Матюшенко пойти на такое страшное преступление и убить своего товарища? Увы, все воспоминания об этом человеке говорят однозначно, что он не только смог бы это сделать, но и сделал бы с большим удовольствием.

Весьма странно выглядит и тот факт, что, несмотря на всю якобы имевшую место на корабле перестрелку между офицерами и матросами (а ведь на стороне первых был еще вооруженный караул и полтора десятка боцманов и кондукторов), среди матросов в первые минуты мятежа не было убито и ранено ни одного человека, кроме Вакуленчука.

Несмотря на многочисленные воспоминания участников «потемкинского» восстания, нет ни одного надежного свидетельства очевидца убийства Вакуленчука. Все видели его уже смертельно раненным, причем в состоянии, когда Вакуленчук не мог говорить. Но кто видел, что в Вакуленчука стрелял именно Гиляровский? Получается, что никто! Впрочем, убийство Вакуленчука все же один человек видел — и это был, разумеется, Матюшенко. По его рассказу, на его глазах якобы Гиляровский вдруг выхватил револьвер (по другой версии, винтовку) и выстрелил в Вакуленчука, который в это время что есть силы призывал матросов к восстанию. После чего он, Матюшенко, тут же собственноручно и застрелил Гиляровского. Впоследствии (уже после ареста) Матюшенко

далее нарисовал план происходивших на баке «Потемкина» событий, который достаточно хорошо известен и принимается всеми историками без малейших оговорок. На самом деле момент смертельного ранения Вакуленчука весьма темен. И самое странное в нем именно то, что убийство Вакуленчука видел только один человек, и им оказался из девятисот человек команды именно его главный оппонент Матюшенко! Не потому ли именно и был после расправы с Вакуленчуком сразу же расстрелян Гиляровский? Ведь останься старший офицер в живых, он вполне мог бы доказать, что не стрелял в матроса, а кроме этого, назвать имя настоящего убийцы.

Не меньшее подозрение вызывает и место расправы с Вакуленчуком. Основные события восстания происходили, как известно, на баке броненосца, где было собрана вся команда корабля, за исключением одной смены машинной команды, находившейся, по вполне понятным причинам, в низах. Это не меньше семисот человек, сгрудившихся на палубе шириной в двадцать и длиной в тридцать — сорок метров! Если Вакуленчук призывал матросов идти есть борщ, то он должен бы был находиться среди этих матросов, где убить его незаметно было практически невозможно. Но он почему-то оказывается в одиночестве. Вакуленчука убивают в укромном закутке за носовой орудийной башней главного калибра, там, где, согласно официальной версии, кроме него и старшего офицера, в тот момент никого не было. Но для чего надо было Вакуленчуку, призывая команду послушать офицеров, прятаться за орудийной башней? Кому он там кричал: самому себе или Гиляровскому? Официальное объяснение, что Вакуленчук, мол, кинулся вдогонку за убегавшим от него Гиляровским и, таким образом, оказался за башней, не выдерживает критики. Если мятеж уже начался, то команда не стояла в строю, а артиллерийская башня не столь уж и велика, чтобы за ней можно было спрятаться от бегающих по палубе матросов. Но совсем другое дело, если на момент выстрела в Вакуленчука команда стояла в строю. Тогда действительно никто не мог видеть, что делается за носовой башней. Но если команда еще стояла в строю, значит, на тот момент она еще не бунтовала.

Здесь возможны как минимум два сценария развития событий. Во-первых, Гиляровский, видя, что восстание, несмотря на все его усилия, вот-вот может начаться, отозвал за башню Вакуленчука (которого знал, как неформального лидера матросов), чтобы обсудить с ним претензии команды, и, пока командир корабля успокаивает команду, выработать сообща некое компромиссное решение. Подобный поворот событий, разумеется, абсолютно не мог устраивать Матюшенко, а потому он,

выхватив из рук караульного матроса винтовку, кинулся вслед за Гиляровским и Вакуленчуком за башню, где и застрелил обоих. При этом он решал сразу две задачи: прежде всего, избавился от Вакуленчука, а убийством Гиляровского спровоцировал последующую расправу с офицерами. Это тоже была часть плана, так как убийство офицеров полностью исключало возможное покаяние команды перед властями в дальнейшем. Во-вторых, Матюшенко и его сторонники просто-напросто могли под каким-то предлогом отвести Вакуленчука за башню и там его просто расстрелять. Он был политическим соперником Матюшенко, а момент для устранения был самый подходящий. Выстрелы, разумеется, тут же приписали офицерам, после чего и последовала расправа, а уж затем задним числом убийство Вакуленчука было приписано наиболее нелюбимому командой, в силу его должности, Гиляровскому.

Есть в истории с Вакуленчуком еще один весьма темный момент. В официальной версии убийства это выглядит следующим образом. После того как Гиляровский якобы выстрелил в Вакуленчука и смертельно его ранил, тот из последних сил пополз на правый борт броненосца и вывалился там за борт. Падающее тело заметили матросы, находившиеся в тот момент на стоящей под выстрелом шлюпке. Они быстро подняли тонущее тело Вакуленчука, который к этому моменту был без сознания.

Честно говоря, я не могу себе представить, зачем и, главное, как истекающий кровью, умирающий матрос ползет в состоянии комы более десяти метров (ширина палубы «Потемкина» составляла 22 метра), затем еще перелезает через леер и падает в воду, чтобы тут же утонуть. Мог ли вообще Вакуленчук (раненный, как позднее будет установлено, в область сердца!) проделать этот путь без посторонней помощи? Скорее всего, умирающему просто «помогли» выброситься за борт. Но кто? Гиляровский? Но я слабо представляю себе, чтобы в момент, когда решалась судьба корабля, старший офицер, ранив матроса, взваливает его себе на спину и тащит топить. К тому же это наверняка увидели бы матросы. Старший офицер — слишком заметная фигура на корабле, а волочащий на себе окровавленного матроса—тем более. Да и не мог Гиляровский этого сделать потому, что почти одновременно с Вакуленчуком был убит сам.

Тогда, может быть, это дело рук Матюшенко? Это вполне вероятно, и вот почему. Дело в том, что Гиляровского Матюшенко, по его собственному заявлению, убил прямо за носовой башней главного калибра. Но если бы Гиляровский тащил на себе выбрасывать за борт Вакуленчука, то ему надо было опять вернуться за башню, где его и убил Матюшенко. Это

передвижение заняло бы достаточное время и противоречит рассказу самого Матюшенко о том, что Гиляровский выстрелил в Вакуленчука на его глазах. Получается, что Гиляровский никак не мог тащить Вакуленчука. А Матюшенко? Вполне! И эти его действия вполне логичны. Сделав выстрелы в разговаривающих между собой Гиляровского и Вакуленчука, Матюшенко увидел, что старший офицер убит наповал, а Вакуленчук лишь ранен. Добивать раненого было опасно. Первые выстрелы уже взбудоражили команду, и на третий могли прибежать матросы и увидеть, кто на самом деле убивает их любимца. В этой ситуации Матюшенко, скорее всего, бросился на бак с криком, что офицеры убили Вакуленчука, и теперь за это их самих надо убивать. Выбросить же за борт умирающего Вакуленчука он приказал кому-то из своих ближайших подручных. В неразберихе происходящих на баке событий матрос, волочащий к борту другого матроса, особого внимания к себе не привлек. Довести до логического конца свой план по устранению Вакуленчука помешали матросы, выловившие тонущего Вакуленчука из воды. Впрочем, на счастье Матюшенко, его соперник уже находился в коме и не мог назвать имя своего убийцы.

Вспоминает бывший потемкинец Алексеев: «Командир Голиков сказал матросам; “Если вы, мерзавцы, не будете кушать борщ, не будете повиноваться, то я вас направлю туда (и он показал вверх рукою на реи). Вы знаете, что я ваш командир, я вас помилую и я вас накажу”. И после этого матросы отказались обедать. Тогда командир передал через старшего офицера Гиляровского распоряжение, чтобы прислали караул. Явился боевой караул и выстроился напротив нас. Караулу приказали взвести винтовки на нас Командир Голиков обратился к матросам: “Если вы не будете слушаться, если вы не будете кушать борщ, то я накормлю вас свинцовыми пулями”. Ответа не последовало. Тогда Гиляровский приказал караулу. “Пли!” Выстрела со стороны караула не последовало. Тогда Гиляровский попытался выхватить у близстоящего матроса винтовку, но матрос ему не дал винтовки. Тогда он дал приказ немедленно принести револьвер. В то время как раз из-за палубы (!) выбежал Вакуленчук и обратился к матросам, стоявшим в карауле: 'Товарищи караульные, не стреляйте в своих братьев, через несколько минут эти кровопийцы вас всех постреляют!” В это время Гиляровский направил пистолет на Вакуленчука и убил его. Вакуленчук покатился по трапу (!), но его подняли».

Рассказ Алексеева весьма странный и путаный. Он рассказывает небылицы о том, что Гиляровский уже приказывал открыть огонь по невиновным матросам, что отвергают и исследователи потемкинских

событий и остальные потемкинцы. Весьма странно выглядит и утверждение, что Вакуленчук куда-то бегал вниз, тогда как на самом деле он все время находился наверху, а вниз бегал неутомимый Матюшенко. Кроме того, по какому трапу Вакуленчук мог катиться и как же он мог в конце концов оказаться за бортом, когда его, раненого, подняли матросы? Однако, несмотря на многие несоответствия, настораживает, что Алексеев возможно на самом деле видел, как раненного Вакуленчука сразу же после ранения несли куда-то на руках матросы. Уж не те ли друзья Матюшенко, которые и вышвырнули затем Вакуленчука за борт?

О не случайном, а вполне спланированном устранении Вакуленчука говорит и тот факт, что кроме него офицерам не приписывают больше ни одного убийства матросов. Это говорит о том, что офицеры изначально не собирались применять оружие и не применяли его. К слову сказать, они, вообще, практически не оказали никакого сопротивления взбунтовавшимся матросам, лишь разбежались и заперлись по каютам. Почему? Ответ, думается, прост. Офицерский состав броненосца находился в тот момент в самом депрессивном состоянии после недавнего известия о гибели нашей эскадры у Цусимы. Шок от невиданного разгрома был настолько велик, что многие морские офицеры (по отзывам современников) потеряли в тот момент веру не только в смысл службы, но и в смысл жизни. Это не могло остаться вне внимания команды и, возможно, тоже было тоже учтено Матюшенко при планировании мятежа.

Взаимосвязь с убийством Вакуленчука и последующей расправой команды с офицерами прослеживается и во многих научных исследованиях о восстании «Потемкина». Убийство офицеров оправдывается как отмщение за Вакуленчука и отчасти «азартом» восставших. Но это оправдание, как мы понимаем, действительности не соответствует. Но зачем было на самом деле организовывать массовое убийство офицеров? Скорее всего, для того, что, совершив его, вся команда «Потемкина» автоматически попадала в разряд обвиняемых по самой страшной статье морского законодательства: бунт в море с последующей расправой над командиром и офицерами. На уголовном жаргоне это называется «повязать кровью». После этого никакой пощады участникам мятежа быть уже не могло. Недаром все последующие годы царская охранка неустанно разыскивала и вылавливала возвращавшихся из Румынии потемкинцев, дотошно выясняя, кто именно принимал участие в издевательствах и убийствах офицеров. Тех, чью вину доказывали, тут же отправляли на виселицу или на бессрочную каторгу. Ненужная, бессмысленная кровавая расправа с офицерами навсегда отрезала команде «Потемкина» все пути к

покаянию. Матросы понимали: прощения им не будет. Отныне и навсегда они должны были быть на стороне Матюшенко и его подельников.

Пройдет время, и история «потемкинского» восстания будет залегендирована в знаменитом фильме Сергея Эйзенштейна, в сотнях научных и околонаучных монографий, картин и популярных книжек. Героям-потемкинцам поставят памятники, и самый нелепый из них, разумеется, в Одессе.

Итак, «Потемкин» бросил якорь на рейде города. Когда же утром 15 июня одесситы пришли в порт посмотреть на новейший броненосец, то там их ожидал страшный сюрприз: на конце Нового мола стояла палатка с телом убитого матроса. Это был матрос Григорий Вакуленчук Казалось бы, этот факт хорошо известен и никаких сомнений вызывать не может. Но и здесь не все так просто! Свидетель событий в Одессе летом 1905 года С. Орлицкий пишет, что настоящая фамилия матроса была не Вакуленчук, а… Омельчук Факт того, что матрос имел фамилию не Вакуленчук, а Омельчук, подтверждает в своем донесении о восстании на «Потемкине» командир Одесского порта генерал-майор Перелешин. Возможно, в неразберихе тех дней кто-то просто перепутал фамилию, так бывает довольно часто. Однако возможно, что за, казалось бы, заурядной путаницей с фамилией кроется куда более важное обстоятельство. Дело в том, что в календаре русской революции петроградского издательства «Шиповник» за 1917 год относительно одесских событий 1905 года написано, что во время первого столкновения с полицией был убит не один, а два рабочих. «Один из трупов украла полиция, другой рабочие подняли на носилки и с пением “Варшавянки” понесли по рабочим кварталам». Но зачем полиции воровать труп рабочего? Что у них, других дел не было тогда? Не логичнее ли предположить, что труп был припрятан самими организаторами восстания. Для чего? Да для «Потемкина»! Не этот ли труп и положили в палатку на Новом молу, выдавая его за труп потемкинца? Куда же тогда подевался труп Вакуленчука? Может, именно поэтому и возникла весьма странная путаница с фамилией? Это даже не версия, это всего лишь предположение, однако кто сегодня сможет на 100% утверждать, что этого не могло быть? События последних лет убеждают, что во имя захвата власти отдельные политики и политические партии идут и не на такие провокации!

Подводя итог истории с убийством Вакуленчука, можно с большой долей уверенности утверждать, что он стал жертвой своего соперника Матюшенко, который сразу же весьма ловко использовал труп убитого соперника в своих интересах.

Глава восьмая.
ПРЕДАТЕЛЬ МАТЮШЕНКО

Сборная команда корабля — это еще не экипаж, а толпа, состоящая из большого количества т.н. «жлобов» и некоторого количества «шпаны», которая и подчиняется законам толпы. В случае «Потемкина» в этой толпе нашелся вожак (из самых «сознательных»), сумевший частью спровоцировать, частью запугать дисциплинированных матросов («жлобов») и подвигнуть их на выступление против власти. При этом именно Матюшенко первым бросился к оружию, а потом устроил и показательные казни офицеров, делая покаяние команды (и в первую очередь, все тех же «жлобов») перед законной властью невозможным. Думаю, что если бы на «Потемкине» не произошло мятежа 14 июня, то через несколько месяцев, когда команда хотя бы немного отработалась и на корабле установился полный уставной порядок, ни о каком восстании бы уже речи не шло.

Все дело в том, что, начнись общее восстание флота, и Матюшенко бы там ничего не светило. В «Централке» были ребята намного умнее и грамотнее его, да к тому же с хорошими родственными связями. Малограмотный, угрюмый, склонный к садизму и откровенно анархиствующий Матюшенко там был, что называется, «не ко двору». В «Централке» заправляли другие. К примеру, руководитель восстания на судне «Прут» один из лидеров «Централки» матрос Петров-Стопани был племянником известного революционера Стопани («Карпа»). А поэтому организацию мятежа на «Потемкине» ранее намеченного «Централкой» срока следует считать полнейшей инициативой Матюшенко, организованной с единственной целью — самому стать лидером.

Уже в 1 июля 1905 года газета «Санкт-Петербургские ведомости» сообщила, что в Констанце один из потемкинцев заявил иностранным журналистам, что по предварительному плану им следовало ожидать условного сигнала к восстанию всего Черноморского флота, а на «Потемкине», как на грех, возник спор из-за качества пищи — этим весь план и был нарушен. Если тогда еще кто-то мог принять это за газетную «утку», то сегодня известен целый ряд достоверных подтверждений: план общефлотского восстания действительно существовал. И это многое объясняет. Выходит, что команду «Потемкина» уже заранее готовили к

неповиновению, настраивали против корабельного начальства, побуждали к протестным действиям в течение долгого времени — речами агитаторов, прокламациями и воззваниями на тайных сходках и митингах. Такую целенаправленную «накачку», к технологиям которой мы еще вернемся, один из матросов «Потемкина» Иван Лычев метко сравнил с нагнетанием пара в котлах — при первом же возбуждении эти клапаны и сорвало! Впоследствии, уже после ареста Матюшенко, заведующий политической частью имперского департамента полиции Рачковский известит начальство о признании, сделанном Афанасием Матюшенко: «У нас предполагался бунт на “Потемкине” на два дня позднее, но пища вызвала мятеж раньше, и этим нарушен был общий план».

О том, как заранее и тщательно готовила «стихийный» мятеж банда Матюшенко, проговорился в своих воспоминаниях весьма близкий к Матюшенко потемкинец Н. Рыжий: «После того, как Матюшенко призвал команду к оружию, восстание пошло, как по команде, быстро. Это значит, что подготовка, которая велась на корабле, была использована, и многие участники знали свое место и обязанности. Поэтому пошло все быстро. Вначале казалось странным как это могло случиться, что как только заскочили первые ряды восставших в батарейную палубу, сразу уже начали стрелять. Но это объяснялось тем, что кто-то из матросов строевой части корабля позаботился об этом раньше. Он на всякий случай там же у батарейной палубы за икону святого Николая-угодника спрятал обоймы патронов, которые и были использованы восставшими в первый момент… Революционеров, которые были готовы на любые революционные действия, было человек 70».

Относительно того, кто фактически должен был возглавить мятеж всего Черноморского флота, любопытны изыскания украинского историка Евгения Шафранского: «Содержание этого плана (плана восстания флота. — *В.Ш.)* изложил в своем предсмертном письме на борту плавучей тюрьмы Александр Петров: “Мы видели, как трудно сделать восстание всеобщим, необходимо, чтобы оно охватило широкий район. А где же такой широкий район, как не у нас, на Черном море? Кто, как не мы матросы, начав революцию в Севастополе, способны перебросить ее сразу на Кавказ, с Кавказа в Одессу, в Николаев. О том, что войско возьмет участие, мы не сомневаемся. Ощутив за собой поддержку флота, оно бы отбросило все опасения.

Потому мы готовились начать дело”». Так что фактическим лидером общефлотского мятежа являлся, по-видимому, именно Пстров-Стопани. После предательства Матюшенко он предпринял отчаянную попытку

спасти ситуацию: поднял бунт на транспорте «Прут», на котором служил, и помчался на перехват «Потемкина», чтобы забрать власть у Матюшенко и начать действовать в интересах «Централки». Но «Потемкин» он так и не настиг. Может, ему просто не повезло, может, Матюшенко сделал все от него зависящее, чтобы не встретиться с «Прутом». Вскоре «Прут» был перехвачен эсминцем «Стремительный». Петров-Стопани был арестован и после суда казнен.

Б.И. Гаврилов в своей книге «В борьбе за свободу» пишет: «События, происшедшие на броненосце “Потемкин”, приоткрывают одну историческую тайну, о которой впоследствии поведал активный троцкист Христиан Раковский: “Бунт на «Князе Потемкине» — это частичный, преждевременный срыв обширного, смело задуманного плана всеобщего восстания, которое должно было охватить огненным кольцом весь русский Черноморский флот. Это восстание должно было вспыхнуть в июле, во время больших морских маневров. По условному сигналу — две ракеты, выпущенные с палубы броненосца «Екатерина II», — участвовавшие в заговоре матросы должны были убить свежих офицеров и от «имени народа» овладеть всеми судами. Как известно, несчастный инцидент с тухлым мясом преждевременно вызвал бунт на «Князе Потемкине» и разрушил весь наш план”».

Еще более конкретно об этом плане писал в своих воспоминаниях. К Фельдман: «Восстание должно было вспыхнуть на Тендре, пустынном острове, куда ежегодно выезжает на маневры эскадра. Ночью, в заранее условленный час, на всех кораблях участники заговора бросятся на спящих офицеров, свяжут их и объявят республику». Но, думается, мало кто из участников намечавшихся событий догадывался, что речь идет не об установлении республиканского строя во всей России, а о создании иудейской республики, отделенной от России. Похоже, об этом не знал даже Матюшенко, который за несколько дней до выхода к Тендре на стрельбы запрашивал Севастопольский комитет Бунда, не нанесет ли «Потемкин» вреда революции, если поднимет мятеж. Этот запрос вызвал переполох среди еврейских сепаратистов. «Состав команды “Потемкина”, — писал Фельдман, — не особенно благоприятствовал восстанию». На броненосце почти не велась агитация, матросы считались самыми отсталыми, им больше импонировал бунт, чем организованное восстание. Поэтому Севастопольский комитет, не желая разъединять действия матросов-заговорщиков, просил Матюшенко не предпринимать никаких действий до начала восстания на других кораблях

И опять обратимся к книге Б.И. Гаврилова «В борьбе за свободу»:

«“Централка” ускорила подготовку всеобщего восстания матросов Черноморского флота, намечая его на время маневров осенью 1905 г. Члены “Централки” полагали, что к этому времени революционное движение в России достигнет наивысшего подъема, а кроме того, они знали, что в связи с учениями корабли будут обеспечены боеприпасами. Поскольку далеко не все корабли были затронуты социал-демократической пропагандой, революционные матросы рассчитывали до конца маневров успеть провести на них соответствующую работу. Осенью же уходили в запас старослужащие матросы, слабо охваченные революционной пропагандой, а те, кого призвали вместе с первыми моряками социал-демократами Черноморского флота, оставались на службе. Революционные матросы считали, что их сверстники более восприимчивы к социал-демократической пропаганде и агитации и поддержат восставших товарищей. Надеялись они и на поддержку солдат севастопольской крепостной артиллерии. А береговым артиллеристам должны были помочь десантники команд учебного судна “Прут” и учебного крейсера “Днестр”. Начинать восстание должен был эскадренный броненосец “Екатерина II”, имевший самую крепкую организацию РСДРП.

В случае неблагоприятной ситуации для восстания на море оно должно было начаться во время парада у Владимирского собора. Самым надежным матросам поручалось уничтожить собравшееся в одну группу начальство и поднять на мачте штаба флота сигнал к общему выступлению матросов и солдат гарнизона. Об этом было написано в письме матросов-предателей, посланном ими адмиралу Г.П. Чухнину из Румынии уже после сдачи “Потемкина”. Другие источники не сообщают о таких деталях первого плана восстания. В том же письме было указано, что сведения получены «от одного матроса, состоявшего членом социал-демократического кружка и принимавшего деятельное участие в беспорядках на броненосце “Потемкин”. Учитывая это, а также реальность выполнения изложенного плана, можно почти не сомневаться, что он действительно существовал и мог бы обеспечить успех Восстания.

После победы на кораблях и в Севастополе намечался захват всего Причерноморья. Но вскоре произошло событие, которое нарушило все планы революционеров. 7 июня началось волнение солдат севастопольских батарей. Командование приказало броненосцам быть готовыми открыть огонь по фортам Матросы с негодованием встретили этот приказ, а команды “Екатерины II” и “Трех Святителей” прямо заявили, что стрелять не будут. Порядок в фортах вскоре был восстановлен, но возмущение матросов росло, грозя перейти в восстание. Командование списало

“неблагонадежных” моряков на берег и решило увести эскадру в море, чтобы изолировать ее от революционных событий. Только с “Потемкина” было списано около 300 человек.

Узнав о решении командования, “Централка” 10 июня созвала сходку представителей кораблей и частей с целью выяснения настроений матросов и солдат и предотвращения возможности стихийных выступлений. Моряки “Потемкина” послали на сходку 15 делегатов. Присутствовавшие на сходке меньшевики пытались убедить матросов, что обстановка *мя* восстания еще не созрела. В ответном выступлении член “Централки” А.М. Петров (Петров-Стопани. — *В.Ш.)* опроверг эти доводы. Он указал на небывалый рост революционных настроений в Черноморском флоте, рассказал собравшимся о революционной борьбе рабочих и крестьян Кавказа и напомнил резолюцию III съезда РСДРП о восстании. А.М. Петров доказывал, что восставший флот станет базой революции, что восстание черноморцев послужит примером для народных масс и поможет им подняться на борьбу. Его речь горячо одобрило большинство собравшихся. По ней участники сходки приняли следующую резолюцию:

“1. Матросы должны первыми начать восстание.

2. Для предупреждения сопротивления со стороны неразвитых матросов присутствующие на митинге должны в своих экипажах и на судах вести среди первых подготовительную к восстанию агитацию.

3. Восстание начать в Тендровском заливе, куда эскадра выйдет на практические занятия.

4. Сигнал к восстанию должен дать броненосец “Ростислав”, он же должен быть и руководителем во время восстания.

5. Сигналом послужит выстрел из орудия, который должен быть дан в обеденное время, когда офицеры будут в кают-компании.

6. Все ключи заранее должны находиться у сознательных сигнальщиков и трюмных машинистов.

7. Все матросы должны вооружиться и распределиться по частям в карауле: а) одна часть на мостике, б) другая — на батарейной и жилой палубах и в) третья — возле спасательных клапанов и клапанов затопления и т.д., — вообще караул должен быть наготове на всех более или менее важных местах.

8. По выполнении вышеописанных обязанностей матросы каждого судна, в количестве 100 человек должны двинуться в кают-компанию и во что бы то ни стало арестовать офицеров…

9. Арестовать вахтенного начальника.

10. Распределить среди матросов и старшего флагмана места,

занимаемые командирами и офицерами”.

В приведенной резолюции содержался подробный план захвата кораблей во время маневров в Тендровской бухте. Он отличался от прежнего плана, по которому восстание должен был начать броненосец “Екатерина II”. Вероятно, участники сходки решили, что социал-демократическая организация этого судна сильно ослаблена арестами и удалением политически неблагонадежных матросов (в частности, был списан на “Прут” А.М. Петров). Возможно также, что учитывался и психологический фактор — “Ростислав”, который должен был начать восстание по новому плану, являлся флагманским кораблем и его пример мог оказать воздействие на несознательных матросов. Изменились и сроки восстания: теперь его намечали на 21 июня, т.е. на время маневров. Принятый план обеспечивал бы победу восставшим в случае сохранения его в строжайшей тайне и одновременности выполнения его пунктов всеми кораблями. В плане удачно сочетались удаленность флота от главных сил контрреволюции, его боевая мощь и маневренность. Победа восстания моряков под руководством РСДРП и соединение его с рабочим и крестьянским движением привели бы к образованию на юге России революционной армии и временного революционного правительства, т.е. к осуществлению ленинской идеи революции».

*** * ***

Итак, до 21 июня оставалось всего какая-то неделя, но по инициативе Матюшенко мятеж начался 14 числа. Отметим, что к времени начала мятежа Матюшенко подошел грамотно. Во-первых, «Потемкин» находился в одиночном плавании, и, следовательно, никто из «Централки», за исключением Вакуленчука, помешать мятежу не мог, а с ним, как мы знаем, расправились в первые же минуты бунта.

Во-вторых, дню мятежа предшествовал выходной день, когда очень легко было отработать действия активистов бунта. В обычный день, насыщенный работами, тренировками и учениями, тщательно подготовиться к восстанию было бы сложно, так как все заняты своими делами на боевых постах и особенно по кораблю не побродишь. Именно в этот выходной день было проведено тайное совещание, на котором окончательно разругались Вакуленчук и Матюшенко, именно в этот день был окончательно намечен план мятежа, а каждый из окружения Матюшенко усвоил свои обязанности на завтрашний день.

Если к этому прибавить сигнал из Одессы с указанием тамошних революционеров о необходимости присутствия мятежного броненосца в Одессу и легенды с «червивым» мясом, то для Матюшенко было абсолютно ясно, что более такого благоприятного момента ему уже никогда не представится. Это был его единственный шанс, и Матюшенко его не упустил. Уверен, если бы не удалось придраться к мясу, нашелся бы другой повод; гнилая капуста, прогорклая каша, несладкий компот и т.д.

Заметим и еще одну особенность времени начала мятежа, которая почему-то ушла от внимания наших историков. Дело в том, что корабельный распорядок на кораблях российского флота был на редкость продуман и отработан. Кстати, основные его принципы сохранены и до сегодняшнего дня. В полдень после утренних работ на заведованиях и тренировках на боевых постах матросы принимали традиционную чарку — 100 граммов казенной водки. Сразу после этого следовал плотный обед из трех блюд, обязательно с мясом. После обеда все, кроме вахты, и офицеры, и матросы отдыхали в течение знаменитого «адмиральского часа». Затем следовала команда «подъем», команда пила чай с хлебом, далее происходил развод на работы и занятия. Что же произошло 14 июня на «Потемкине»? А произошло следующее. Перед обедом матросы выстроились на получение чарки. 100 граммов водки — это на первый взгляд для молодых ребят, из которых состояла команда броненосца, вроде бы не так и много. Но водку пили на голодный желудок, да еще в июньскую жару, и свое воздействие она оказала. По распорядку (и не случайно!) после чарки сразу всегда следовал плотный обед и сон. Но на этот раз не было ни того ни другого. Алкоголь, как мы знаем, вселяет бесшабашность и отчаянность, и люди под его воздействием совершают зачастую поступки, не слишком задумываясь над их последствиями. А потому я просто уверен, что момент мятежа был выбран просто гениально: сразу после чарки и без обеда. И то и другое, плюс жара оказали на матросов свое воздействие, а потому и провокационный крик Матюшенко хватать винтовки и бить офицеров был сразу подхвачен не слишком трезвыми матросами. Отрезвление у них наступит скоро, но тогда, когда уже ничего исправить будет нельзя.

Отметим, что большинство мятежей на российских кораблях начиналось как раз перед обедом, после принятия чарки. Так было и на крейсере «Память Азова» в 1906 году, и на линкоре «Гангут» в 1916-м. Вообще командиры имели право разделить 100-граммовую чарку на два приема. Либо пополам перед обедом и ужином, либо $^{2}/_{3}$ и $^{1}/_{3}$ соответственно. Но матросы любили, когда им давали все сразу, да и

командиры так чаще всего и делали, для экономии времени.

Немаловажный вопрос кто составил «гвардию» Матюшенко во время мятежа? Любой служивший на большом корабле знает, что даже весьма авторитетный матрос авторитетен прежде всего в своем собственном подразделении. В корабельной жизни машинисты и комендоры общаются не слишком часто, и у всех свои собственные лидеры. В этих условиях стать общекорабельным лидером было бы почти невозможно, если бы не особая система отношений между матросами на российском флоте, берущая свое начало еще с парусных времен.

Дело в том, что каждый молодой матрос по прибытии на корабль должен был обязательно избрать из старослужащих матросов себе «дядьку». В обязанности «дядьки» входило обучение «племяша» тонкостям корабельной службы и жизни, а кроме того, его защита от кулаков других старослужащих матросов и «шкур», т.е. унтер-офицеров. Отметим, что инициатива выбора при этом шла не от старшего, а от младшего. Быть «дядькой» считалось у старослужащих матросов почетно и выгодно, так как «племяши» брали на себя многие бытовые заботы своего «дядьки»: стирали его одежду, делали приборку и т.д., а потому, чем больше было племяшей у «дядьки», тем лучше и сытнее ему жилось. Ну а молодые матросы, в свою очередь, старались, чтобы их «дядькой» был наиболее авторитетный старослужащий матрос со здоровенными кулаками.

Выбрав себе «дядьку», молодой матрос просил разрешения стать его «племяшом». Если «дядька» не был против, то молодой матрос давал ему присягу на верность, что будет всегда во всем его слушаться и повиноваться. После этого новоиспеченный «племяш» через того же «дядю» покупал не менее двух бутылок водки. Далее следовал ритуал обмывания родственных отношений. Племяшу при этом наливали стакан водки и бросали в него кусочки хлеба и колбасы (это называлась «мурцовкой»), остальная водка распивалась дядькой и взводным унтер-офицером, который приглашался как свидетель. Отныне «племяш» обязан был быть преданным во всем своему «дядьке», пока тот не уволится в запас, а сам «племяш» не станет «дядькой» для новых молодых матросов. Что касается офицеров, то все они прекрасно знали об этой неофициальной структуре подчиненности, но ничего против не имели, так как она помогала поддерживать порядок на корабле.

В случае с «Потемкиным», кроме всего прочего, достаточно большое число мятежников (около 70 человек) можно объяснить именно наличием данной неофициальной вертикали власти в низах. Матюшенко и его ближайшие дружки, такие как Резниченко, обладая серьезным авторитетом

и крепкими кулаками, имели у себя в подчинении достаточное количество «племяшей», которые всегда были готовы действовать по их приказу.

Будучи сам в серьезном «авторитете» и имея влияние на десяток достаточно авторитетных приятелей из корабельной «шпаны», Матюшенко одновременно являлся «хозяином» и всех их «племяшей», что в сумме и составляло 60—70 человек. Это были лично преданные ему матросы, с которыми вполне можно было попытаться захватить корабль, глубоко наплевав на какую-то там «Централку».

Да, Матюшенко — классический провокатор, но почему предатель? Предатель же он потому, что своей провокацией 14 июня он полностью перечеркнул всю революционную работу сотен других мятежников на флоте. Вообще, объективно говоря, выходка Матюшенко в конечном итоге сыграла на руку властям Можно только себе представить, что случилось бы, если бы мятеж поднял не только «Потемкин», а полностью удался весь план «Централки». Сколько людей бы тогда погибло, и какие последствия имел бы мятеж целого флота для России! Но ничего этого, слава Богу, тогда не произошло, и не произошло во многом благодаря именно Матюшенко, который решил не ждать остальных, а начать первым. Почему он это сделал? Помимо несомненных личных связей Матюшенко (минуя «Централку») с Одессой, которой он, несомненно, подчинялся, Матюшенко имел и свои личные виды. Дело в том, что, первым подняв мятеж, при дальнейшем присоединении к нему остальных кораблей (в чем Матюшенко не сомневался) лидером и вожаком всего флота был бы теперь именно он, а не ранее назначенные «Централкой» люди. Восставшему первым и руководить всем делом! А дело представлялось Матюшенко грандиозным — свержение царя и установление в России всеобщей анархии, то есть полное уничтожение российской государственности. Страшно даже представить, что мог накуролесить Матюшенко, удайся его план. Тут и Троцкий показался бы невинным ягненком. Но ничего этого не произошло.

Члены «Централки», которые были «подставлены» мятежом Матюшенко и вскоре были разоблачены и арестованы, не могли не винить в провале общего дела и в своих бедах человека, предавшего и погубившего их ради собственного успеха и славы.

Поэтому в среде матросов-революционеров отношение к Матюшенко всегда было весьма неоднозначное. Они прекрасно понимали, что именно личные амбиции Матюшенко и его одесских покровителей сорвали все планы севастопольских мятежников. Для них Матюшенко, несмотря на весь его революционный флер, был самым настоящим предателем.

Глава девятая.
МЯТЕЖНАЯ ОДЕССА

Мы уже отмечали, что в восстании «Потемкина» настораживает тот факт, что оно началось сразу после прибытия миноносца из Одессы, и почему сразу же после захвата корабля мятежники направили его именно в Одессу? Несвежее мясо — это, разумеется, всего лишь повод, но никак не причина восстания. Кто и какой приказ привез на броненосец из Одессы, до сих пор неизвестно. Интересную версию на этот счет высказал военно-морской историк Б. Никольский. Однако с его предположением о возможных посланцах мятежной Одессы мы поговорим в следующей главе.

Впрочем, то, что броненосец в Одессе ждали и к его встрече уже готовились, — это факт, о котором мы еще поговорим. Да и случайно ли было привезено на броненосец это червивое мясо? Так что «одесский след» в деле «Потемкина» прослеживается весьма явно.

Итак, перебив офицеров и захватив корабль, Матюшенко со своими единомышленниками направили корабль в Одессу. «Когда пар в котлах довели до 150 фунтов, — писал впоследствии в своих воспоминаниях машинный квартирмейстер Денисенко, — приказали пустить машины в ход… И колеса машины загремели необычным звуком, как будто сообщая всему миру о происшедшем на корабле, как будто и они услышали о равенстве, братстве, свободе…» На революционном корабле, надо понимать, и машины работают по-другому, и пушки стреляют не как у всех, а более справедливо…

А теперь зададимся себе вопросом: почему восставший «Потемкин» сразу же помчался именно в Одессу, а не в Севастополь, чтобы присоединить к себе остальной флот? С точки зрения здравого смысла, поход в Одессу команде «Потемкина» ничего реального дать не мог, ибо броненосец по-прежнему оставался одинок перед лицом всего Черноморского флота. В Одессе не было даже береговых батарей, чтобы в случае чего совместно с «Потемкиным» отразить нападение Черноморского флота. При этом, учитывая, что восстание на «Потемкине» началось совершенно внезапно для флотского командования, приход «Потемкина» в Севастополь мог сразу же присоединить к нему большую часть эскадры. Одесса «Потемкину» была абсолютно не нужна, зато Одессе «Потемкин» в начале восстания был весьма нужен. Мало того, броненосец там уже с

нетерпением ждали. Как мы увидим в дальнейшем, к приходу «Потемкина» в Одессе уже готовились, в том числе были определены и лица, которые примут командование мятежным кораблем. Есть информация, что в это время в Одессе пребывал известный «красный лейтенант» Петр Шмидт. Один из руководителей мятежа в Одессе, Цукерберг, утверждал, что предполагалось командование «Потемкиным» передать в руки именно Шмидту. О роли лейтенанта Шмидта в одесских событиях лета 1905 года автор посвятил отдельную книгу. Пока же нам интересен сам факт подготовки встречи броненосца. О какой стихийности и неожиданности мятежа на броненосце можно здесь вообще говорить, когда все было спланировано и предусмотрено заранее!

А потому можно с большой долей уверенности предположить, что решение на поход к Одессе принималось вовсе не на палубе мятежного броненосца. Там его только озвучили, а затем послушно исполнили. В подтверждение этих слов вновь обратимся к воспоминаниям участника восстания на «Потемкине» машиниста Степана Денисенко. Вот как он говорит о событиях, последовавших после убийства офицеров: «Обед был подан поздно и по окончании его раздался барабанный бой; команда собралась на передней части корабля. Вышел Матюшенко (!) и заявил, что мы направимся в Одессу, куда придет эскадра и присоединиться к нам (!). Затем он предложил выбрать комитет для управления кораблем Председателем был избран Матюшенко… Вообще необходимо отметить геройство тов. Матюшенко. Он был душой восстания и всегда был впереди… Комитет наш заседал все время, вырабатывая план дальнейших действий. Но план комитета не совпадал с широкими перспективами самого Матюшенко (!)» Итак, принимая на веру рассказ Денисенко, мы узнаем, что Матюшенко сразу же прибрал власть на корабле к своим рукам. Затем, даже вопреки большинству корабельного комитета, он настойчиво проводил в жизнь «одесскую линию», которая многим не нравилась, не гнушаясь даже прямым обманом (утверждение о скором приходе в Одессу восставшей Севастопольской эскадры).

Тем временем в Одессе происходили весьма серьезные события.

Однако перед тем как описать одесские события лета 1905 года, заметим, что в то время Одесса занимала в табели о рангах городов России совсем не то место, которое она занимает сегодня на Украине и даже ранее в СССР. Сегодня Одесса — это один из крупных промышленных центров и достаточно второстепенный курорт. Но в начале XX века все было не так. Одесса была третьим по величине, политическому значению, развитию промышленности и торговли городом всей Российской империи вслед за

Санкт-Петербургом и Москвой. Киев, к примеру, тогда был обычным второстепенным провинциальным губернским центром. По существу, это была южная столица России — богатейший промышленно-торговый центр с крупнейшим морским портом, через который шел почти весь экспорт зерна из страны. А потому в событиях 1905 года и роль Одессы была особой.

Теперь обратимся не к трудам ангажированных историков, а непосредственных свидетелей тех далеких одесских событий. Очень любопытно описаны одесские события в воспоминаниях героя Русско-японской, Перовой мировой и Гражданской войн генерала Д.И. Гурко. В русской императорской и белогвардейской армиях сын знаменитого фельдмаршала и сам боевой генерал Д.И. Гурко считался образцом личной храбрости и офицерской чести, а потому сомневаться в правдивости его воспоминаний не приходится. Автор не пытается кого-то сделать героем — ни террористов-боевиков, ни мордобойца генерала Каульбарса, ни себя. Вот что написал Д.И. Гурко (в 1905 году он еще не был генералом) об Одессе, где был летом 1905 года: «Мы оба (со своим товарищем офицером Головиным. — *В.Ш.)* прибавили шагу и быстро сошлись с манифестантами. Надо было или удирать, или атаковать и, в случае неудачи, быть растерзанными толпой. Мы сошлись. Головин ударил в ухо первого, который с ним столкнулся. Я последовал его примеру. Оба повалились и бежали, бросив флаги. Головин ударил второго, который тоже повалился. Против меня оказался молодой еврей с револьвером в руках. Не давая ему времени выстрелить, я ударил его в зубы. Он выронил револьвер и с криком “ай, вай” упал, затем вскочил и побежал. Я замахнулся, чтобы ударить третьего, но не пришлось. Вся толпа с криком “городовой” побежала.

Из-за угла появился патруль Люблинского полка и из соседних домов показались люди, которые кричали, должно быть, нам: “Ура!” На месте сражения остались несколько флагов и пара женских панталон. Патруль поломал флаги и на одно древко насадил панталоны. Мы с Головиным расстались, назначив встречу через 2 часа на Соборной площади, куда к этому времени должны были прийти несколько рот Люблинского полка.

Я взял извозчика и поехал завтракать. Извозчик был хромой и подвигался медленно. На Дерибасовской улице из окна третьего этажа высунулся еврей и выстрелил из револьвера 7 раз.

Несмотря на то, что расстояние не превышало пяти шагов, он выстрелил с такой меткостью, что не попал ни в меня, ни в извозчика, ни в пролетку. Тотчас собралась толпа, и я пошел обыскивать дом, который не

имел ни проходного двора, ни хода на соседнюю крышу. Осмотрев его сверху донизу, мы никого подозрительного не нашли и собрались обсудить дело на улице около ворот дома.

Стрелявший непременно находился в доме, так как никуда уйти не мог. В это время из ворот дома послышался женский крик “Вот он!”, и в воротах показалась внушительного телосложения сестра милосердия. В одной руке она держала за шиворот щуплого еврея, другой намолачивала его рукояткой револьвера “Смит и Вессон” по голове. Весьма возбужденно она нам рассказала, что нашла еврея в w.c. (ватер-клозет. — *В.Ш.)*, куда сама хотела войти, но дверь оказалась запертой. Посмотрев в щель, она увидала еврея, который сидел там и держал в руках револьвер. Она высадила плечом дверь, отобрала у него револьвер и притащила сюда.

Все время рассказа сестра милосердия продолжала держать револьвер за дуло и им размахивала. Я подошел к ней и попросил отдать револьвер мне.

— Он может быть заряжен и может выстрелить.

Она это исполнила. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что револьвер не только заряжен, но взведен на боевой взвод. Она этим револьвером не только жестикулировала, держа за дуло, но намолачивала еврея по голове, и он не выстрелил. Вот что называется чудом

Я только спросил у еврея, почему он хотел меня убить. Щелкая зубами, он сказал, что только хотел меня напугать. Но это была явная ложь. Выстрелил он просто оттого, что я был офицер. Напутался же не я, а он. Я передал его патрулю, чтобы отвести в участок. К несчастью, в участке все задерживаемые смешивались и никакой следователь не мог отличить простого пьяниц от убийцы.

Через несколько дней войска это сами исправили; если кто-нибудь был пойман на месте преступления, его сдавали патрулю с указанием отвести в дальний участок за Куликово поле и, при попытке сбежать, застрелить. Задержанный, конечно, на Куликовом поле бежал, и патруль сделал свое дело. После этого убийства и покушения сразу прекратились.

Придя на Соборную площадь, я получил в командование роту. Положение войск в это время было очень тяжелое. С одной стороны, им приказано было прекращать погромы, с другой — толпа их встречала пением гимна, а отдельные евреи стреляли по ним из верхних этажей, и поймать их было трудно.

Каульбарс отдал приказ, согласно которому дом, из которого стреляют, будет разнесен артиллерией. Фактически это было трудно исполнить -г-разрыв гранаты на узкой улице ранил бы только прислугу орудия, лишь

слегка разрушив здание.

На другой день был назначен церковный парад. После парада барон Каульбарс собрал вокруг себя офицеров и унтер-офицеров парада и обратился к ним с речью следующего содержания: теперь Государем императором объявлена свобода и равенство и поэтому, если кто-нибудь арестован за проступок, то с ним следует обращаться вежливо и отнюдь не бить, каков бы его проступок ни был. Не успел он своей речи закончить, как из верхнего этажа соседнего дома начали стрелять по группе, собравшейся кругом барона Каульбарса. Бросились в дом, но он оказался с проходным двором, и никого не нашли. Тогда Каульбарс приказал привести ему владельца дома. Пришел какой-то наглый еврей-интеллигент, и он ему сказал, что дом его будет разнесен артиллерией. Еврей нахально ему ответил:

— Мало ли что вы приказываете, я не могу отвечать за моих жильцов.

Каульбарс рассердился и ударил еврея два раза по лицу. Я услышал голос унтер-офицера, который сказал:

— Умный у нас командующий войсками, сначала умно объяснил, что не надо никого и пальцем трогать, а потом показал, как следует делать.

Одесское общество или, по крайней мере, часть его, приняло деятельное участие в работе против революции. Появился Союз русского народа, который на первых порах был антиеврейским обществом.

Основали, в противовес двум еврейским газетам, “Одесский дневник” и “Одесские новости”, свою — антиеврейскую, то есть контрреволюционную. Я принимал в этом деятельное участие и придумал ей название “Русская речь” — по имени газеты, которую когда-то, в конце пятидесятых годов, издавала моя бабушка — графиня Салиас Деньги на газету собрали быстро, но сотрудников оказалось не так легко найти, все были евреями. В конце концов, пришел ко мне какой-то тип, с явно семитической физиономией. Он пришел показать образцы своих репортажей. Они были грамотно написаны. Просмотрев их, я сказал:

— Но наша газета антисемитская и корреспонденции должны быть такими.

— А как вы будете платить? Я назвал нашу таксу.

— Наличными?

— Конечно.

— Тогда я ваш, и какой будет взгляд, хотя бы антисемитский, мне все равно!

Я ему предложил писать для пробы неделю, он согласился и на следующий день принес корреспонденцию. Она была явно антисемитская

и интересная и давала цифры и результаты набора во время мобилизации нашей последней войны. Корреспонденция меня настолько заинтересовала, что я пошел ее проверить у командира полка полковника Сулькевича, с которым я был близко знаком. Он ее проверил и немного уточнил. Вот вкратце ее содержание.

Для пояснения должен сказать, что наши полки комплектовались из жителей своего округа, и pim придавалось от 15 до 20% дополнительного элемента, в который входили поляки, жители Закавказья, татары и евреи, но мобилизовались они исключительно из своего округа расположения в мирное время. Люблинский полк мобилизовался из Одесского округа и получил поэтому 50% евреев, иначе говоря, на роту в 200 человек приходилось 100 человек евреев. Но тут началось массовое уклонение евреев от мобилизации, и удалось набрать только 32% евреев, то есть 32—33 человека на роту. Когда же полк посадили в вагоны, началось массовое бегство евреев, несмотря на риск, они на ходу соскакивали с поездов. Когда полк пришел в Мукден, один из ротных командиров обратился к Сулькевичу с просьбой урегулировать число евреев в ротах. Он все делал, чтобы евреи его роты не бежали, в его роте до сих пор 22 еврея, тогда как есть роты, где их всего 5. Очевидно, его рота будет менее боеспособна, чем другие. Сулькевич с ним согласился и разделил евреев поровну между ротами. Оказалось 9 и $^{1}/_{5}$ еврея на роту, итого число уклонившихся и бежавших при мобилизации евреев оказалось равным 90% с лишним, число же всех уклонившихся и бежавших не евреев оказалось равным 0,7%.

Одесское общество большей частью было настроено против революции. Так оказалось потому, что оно было сплошь антисемитично и бросилось в сторону контрреволюции, когда увидело, что все евреи за революцию. Оно инстинктивно поняло, что торжество революции будет и торжеством еврейства, а это (они знали наперед) будет их гибелью. Они хорошо знали евреев, живя городе, где их было 39%. Характерно, что в Одессе даже все дураки были антисемитами, обратное тому, что было в России. Там все дураки были за революцию и за евреев».

*** * ***

Еще более интересна и даже сенсационна публикация хорошо известного в начале XX века столичного писателя и журналиста С.

Орлицкого. В мартовском номере журнала «Исторический вестник» за 1907 год он написал статью о событиях в Одессе. Много лет спустя эта статья была перепечатана журналом «Чудеса и приключения» (№ 4 за 2000 год).

Воспоминания С. Орлицкого ценны тем, что он был непосредственным свидетелем знаменитого Одесского восстания 1905 года и человеком, придерживавшимся умеренно либеральных взглядов, т.е. не революционером и не черносотенцем Итак, что же пишет оказавшийся в июне 1905 года в Одессе писатель-либерал? Что он там увидел? По словам С. Орлицкого, он сразу же попал там в «круговорот начавшегося освободительного движения». В центре круговорота — некий таинственный комитет, выступавший под лозунгом «За социальную пролетарскую республику!» Территориально комитет располагался в… приюте для неимущих стариков имени Пушкина Конспирации комитетчики никакой не соблюдали, а потому С. Орлицкий мог свободно с ними беседовать. Писатель приводит весьма знаменательный диалог с одним из лидеров этого комитета, неким Сергеем Самуиловичем Цукербергом.

Орлицкий спрашивает Цукерберга: На чью помощь рассчитывает комитет?

Цукерберг: Моряки уже с нами за освободительное движение. Сегодня, надеемся, в собрании будет и бравый лейтенант Шмидт. Вот увидите и услышите будущего адмирала Черноморского флота, когда мы завладеем эскадрой!

Орлицкий: А когда вы завладеете эскадрой?

Цукерберг: Матросы на нашей стороне. Офицеров, которые не согласны, Шмидт обещает побросать в воду. А раз броненосцы будут наши — весь юг будет наш. Здесь создается Южная республика с Крымом и плодороднейшими землями Волыни и Подолии… Пусть старая насильница, некультурная Москва погибает от внутренних раздоров. Это нас, южан, не касается… У нас будет чудное, незамерзающее море и лучшие пшеничные земли, виноградники и шелководство, первоклассные порты и крепость Севастополь с броненосным флотом.

Орлицкий: А народ Южной республики?

Цукерберг: Народ! Эти хохлы-волопасы пойдут за интеллигенциею… У нас капиталы, наука, энергия; мы господа в торговле и политике. Заставим, коли добром не уживутся…

Орлицкий: Выходит, ваша Южная республика со столицей Одессой будет царством евреев?

Цукерберг: А хотя бы и так! Пусть будет снова царство семитов. В России его основать удобнее, чем в песках Палестины или где-нибудь в

Уганде. На Черном море воскресим Карфаген… Мы, евреи, создадим торговое государство, создадим капиталы, торговлю, коммерческий флот… Занимать деньги со временем Европа будет у нас, в Одессе, а не в Париже или Берлине… Богачам-евреям, которые сейчас скупятся на революцию, достанется! Их склады сожгут, дома разграбят. Будут убитые, раненые, осквернённые синагоги. Мы к этому готовы. Это не больше, как расплата за грядущее восстановление царства семитов на Черном море. Не в далекой Палестине или Аргентине оно должно воскреснуть, а здесь, где миллионы евреев живут уже сотни лет…

Орлицкий: Когда же начнется восстание?

Цукерберг: Ждем сигнала, а у нас в городе все давно готово!

Далее С. Орлицкий пишет, что, будучи поражен планами комитета, он остался на начинавшемся митинге, где услышал еще более удивительные вещи: оказывается, лейтенанта Шмидта комитетчики прочили в протекторы Южнорусской республики до того момента, когда все успокоится и будет избран президент. Услышал С. Орлицкий и то, что в предстоящих событиях решающая роль отводится броненосцу «Потемкин». В назначенный день на нем якобы должно произойти восстание и броненосец должен прийти в Одессу. По плану, он должен был произвести артиллерийский обстрел правительственных войск

Восстание в Одессе, как известно, началось утром 13 июня 1905 года. В этот день во время столкновения полиции и забастовщиков около завода Гена на Пересыпи выстрелом из толпы был кто-то убит. Кто именно, так и осталось неизвестным, но это уже никого не волновало. Нужен был повод, и этот повод нашелся! Тело убитого подняли на носилки и с пением «Варшавянки» носили по рабочим кварталам Весть об убийстве мгновенно разнеслась по городу. Остановился трамвай, стала железная дорога. На следующий день к полудню забастовка стала всеобщей. Владельцам магазинов, рынков и лавок было велено закрыться. Если кто отказывался это сделать, к нему тут же направлялись отряды молодых людей, которые обрезками труб и кирпичами крушили витрины и окна. Начались стычки с полицией. Кое-где стали появляться и баррикады. Восставшие и полиция стояли друг против друга в готовности к схватке. Никто не решался начать первым. Все ждали. Полиция — подхода правительственных войск. Восставшие… прихода мятежного броненосца.

Глава десятая.
БА, ДА ЭТО ЖЕ ИЗВЕСТНЫЙ ВСЕЙ ОДЕССЕ ФЕЛЬДМАН!

И в этот самый напряженный для города момент туда приходит «Потемкин». Вечером 14 июня броненосец в сопровождении миноносца пришел в Одессу и встал на внешнем рейде. В тот же вечер миноноска зашла во внутреннюю гавань за водой. Портовый надзиратель сделал запрос о командире и цели прихода. Матросы ответили, что пришли с Тендры, а командир съехал на берег. Почему соврали? Думаю, что от трусости. Ситуация в Одессе была для еще неясной, и Матюшенко боялся реакции местных властей. По приходу на берег были отправлены лазутчики, и к утру ситуация в городе более-менее стала понятной. И тогда решено было действовать.

Прибывшая в порт делегация матросов с «Потемкина» отправилась искать местных революционеров и французского консула. Считается, что матросам якобы удалось установить какую-то связь с Одесским комитетом РСДРП. Однако при этом, как показали последующие события, никакой реальной помощи от этого контакта (если этот контакт все же был), потемкинцы так и не получили. Разыскать же консула они так и не смогли. Да и нужно ли дипломату европейской державы вести какие-то переговоры с фактическими пиратами? Скорее всего, француз к этому времени уже давно покинул пределы неспокойной Одессы. Поэтому, купив свежей провизии для экипажа, делегаты вернулись в порт. Интересно отметить, что при покупке провизии матросы честно расплатились по векселю, оставленному накануне мичманом А.Н. Макаровым в уплату за мясо, послужившее поводом к восстанию.

По просьбе потемкинцев портовые рабочие помогли матросам доставить провизию (прежде всего, овощи и зелень) на восставший броненосец. Они по своей инициативе захватили портовые катера и под руководством прибывшего на берег Матюшенко переправили провизию на «Потемкин». Туда же матросы пригласили и приказчиков из тех магазинов, где брали провизию, и сделали им дополнительные заказы.

Одновременно члены стачечного комитета Пересыпского района братья Г.П. и Ф.П. Ачкановы по приглашению матросов прибыли на броненосец пообщаться с матросами. Вернувшись на берег, якобы именно

Ачкановы и связались по просьбе потемкинцев с Одесским комитетом РСДП. В ряде изданий этот комитет уже прямо называется большевистским.

В точности известно, что стачечный комитет Пересыпи выделил десять делегатов для организации снабжения «Потемкина» углем. Делегаты указали матросам на пришедший из Мариуполя утольщик «Эмеранс», который разгружался у пристани угольной набережной. Потемкинцы решили реквизировать груз «Эмеранса» для нужд революции. По их требованию выгрузка была немедленно прекращена. Потемкинцы и делегаты стачечного комитета обратились к рабочим с просьбой помочь перегрузить уголь на броненосец. Рабочие согласились. Около 300 грузчиков поднялись на борт «Эмеранса» и помогли завести буксир на миноноску № 267. В 12 часов 30 минут угольщик и миноноска № 267 подошли к «Потемкину». Бывший матрос «Эмеранса» В. Бабий вспоминал: «Это была поистине символическая встреча. Многие рабочие и матросы обнимались и целовались, обещая поддерживать друг друга в революционной борьбе». На самом деле целованием и обещаниями братской любви и дружбы взаимоотношения потемкинцев с рабочими, собственно, и закончились.

*** * ***

Отметим, что историк Б.И. Гаврилов порой весьма слабо знает предмет, о котором пишет. К примеру, описывая приход «Потемкина» в Одессу, он рассказывает читателям о неком «боевом красном вымпеле». Увы, таких вымпелов на российском флоте никогда не существовало. В рассматриваемый период на нашем флоте существовали всего два вымпела — обыкновенный и георгиевский, причем оба белого цвета.

История с красным флагом восставшего броненосца — еще одна неподтвержденная легенда. «Овладев кораблем, — писал историк С.Ф. Найда, — матросы подняли красный флаг». В черно-белом фильме С. Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”» флаг для эффекта даже специально раскрашивали вручную в красный цвет. О том, что на броненосце был поднят красный флаг, разумеется, начали писать в своих воспоминаниях и некоторые потемкинцы.

Что касается советских художников, то они всегда изображали «Потемкин» исключительно под красным флагом. О факте развевающегося красного флага сообщалось в Большой советской энциклопедии.

Истоки легенды о поднятом на корабле красном флаге, как флаге революции, берут свое начало с событий в одесском порту. Когда 15 июня отряд казаков попытался убрать лежавшее там тело Вакуленчука, на броненосце в ответ был поднят красный флаг «Н» («Наш»), который, согласно военно-морскому своду сигналов, означал готовность к артиллерийской стрельбе. Не вникая в эти детали, начальник Одесского порта генерал Перелешин оттелеграфировал в Морское министерство, что «на броненосце был поднят красный флаг». Известие это было воспринято в Петербурге так, что восставшие подняли знамя революции. На самом деле, попугав казаков, матросы красный сигнальный флаг тут же спустили.

Впрочем, сигнальный красный флаг поднимался мятежниками несколько раз и позже: 16 июня при обстреле Одессы, 23 июня при подготовке стрельбы по Феодосии и во время первого захода в Констанцу.

Возможно, историк Гаврилов, ведя разговор о «боевом красном вымпеле», хотел поведать нам именно о подъеме на мачте «Потемкина» сигнала «Наш». Флаг, обозначавший его, действительно был красного цвета и имел косицы. Одно из значений этого сигнала: «Стреляю в цель». И все же, когда пишешь исторический труд о военно-морском флоте, следует отличать сигнальный флаг от вымпела.

Любопытно, что когда в начале июля «Потемкин» на буксире был приведен из Констанцы в Севастополь, на обезлюдевшем корабле вновь был поднят красный флаг. На сей раз он показывал, что на корабле началась разгрузка боезапаса.

Историк Ю.П. Кардашев считает, что красный цвет революции, видимо, появился над кораблем лишь однажды: «В постановлении суда по делу о восстании говорится, что по прибытии броненосца в Феодосию его команда подняла на мачте красный щит с надписями, с одной стороны — “Да здравствует народное правление”, с другой — “Свобода, равенство и братство”. Вместе с тем, по свидетельским показаниям матросов, маляр И.И. Старцев, который “малевал надпись о свободе”, “нарисовал черными буквами на белом полотне надпись “Свобода, равенство, братство”, каковое полотно было поднято на мачте броненосца по приходе последнего в Феодосию”. Таким образом, бытующая версия о красном флаге революции, поднятом на восставшем корабле, не находит своего подтверждения».

Всего с захваченного «угольщика» «Эмеранса» на броненосец перегрузили 15 тысяч пудов угля. В этот же день с утра на броненосец повалила публика. Темные личности прямо с лодок кричали антиправительственные лозунги, призывая идти и убивать представителей власти. Матросы ораторов слушали, но на борт не пускали. Странное

исключение было сделано только двум господам, которые уверенно подплыли на ялике к трапу и столь же уверенно поднялись по нему по трапу на палубу. Там их уже явно ждали. Прибывшие оказались членами еврейской революционной партии Бунд Абрамом Березовским, назвавшимся «товарищем Кириллом», и Константином Фельдманом, назвавшимся «студентом Ивановым». Отныне именно им было велено руководить мятежным броненосцем.

Переодевшись в матроса и став, таким образом, настоящим «братком», Фельдман, при помощи Матюшенко, собрал команду и объявил: на берегу идет восстание против правительства; армия готова к нему присоединиться и ожидает только сигнала с «Потемкина». Все это было полным враньем. Никакого народного восстания в Одессе не было. В это время толпа пьяных уголовников ждала ночи, чтобы начать новые поджоги, грабежи и убийства, и армия вовсе не жаждала к ним присоединиться. Вранье, впрочем, имело далеко идущие цели. Прибывшие бундовцы призвали потемкинцев помочь восставшим пролетариям бомбардировкой Одессы из всех орудий броненосца. То же самое требовали и «товарищ Кирилл» с Матюшенко. Вне всяких сомнений, Фельдман с Березовским прибыли на «Потемкин», уже имея задание о расстреле беззащитного города. Это была самая настоящая чудовищная провокация, имевшая целью залить Одессу кровью, свалив затем все на официальные власти. «Надо немедленно заставить матросов высадить десант, вместе с рабочими взять город и основать республику в Одессе, — писал впоследствии в воспоминаниях Фельдман. — Нужно было спешить к броненосцу. Не было времени сноситься с организациями, и я решил действовать за своей личной ответственностью».

Вспоминает участник событий М.И. Лебедев: «…Одесская революционная организация посылает на “Потемкин” двух своих представителей — т.т. “Кирилла” (кличка) и Фельдмана, которым суждено сыграть впоследствии крупнейшую роль в событиях этих дней. На красном “Потемкине” избирается революционная комиссия для руководства оперативными действиями корабля и вообще *мя* управления таковым. В состав комиссии вошли вышеуказанные тт. “Кирилл” и Фельдман, инженер-механик А. Коваленко (впоследствии оказался эсером. — *В.Ш.)*… Возглавлять комиссию, а также и корабль стал матрос Матюшенко».

Очень любопытное признание! На первый взгляд непонятно, почему вместо только что избранного у Тендровской косы комитета на «Потемкине» с приходом в Одессу срочно назначается новый. Чем был плох первый, и чем он отличался от второго? Дело в том, что первый комитет был составлен полностью из матросов «Потемкина», и влияние

там Матюшенко, видимо, все же не было безграничным. По-видимому, в первом комитете были и люди Вакуленчука. Именно поэтому во втором комитете уже почти нет представителей команды, а уж «вакуленчуковцев» — так уж точно, зато имеются одесские революционеры — сионисты, которых Матюшенко принял, как своих старых знакомых, с распростертыми объятиями. Едва появившись на корабле, «Кирилл» и Фельдман сразу же стали им командовать. Любопытна и оговорка Лебедева о «крупнейшей роли» в одесских в событиях все тех же товарищей «Кирилла» и Фельдмана. Чем именно занималась на борту пригнанного в Одессу корабля эта парочка революционеров, в точности мы не знаем, но не верить на слово М.И. Лебедеву у нас оснований нет. Совершенно ясно одно, что с момента появления в Одесском порту «Потемкин» и его команда стали марионетками в руках заправил одесской смуты и беспрекословно исполняли все их указания.

А теперь представим себе: восставший корабль приходит в порт, и там на его борт поднимаются две никому не известные личности, которые заявляют:

— Мы пришли, чтобы вами командовать! Теперь мы тут главные и вы все должны нас слушаться!

После этого команда безропотно подчиняется этим невесть откуда взявшимся субъектам и позволяет им делать с собой все, что заблагорассудится. Могло ли быть такое в действительности? Да никогда! Проходимцев бы в лучшем случае просто вышвырнули за борт! Тогда почему же товарищей «Кирилла» и Фельдмана не выбросили за борт, а встретили с распростертыми объятиями, и кто именно встретил? А встретили их с радостью потому, что все было уже оговорено заранее. Приведя «Потемкин» в Одессу, Матюшенко свою главную задачу уже выполнил и, встретив прибывших, с готовностью передал им бразды правления, оставшись при этих руководящих «товарищах», как представитель команды. Заметим, что по приходу «Потемкина» пробраться на него пытались представители многих партий, но всех их сразу же заворачивали обратно, всех, кроме «Кирилла» и Фельдмана, власть которых на броненосце сразу же признали. Силы, спровоцировавшие мятеж на «Потемкине», заранее рассчитывали, что приход мятежного броненосца в Одессу поможет им переломить ситуацию в городе в свою пользу и захватить Одессу. Но с самого начала восстания все пошло не так, как предполагалось.

В своих воспоминаниях Фельдман подробно рассказывает, как он случайно узнал о приходе броненосца в Одессу, как случайно приехал в

порт в студенческой фуражке, как случайно попал в идущий на «Потемкин» катер, в котором так же случайно познакомился с Матюшенко, как затем, разумеется, совершенно случайно оказался на броненосце, после чего опять же совершенно случайно попал на заседание судовой комиссии, в состав которой, к своему полному удивлению, тут же и был избран. В общем, не жизнь, а одна сплошная случайность. Увы, во все это никак не верится. При всей своей политической наивности, потемкинцы, и в том числе Матюшенко, не были полными идиотами, чтобы назначать своим руководителем первого прискакавшего к ним одесского студента. На самом деле все было решено заранее, и решено совсем иными людьми, а не Матюшенко с Фельдманом. Последние лишь выполнили в данном случае указание сверху. Что же до мемуаров Фельдмана, то, стряпая свою ахинею, он почему-то заранее посчитал читателей полными дураками, которые немедленно поверят в «случайность» всего происходившего с автором. Возможно, что кто-то и поверил, но не все же!

Помимо меньшевиков А.П. Березовского и К.И. Фельдмана на борт почти одновременно прибыл и большевик И.П. Лазарев. Но когда он съехал на берег по какой-то надобности, обратно на борт по приказу «братьев-меньшевиков» Лазарева уже не пустили. Так Березовский с Фельдманом устранили опасного конкурента. Впоследствии Фельдман, перекрасившийся после 1917 года в большевика, об этой «неудобной» истории будет в своих многочисленных воспоминаниях помалкивать. Из этого следует, что путешествовать на броненосце, оказывается, мог далеко не всякий желающий. У Березовского и Фельдмана такое право было, а вот у Лазарева, увы, нет…

*** * ***

…Прибыв на броненосец, Фельдман, по его словам, увидел следующую картину: «Из первых же разговоров на корабле стало ясно, что положение тут не такое простое, каким оно казалось со стороны. Вместо ожидаемого энтузиазма мы встретили здесь серый прием и неопределенное настроение. Матросы как будто сами были удивлены своим делом, не свыклись еще с новизной положения, не зная еще, что делать, куда и с кем идти».

Вот как описывает Фельдман свое знакомство с командой «Потемкина»: «В задних рядах кто-то крикнул: “Долой вольных!” Это был сигнал, его подхватило несколько голосов в противоположном конце

помещения. Шептуны были расставлены умело. Хор их голосов нарастал слаженно. Он увлекал за собой колеблющихся. Выкрики усиливались. Голоса ударялись о стальные стены и потолок батарейной палубы, отражались, неслись отовсюду. Помещение было слабо освещено. Создавалось впечатление, что вся команда против нас Если «организованным» не удастся отбить эту атаку, нам придется покинуть корабль… Как ветром сдуло с Дымченко обычное выражение добродушия. Он стал похож на заправского унтер-офицера. Начальственно загремел его голос «Смирно!» На этом вся матюшенковская демократия, собственно, и закончилась.

Проходит день, и снова команда поднимается против Фельдмана с Березовским. Снова предоставим слово Фельдману. «Команда в массе своей была еще политически неопытна и кондуктора искусно играли на ее предрассудках. Когда кто-нибудь из членов “тройки” (Матюшенко, Фельдман, Березовский. — *В.Ш.)* брал слово, они кричали; “Долой вольных!”» Разумеется, потом Фельдман пишет, как своими пламенными речами он пробудил любовь матросов к себе, но в это как-то не очень верится.

Судовая комиссия целыми днями заседает в адмиральском салоне. Заметим, что из адмиральского салона был сразу же выброшен за борт портрет Николая II, но портрет князя Потемкина при этом остался на своем месте. Очевидно, ничего плохого в деятельности светлейшего революционеры для себя не усмотрели.

Любопытную версию относительно времени появления на борту «Потемкина» Фельдмана и Березовского высказал военно-морской историк Б. Никольский: «Информацию о событиях в Одессе на “Потемкин” принес все тот же миноносец № 267, доставивший на корабль злополучное мясо. По воспоминаниям бывшего матроса 2-й статьи броненосца Царева А.Ф., этим же рейсом миноносца на броненосец прибыли двое рабочих портовых мастерских, затребованные накануне для ремонта рулевых механизмов корабля. В мятежной свалке, начавшейся в обеденное время, когда среди погибших офицеров был и младший штурман Ливенцев, в заведовании которого находились рулевые механизмы, требующие ремонта, о рабочих никто не вспомнил до прибытия броненосца на рейд Одессы. По моей версии, под видом одного из рабочих на броненосце в момент мятежа находился молодой одессит Константин Фельдман, вторым — Абрам Березовский. Оба они были уполномочены одесскими заговорщиками для активизации повстанческого процесса на броненосце. Об этом свидетельствуют материалы следствия и воспоминания потемкинцев. В

момент выхода броненосца из Севастополя, на его борту кроме членов команды находились 30 рабочих и специалистов по артиллерийским системам. Вполне допускаю, что среди них могли быть и эмиссары от одесского повстанческого комитета. Сам Фельдман это категорически отрицал, неоднократно утверждая, что он был на борту броненосца только при переходе корабля в Феодосию, уже после всех мятежных происшествий на рейде Тендры. Остается предположить, что Фельдман и Березовский находились на борту броненосца в качестве эмиссаров от Одесского комитета — все того же, от имени которого интервью журналисту Орлицкому давал Сергей Самуилович Цукерберг. По крайней мере, свою принадлежность к меньшевистской фракции РСДРП Фельдман не отрицал в ходе следствия. Как-то проявить себя во время кровавой и жестокой мятежной свалки на рейде Тендры наши “студенты” не решились. И это вполне понятно, страшен и непредсказуем русский бунт! Но присутствие Фельдмана и Березовского на борту броненосца и их прямые контакты с руководителями мятежа, о которых они неоднократно вспоминали впоследствии, вполне могли способствовать принятию мятежниками решения на переход броненосца с рейда Тендры на рейд Одессы — на помощь восставшей Одессе! Удивляться здесь нечему, если ленинский ЦК нашел возможным послать своего представителя на восставший броненосец из Швейцарии, то было бы даже странным, если бы своего представителя на корабль, “беременный” мятежом, не направили предприимчивые одесситы».

Интересно, что в своей книге Фельдман проговаривается о планах создания все той же Южнорусской республики под эгидой Бунда, т.е. о фактическом расчленении России. Он пишет: «Занятый агитацией на корабле, я не присутствовал на совещании потемкинской комиссии с приехавшими на корабль уполномоченными всех одесских социал-демократических организаций (большевики, меньшевики, Бунд). Когда я вошел в адмиральскую, где происходило заседание, оно уже заканчивалось. Товарищи Афанасий и Наташа энергично призывали матросов захватить город. Наташа — пламенная большевичка Дальника — предложила следующий план. Броненосец высадит немедленно десант. Под его охраной тысячи рабочих, ожидавших матросов в порту, построятся в колонны и понесут тело Вакуленчука на кладбище через весь город. По дороге рабочие и матросы начнут братание с войсками. Соединенными усилиями они захватят правительственные учреждения, арестуют одесские власти и провозгласят Южнорусскую республику». Комиссия ответила отказом. «Количество матросов на корабле, — говорили члены комиссии, — строго

соответствует его нуждам. Кроме того, в десант должны войти самые сознательные боевые матросы. Это неизбежно вызовет упадок духа команды, а может быть, и потерю броненосца».

Заметим, что за десант высказываются только понаехавшие на корабль революционеры всех толков. Из команды их поддерживает только один Матюшенко, все же остальные члены судовой комиссии против. Местные революционеры требовали от Матюшенко высадить в город десант 300—400 человек. Матюшенко поначалу был за десант, но потом резко поменял свое мнение и выступил против, ссылаясь на то, что на корабле должна была быть полная команда. Разумеется, слова Матюшенко — просто отговорка. Но почему такой деятельный и всегда решительный Матюшенко вдруг отказался от активных действий на берегу, ради которых, собственно, и привел броненосец в Одессу. Причина могла быть здесь только одна — Матюшенко совсем не был уверен в команде «Потемкина», не без оснований полагая, что высаженный на берег десант сразу же разбежится в разные стороны и сдастся властям, после чего уже сдаваться придется и самому кораблю. Количество преданных ему людей не превышало нескольких десятков, и, если на корабле этим количеством сторонников еще как-то можно было контролировать ситуацию, то в случае организации десанта это было уже невозможно.

Любопытно и то, что во время обсуждения, высаживать десант или нет, в адмиральский салон вошел представитель команды, который заявил, что команда категорически выступает против присутствия «вольных» на корабле и требует их удаления. Несолоно хлебавши, всей революционной братии пришлось убраться восвояси. Матюшенко удалось отстоять лишь двух, тех, кто изначально и был определен на восставший броненосец устроителями Южнорусской республики, — Фельдмана и Березовского.

Далее Фельдман с горечью отмечает. «Мы убеждали матросов сойти на берег и примкнуть к восставшему народу, но матросы отказывались покинуть корабль и сойти на берег, чтобы вместе с рабочими захватить город, повелеваясь своему сознанию». Матросы не поддались и уговорам Фельдмана стрелять но городу, а кроме этого, воспротивились и поднятию красного флага на «Потемкине».

В своих воспоминаниях Фельдман, как только может, открещивается от своего эсеровско-бундовского прошлого, выдавая себя даже не просто за социал-демократа, а за самого правоверного большевика. Он поносит свих однопартийцев эсеров. Особенно смешна сцена, когда эсер Шестидесятый грозит утопить прибывшего на лодке представителя эсеров, заявляя, что он большевик. Если бы история сложилась так, что к власти в России пришли

эсеры, книга Фельдмана, думается, выглядела бы по-иному, в ней герои эсеры изгоняли бы незадачливых большевиков.

Судовая комиссия «Потемкина» вынесла решение никого больше не допускать на корабль. В результате не смогли попасть на него член Одесского большевистского комитета Хрусталев и известный революционер-большевик Губельман (Ярославский). Они тоже торопились на броненосец, чтобы возглавить мятеж, но их опередили более предприимчивые. Фельдман оказался шустрее Губельмана. Лодку же, в которой плыл Губельман-Ярославский, обстреляли с «Потемкина» из винтовок—таким образом Фельдман с Березовским боролись с конкурентами. Не испытывая более судьбу, будущий главный атеист СССР повернул восвояси.

«Решительное вмешательство “Потемкина” в разгоревшуюся борьбу могло обеспечить, — сетовал впоследствии большевик Губельман-Ярославский, — захват города в течение двух-трех часов. Для этого было достаточно под прикрытием корабельной артиллерии высадить матросский десант и вооружить рабочих винтовками и револьверами из запасов “Потемкина”. Захват полицейских участков и арсеналов мог дать оружие новым отрядам готовых к борьбе рабочих, и перед мощью и революционным энтузиазмом пролетарской армии не устояли бы ни казачьи отряды, ни немногочисленные еще войска с их не оправившимся от растерянности начальством Переход в руки восставших Одессы — крупнейшего в Причерноморье портового и рабочего города, обеспечив решительную консолидацию сил на “Потемкине”, содействовал бы и резкой активизации революционных сил на кораблях эскадры, которая неминуемо должна была бы присоединиться к “Потемкину”».

Именно в это время подручный Матюшенко унтер-офицер Денисенко узнает, что на «Потемкине» организуется заговор, теперь уже против революционных унтер-офицеров. Из воспоминаний машинного унтер-офицера С. Денисенко: «Матюшенко вошел на корабль, ликуя (он ездил в город. — *В.Ш.)*. Но на корабле уже “шептались”. Часть команды собралась в кучу и сговаривалась о том, чтобы перебить унтер-офицеров и идти в Севастополь. Я сообщил об этом Матюшенко, и он, вызвав барабанщика, приказал бить сбор. Все собрались в носовой части корабля… Кто не согласен, выходи!» Зная Матюшенко, разумеется, никто не вышел. Первая волна недовольства команды была сбита, но, как оказалось, ненадолго.

Несомненным неформальным лидером на корабле в тот момент был, разумеется, Афанасий Матюшенко. В ближайшее окружение Матюшенко на момент мятежа входили: Дымченко, Задорожный, Заулошев,

Звенигородский, Кулик, Денисенко, Лычев, Макаров, Мартыненко, Мартьянов, Никишкин, Резниченко, Самойленко и Шестидесятый. Но даже у ближайших сподвижников отношение к Матюшенко было неоднозначное. К. Фельдман в своей книге отзывается о Матюшенко не слишком уважительно, называя представителем «незрелого бунтарского начала восстания». Самым же выдающимся из потемкинцев Фельдман считал машинного квартирмейстера Степана Денисенко. Ему вторит в своих воспоминаниях и один из самых верных матюшенковцев И. Лычев: «…В силу своей политической незрелости Матюшенко не мог стать подлинным вождем. Он ясно не представлял себе пути, по которому следовало вести революционный корабль. Вот почему Матюшенко, вместо того чтобы возглавить матросскую массу и смело повести корабль в бой, часто стушевывался и шел вслепую. Матюшенко терял присутствие духа, как только среди матросов замечался спад революционных настроений».

Не слишком удачным оказался и выбор членов судовой комиссии. Из воспоминаний И. Лычева: «Судовая комиссия оказалась недостаточно способной организовать и сплотить всю команду в крепкую революционную силу. Между тем у нас на судне имелось немало отсталых матросов, лишь стихийно примкнувших к восстанию и готовых впасть в уныние при первой же неудаче. В наших рядах притаились предатели, по преимуществу боцманы и кондуктора, которых мы пощадили, вняв их униженным мольбам в момент захвата броненосца… Они лихорадочно развивали на корабле подрывную работу: сеяли неверие в успех восстания, распускали панические слухи, порочили членов судовой комиссии. Они доказывали колеблющимся, что только таким путем матросы добьются смягчения суровой кары, которая ожидает их после подавления восстания, а то, что оно будет подавлено, по утверждению гнусных предателей, не вызывало ни малейшего сомнения».

Что касается избранного командиром «Потемкина» прапорщика запаса по морской части Алексеева, то это был сугубо гражданский человек — штурман коммерческого флота, призванный на флот в связи с началом Русско-японской войны и с нетерпением ожидавший увольнения в запас. Об артиллерии, минном оружии и о военно-морской тактике он имел самое отдаленное представление. При этом даже в коммерческом флоте он никогда не командовал никаким судном, что уж тут говорить о новейшем броненосце. Единственное, что мог делать Алексеев, это перевести корабль из пункта «А» в пункт «Б».

Около 6 часов вечера на одесский рейд из Николаева пришло вспомогательное судно «Веха». Став на якорь, ничего не знавший о мятеже

командир «Вехи» полковник корпуса флотских штурманов Эйхеп прибыл на броненосец с рапортом С него сразу сорвали погоны, потом избили, связали и посадили под арест. Затем на «Потемкин» привезли остальных офицеров «Вехи» и судовую кассу. Матюшенко хотел учинить расправу над офицерами, но большинство команды этому воспротивилось. Из-за этого между сторонниками Матюшенко и остальной командой броненосца едва не произошло столкновение. Побоявшись идти на открытое противостояние, Матюшенко вынужден был отступить. В тот же вечер оставшихся в живых офицеров «Потемкина» и офицеров «Вехи» свезли на берег. Присоединение «Вехи» на время успокоило команду, и на «Потемкине» опять заговорили о десанте в город.

Б.И. Гаврилов в своей книге «В борьбе за свободу» пишет: «Десант был бы вполне возможен даже при наличии имевшихся неблагоприятных условий. Высадке его мешали предательство одесских меньшевиков и нерешительность судовой комиссии, которая объясняется оторванностью ее от борьбы рабочих Одессы. Последнее чрезвычайно важно, ибо настроение всей команды и тактика судовой комиссии резко изменились на следующий же день, 16 июня, под влиянием известий о событиях в городе, когда потемкинцы приняли решение о бомбардировке и высадке десанта».

Однако, поразмыслив, потемкинцы от высадки десанта отказались, в общем-то, правильно поступив. Десантники из матросов, которые два или три раза стреляли из винтовок в учебных отрядах, были самые аховые, их бы просто перебили солдаты гарнизона. Это потемкинцы и сами прекрасно понимали, а потому к идее десанта отнеслись отрицательно: одно дело сидеть под защитой брони и совсем иное — лезть голой грудью под пули.

Тогда Матюшенко, Фельдман и Березовский изменили тактику и стали склонять остальных членов судовой комиссии на расстрел Одессы из пушек. Большинство членов комиссии не хотели и этого, но стрельба из орудий была все же лучшей альтернативой, чем десант.

Глава одиннадцатая. ПОХОРОНЫ ВАКУЛЕНЧУКА

С первого же дня стоянки «Потемкина» в Одессе его команда стала быстро редеть. Мало кто знает, но на борту «Потемкина» на момент мятежа было 23 рабочих Николаевского судостроительного завода, при этом ни один из них никакого участия не принял. Более того, все они как один при первой возможности сошли в Одессе на берег. Вот тебе и гегемон революции! Об этом весьма удручающем для историков факте в советское время предпочитали помалкивать.

Еще семеро матросов спрятались в угольных бункерах углевоза «Петр Регир» во время перегрузки угля.

Любопытно, что ресторатор кают-компании (вольнонаемный судовой буфетчик, обслуживающий кают-компанию) броненосца, некий Сихарулидзе, после мятежа по несколько раз в день обращался судовую комиссию с просьбой оплатить ему долги офицеров. По воспоминаниям Березовского, он так всем надоел, что офицерские долги были оплачены настырному сыну гор из конфискованных на корабле судовых денег. Получив свои деньги, предприимчивый ресторатор тут же в Одессе также покинул борт негостеприимного корабля.

Небезынтересно, что в составе экипажа «Потемкина» насчитывалось тринадцать матросов георгиевских кавалеров, ранее служивших на героическом крейсере «Варяг», во главе с бывшим ординарцем командира крейсера капитана 1-го ранга Руднева Войцеховским. Весьма показательно, что ни один из варяжцев активного участия в восстании не принимал и не входил в состав никаких руководящих комиссий. А ведь они пользовались непререкаемым авторитетом, и их участие было бы весьма на руку организаторам восстания! Из всех варяжцев лишь матрос Федор Андрюхин бегал во время мятежа с винтовкой, но на этом, собственно, его участие в событиях и закончилось. Более того, почти все варяжцы при первой возможности сошли на берег и дружно вернулись в Севастополь в свой 32-флотский экипаж, к которому и были приписаны. Заметим, что никто из них не подвергся никакому наказанию. Поведение варяжцев вполне понятно. Все они уже свое отвоевали, были обласканы властью, стали георгиевскими кавалерами, что обеспечивало им до конца своих дней жизнь в почете и уважении. На «Потемкине» они только дожидались

подписания мира с Японией и увольнения в запас. И тут появляется какой-то Матюшенко с дружками, убивает офицеров и стремится сделать из них государственных преступников. Зачем все это варяжцам было надо? Поэтому они приняли волне разумное решение, послали матюшенковцев куда подальше, собрали манатки и сошли на берег.

Ветеран «Варяга» и «Корейца» Войцеховский прожил долгую жизнь и уже в пятидесятые годы XX века был награжден тогдашним наркомом ВМФ Н.Г. Кузнецовым медалью «За отвагу» за бой в Чемульпо. Ветеран, по воспоминаниям знавших его, часто и с удовольствием рассказывал молодежи о столь памятном для него сражении «Варяга» с японской эскадрой, но всегда старался обойти молчанием свою «потемкинскую» эпопею.

Часть историков считает, что «кавалеры» покинули «Потемкин» еще в Одессе вместе с оставшимися в живых офицерами, чем вызвали большое смятение среди команды корабля.

Из оставшихся в живых офицеров были доставлены на берег лейтенант Клодт, старший штурман капитан Турин, ревизор мичман Макаров, младший артиллерийский офицер мичман Бахтин (в тяжелом состоянии), старший механик подполковник Цветков, полковник Шульц, минный механик поручик Заушкевич, вахтенный начальник прапорщик Ястребцев, гидравлический механик поручик Назимов, а также два инженера Николаевского завода, монтер фирмы «Дюфлон» и 20 рабочих. На борту броненосца остались младший врач Галенко (верный клятве Гиппократа), вахтенный механик подпоручик Калюжнов и трюмный механик поручик Коваленко — единственный из офицеров, кто добровольно примкнул к мятежникам.

Отметим, что в момент высадки офицеров на берег в порту полыхал пожар погромов и раздавались выстрелы. Поэтому офицеры до последнего момента так и не знали, куда их везут— то ли освобождать, то ли расстреливать. Именно поэтому подпоручик механик П. Калюжнов, испугавшись выстрелов на берегу, предпочел остаться на корабле.

*** * ***

Около 6 часов утра 15 июня к Новому молу Одесского порта подошли миноносец № 267, паровой катер и шлюпка с «Потемкина». Они доставили на берег тело Вакуленчука, почетный караул и делегацию матросов, около 40 человек.

Мертвого Вакуленчука положили на Новом молу с запиской на груди. «Почтеннейшая публика! Г.г. одесситы, перед вами лежит труп зверски убитого старшим офицером броненосца “Князь Потемкин-Таврический” матроса Вакуленчука, за то, что он осмелился заявить, что борщ никуда не годится. Товарищи, осеним себя крестным знамением и постоим за себя. Смерть угнетателям, смерть вампирам, да здравствует свобода. Команда броненосца “Князь Потемкин-Таврический”».

По другой версии текст записки выглядел несколько иначе: «Почтеннейшая публика! Перед вами лежит тело убитого матроса Григория Вакуленчука, убил старший офицер эскадренного броненосца “Великий князь Потемкин-Таврический” за то, что тот сказал, что борщ не годится. Отомстим кровопийцам! Смерть гнобителям, пусть живет свобода».

В любом случае в записке было написано полное вранье относительно Вакуленчука, у которого, как мы уже знаем, никаких претензий в отношении плохого борща никогда не было. Но какое это уже имело теперь значение? Труп убитого матроса должен был призвать к неповиновению властям теперь уже население Одессы. Умиляет и почти цирковое обращение — «почтеннейшая публика», но, как говорится, как могли, так и написали.

Вокруг покойника постепенно начали собираться любопытствующие. Находившиеся рядом с трупом матросы комментировали записку. При этом быстро нашлись те, кто тут же стал делать на покойнике свой гешефт. По воспоминаниям, подходившие к телу одесситы то и дело опускали деньги в некую кружку, жертвуя деньги на похороны моряка. Кто именно вовремя подсуетился и поставил около покойника кружку и куда делись потом собранные деньги, история умалчивает.

Историк Б.И. Гаврилов своей книге «В борьбе за свободу» пишет: «Как только делегация (матросов. — *В.Ш.)* ушла в город, казаки и полиция попытались разогнать потемкинцев, охранявших тело Вакуленчука. Рабочие, находившиеся в порту, сообщили об этом на броненосец. Судовая комиссия распорядилась приготовиться открыть огонь по казакам из корабельных орудий. На фок-мачте “Потемкина” взвился боевой красный вымпел. Матросы почетного караула крикнули рабочим, что броненосец открывает огонь. Этого было достаточно, чтобы казаки и полиция покинули порт».

Как мы уже писали выше, съехавшая на берег делегация матросов отправилась на поиски местных революционеров, а заодно и французского консула.

Разумеется, согласно версии советских историков, потемкинцы

мечтали найти не просто каких-нибудь революционеров, а именно социал-демократов, а лучше всего б именно большевиков. Только им, и никому другому, желали доверить они свои революционные думы и планы, только от них ждали правильных советов. Ну, а на кой ляд, спрашивается, нужен был Матюшенко иностранный консул, да еще именно французский? Скорее всего, Матюшенко желал, чтобы о мятеже на «Потемкине» заговорил весь мир. Однако подвела грамотность, и он перепутал дипломата с журналистом.

Для предупреждения возможных инцидентов судовая комиссия «Потемкина» направила французскому консулу заявление и попросила передать его городским властям Одессы. В заявлении говорилось: «Почтеннейшая публика города Одессы! Командой броненосца “Князь Потемкин-Таврический” сегодня, 15 июня, было с корабля свезено мертвое тело, которое и было передано в распоряжение рабочей партии для предания земле по обычному обряду. После чего, пройдя несколько времени, была прислана этими рабочими на корабль шлюпка, что и заявила: стражу, стоящую у мертвого тела, казаки разогнали. Тело оставлено без надзора. Команда броненосца просит публику города Одессы: 1) не делать препятствия в погребении матроса с корабля; 2) учредить общее со стороны публики наблюдение над правилами; требовать от полиции, а также и казаков прекратить свои напрасные набеги, почему это все бесполезно; 3) не противодействовать доставлению необходимых продуктов для команды броненосца рабочей партией; 4) команда просит публику города Одессы о выполнении всех перечисленных выше требований. В случае, если во всем этом будет отказано, то команда должна будет прибегнуть к следующим мерам: будет произведена по городу орудийная стрельба изо всех орудий. Почему команда предупреждает публику и, в случае возникновения стрельбы, просит удалиться из города тех, которые не желают участвовать в противодействии. Кроме того, нам ожидается помощь из Севастополя для этой цели — несколько броненосцев, и тогда будет хуже».

Есть упоминания, что около трупа стоял матросский караул, есть упоминания, что, наоборот, никакого караула около Вакуленчука не было. Правы, видимо, и те и другие. Когда покойника привезли в порт и положили на молу, матросы некоторое время постояли рядом с ним, привлекая внимание к телу и приколотой на нем записке. Но стоять подле покойника было небезопасно, так как в порту начался грабеж, сопровождаемый драками и поножовщиной, а потом и грандиозный пожар. Поэтому караульные предпочли вернуться на корабль, и Вакуленчук был

оставлен в одиночестве. Как говорится, мертвому все одно, а заботиться надо о живых. Фактически труп был брошен на произвол, а потому каким-то чудом не сгорел во время ночного пожара в порту. Впрочем, есть упоминания, что он все же обгорел. По крайней мере, хоронили Вакуленчука уже в закрытом гробу. А так как вся история с похоронами Вакуленчука была политической акцией, то закрытый гроб следует признать явно вынужденной мерой.

Как нам уже известно, во время мятежа на «Потемкине», по некоторым оценкам, было убито до тридцати матросов. Часть из них случайными шальными пулями, часть — вполне прицельно, — это были те, кто пытался спастись с броненосца вплавь вместе с офицерами. Однако по-человечески похоронить решили почему-то только одного Вакуленчука. Это говорит только о том, что на самом деле никакого уважения к Вакуленчуку, как к своему брату матросу, у Матюшенко и его сторонников просто не было. Мертвый Вакуленчук был им нужен лишь для того, чтобы привлечь к мятежу внимание одесской и российской общественности: вот, мол, перед вами зверски убитый офицерами невинный матрос, которого перед смертью еще насильно пытались кормить червивым борщом. Мертвый Вакуленчук был нужен исключительно для политической акции. Если бы он вдруг остался в живых, на его месте оказался бы просто другой труп.

Любопытно, что тела всех других погибших во время мятежа матросов, как и тела офицеров, были просто цинично выброшены за борт в море и торжественные революционные похороны были организованны только для Вакуленчука. Но Матюшенко и его окружение со своей акцией несколько опоздали.

*** * ***

Читаем воспоминания очевидца одесских событий 1905 года поэта А. Федорова: «Одессу похороны матроса уже не интересовали. Пользуясь попустительством властей, в городе начались массовые беспорядки и грабежи. В центр города и в порт потянулись деклассированные элементы, каких оказалось немало. Ночью вакханалия достигла своего апогея. В городе к этому времени началось нечто страшное. В оставшемся без твердой власти городе начался вселенский грабеж. В порт и в центр потянулся одесский люмпен — “ракло”. Все ждали только ночи, чтобы развернуться по-настоящему. И эта ночь настала!»

Б.И. Гаврилов в своей книге «В борьбе за свободу» пишет: «… Начались грабежи и пожары. По свидетельству очевидцев, “грабежи были делом городских отбросов, босяков, профессиональных воришек и “чистой публики”. Рабочие пускали в ход оружие, умоляли, просили, но ничто не помогало”. Полицейские агенты организовали разграбление винных складов с целью споить толпу и направить ее на погром. Однако призывы к погрому успеха не имели».

Газета «Пролетарий» сообщала: «Настроение толпы было зверское, озлобленное, но вся злоба была направлена против полиции. Во время грабежа один из босяков произнес речь приблизительно такого содержания: правительство прислало нам водку для того, чтобы мы напились и пошли избивать жидов, но этому не бывать; от водки мы, конечно, не откажемся, но бить будем только полицейских чиновников, а не евреев, потому что они — наши товарищи, наши братья и т.д. В толпе раздавались крики “ура!”, “долой полицию!” и т.п. Это свидетельствует о том, что приход “Потемкина” и митинги в порту не прошли бесследно даже для люмпен-пролетарских слоев — революционные настроения начали проникать и в среду деклассированных элементов, которые всегда были орудием реакции.

Направляемая агентами полиции толпа разгромила и подожгла товарные склады. При этом агенты обливали здания заранее приготовленным горючим составом, последовательно переходя от одного пакгауза к другому. В грабежах и поджогах принимали участие солдаты и казаки. Около 22 часов пожар охватил всю гавань, перекинулся на рабочие кварталы Пересыпи. К 24 часам из порта, спасаясь от огня, в город двинулись толпы народа. Но все выходы были оцеплены войсками. Солдаты стреляли сверху в людей, которые метались в огне и дыму. Только отдельным группам удалось прорваться наверх. Обезумевшие люди бросались на солдат с камнями и кусками железа, дрались врукопашную. В них стреляли в упор, добивая раненых прикладами. Штаб-офицер для особых поручений подполковник Сигалев докладывал генерал-губернатору, что в ту ночь войсками “всего израсходовано 1510 патронов, кроме того, поломано несколько прикладов…”»

Сухие строки официальных документов дополняет рассказ очевидца событий брата писателя В.Г. Короленко И.Г. Короленко: «По знаменитой парадной мраморной лестнице возвращались главным образом любопытные, наблюдавшие картину пожара и происходящие в порту события. Тут были, говорят, студенты, барышни и вообще интеллигентная молодежь. Кому удалось выбраться наверх к бульвару, должен был еще пройти через Екатерининскую площадь. Живущие поблизости ее

утверждают, что никому не удалось пройти живому эту площадь, причем студентов и барышень избивали не только пулями, но и всякими другими зверскими способами».

Газета «Пролетарий» сообщала, что «кареты “скорой помощи” работали под выстрелами, но им удалось спасти лишь ничтожную часть раненых». Только по официальным данным администрации порта, погибло около 1260 человек. Эту страшную ночь из-за обилия пролитой крови одесситы прозвали «красной».

Несколько иную картину рисует в своих воспоминаниях поэт Л. Федорова: «Эта ночь дышала огнем и ужасом. В порту, где клокотало пламя, хищничали хулиганы и всякий сброд. Оттуда на извозчиках и подводах еще днем вывозились на глазах у всех товары. Жадность и дикость не пускали людей из этой раскаленной печи. Они разбивали бочки с дорогими винами и не только пили их, черпая картузами, шапками, руками, чем попало, — но и влезали в них, упиваясь до бесчувствия… тонули, захлебывались, сгорали в вине. Тут же катали разбитые бочки с сахаром, и кипящий сахар лился и заливал бесчувственные, горящие и просто опьяневшие тела. Их находили после в этих сахарных красных, как кровь, корках… Ужасные цукаты из человеческих тел! Тех, кого пощадил огонь, доканывали выстрелы. Из парка и с Николаевского бульвара всю ночь гремела артиллерия. Грохотали залпы и трещали пулеметы, как горох, падающий на железную крышу. В эту ночь никто не спал в Одессе. К утру пламя стало меньше. Как сказочный зверь, оно нажралось досыта и днем 16 июня, уже сонное, глотало все то, что было еще чудом пропущено им или не совсем сожрано. Черные обломки зданий, как кости изломанных им скелетов, торчали там, где накануне бился мощный пульс жизни. И среди обломков зданий грудами валялись скелеты, да кое-где стонали, умирая, обгорелые, раненые, искалеченные люди. Доктора, санитары, полиция подбирали их, сваливали в уцелевшие вагоны, на телеги, увозили в больницы. Это была, однако, только часть. Множество народа, застигнутого пламенем и выстрелами, ища спасения, бросалось в воду и погибало в море. Долго потом всплывали трупы, и водолазы и рыбаки захватывали со дна человеческие тела»…

А потом началось массовое бегство людей из Одессы. С. Орлицкий пишет, что он был потрясен, как быстро деморализация охватила людей, которые сутки назад ратовали на митингах за свободу. Обезумевшие от страха активисты недавних беспорядков и агитаторы шумных митингов в панике затаптывали слабых и стариков, сталкивали с подножек вагонов барышень и дам. Среди беженцев оказались и комитетчики, готовившие

сепаратистское восстание в пользу Южнорусской республики. Теперь, сидя в вагонах уходящих из Одессы поездов, они сокрушались о погибших в городе ценностях и ругали правительство за то, что оно не смогло навести порядка в Одессе! Парадокс истории: одесское отребье — «ракло» — сорвало честолюбивые планы комитетчиков, мечтавших создать иудейское царство на юге России. Члены комитета, казалось, предусмотрели все, кроме алчности одесского люмпена, и это их погубило…

*** * ***

Утром 16 июня, когда пожар в порту несколько затих, потемкинцы отправились в порт на разведку. Оказалось, что солдатам и пожарным удалось локализовать пожар. Нашли матросы и брошенное ими накануне тело Вакуленчука. Как оказалось, его спасли все те же солдаты и пожарные, соорудив вокруг трупа баррикады из мешков с песком

Правительственное сообщение от 22 июня 1905 года: «Усилению среди рабочего населения города Одессы брожения, перешедшего 15 июня в открытый мятеж, сопровождавшийся убийствами, грабежом и поджогами, способствовало следующее, хотя и не стоящее в непосредственной связи с обнаружившимися ранее беспорядками в Одессе, прискорбное, позорное и беспримерное в летописях русского флота событие. В четыре часа утра этого дня на Одесский рейд пришел из Тендровского залива броненосец Черноморской эскадры «Князь Потемкин-Таврический», от борта которого отвалила шлюпка с трупом матроса. Покойник сопровождавшими его матросами был положен на молу с пришпиленной на груди запискою, гласившею, что матрос Вакуленчук убит офицером невинно за высказанное им недовольство пищей, что все офицеры броненосца убиты командой и с броненосца ответят орудийным огнем по городу, если со стороны начальства порта сделаны будут попытки убрать труп или приблизиться к судну».

Обрадовавшись, что Вакуленчук никуда не делся, судовая комиссия решила послать делегацию к военным властям с требованием разрешить похоронить Вакуленчука на городском кладбище. Власть, разумеется, заявила, что не допустит похорон мятежного матроса. На это Матюшенко предупредил этих представителей, что в случае противодействия «Потемкин» будет стрелять из орудий.

По свидетельству одесских историков, разрешение на похороны матроса на Одесском военном кладбище было вынесено вовсе не из-за

угроз Матюшенко. Этого добился настоятель Свято-Николаевской церкви Иона Атаманский. Именно он уговорил городского голову дать разрешение на похороны Вакуленчука, несмотря на то что тот был мятежником.

Заметим, что к этому времени местные бандиты орудовали по всему порту. Даже в толпе, стоящей вокруг убитого Вакуленчука, был убит заточкой человек, который обнаружил в своем кармане чужую руку. Позднее, разумеется, напишут, что это был некий сыщик, который якобы намеревался спровоцировать около мертвого матроса некий погром (?), за что был без лишних слов и зарезан бдительным боевиком.

Одновременно трое матросов отправились с броненосца за мясом на городские бойни. По дороге туда один из них был убит, остальные арестованы. Известие об этом озлобило команду «Потемкина». Однако немедленного возмездия не последовало. Матюшенко решил все же вначале похоронить своего «друга».

Командующий гарнизоном генерал Каханов предложил делегатам броненосца похоронить Вакуленчука в два часа ночи. Матюшенко, Фельдман и Березовский сочли это наглой дерзостью. Затем пришло письменное разрешение хоронить Вакуленчука в два часа дня, причем даже с отданием его телу воинских почестей. Городские власти не желали нагнетать обстановку. Для сопровождения тела на кладбище разрешалось послать караул из 12 человек. В ответ на это потемкинцы отправили на берег арестованных офицеров броненосца. Наступило шаткое перемирие.

В полдень представители гражданских властей, минуя военных, прислали на броненосец свою депутацию, прося не обстреливать город и обещая помощь в снабжении углем и провизией. Матюшенко, Фельдман и Березовский на это согласились, но предупредили, что, если заказы не будут выполнены до 19 часов, броненосец откроет огонь.

В своем репортаже из бунтующей Одессы 1905 года журналист Орлицкий почему-то специально отмечает, что фамилия убитого во время мятежа на «Потемкине» матроса была не Вакуленчук, а Омельчук. Кстати, эту же фамилию сообщает и командир Одесского порта генерал-майор Перелешин в своем донесении о факте захода броненосца в Одессу. Кому и для чего нужно было менять фамилии, непонятно, скорее всего, — это следствие обычной воинской неразберихи. Да и дело уже не только в фамилии. Было ли выставленное на молу тело телом матроса, убитого на борту броненосца? Матросы-бунтовщики остаются матросами, следующими морским традициям, — тела умерших в море следовало предавать морю, тем более в летний зной. Были ведь и другие покойники на борту — четверо матросов во время стрельбы на борту броненосца с

перепугу оказались в воде и погибли под пулями своих соратников, стрелявших в лейтенанта Григорьева и прапорщика Ливенцева, пытавшихся добраться вплавь на борт миноносца. Тела их были подняты на борт. И вдруг эдакое кощунственное представление! За этим событием явно прослеживается помощь морякам со стороны режиссера или будущего консультанта режиссера!

В «Календаре русской революции» петроградского издательства «Шиповник» за 1917 год в описании одесских событий июня 1905 года изложено, что во время первого столкновения с полицией был убит не один, как считалось ранее, а двое рабочих. «Один из трупов украла полиция, а другой рабочие подняли на носилки и с пением “Варшавянки” понесли по рабочим кварталам». Возникает вопрос зачем полиции было воровать труп второго погибшего рабочего? Появляется полубредовая версия, что труп рабочего был припрятан по указанию руководства Комитетом и использован по согласованию с руководителями мятежа на «Потемкине» для накала революционных страстей. Может, это и явилось причиной странной путаницы с фамилиями? Революционная печать очень много писала о митинге рабочих и матросов у тела Вакуленчука; существуют даже художественные полотна, посвященные этому торжественному акту, по сей день существует ритуал возложения цветов к памятнику в порту. Однако ни в одной из публикаций ни слова не говорится о факте самих похорон. Не странно ли? Настораживает и тот факт, что в ходе войны и многочисленных последующих инвентаризаций на стеллажах Одесского областного архива утрачены даже те документы по Одесскому восстанию, которые там были до 1956 года…

*** * ***

Около 16 часов состоялись похороны Вакуленчука. Во время них соблюдались православные обряды. Вначале прямо на портовом молу у тела Вакуленчука была отслужена панихида, которую провел корабельный священник отец Пармен. От участия в самих похоронах он отказался и скрылся на берегу. И правильно сделал! По показанию командующего Одесским округом генерала Безраздецкого именно от отца Пармена были получены первые точные сведения об обстоятельствах мятежа.

Тогда матросы велели присутствовать на похоронах настоятелю Свято-Николаевской карантинной церкви отцу Ионе. Его предупредили, что если он откажется сопровождать похоронную процессию, то труп Вакуленчука

отнесут к подножию памятника Екатерине II, после чего начнется обстрел Одессы из орудий «Потемкина».

Это был самый настоящий шантаж, и отец Иона вынужден был уступить и согласился отпеть убитого у могилы. Речь отца Ионы у могилы не слишком понравилась матросам Он сказал им следующее: «Вы, братцы, стоите перед гробом, в котором видите жертву своего ожесточения, плод вашего противозаконного отношения к службе…»

После отпевания в церкви траурная процессия двинулась по городу. Как писал участник восстания Зиновьев, потемкинцы считали, что похороны по православному обряду будут способствовать сплочению восставших матросов с широкими массами пролетариата, «среди которых тогда были сильны религиозные предрассудки, и многие еще не допускали мысли о похоронах без участия попа». Так что искренности в церемонии особой не было, да и особого сплочения не получилось. Одесситы поглазели на процессию и разошлись.

Одна из самых популярных легенд потемкинской истории — это легенда о грандиозных похоронах Вакуленчука в Одессе.

Начало этой легенде положили левые газеты, которые преследовали при этом свои конкретные цели. Описание похорон из газеты «Пролетарий»: «Гроб в серебряном катафалке, окруженный двенадцатью матросами, с попом во главе и хоругвеносцами, двинулся медленно по Преображенской. За гробом шла толпа, постепенно увеличивавшаяся в конце Преображенской, тысяч в пятнадцать. На окраинах присоединилось еще тысяч пять. Балконы были усеяны народом так же, как и прилегавшие улицы. И особенно много было рабочих на окраинах города… Шли стройно, без песен и без знамен…» Над могилой набежавшие ораторы говорили страстные речи. Разошлись при возгласах: «Долой самодержавие!»

В советские время главным популяризатором легенды о массовости похорон Вакуленчука стал уже знакомый нам К.И. Фельдман, который написал в своих воспоминаниях, что похороны Г.Н. Вакуленчука «вылились в грандиозную демонстрацию. Тридцать тысяч одесских рабочих вышли провожать тело павшего в бою героя». Вторят Фельдману и некоторые потемкинцы. В частности, минно-машинный квартирмейстер И.А. Лычев также «воспоминал», что «похороны Вакуленчука превратились в грандиозную революционную демонстрацию» и что за гробом «сплошной стеной» шла «многотысячная процессия рабочих и трудящихся Одессы». Об этой же «бурной», «мощной» и «грандиозной» демонстрации писали вслед за ними и советские исследователи истории

восстания С.Ф. Найда, Р.М. Мельников, М.А. Столяренко, каждый увеличивая и увеличивая масштабы народной демонстрации почти до вселенских размеров.

На самом деле никакой демонстрации не было и в помине. Как оказалось, о столь грандиозном мероприятии ничего не знала городская полиция, та самая, которая, по воспоминаниям «очевидцев», испуганно пряталась в подворотнях от всенародного гнева. По свидетельствам очевидцев, в похоронах Вакуленчука участвовало несколько десятков человек и почетный караул из двенадцати невооруженных матросов. По другим свидетельствам, матросы были вооружены. Из воспоминаний И.И. Капниста: «…пара гнедых, запряженных в катафалк, за ней матрос-горнист и отделение матросов без лент. Слава Богу, “георгиевскую” сняли, но с ружьями и амуницией. Не было ни приветствий, ни других выкриков. Матросы шли молча и, видимо, смущенные».

Здесь Капнист упоминает георгиевские ленты, которые носили на бескозырках матросы Черноморского флота, в отличие от обычных черных, которые носили балтийцы. Георгиевские ленты были пожалованы черноморцам за подвиги в Крымскую войну 1853—1956 года императором Александром II. Факт того, что на похоронах матросы сняли даренные царем почетные ленты, весьма примечателен.

Из письма Иллариона Короленко своему брату, известному писателю Владимиру Короленко: «Из-под моста выехала колесница с гробом, предшествуемая священником, фонарщиками и прочими аксессуарами, а впереди и сзади человек по 15 матросов с “Потемкина”. Было только еще несколько человек штатских…»

Обратимся к воспоминаниям стоящего вне всякой политики и вне всяких группировок поэта А. Федорова. По его воспоминаниям, во второй половине дня 15 июля, проходя по Гаванской улице, он столкнулся с весьма странной процессией, поднимающейся из Карантинной гавани. Федоров пишет: «Запыленные матросы, всего человек восемь—десять, шли за гробом, поставленным на дроги. Некоторые были одеты в матросские куртки, а один из них был в желтом замазанном дождевике. Позади этой странной процессии ехала карета, а в ней за стеклами виднелись какие-то совсем чуждые этой компании физиономии и опять-таки — матросская куртка».

Вопрос о том, кого же все-таки хоронили в тот день, рабочего или матроса, думается, теперь уже вряд ли когда-либо будет разрешен. Вакуленчук или Омельчук, матрос или рабочий… А может быть, не столь торжественно хоронили какого-то другого матроса, погибшего во время

мятежа

Можно предположить, что и «чуждые физиономии» — это, скорее всего, представители все того же загадочного Комитета, о котором писал журналист Орлицкий. Поэтому нет ничего странного, что именно они и «курировали» захоронение теперь уж точно невостребованного загадочного тела.

Любые измышления, размышления вокруг темы проводов покойника, похорон всегда вызывают мерзкие, брезгливые ощущения, а в нашем случае даже сатанинским душком отдают, поэтому, если кто и посчитает кощунственной мою версию с конкретной историей похорон, — я готов выслушать более убедительные аргументы по конкретному сюжету.

По прошествии ста с лишним лет, когда отошли в мир иной все свидетели тех давних событий, мы вправе принять к сведению и информацию этой статьи-агитки анонимного автора, и воспоминания А. Федорова, фигуры достаточно известной в Одессе 20-х годов.

Несмотря на очевидную ложь, версия о «массовой» и «политической» демонстрации вошла в многотомную «Историю СССР», Большую советскую энциклопедию и другие издания.

Однако трансформация обычных похорон в массовую демонстрацию была совсем не случайной, а имела под собой серьезную политическую подоплеку. Эта подоплека связана с пересмотром в советской литературе роли в восстании матросов Вакуленчука и Матюшенко. Дело в том, что откровенный садист, убийца и террорист Матюшенко при всем желании не вписывался в образ классического героя революции. По этой причине предпочтение в «геройстве» было отдано Вакуленчуку. Последний был для этого очень удобной фигурой, так как был убит в самом начале восстания и в силу этого еще ничего не успел натворить такого, что огорчило бы историков революции, а наоборот, стал героем-мучеником.

Именно поэтому именно Вакуленчук был посмертно возведен на все мыслимые и немыслимые пьедесталы. Он посмертно стал и одним из организаторов Севастопольской матросской Централки, и руководителем социал-демократической организации «Потемкина», он стал великим матросским вожаком, верным большевиком-ленинцем и, конечно же, истинным вдохновителем и руководителем восстания. Лидирующее положение в руководстве восстанием Вакуленчука всегда особо подчеркивалась нашими историками фактом его гибели от рук офицера.

Что касается анархиста и убийцы Матюшенко, то он стал лишь «одним из руководителей восстания», а иногда и не слишком прилежным учеником Матюшенко. Общее резюме было таким; если бы Вакуленчук остался жив,

то все дальнейшие события на «Потемкине» развивались бы совсем иначе, а именно в нужном для большевиков русле. Что же касается Матюшенко, то он, при всей своей преданности делу революции, был еще малоопытен и, что самое главное, не являлся членом партии большевиков, а значит, не мог руководствоваться гениальными статьями В.И. Ленина, что и предопределило во многом поражение восстания. В реальности же в 1905 году все было наоборот — о Вакуленчуке писали исключительно как об убитом матросе, зато о Матюшенко — как о предводителе мятежа.

Глава двенадцатая. РАССТРЕЛ ОДЕССЫ

Во время возвращения матросов почетного караула после похорон Вакуленчука на корабль у них произошел конфликт с контролировавшим их движение патрулем. По одним данным, матросы были обстреляны, по другим — они сами первыми открыли огонь. Как бы то ни было, в результате вспыхнувшей перестрелки двое потемкинцев были убиты и трое ранены. Остальные разбежались в разные стороны. После похорон Вакуленчука полиция выловила в городе и арестовала два десятка матросов с «Потемкина» — то ли они не смогли вернуться на броненосец, то ли они не очень этого и хотели. Вполне вероятно, что проводить в последний путь Вакуленчука отправились именно его ближайшие товарищи и единомышленники, то есть потенциальные противники Матюшенко. Так что их арест был только на руку Матюшенко и его окружению.

Проводив беднягу Вакуленчука в последний путь, потемкинцы занялись более насущными вопросами. Ближе к вечеру стало очевидно, что никакого продовольствия и угля от городских властей броненосец не получит. Генерал Каханов в корне пресек всякую помощь мятежникам. Судовая комиссия собралась на совет, что делать дальше. Обсуждались два вопроса: об использовании гидрографической шхуны «Веха», обманом захваченной повстанцами, и о создавшемся положении после пожара со стрельбой в порту. «Веху» решили оборудовать под импровизированный плавучий госпиталь на случай непредвиденных ситуаций, а пока перевели на нее 12 больных и раненых матросов с броненосца. Главным вопросом обсуждения комиссии был вопрос о дальнейшей тактике восставших. К. Фельдман и А. Березовский настаивали на немедленном переходе в наступление. Они настаивали на том, что пассивная тактика может скомпрометировать потемкинцев в глазах одесских рабочих, а кроме того, в город продолжали прибывать войска. Комиссия согласилась с их доводами. Во время заседания комиссии к борту броненосца подошла шлюпка с солдатами, которые сообщили, что в городском театре собрались военные и городские власти и если орудия «Потемкина» уничтожат их, то солдаты присоединятся к матросам. Комиссия постановила открыть огонь по театру. Команду собрали на митинг для утверждения этого постановления…

Первым выступил К. Фельдман. Он призвал матросов немедленно

начать бомбардировку и захват города… Матросы сомневались. В это время к броненосцу подошла шлюпка с неизвестными солдатами, которые сообщили, что в городском театре в данный момент собралось на совещание все военное и городское руководство. Сразу возникла идея там их всех и похоронить. На самом деле, было ли в этот момент заседание в театре или не было, в точности не известно. При этом, даже если заседание и было, стрелять по театру все равно не имело смысла. Пока солдаты-информаторы узнали о совещании, пока взяли шлюпку и приплыли, прошло какое-то время. Пока на «Потемкине» заседали и принимали решение, также прошло время, помимо этого надо было еще время для подготовки к стрельбе и уточнения самой цели, что в отсутствие офицеров не так-то быстро и легко можно было сделать. Заседание, даже если оно и проходило в театре, к этому моменту, скорее всего, давно бы закончилось. Вся история со стрельбой по театру — это вопиющий непрофессионализм и глупость.

Обстрел Одессы орудиями «Потемкина» — одно из центральных событий всей потемкинской эпопеи. В источниках и историографии существуют разные версии о его причинах и поводах. Так, в воспоминаниях потемкинцев Лычева, Перелыгина и Склярова говорится, что бомбардировка была вызвана стремлением отомстить за смерть своих товарищей, участвовавших в похоронах Вакуленчука. Потемкинец Старцев-Шишкарев считает причиной известие о заседании военного совета в городском театре. К этому мнению присоединяется в своих воспоминаниях и Березовский. Что касается Фельдмана и прапорщика Алексеева, то они считают, что такое решение было принято после известие о готовности солдат присоединиться к матросам после бомбардировки. Согласно воспоминаниям поручика Коваленко, известие о совете явилось лишь непосредственным поводом к обстрелу, а главным было стремление команды перейти к активным действиям и препятствия военных властей в доставке провизии. По сообщению Матюшенко, причина заключалась в невыполнении одесскими властями требований потемкинцев о доставке материалов и провизии. Потемкинец Орлов считал причиной обстрела арест делегации броненосца, якобы вручившей командующему гарнизоном ультиматум с требованием освободить политических заключенных и снабдить «Потемкин» всем необходимым. На самом деле ультиматум был послан уже после бомбардировки. Почти не отличается от этой версии рассказ бывшего матроса Зыбалова, который объясняет бомбардировку отказом властей принять ультиматум, но при этом ничего не говорит о посылке делегации.

Приняв решение о стрельбе по городу, Матюшенко созвал команду на митинг. Первым выступил красноречивый Фельдман, призвав расстрелять город из пушек, а потом и захватить. Мнения тут же разделились. Меньшая часть кричала за обстрел, а большая против. При этом часть команды требовала выгнать с корабля Фельдмана с Березовским, как подстрекателей. Тогда матюшенковцы прибегли к уже испытанному способу. Член судкомиссии Демченко заявил, что тот, кто против Матюшенко и его друзей, должен выйти из толпы и заявить об этом лично. Зная Матюшенко, таких смельчаков не нашлось. В конце митинга выступил сам Матюшенко, он призвал начать стрельбу по городу, а предателям пригрозил революционным судом «Впечатление от речи Матюшенко, — не слишком искренне писал в своих мемуарах Березовский, — было громадно. Многие лица так и горели одушевлением Единодушие создалось полное». Какое там единодушие, когда команда уже разделилась на два лагеря!

Не меньшие расхождения имеются и в историографии. Историки Норицын, Найда и Мельников считали, что обстрел был вызван известием о скоплении войск в районе театра и дома командующею. А Столяренко и Томилов в качестве главной причины выдвинули стремление потемкинцев перейти к активным действиям под влиянием известий о расстреле в порту и нападении полиции на матросов. Историк Маевский назвал причиной обстрела известие о военном совете. Камшицкий полагал, что бомбардировка могла быть вызвана либо арестом депутации, либо промедлением с доставкой провизии. Платонов, Гришин и Питерский считали, что обстрел был вызван нападением полиции на матросов, возвращавшихся с похорон. А историк Герасимов, соглашаясь с этой точкой зрения, добавлял еще противодействие военных властей снабжению «Потемкина». Известный уже нам историк Гаврилов считал, что основная ошибка большинства его коллег историков состоит в том, что они неправильно выстроили происходившие события во времени. Он считает, что потемкинцы узнали об этом нападении только в 21 час, т.е. уже после обстрела.

Вполне возможно, что бомбардировка стала следствием сразу нескольких причин: результатом стремления сторонников Матюшенко перейти к активным действиям и отомстить за расстрел в порту, а непосредственным поводом открытия огня стало известие о военном совете и готовности солдат присоединиться к матросам, если снаряды броненосца уничтожат командование гарнизона.

*** * ***

Итак, в 18 часов 35 минут «Потемкин» снялся с якоря и отошел в море на полторы мили. Затем броненосец развернулся к Одессе правым бортом и произвел три выстрела из 37-миллиметровой пушки. По другим данным, стреляли из 47-мм орудия (историки С. Найда, Ю. Кардашев и К. Фельдман говорят о стрельбе из 6-дюймовых орудий). Затем на фок-мачте взвился сигнал «Н» и в 19 часов 5 минут он произвел первый, а спустя 10 минут — второй выстрел по Одессе из 152-миллиметрового орудия. Первый выстрел — фугасным, второй — бронебойным снарядами. Первый снаряд предназначался для дома командующего войсками, второй — в дом градоначальника. Далее предполагалось обстрелять театр. Однако первые снаряды не достигли целей, и от дальнейшей стрельбы «мстители» отказались. Скажем проще; мятежники своими действиями поставили себя вне закона, но, не будучи абсолютными «отморозками», они не решились обстреливать 12-дюймовыми снарядами мирный город. В последующие годы появились сообщения о «холостом» залпе носовой башни броненосца, но думается, что желаемое здесь выдавалось за действительное. Всего было сделано три холостых и два боевых выстрела, причем последний разрывным снарядом

Стреляли с «Потемкина» вроде бы по театру, а попали в жилой дом в другой части города. По счастливой случайности обошлось без жертв. Что касается орудий главного калибра, то их к стрельбе подготовить так и не смогли.

Снаряды для обстрела Одессы подавались по указанию Матюшенко и Шестидесятого. Артиллерийский кондуктор Шопарев пытался помешать обстрелу города, но его ударили в лицо и оттолкнули от орудия. Таким образом, мы можем констатировать, что во время ведения огня по городу на «Потемкине» имела место драка между сторонниками и противниками обстрела. Это доказывает, что уже в этот момент ситуация на корабле была весьма взрывоопасна и противники Матюшенко вовсе не прятались по углам, как нам пытаются рассказать большинство историков, а наоборот, весьма активно (хотя еще и неорганизованно) противодействовали активным мятежникам

Уже в советское время, оправдывая потемкинцев, стали писать, что произведенные выстрелы были предупредительными. Это очередная ложь, так как что это за предупредительные выстрелы боевыми снарядами по жилым кварталам? Из орудий главного калибра не стреляли вообще. Ряд

историков считает, что это произошло в силу «гуманности» Матюшенко и его окружения. Мне думается, что артиллеристы, обслуживавшие орудия главного калибра, без офицеров и кондукторов просто были не в состоянии вести огонь, так как стрельба из неотработанных тяжелых 305-мм орудий была опасна, прежде всего, для самих стреляющих. Именно поэтому и палили по Одессе из пушек, обслуживать которые было достаточно легко. Однако и из них, как оказалось, точной стрельбы не получилось. После окончания стрельбы броненосец стал на якорь на прежнем месте. По мнению автора, с учетом сохранившихся фотографий разбитых снарядами домов, стреляли все же из 6-дюймовых орудий.

Выстрелы «Потемкина» вызвали панику в городе. В советское время писали почему-то о панике среди одесской буржуазии, как будто снаряды разбирают, кто буржуа, а кто пролетарий. На самом деле, разумеется, перепутались и те и другие, после чего началось массовое бегство из города. Газета «Вестник Юга» писала, что господа и дамы «не брезгали даже товарными поездами». Исполняющий обязанности городского головы Андреевский настоятельно просил Министерство внутренних дел «принять экстренные и действенные меры», поскольку «в городе сильное волнение, власти лишены средств успокоить население, благодаря угрожающему положению броненосца». Но что могла сделать против «Потемкина» полиция? Своего такого же броненосца у нее не было.

Куда угодили оба снаряда, хорошо известно. Разумеется, что ни в какой театр они не попали, а горе-артиллеристы поразили жилые дома. Первый снаряд поразил дом на улице Нежинской. По иронии судьбы, дом принадлежал одесскому купцу Фельдману, дяде бравого потемкинского вожака. Снаряд разворотил крышу. Второй снаряд угодил в дом Столетова на Бугаевке и снес часть верхнего этажа. Считается, что по счастливой случайности обошлось без жертв, хотя в некоторых источниках говорится об одном-двух убитых. Впрочем, в той неразберихе, что происходила тогда в Одессе, жертв могло быть и больше. Кто их тогда считал? То, что пораженные жилые дома находились на большом удалении друг от друга, говорит о том, что с броненосца палили наобум.

А что значит «сделали два холостых выстрела»? Это могли быть практические болванки, которые, хоть и не взрывались, но все же при попадании могли нанести повреждения домам и людям, как обычное ядро. Но это могли быть и просто пороховые заряды, которые, кроме грохота и пламени из ствола, не представляли более никакой опасности.

А какими именно боевыми снарядами велась стрельба с «Потемкина»? В 1905 году на вооружении Российского императорского флота состояли

бронебойные, фугасные и сегментные снаряды. Что касается сегментных, то их, скорее всего, надо исключить, так как сегментный снаряд—это обычная шрапнель, и пытаться с ее помощью разрушить такое здание, как городской театр, нереально. По дошедшим до нас фотографиям поврежденных одесских домов, наиболее реальна стрельба бронебойными снарядами. Внешние пробоины, сделанные ими в домах, достаточно аккуратны и небольшие по площади. Разрыв бронебойных снарядов происходит, как известно, уже после пробития брони в отсеке корабля или, в нашем случае, после пробития стены в помещениях дома. Там-то и происходит самое страшное…

Всю вину за неточную стрельбу авторы книг о «Потемкине» в своем большинстве дружно сваливают на сигнального унтер-офицера Веденмеера. В одних случаях его обвиняют в умышленном изменении дистанции стрельбы, в других — в том, что он обманул команду, доложив, что увидел в порту некий белый флаг и из-за этого был якобы прекращен огонь. По другой версии, подлый Веденмеер и вовсе скрыл от команды некий таинственный сигнал солдат одесского гарнизона о продолжении бомбардировки. Одним словом, был этот Веденмеер полнейшим злодеем. На сам же деле никаких доказательств всему этому нет. Думается, на самом деле никакой Веденмеер ни при чем. Почему же тогда не попали? Плохим танцорам все время что-то мешает…

В своих воспоминаниях потемкинец И. Лычев явно сожалеет, что броненосец не продолжил обстрела города; «Выпустив два снаряда, “Потемкин” замолк: часть команды запротестовала против дальнейшего обстрела, заявляя, что снаряды могут разгромить рабочие кварталы. Огромная мощь артиллерии “Потемкина” так и осталась неиспользованной». Жалко было Лычеву, что не залили Одессу кровушкой! Вот кабы залили, уж они бы с другом Матюшенко порадовались!

Впрочем, как Лычев думали на «Потемкине» очень немногие. По рассказу Фельдмана, узнав, что от их выстрелов никто не погиб, матросы обнимались, целовались и плясали, как дети…

*** * ***

Тем временем Одесское военное командование уже стянуло в город верные власти войска. Еще днем в город прибыл Ларго-Кагульский пехотный полк. Вечером подошла артиллерийская бригада из Тирасполя. Им приказали занять боевые позиции на Ланжероне и стрелять шрапнелью

по палубе броненосца, если «Потемкин» снова откроет огонь по городу. Конечно, шрапнель была «Потемкину», что слону дробина. Броненосец мог уничтожить батареи несколькими залпами вспомогательной артиллерии, если бы только его артиллеристы умели стрелять. Но Одесса уже не была беззащитна, как накануне.

Тем не менее Матюшенко еще не отказался от мысли начать на следующий день захват города. Денисенко предложил из-за плохой подготовки артиллеристов стрелять завтра только прямой наводкой по Ланжерону и бульвару. На том и порешили.

А потом началось массовое бегство людей из Одессы. С. Орлицкий пишет, что он был потрясен, как быстро деморализация охватила людей, которые всего сутки назад ратовали на митингах за свободу. Обезумевшие от страха активисты и ораторы первыми затаптывали слабых и стариков, сталкивали с подножек вагонов барышень и дам. Среди беженцев, естественно, оказались и комитетчики, готовившие сепаратистское восстание в пользу Южнорусской республики. Теперь, сидя в вагонах уходящих из Одессы поездов, они сокрушались о погибших в городе ценностях и ругали правительство за то, что оно не смогло навести порядка в Одессе! Парадокс истории: одесское отребье — «ракло» сорвало честолюбивые планы комитетчиков, мечтавших создать «иудейские царство на юге России»!

Из задержанных цензурой сообщений Российского телеграфного агентства: «Одесса, 16 июня: По городу расклеены объявления о военном положении. Пожар в порту прекратился: сгорели мастерские Добровольного флота, пакгаузы Русского общества пароходства и торговли, Российского общества Кошкина и несколько пассажирских пароходов. Во время пожара унесено много товаров; сгорела вся эстакада в порту и вокзал Одесса-порт; движение конок и трамваев не производится; все банки закрыты; продажа имуществ в кредитном обществе отменена. О броненосце никаких дополнительных сведений нет; пока известны подробности ночных беспорядков: 50 убитых, свыше 500 раненых, многие тяжело. Только что раздался опять взрыв, пока неизвестно, в какой части города».

Из сообщений британской прессы: «Лондон, 16 июня. Помещенные в газетах сенсационные подробности об одесских беспорядках производят здесь сильное впечатление и вызывают тревогу. Многие торговые фирмы получили от своих отделений в Одессе по телеграфу уведомление о невозможности продолжать дела. Опасаются, как бы не пострадали английские торговые пароходы, которых в настоящее время на одесском

рейде стоит около 12. Некоторым из них приказано немедленно уйти из порта, ввиду того, что морские страховые компании предъявили желающим страховать пароходы против риска войны и повреждения со стороны возмутившегося экипажа броненосца “Князь Потемкин-Таврический” неимоверно высокие премии в 75 фунт, стерл. 75 шиллингов со ста. В палате общин три депутата предъявили запросы правительству относительно одесских беспорядков, ввиду нахождения там большого количества англичан. Лорд Перси ответил, что сведения, сообщенные по телеграфу британским консулом в Одессе, уже опубликованы в газетах. На вопрос сэра Альберта Роллита, какие будут приняты меры для ограждения личной безопасности англичан, их судов и собственности в Черном море, Бальфур ответил, что трудно сказать, какие меры следует принять относительно беспорядков в городе, не состоящем под английской властью».

Утром Матюшенко вновь решил открыть огонь по горящему городу, но на этот раз у него ничего не вышло.

Историк Б.И. Гаврилов в своей книге «В борьбе за свободу» пишет: «Матросы потребовали от судовой комиссии отдать приказ немедленно открыть огонь по войскам и полиции, но комиссия отказалась. Причины этого отказа до сих пор не выяснены, но существует целый ряд версий. По одной из них командир Д.П. Алексеев “отказался выполнить решение команды, ссылаясь на отсутствие электрических приборов для ночной пристрелки”». Однако, согласно показаниям самого Д.П. Алексеева и воспоминаниям К.И. Фельдмана, командир убедил матросов, что слышны не выстрелы, а треск горящих построек. По сообщению листовки Бунда, комиссия мотивировала отказ от обстрела невозможностью видеть цель сквозь закрывшие порт клубы дыма. По всей вероятности, именно невозможностью стрельбы по невидимой цели и объясняется отказ комиссии от обстрела. Тем не менее, благоприятные условия для десанта, даже без артиллерийской поддержки, существовали, но потемкинцы упустили момент для захвата города.

Они ограничились следующим воззванием к войскам гарнизона и населению Одессы: «От команды броненосца “Князь Потемкин-Таврический”. Просим немедленно всех казаков и армию положить оружие и соединиться всем под одну крышу на борьбу за свободу, пришел последний час нашего страдания, — долой самодержавие! У нас уже свобода, мы уже действуем самостоятельно, без начальства Начальство истреблено. Если будет сопротивление против нас, просим мирных жителей выбраться из города. По сопротивлению город будет разрушен».

Дальше грозных обещаний, как мы знаем, дело не пошло, и слава богу!

После всего происшедшего ночью Одессе уже не было никакого дела до одинокого броненосца. Отныне «Потемкин» оказался предоставлен сам себе. Ни корабль, ни его команда организаторам восстания больше не были нужны. Они свое дело сделали и теперь просто-напросто сбрасывались со счетов. Разумеется, ни о каком десанте речи уже не шло, как и о стрельбе. Когда же и матросам, в свою очередь, стало ясно, что рассчитывать на поддержку Одессы им не приходится, на «Потемкине» сразу резко упала дисциплина, начались разброд и шатание, в результате чего, бесцельно пометавшись несколько дней по Черному морю и получив отпор в Феодосии, корабль ушел интернироваться в Румынию.

Впрочем, согласно воспоминаниям Денисенко, Матюшенко решил теперь добраться до кавказских берегов, соединиться там с местными боевиками и, громя царские войска, дойти до Петербурга. Однако для этой затеи уже не было не только угля, но главное — не было желания команды. Постепенно разуверившись в честности своих руководителей и поняв, что они натворили, команда начала выходить из повиновения. Матросы не хотели ни с кем воевать. Большинство хотело добиться прощения и вернуться домой, где остались их семьи, родные и близкие. Пришло понимание, что их обманули, что теперь они никому не нужны. На корабле сразу же упала дисциплина. Сам Матюшенко теперь старался как можно реже попадаться на глаза команде, которую он вверг в столь страшную авантюру, обернувшуюся для сотен и сотен людей крушением всех их жизненных планов. Броненосец «Потемкин» как «непобедимая территория революции» уже полностью себя исчерпал и больше не представлял никакой ценности для тех, кто придумал всю эту затею. Не значит ли и этот факт, что весь расчет восстания на «Потемкине» изначально строился именно и только на Одессу и для Одессы?

Глава тринадцатая. НАВСТРЕЧУ ЭСКАДРЕ

Тем временем известие о мятеже на броненосце «Потемкин» достигло столицы. 15 июня управляющий Морским министерством получил из Севастополя от временно исполнявшего должность главного командира вице-адмирала Кригера (вице-адмирал Чухнин в это время был вызван в Петербург) срочную шифровку: «Вместо телеграммы командира, посланного в Тендру с комиссией для опытов стрельбы броненосца “Потемкин” сейчас получил телеграмму от командующего войсками о приходе броненосца в Одессу и о полном бунте команды на нем. Посылаю два броненосца с минным крейсером и миноносцами под командой контр-адмирала Вишневецкого с полномочиями принять меры, какие потребуют обстоятельства».

Управляющий министерством адмирал Авелан немедленно поспешил с докладом к Николаю II. На доклад царь наложил следующую резолюцию: «Где находится главный командир? Уверен, что ему удастся справиться с бунтом и жестоко наказать возмутившуюся команду». При этом он подчеркнул слова «уверен» и «жестоко наказать». Вечером Николай II направил телеграмму командующему Одесским военным округом с требованием «принять немедленно самые жестокие и решительные меры к подавлению восстания, как на “Потемкине”, так и среди населения порта». В свой дневник царь записал: «Получил ошеломляющее известие из Одессы о том, что команда пришедшего туда броненосца “Князь Потемкин-Таврический” взбунтовалась, перебила офицеров и овладела судном, угрожая беспорядками в городе! Просто не верится!»

Отъезд в Севастополь вице-адмирала Чухнина был задержан до получения указаний от управляющего Морским министерством, аудиенции у императора и у генерал-адмирала.

Тем временем, отослав срочную телеграмму о мятеже на «Потемкине», старший флагман Черноморской флотской дивизии вице-адмирал Кригер, не дожидаясь указаний свыше, уже приказал младшему флагману контр-адмиралу Ф.Ф. Вишневецкому с отрядом из трех броненосцев, минного крейсера и 4 миноносцев экстренно готовиться к походу для усмирения мятежного броненосца Вечером 15 июля в штабе флота в Севастополе получили срочную телеграмму от управляющего Морским министерством

адмирала Ф.К. Авелана: «Адмиралу Кригеру. Следуйте немедленно со всей эскадрой и миннными судами в Одессу. Предложите команде “Потемкина” покориться, если получите отказ, то немедленно потопите броненосец минами с миноносцев… Спасшуюся команду “Потемкина”, если будет сопротивляться — расстреливать… Авелан».

Историки утверждают, что вице-адмирал Кригер в успехе усмирения «Потемкина» силами отряда Вишневецкого сомневался, поэтому вслед за отрядом контр-адмирала Вишневецкого приказал спешно готовить к выходу в море остальные корабли эскадры. Но для этого ему надо было некоторое время. А из Петербурга торопили и торопили, там казалось, что Кригер и его младший флагман действуют недостаточно энергично.

«Я удивлен несвоевременностью исполнения приказаний, как Вишневецким, так и Кригером, — с негодованием отзывался об их действиях все тот же адмирал Авелан, — так как первый употребил на переход более суток, а второй вместо утра вышел вечером».

Разумеется, что в свете происходящих событий дорог был каждый час, однако следует иметь в виду, что броненосцы — это не велосипеды. Им надо время для пополнения запасов угля, для поднятия пара в котлах. Но в столице не желали ни о чем слышать. Не пришедшие еще в себя после Цусимы столичные адмиралы просто психологически не могли адекватно реагировать на чрезвычайное происшествие на Черноморском флоте. К тому же сам управляющий министерством досиживал в своем кресле уже последние дни. На столе императора уже лежал проект указа об увольнении Авелана за цусимское поражение в отставку, и Авелан о своей участи прекрасно знал.

Утром 16 июня командующий Черноморским флотом вице-адмирал Чухнин, находившийся в Петербурге, был вызван к царю для личной беседы. Содержание ее неизвестно. Вероятно, царь настаивал на скорейшем подавлении мятежа. Затем Чухнин сразу же выехал на Черноморский флот. В тот же день Севастополь, Николаев и Эриванская губерния были объявлены на военном положении.

Телеграмма севастопольского градоначальника товарищу министра внутренних дел: «16 июня 4 ч. 30 м. дня. В введении военного положения необходимости нет. Наружное настроение команд флота, оставшихся в Севастополе до тысячи человек, по моим наблюдениям, опасений не внушает. Внутреннее же неизвестно. Остальные в плавании с адмиралом Кригером. По отношении первых приняты меры. Откликов событий в Одессе не замечается. Организованный наружный надзор градоначальства ослаблен беспричинным выбытием в Херсон прибывших казаков,

возвращение коих необходимо. Нежелательное прибытие команды “Потемкина” в Севастополь вызовет неизбежное общение с гражданами и сочувствие находящихся в городе морских команд. Этот случай может вызвать необходимость временного введения положения усиленной охраны».

Тем временем сам вице-адмирал Кригер продолжает готовить карательную акцию. В Севастополе решено было оставить лишь наиболее старые броненосцы — «Чесма» и «Екатерина II». Остальные должны были выйти в море на перехват мятежного броненосца. Одновременно весь учебный отряд под началом контр-адмирала Писаревского переходит из Камышевой бухты на севастопольский рейд, чтобы прикрыть вход в бухту от возможного прорыва «Потемкина».

Одновременно Кригер требует от начальника учебного отряда срочно отослать в распоряжение младшего флагмана эскадры контр-адмирала Вишневецкого четыре «самых исправных миноносца». С кораблей списывают на берег и часть неблагонадежных матросов. Например, с «Георгия Победоносца» списали 22 человека. По воспоминаниям матроса Волгина, на броненосце «Двенадцать Апостолов» «сознательных матросов» осталось 5—7% от всей команды.

Во втором часу ночи 16 июня, закончив спешную приемку боеприпасов, воды и топлива, в море выходит передовой отряд контр-адмирала Вишневецкого. В кильватерной колонне курсом норд-вест 49º идут эскадренные броненосцы: «Три Святителя», «Георгий Победоносец», «Двенадцать Апостолов», минный крейсер «Казарский» и миноносцы № 255, 258, 272, 273. По расчетам Кригера, следуя 12-узловой скоростью, отряд должен подойти к Одессе около 15 часов 30 минут 16 июня.

Когда севастопольские равелины остаются далеко за кормой, команды кораблей строятся на шканцах и им объявляется о цели похода, зачитывается приказ вице-адмирала Кригера. «Я со своей стороны, — объявил он в приказе, — совершенно не имею в виду нападать на “Потемкин” вооруженною силою и тем увеличивать срам, и приму все меры благоразумия к миролюбивому прекращению беспорядков, что уменьшит вину команды “Потемкина” и ослабит ей наказание». Все выглядели подавленными — и матросы, и офицеры.

Однако Вишневецкий решил сразу не идти к Одессе. По-видимому, он не хотел оказаться у одесского побережья вечером, когда в наступающей темноте можно было упустить «Потемкин». Подход к Одессе был им вполне логично отложен до следующего утра. Поэтому Вишневецкий дошел до Тендры, где на ночь встал на якорь, приказав выдвинуть на

двадцать миль три линии дозоров из миноносцев, а два миноносца отправить на разведку к Одессе. При этом корабли находились в полной готовности к бою с погашенными огнями и давлением во всех котлах. На кораблях Вишневецкого усиленно готовились к возможному завтрашнему бою.

*** * ***

Не тратили времени даром и в противоположном лагере. До сих пор историками не изучен вопрос об избранной мятежниками тактике встречи правительственной эскадры. Фельдман в своих мемуарах пишет, что он предлагал остановить ее на горизонте, передав приказ стать на якорь, затем послать миноноску для ареста офицеров, а встретив отказ, открыть огонь по кораблям. При этом ему возражали другие члены комиссии во главе с Березовским Они были уверены, что эскадра первой не будет стрелять в «Потемкин», а если только «Потемкин» откроет огонь, то тогда и эскадра его тоже откроет. Каким был итог совещания, неизвестно, вполне возможно, что никаким. В своих воспоминаниях Березовский почему-то обошел этот немаловажный вопрос молчанием. Поручик Коваленко и матрос Перелыгин в своих воспоминаниях пишут, что выступали против открытия огня. Фельдман лее утверждает, что прошло его предложение, хотя впоследствии он якобы и понял его ошибочность. Кроме всего прочего, Фельдман и Березовский якобы придумали особую «военную хитрость»… вызвать на борт адмирала. «Комиссия рассчитывала, — вспоминал Фельдман, — что это требование вызовет негодование адмирала и заставит его отдать приказ стрелять по “Потемкину”, что неизбежно должно было вызвать восстание на кораблях эскадры». Удивительно, но Фельдман, сам того не понимая, хвастается придуманной им провокацией!

По воспоминаниям Коваленко и показаниям врача Галенко, комиссия решила начать бой только в случае явно враждебных действий эскадры, а если исход боя окажется роковым для «Потемкина», взорвать броненосец и погибнуть вместе с ним. «Такое решение, — рассказывает Коваленко, — сейчас же было сообщено всей команде, которая единодушно одобрила его». В последнем я весьма сомневаюсь — желания погибать за идеи революции команда «Потемкина» не выказывала ни в прошлом, ни тем более в будущем Могли быть красивые слова, но не более того. О настроение потемкинцев перед возможным боем лучше всего говорят факты, а они таковы. Серьезный инцидент произошел со старшим врачом

«Потемкина» Галенко, который в преддверии возможного боя с эскадрой вместе с санитарами перебрался на портовое судно «Веха» и забрал с собой все медикаменты. Доктора и медикаменты вернули силой. Историки признают и тот факт, что перед выходом в море сверхсрочники-кондукторы попробовали вызвать панику среди новобранцев, но их попытки успеха не имели. Таким образом, можно говорить о начале достаточно серьезных волнений в команде и ее окончательном разделении на тех, кто не желал продолжения мятежа, — часть команды во главе с кондукторами, и другую часть во главе с Матюшенко и его одесскими подельниками.

И. Лычев вспоминает: «Было решено не открывать огня первыми. И это решение, явившиеся следствием нашей общей неправильной тактики, было ошибочно». На самом же деле это было, вероятно, одно из немногих вполне разумных решений, принятых на «Потемкине» за все дни мятежа.

Днем раньше на «Потемкин» прибыл некий социалист Лазарев, которому Фельдман с Березовским поручили следить за действиями прапорщика Алексеева, чтобы не допустить предательства с его стороны. Однако перед самым выходом в море Лазарев (историками он считается членом Одесского комитета большевиков) отпросился на берег и обратно на броненосец уже не вернулся. Таким образом, прапорщик Алексеев оказался без соглядатая. Перед выходом в море прапорщик Алексеев загодя отказался командовать кораблем в случае боя. Он заявил, что болен, просил отправить его на берег. Но Матюшенко силой заставил Алексеева идти в боевую рубку, пригрозив расправой.

Что касается прапорщика Алексеева, то он не был кадровым флотским офицером, а был призван в военно-морской флот лишь с началом Русско-японской войны в марте 1904 года. Военная служба Алексеева абсолютно не прельщала, а потому он спал и видел, когда же вернется на родной торговый флот. По существу, Алексеев никаким настоящим офицером и не был, а являлся обыкновенным штурманом торгового флота, вынужденным носить на плечах чуждые ему погоны лишь по случаю войны. Забегая вперед, скажем, что после окончания мятежа Алексеев с великой радостью покинет осточертевший ему военный флот и вернется на свой старый торговый пароходик.

*** * ***

Но вернемся к событиям 17 июня. Ранним утром на «Потемкине» перехватили радиограмму: «Ясно вижу. “Ростислав”», потом еще одну.

«Мы телеграфируем вам на расстоянии 5…» Было очевидно, что эскадра уже близка. Матюшенко, Фельдман и Березовский решили отправить в разведку захваченный накануне в порту портовый ледокол «Смелый». Н него перебрались 12 человек во главе с верным матюшенковцем Резниченко. «Смелый» отправился к Тендре. Уже через десять минут он обнаружил отряд Вишневецкого. Ледокол тоже заметили и дали сигнал остановиться. Но он продолжал следовать прежним курсом. За ледоколом был отправлен миноносец, но затем Вишневецкий вернул его обратно, решив не отвлекаться на мелочи.

В 4 часа утра 17 июня, не дождавшись возвращения миноносцев, Вишневецкий снялся с якоря и лег на курс на Одессу. Согласно вахтенному журналу «Георгия Победоносца», в 5 часов 40 минут по переданному семафором приказанию адмирала подняли стеньговые флаги, в 6 часов 20 минут скрылся Тендровский маяк, а через десять минут показался по курсу Одесский электрический маяк на Большом фонтане. Повернув затем круто на 145°, Вишневецкий рассчитал свой маневр так, чтобы внезапно появиться из-за южного берега и перекрыть выход с рейда. Спустя еще полчаса с кораблей эскадры увидели стоявшие у Воронцовского маяка броненосец «Потемкин», миноносец № 267, портовое судно «Веха» под флагом Красного Креста и два парохода под английскими флагами.

Тогда же с «Трех Святителей» на «Потемкин» была передана радиограмма следующего содержания: «Черноморцы, удручен вашим поступком Кончайте скандал. Смиритесь. Повинную голову и меч не сечет. Объясните, чего вы хотите. Будьте благоразумны. Адмирал Вишневецкий». В ответ Матюшенко начал юродствовать: «Неясно вижу. Пожалуйста, увеличьте искру и повторите вашу работу». В 8 часов 25 минут радиограмма по просьбе «Потемкина» была повторена, и через десять минут «Потемкин» отвечал: «Убедительно Вас просим, как своего начальника, пришлите к нам дать совет. От всей команды». Разумеется, это была провокация, причем настолько явная, что Вишневецкий не удостоил ее ответом

Одновременно «Потемкин» начал съемку с якоря, намереваясь выйти в открытое море. Отметим немаловажный факт, что на всех многочисленных картинах, посвященных событиям 17 июня, «Потемкин» изображается идущим навстречу правительственной эскадре под огромным красным флагом. На самом деле ничего этого не было! Над броненосцем, как и прежде, развевался старый Андреевский флаг, помимо которого на ноке рея был поднят положенный по морскому уставу флаг «Наш» (красного цвета), означавший, что корабль готов к открытию огня. Именно так шли в бой

российские корабли в Порт-Артуре и в Цусимском проливе.

Увидев действия мятежного броненосца, Вишневецкий поднял сигнал о повороте эскадры «все вдруг» на 16 румбов, чтобы перерыть путь снявшемуся с якоря «Потемкину». На флагманском «Трех Святителях», оказавшемся после поворота концевым, пробили боевую тревогу. Затем отряд Вишневецкого сделал поворот на восемь румбов и строем фронта, увлекая за собой «Потемкин», начал отходить в открытое море курсом зюйд-ост 41º. Расчет Вишневецкого был, в общем-то, грамотным — увести подальше мятежный броненосец от мятежного города и там постараться подавить бунт. Однако около девяти часов утра «Потемкин» внезапно повернул обратно и вернулся на рейд. Впоследствии участники мятежа объяснили этот отход боязнью плавающих мин.

По воспоминаниям участников мятежа, первая проба сил с правительственными кораблями вызвала определенную уверенность даже в тех, кто сомневался в правильности происходящего.

Телеграмма командующего войсками Одесского военного округа генерала от кавалерии Коханова управляющему Морским министерством, 17 июня 1 ч. 20 м. дня: «Эскадра адмирала Вишневецкого, состоящая из двух броненосцев, одного минного крейсера и четырех миноносцев, прибыла на Одесский рейд в семь часов утра семнадцатого; стоит на рейде и ведет переговоры с Потемкиным. Только что получил телеграмму от адмирала Данилевского, что эскадра адмирала Кригера в составе “Ростислава”, “Синопа” и четырех эскадренных миноносцев вышла вчера в семь часов вечера из Севастополя; в Одессу же она до сих пор не прибыла. О мерах, принятых начальниками эскадр, мне не известно».

Тем временем спустя каких-то полтора часа отходивший на зюйд-ост отряд Вишневецкого обнаружил приближающиеся корабли контр-адмирала Кригера. Выйдя из Севастополя, отряд Кригера прошел мимо Тендровской косы спустя пять часов после ухода оттуда Вишневецкого. Вице-адмирал слышал радиопереговоры своего младшего флагмана с «Потемкиным». Еще через час эскадра соединилась. На флагманском «Ростиславе» состоялось совещание адмиралов с участием прокурора севастопольского военно-морского суда полковника Александрова. Ситуация была для вице-адмирала Кригера непроста. Он не только должен был прекратить мятеж на «Потемкине», но и сделать все возможное для того, чтобы сохранить этот новейший броненосец для и так донельзя ослабленного Порт-Артуром и Цусимой российского флота. Задача, прямо скажем, не из легких! Кригер заслушал Вишневецкого о его рейде к Одессе и запросил командиров о настроении команд. На совете решено было еще раз попытаться склонить

«Потемкин» к сдаче.

В 10 часов 50 минут на «Потемкин» передается радиограмма с предложением прислать представителей на переговоры. Ответа с мятежного броненосца не последовало. В 11 часов в строю двойного фронта эскадра направилась на одесский рейд. Теперь в ее составе были уже пять броненосцев: «Ростислав» (флаг вице-адмирала Кригера), «Три Святителя» (флаг контр-адмирала Вишевецкого), «Георгий Победоносец», «Синоп» и «Двенадцать Апостолов». Во второй линии шли минный крейсер «Казарский», эскадренные миноносцы «Строгий», «Свирепый» и четыре номерных миноносца, Вишневецкий отправил на «Потемкин» радиограмму: «В доказательство вашей искренности пришлите уполномоченных от команды на “Три Святителя” для мирных переговоров, ручаюсь их безопасность. Мы идем Одессу. Адмирал Вишневецкий».

У историков последующие события получили даже собственную формулировку. Встречу «Потемкина» с Черноморской эскадрой почему-то принято именовать «немым боем», хотя в реальности никакого боя так и не произошло, зато шума и криков было предостаточно.

*** * ***

В 12 часов 5 минут «Потемкин» снова снимается с якоря. В 12 часов 20 минут «Потемкин» сближается с эскадрой и поднимает сигнал с требованием прибыть к ним для переговоров командующему флагом Затем сигнальщики передали на «Ростислав» приказание застопорить на эскадре машины, а после ответного приказания «Потемкину» стать на якорь такой же сигнале позывными эскадры поднимается и на «Потемкине». Заметим, что полученные радиограммы на «Потемкине» до команды не доводились и решения по ним принимались исключительно троицей вожаков «товарищем Кириллом», Фельдманом и Матюшенко. Затем «Потемкин» начинает поворачивать свой форштевень прямо на «Ростислав». Это все те же «товарищ Кирилл», Фельдман и Матюшенко решили поиграть чужими жизнями. На «Ростиславе» проявляют завидную выдержку. Флагман Кригера остается на прежнем курсе, и с него по-прежнему требуют от мятежников встать на якорь. С «Ростиславом» «Потемкин» прошел так близко, что на нем слышали, как с мятежного броненосца кричали: «Снимай погонников!»

Некий свидетель из матросов пишет: «А “Потемкин” гордо, смело, величественно идет между нами, не спуская пушек с намеченной цели. Вот

он стал направлять свою большую 12-дюймовую пушку на мостик, где куча офицеров, онемев от ужаса, стоит не шелохнувшись; увидав же, что на них целятся, они, как стадо скотов, шарахнулись, кто куда попало»… Данное свидетельство — полный бред. На встречных курсах и на приличной дистанции совершенно невозможно определить, куда именно целит то или иное орудие. Кроме этого офицеры просто не могли стоять, как стадо, на крыле мостика. Во-первых, все они были расписаны по своим боевым постам, где и находились. Во-вторых, во время «немого боя» командиры кораблей правительственной эскадры находились, как и было положено по корабельному уставу, не в ходовых, а в броневых рубках. Ну а кроме этого вряд ли моряки-профессионалы вообще могли онеметь от ужаса при виде «Потемкина», который, как они прекрасно знали, и стрелять-то толком не мог.

В это время в боевой рубке «Потемкина» начинается паника. Официально считается, что якобы дотоле безучастный ко всему прапорщик Алексеев «бросается к машинному телеграфу, и “Потемкин”, уклоняясь от “Ростислава”, входит в интервал между ним и броненосцем “Три Святителя”». Однако такое утверждение вряд ли соответствует истине. Во-первых, с помощью машинного телеграфа можно изменить лишь скорость хода корабля, причем на таком большом корабле, как «Потемкин», это происходит далеко не сразу, так как сила инерции весьма велика. Курс же корабля изменяется поворотом штурвала, к которому, надо понимать, Алексеев почему-то не бросился. А ведь это был самый эффективный способ уберечь броненосец от столкновения! На руле, кстати, в это время стоял почему-то не штатный рулевой, а трюмный механик поручик Коваленко. Это тоже весьма странно. Получается, что мятежники не доверяли штатным рулевым матросам? Да и какой из трюмного механика рулевой? Забегая несколько вперед, скажем, что, возможно, неопытностью Коваленко на самом деле и объясняются не поддающиеся логике шараханья броненосца из стороны в сторону при встрече с эскадрой?

Помимо этого известно, что рядом с Алексеевым в течении всего «немого боя» стоял минный машинист Шестидесятый, приглядывая за его действиями и готовый незамедлительно принять меры к прапорщику, если бы тот начал что-то делать не так. А кулаки у Иллариона Шестидесятого были здоровенные.

Кроме Коваленко в боевой рубке находились все вожди мятежа. Возникает законный вопрос что же им помешало оттолкнуть Алексеева от телеграфа и снова перевести его ручки в положение «самого полного хода», ведь это дело нескольких секунд?

На самом деле в это время в боевой рубке «Потемкина» происходит нечто совсем иное. Скорее всего, там произошел серьезный конфликт, возможно, и с дракой между сторонниками тарана (Матюшенко и его друзья-одесситы) и его противниками во главе с прапорщиком Алексеевым. Вряд ли Алексеев решился бы на такой поступок после угроз о расправе Матюшенко, будучи в одиночестве. По всей видимости, прапорщика поддержали бывшие в рубке матросы. При этом сторонники Алексеева оказались в большинстве.

С военной точки зрения, таранить «Ростислав» было полным безумием. Во-первых, флагман Кригера был на ходу, с него прекрасно видели маневр «Потемкина» (который, кстати, не отличался большой скоростью хода) и вполне успели бы от него отвернуть. Если все лее таран бы произошел, то он имел бы для мятежников самые катастрофические последствия. Во-первых, на «Ростиславе» при таране погибло бы немало матросов, после чего ни о каком сочувствии к мятежникам со стороны экипажей эскадры речи бы уже не шло. Во-вторых, выведя из строя «Ростислав», «Потемкин» бы серьезно повредил свою носовую часть, неизвестно, как быстро удалось бы ему вытащить из борта «Ростислава» и свой таран. А ведь даже небольшое повреждение было для «Потемкина» гибельным, ведь у мятежников не было ни средств, ни специалистов, чтобы исправить даже небольшие повреждения. К тому же после тарана потерявший ход «Потемкин» стал бы прекрасной мишенью, в которую промахнуться было бы просто невозможно… Поэтому решение на таран могли дать только люди, совершенно не понимающие его последствий и абсолютно не дорожившие жизнями других. А потому в авторстве Матюшенко, «товарища Кирилла» и Фельдмана в этой чудовищной авантюре у меня нет никаких сомнений.

Тем временем «Три Святителя», уклоняясь от шарахающегося из стороны в сторону «Потемкина», вышел из общего строя. Сам же мятежный броненосец подвернул в интервал между кораблями эскадры, прорезая, таким образом, ее строй.

При этом орудия двух флагманских броненосцев были направлены на «Потемкин».

Дистанция между кораблями в этот момент была минимальной, что практически исключало промах при стрельбе. Но никто не хотел стрелять первым. Все еще надеялись на мирный исход. Обычно этот маневр мятежного броненосца превозносится нашими историками, как образец революционного героизма и отваги. На самом деле он стал всего лишь результатом драки в боевой рубке «Потемкина», и рулевым пришлось

направить корабль в первое свободное пространство между правительственными кораблями. «Потемкину» из-за безумной провокации Матюшенко просто некуда было деваться.

Из книги Р.М. Мельникова «Броненосец “Потемкин”»: «И вдруг справа, из-за освободившего путь броненосца “Три Святителя”, раздаются приветственные крики матросов, столпившихся на палубах трех других броненосцев. Люди облепили надстройки, мостики, размахивают фуражками, и вот уже неудержимая волна матросской солидарности захлестывает палубы этих кораблей. Неописуемый восторг охватывает потемкинцев, почувствовавших, наконец, долгожданную поддержку родной флотской семьи. Забыв о направленных на них орудиях, матросы срываются с мест, заполняют коридоры, вырываются на верхнюю палубу, и несмолкаемое “ура!” оглашает море, перекликается с ответными возгласами на удаляющихся броненосцах. Поручику Коваленко с трудом удается восстановить порядок и убедить матросов вернуться к своим боевым постам. Крепнет надежда на революционное выступление на эскадре».

Насколько реальна эта сцена? Разумеется, на эскадре имелось немало матросов, сочувствующих «потемкинцам», но все же истинная причина взаимной радости, думается, кроется в ином. И на «Потемкине», и на кораблях эскадры матросы очень боялись настоящего морского боя. Всем было совершенно ясно, что на предельно короткой «кинжальной» дистанции, когда промахи практически исключены, пять броненосцев утопили бы один в течение десятка минут. А кроме того, и рассказы об ужасной участи команд перевернувшихся броненосцев в Цусиме были еще очень свежи. Когда же всем стало ясно, что реального боя не будет, это вызвало взрыв радости как у личного состава правительственных кораблей, так и у мятежников, ведь умирать не хотели ни те ни другие.

Достаточно странно и утверждение Р.М Мельникова, что командованию «Потемкина» с трудом удается восстановить порядок на корабле. Зачем его восстанавливать, ведь братание с командами верными царю кораблей и есть главная цель «потемкинцев»? Если все матросы правительственных кораблей будут размахивать бескозырками и кричать «ура», то они выйдут из подчинения своих офицеров, и их легко будет призвать к захвату своих кораблей. Почему же «потемкинцев» силой загоняют на боевые посты? Да потому, что зачинщики мятежа не без оснований боятся, что столь радостное братание может привести к обратному эффекту и команда «Потемкина» в эйфории решит прекратить мятеж и присоединится к эскадре.

Между тем Матюшенко поднимает сигнал эскадре «Застопорить машины» и «Стать на якорь». Трудно поверить, что кто-нибудь на «Потемкине» на самом деле верил, что их указания будут выполняться. Матюшенко просто наслаждался своей безнаказанностью. В свою очередь, «Ростислав» пытается таким же сигналом остановить приближающийся «Потемкин» и отдает приказ о повороте всем вдруг на 16 румбов. Историками почему-то считается, что это «Потемкин» прорезает строй эскадры. Но с таким же основанием можно говорить и о том, что это эскадра пропускала «Потемкин» сквозь свой строй в надежде на то, что мятежники в конце концов образумятся.

На этот раз «Потемкин» пропускают в свой интервал «Георгий Победоносец» и «Синоп». По приказу Матюшенко сигнальщики семафором передали на корабли: «Команда “Потемкина” просит комендоров не стрелять». Команда «Потемкина» снова самовольно бросает боевые посты и выскакивает наверх. Снова взаимные крики «ура» с проходящих мимо друг друга кораблей. Все понимают, что никакого боя теперь уже точно не будет и все они останутся живы! По воспоминаниям матроса с «Ростислава», «на “Синопе” образовались две партии — желающих и не желающих присоединиться к “Потемкину”. Победила партия нежелающих…»

В это время на «Георгии Победоносце» вся нижняя команда в главе с кочегарами, боясь обстрела «Потемкина» и страшной смерти при переворачивании корабля, бросила вахту и выбежала наверх. Среди собравшихся на баке «Георгия Победоносца» матросов начинают действовать единомышленники Матюшенко. Наряду с криками «ура!» они бросают в разгоряченную толпу провокационные призывы: «Идем к “Потемкину”!», «Долой офицеров!», «Довольно дворянствовать!» Инициативу берет в свои руки машинист Илья Шаповалов. Он кричит: «Ура! Вали, ребята, на мостик!» Группа матросов врывается на мостик и, отстранив офицеров, захватывает управление кораблем. Машинист Дорофей Кошуба (давний личный друг Матюшенко) пытается повернуть дело по потемкинскому варианту. Он призывает матросов убить командира, а остальных офицеров выбросить за борт, но матросы его не поддерживают. Они не хотят крови.

«Почему “Георгий” не по-боевому?» — запросил флажным семафором Кригер.

«Команда “Георгия” желает свезти офицеров на берег и присоединиться к “Потемкину”», — ответил командир «Георгия» капитан 1-го ранга Гузевич.

«Употребите все силы и следуйте за эскадрой!» — приказал адмирал.

«Не могу, не могу!» — отчаянно семафорил сигнальщик с «Георгия».

Тем временем офицеры «Георгия» уже были окружены захватившими винтовки матросами, но призывы Кашубы перебить «кровопийцев» успеха не имели, а убивать офицеров лично Кашуба, в отличие от своего друга Матюшенко, не решается. Одновременно единомышленники Кашубы Семен Дейнега, Назарий Безбах и строевой квартирмейстер Захарий Бородин захватывают штурвал. Матрос Иван Степанюк избивает ногами сигнальщика, пытавшегося семафором сообщить о мятеже на флагманский корабль, а матрос Антон Горобец с криком «Дождались своего, довольно начальству пить нашу кровь!» начинает семафорить на «Потемкин» с призывом о помощи, так как у зачинщиков мятежа на «Георгии» нет уверенности в поддержке команды.

С берега тоже наблюдали за происходившими в море событиями и как могли тут же их комментировали.

Телеграмма генерала Коханова управляющему Морским министерством: «17 июня 1 ч 59 мин дня. Эскадра Кригера прибыла и совместно с эскадрой Вишневецкого окружила “Потемкина”, который перед этим вышел версты на две вперед к ним навстречу. Огня нет. “Потемкин” спустил все флаги. По-видимому, идет его сдача».

Вскоре еще одна, на этот раз весьма сумбурная телеграмма одесского градоначальника министру внутренних дел: «17 июня 2 ч 26 мин дня. Эскадра в составе пяти броненосцев полным ходом пошла на “Потемкина”, миноносцы сзади. “Потемкин” в это время отпустил английский пароход в Константинополь. Пароход, вероятно, увез революционный комитет, бывший на “Потемкине”. Кроме того, спустил два баркаса, идущих к пустынному берегу. Я просил командующего послать казаков переловить. Эскадра окружила “Потемкина”, прошла в порт, а “Потемкин” после сигнализации пошел в море, эскадра повернула к выходу, минула “Потемкина”, который вновь направляется в порт».

Историк пишет: «Кригер приказал броненосцу “Двенадцать Апостолов” атаковать “Потемкин”. “Двенадцать Апостолов” развернулся носом к мятежному броненосцу, но с него, прочитав семафор адмирала, подняли сигнал: “Броненосцу “Двенадцать Апостолов” остановиться”. Матросы “Двенадцати Апостолов”, зная о намечавшейся атаке, передали в машинное отделение приказ “полный назад”. “Двенадцать Апостолов”, не дойдя до борта “Потемкина” всего 3—4 метра, дал задний ход. Тогда командир “Апостолов” М.Н. Коландс нажал кнопку взрыва погребов, но минер Полещук успел перерезать провода Другие матросы привели в

негодность основные механизмы орудий и торпедных аппаратов. “Потемкин” почти вплотную обогнул корму “Двенадцати Апостолов” и направился к Одессе».

Увы, в данной цитате нет ни слова правды. Во-первых, какого черта надо было Кригеру посылать на таран «Двенадцать Апостолов», когда выяснение отношений к этому времени уже закончилось и эскадра начала отход. Если уж таранить «Потемкин», то делать это надо было раньше. Когда для этого имелась идеальная возможность — «Потемкин» дважды расходился с эскадрой вплотную на контркурсах. Любопытно и то, откуда могли матросы броненосца «командовать» в машину «Полный назад», когда переговорные трубы с машиной имелись только на ходовом мостике и в боевой рубке. Кто бы допустил там к переговорным трубам матросов? Командир «Апостолов» Коландс представлен вообще полным идиотом Он вдруг ни с того ни с сего пытается взорвать собственный корабль, который даже не перешел на сторону мятежников! К слову, на кораблях даже сейчас не существует (а в начале XX века тем более!) каких бы то ни было «кнопок взрыва погребов». В то время существовали системы затопления погребов водой, да и те управлялись не мифическими кнопками из боевой рубки, а специальными вентилями, которые отрывались вручную в случае угрозы взрыва в артпогребах. И какие, к черту, провода? Говорить о неких кнопках и проводах может только человек, совершенно не представляющий устройства боевого корабля начала XX века. Увы, но большинство наших исторических исследований буквально пестрят такими открытиями, а потому и относиться к ним следует с предельной осторожностью.

На самом деле «Потемкин», разойдясь с кораблями эскадры, круто положил руль и сам пошел на сближение с несколько отставшим от остальной эскадры броненосцем «Двенадцать Апостолов». Впоследствии Матюшенко хвастливо говорил, что он желал последовательно брать на абордаж броненосцы с дружественными экипажами. Однако в боевой рубке «Потемкина» снова произошел конфликт между двумя группировками, и мятежный броненосец, пройдя в ста метрах за кормой «Двенадцати Апостолов», повернул и направился к Одессе.

Эскадра продолжала в прежнем строю отход на зюйд. Разойдясь контркурсами с «Потемкиным», Кригер поднял сигнал: «Практическая эскадра, повернуть всем вдруг вправо на 8 румбов». Корабли развернулись и направились в море. Кригер в последний раз поднял сигнал: «“Потемкин”. Жду уполномоченных», — и одновременно передал на «Георгий»: «Идите в Севастополь». Но «Потемкин» не ответил.

Рассказывая о «немом бое» в своей книге «Броненосец Потемкин»,

Фельдман рассказывает откровенную басню о том, что если бы матросы прислушались к его задумке спустить на воду корабельные катера и догнать на них уходящую эскадру, то она бы непременно сдалась. На самом деле в данном случае разумно поступили именно матросы, а не студент Фельдман.

Поднятый в 13 часов 50 минут сигнал вице-адмирала Кригера о перемене курса уже не был отрепетован и исполнен «Георгием Победоносцем». Семафором с него передали, что команда присоединяется к «Потемкину». Броненосец начал понемногу отставать от эскадры, а к его борту уже подходил с вооруженным караулом «Потемкина» во главе с Матюшенко миноносец № 267. Не доверяя «георгиевцам», Матюшенко решил фактически захватить корабль сам.

Так закончился знаменитый «немой бой» 17 июня, который наши историки почему-то считают безусловной победой мятежников. На самом деле, при более пристальном изучении обстоятельств маневров становится очевидным, что действия «Потемкина» во многом носили откровенно провокационный характер в надежде, что вице-адмирал Кригер не решится открыть огонь. Это оправдалось; а ведь стоило бы противникам сделать хоть по одному выстрелу друг в друга, и никакого братания не осталось бы и в помине. Все кричавшие «ура» матросы с не меньшим энтузиазмом палили бы друг в друга в надежде победить, а не быть убитыми и утопленными. Именно так, кстати, произошло пять месяцев спустя при расстреле крейсера «Очаков».

Для того чтобы представить себе психологическую ситуацию, возникшую на кораблях при встрече «Потемкина» с эскадрой, надо хотя бы на минуту представить себя на месте участников тех событий. Еще не прошло и месяца после полного уничтожения двух российских эскадр в Цусимском проливе, ранее в Порт-Артуре на дно легла еще одна Погиб почти весь флот, тысячи и тысячи матросов и офицеров. Такого в истории российского флота еще не бывало! Почти каждый из находящихся на кораблях моряков потерял друга, товарища, сослуживца. И теперь новая беда, да какая! На российском корабле российские матросы подняли мятеж, поубивав российских офицеров. Это тоже в истории нашего флота происходит впервые! И вот теперь российские корабли под Андреевским флагом с российскими моряками идут, чтобы уничтожить свой же российский корабль под Андреевским флагом и с российскими моряками! Это какое-то безумие, какой-то невероятный театр абсурда. Еще никогда в истории русские моряки под Андреевским флагом не убивали друг друга в морском бою.

К тому же «Потемкин» — единственный оставшийся после Цусимы

броненосец российского флота. Уничтожить его — это значило уничтожить последние остатки морской мощи России. Что должны были чувствовать в этой ситуации матросы и офицеры? Каждый из них надеялся на чудо, что не придется убивать соотечественников. Еще раз повторюсь, что НИКТО НЕ ХОТЕЛ СТРЕЛЯТЬ ПЕРВЫМ — и бывшие на правительственных кораблях офицеры и матросы, и мятежники, ибо именно выстреливший первым брал на себя ответственность зачинщика братоубийства. Да, впереди Россию ждет еще не одна революция, ждет кровавая Гражданская война и истребление одних социальных классов другими. Но все это еще впереди, пока же до всего этого было сравнительно далеко. В июне 1905 года российский флот был еще морально не готов к развязыванию братоубийственной гражданской войны.

Как ни стараются нас уверить отдельные историки, что офицеры кораблей Черноморской эскадры боялись пушек «Потемкина», — это полная ерунда. На самом деле никакой серьезной угрозы для кораблей эскадры «Потемкин» не представлял. Это понимали на правительственных кораблях, это понимали и на самом «Потемкине». Мы уже говорили, что к этому времени «Потемкин» еще даже полноценно не вошел в состав действующего флота. На корабле была масса недоделок (именно поэтому в момент мятежа на нем было несколько десятков рабочих), в том числе и по части артиллерии. Орудия не были еще толком пристрелены, как не были выверены и дальномеры. К тому же сборная команда «Потемкина» была еще очень сырая и несплаванная, а о подготовке артиллеристов мы можем судить по одесским событиям Собственно говоря, именно для выявления недоделок артиллерии, пристрелки орудий и отработки первичных навыков у артиллеристов броненосец и находился в полигоне у Тендеровской косы. Если к этому прибавить отсутствие на корабле офицеров артиллеристов (т.е. профессионалов) и нежелание стрелять по своим сверхсрочников-кондукторов, то становится ясно, что никакой речи о сколько-нибудь точном огне «Потемкина» и речи быть не могло. Возможно, именно поэтому Матюшенко и не решился открывать огонь, а ограничился только вращением орудийных башен. На большее расчеты башен главного калибра не были способны. К тому же, сделай «Потемкин» хоть один выстрел, он был бы в течение нескольких минут уничтожен.

На самом деле, несмотря на некоторый тактический успех (присоединение броненосца «Георгий Победоносец»), стратегически бой был «Потемкиным» начисто проигран. Дело в том, что по плану «Централки» во время этого выхода в море планировались мятежи корабельных команд и присоединение всей эскадры к мятежному

броненосцу. Это удалось предотвратить, а кроме того, во время братания на кораблях были выявлены все основные зачинщики, которых немедленно арестовали и изолировали от команд. Таким образом, повторение мятежа, подобного «потемкинскому», на кораблях Черноморской эскадры стало теперь просто невозможно. Если с приходом в Одессу «Потемкина» стало очевидным, что надобность в нем у местных революционеров отпала и броненосец стал им абсолютно не нужен, то события 17 июня показали, что в своей основе Черноморский флот тоже не поддержал «Потемкин». Отныне мятежный броненосец был предоставлен лишь самому себе. Но, думается, на самом «Потемкине» понимания реальной ситуации тогда не было. На момент возвращения в Одессу все были довольны, что остались в живых, а руководители мятежа, кроме того, радовались и пополнению своих рядов за счет «Георгия Победоносца». Как показали последующие события, радовались они преждевременно.

Что касается эскадры, то после неудачной операции по принуждению «Потемкина» к сдаче она отошла в район Тендры. Вице-адмирал Кригер, не решаясь принимать какие-то решения единолично, собрал на флагманском броненосце «Ростислав» совещание командиров кораблей. Было очевидно, что тревожное настроение команд грозит дальнейшим возможным неповиновением. После этого Кригер предложил уничтожить ночью «Потемкин» и «Георгий Победоносец» самодвижущимися минами с миноносцев. Однако большинство участников совещания с этим планом не согласилось. По мнению командиров кораблей, команды миноносцев в ходе атаки могли сами перейти на сторону мятежников. Ну а кроме этого командиры кораблей не горели желанием своими руками топить единственный оставшийся в строю новый броненосец российского флота. Выслушав всех, Кригер распорядился уходить в Севастополь и уже там, разобравшись в обстановке, разработать план нейтрализации мятежных кораблей.

Ночью к эскадре присоединился миноносец № 272, посланный Кригером в Одессу с последним предложением восставшим сдаться и получивший отрицательный ответ.

Глава четырнадцатая. СТРАДАНИЯ ПО «ГЕОРГИЮ»

Восстание на эскадренном броненосце «Георгий Победоносец» — наименее изученная часть потемкинских событий. В советское время историки обычно писали, что «исследование восстания и контрреволюционного переворота на “Георгии” способствует более полному изучению вопроса борьбы с внутренней контрреволюцией в условиях восстания».

Впервые проведенный анализ событий на «Георгии» показал, что большинство его команды, как и на «Потемкине», составляли новобранцы. В плане «Централки» он по уровню революционности занимал четвертое место после «Екатерины II», «Ростислава» и «Синопа». Но последние, как мы уже знаем, все же так и не присоединились к «Потемкину». Из всей команды «Георгия», которая насчитывала 616 человек, впоследствии так или иначе привлекались к суду 76 человек, из них активных мятежников было не более трех десятков, среди них местные «матюшенковцы» Кошуба, Дейнега и Рябоконь. При этом 37 человек матросов-старослужащих явились самыми активными противниками мятежа.

Как и в случае с «Потемкиным», точного количества членов РСДРП, как, впрочем, и представителей других партий, на «Георгии» неизвестно. После революции, разумеется, писали, что восстанием на «Георгии» руководили социал-демократы, но никаких документальных доказательств тому не существует.

Восстание на «Георгии Победоносце», как уже говорилось, началось тогда, когда «Потемкин» вторично прорезал строй эскадры. Один из участников восстания на «Георгии» впоследствии вспоминал: «Сначала на палубу вышла лишь часть матросов — они боялись, что “Потемкин” откроет огонь, но были уверены, что, увидев на палубе своих товарищей, потемкинцы не будут стрелять». Командир «Георгия» капитан 1-го ранга Гузевич в донесении вице-адмиралу Чухнину отмечал весьма характерную для революции на флоте деталь — начали восстание кочегары и машинисты. Они первыми вышли на палубу с криками «ура!». За ними последовали другие, и на баке собралась большая толпа. Почему наверх первыми выскочила именно нижняя команда, понять несложно. Дело в том, что только-только до Севастополя дошли подробности Цусимы, во время

которой наши броненосцы переворачивались, увлекая вместе с собой на дно нижние команды, так как те не имели времени и возможности выбраться наверх. Рассказы о реалиях Цусимы были настолько ужасны, что никто из машинистов и кочегаров черноморских кораблей не желал страшной смерти в затопленном броненосце. Именно поэтому в момент прохождения «Потемкина» мимо «Георгия» на последнем и началась самая настоящая паника.

Таким образом, первично команда «Георгия» желала только одного — не стать жертвой наведенных орудий мятежного броненосца. Затем радость от того, что «Потемкин» стрелять не будет и все останутся живы, сменилась эйфорией вседозволенности. Тут же на палубе начался стихийный митинг. Однако большая часть команды, включая новобранцев, участия в митинге не принимала.

Тон на митинге задавали сторонники мятежа во главе с Кошубой. Все они кричали за «Потемкин». Тут же и было решено идти за мятежным броненосцем

Несколько десятков матросов во главе с Кошубой, Дейнегой и Рябоконем кинулись на ходовой мостик, требуя от командира идти за «Потемкиным» и угрожая в противном случае выбросить всех офицеров за борт. Дальнейшие события излагаются в «Обвинительном акте» неверно. Если верить этому документу, матросам удалось сразу захватить мостик и передать в машинное отделение приказ: «Стоп машина». То же мы читаем и в последних изданиях мемуаров Фельдмана, где автор в отличие от первых публикаций упростил события на «Георгии». Аналогичное изложение содержится и в монографии Р.М. Мельникова. Совсем иную картину дают материалы следствия и донесение Гузевича Чухнину. Из них следует, что восставшим не удалось сразу захватить мостик. Командир сообщил, что после того как на мостик вбежали матросы, он еще некоторое время продолжал командовать броненосцем и переговаривался по семафору с вице-адмиралом Кригером.

«Почему так много нижних чинов на площадке?» — запросил адмирал.

«Команда бунтуется с угрозою выбросить всех офицеров за борт», — ответил Гузевич.

«Идите в Севастополь», — приказал Кригер.

Прочитав этот сигнал адмирала, матросы потребовали шлюпку, чтобы съездить на «Потемкин» для переговоров. Гузевич сообщил об этом Кригеру.

«Идите в Севастополь», — настаивал адмирал.

Тогда Гузевич, рассчитывая на помощь последнего и выигрывая время, вступил в переговоры с матросами. Сам он о ходе переговоров ничего не написал, а в «Обвинительном акте» отмечена лишь безуспешность попыток командира «уговорить команду успокоиться». Установить, в чем заключались эти попытки, помогают воспоминания матроса с «Георгия» Н.Ф. Безбаха и показания на следствии матросов Городового, Грузина, Величко, Склярова и кондуктора Будяка. По словам Безбаха и Склярова, Гузевич предложил тем, кто хочет идти в Севастополь, стать но правому борту, а желающим присоединиться к «Потемкину» — по левому.

Строевой квартирмейстер Бородин убеждал матросов: «Надо идти к “Потемкину”! Там хорошие, образованные люди (!?), нужно узнать, что они хотят!»

«К “Потемкину”! — кричал команду капитан 1-го ранга Гузевич, — чего вам надо — я все сделаю, только идем в Севастополь!»

Он обещал не сообщать командованию о попытке бунта и далее предлагал отправить желающих на «Потемкин». Но матросы уже сто не слушали.

«Теперь наша воля!» — объявил командиру кочегар Лысенко.

Люди Кошубы заняли ключевые посты на корабле. Гирчич, Кошуба и Силкин захватили оружие и раздали его матросам Koniy6a оттолкнул командира от машинного телеграфа и передал в машину приказ: «Стоп пары!» «Георгий» остановился. По приказу Кошубы место у руля занял его единомышленник матрос Щербина

Офицеры «Георгия» были полностью деморализованы примером «Потемкина» и противодействия восстанию не оказали, ограничившись лишь словесной агитацией. Но все их попытки «успокоить» матросов оказались безрезультатными.

Захватив корабль, георгиевцы передали на «Потемкин»: «Команда “Георгия” желает присоединиться к вам Просим “Потемкин” подойти к нам». Получив этот семафор, прапорщик Д.П. Алексеев отказался подойти к «Георгию», утверждая, что это маневр с целью торпедировать «Потемкин». Когда же «Георгий» хотел сам подойти к «Потемкину», то приказу Алексеева дали задний ход.

Версия, что офицеры «заняли оборону» на мостике, источниками не подтверждается. Да этого и не могло быть. В момент прохождения мимо «Потемкина» все офицеры находились по своим боевым постам, а на ходовом мостике только четверо — командир корабля, вахтенный начальник, вахтенный офицер и штурман.

«Стой, иначе буду стрелять!» «Георгий» остановился в трех

кабельтовых. Дымченко, Матюшенко и Резниченко потребовали от Алексеева решительных действий. Тогда он, понимая, что одни матросы стрелять в его корабль не будут, передал на «Георгий»: «Арестуйте офицеров и доставьте их на “Потемкин”». «У нас дело плохо. Не все согласны. Мы не можем справиться. Присылайте скорее помощь», — ответил Горобец.

Фельдман в свих воспоминаниях также признает, что зачинщик мятежа на «Георгии» Кошуба сразу же прислал яликом на «Потемкин» паническую записку: «Команда “Георгия” не решается арестовать офицеров. Пришлите караул». Для наведения революционного порядка на «Георгии» туда пришлось отправить второй отряд сознательных вооруженных потемкинцев. Этот карательный отряд и арестовал георгиевских офицеров.

Просьба «Георгия» о помощи объясняется тем, что большинство команды составляли новобранцы. Поскольку офицеры этого броненосца не оказали серьезного противодействия восставшим, то их просьбу о помощи можно расценивать лишь как свидетельство упорного нежелания подстрекаемой кондукторами основной массы новобранцев присоединиться к потемкинцам: они, сочувствуя потемкинцам в их борьбе с «начальством», еще не знали настоящей цели восстания.

Любопытная фраза в книге Фельдмана: «Дымченко, Резниченко и Матюшенко потребовали от Алексеева прекратить игру. Их голоса звучали угрожающе. Поставленный перед этой угрозой и страхом за свою жизнь, Алексеев принимает неожиданное для него решение. Он приказывает передать “Георгию” сигнал: «Арестуйте своих офицеров и доставьте их на “Потемкин”». В ответ по семафору нам передают сигнал социал-демократов “Георгия”: “У нас дело плохо. Не все согласны. Мы не можем справиться. Присылайте скорей помощь”». Что это еще за сигнал социал-демократов? Значит, существовали некие особые, заранее оговоренные сигналы мятежников на всем флоте, чтобы отличать своих от чужих. Какая уж тут стихийность!

Итак, в 14 часов 30 минут с миноносца № 267 на палубу «Георгия Победоносца» высадились вооруженные матросы во главе с Березовским, Фельдманом и Матюшенко. Сама миноноска при этом отошла к корме и развернулась перпендикулярно к борту броненосца, направив на него торпедный аппарат. Восставшие моряки «Георгия» встретили «потемкинцев» криками «ура!». Матрос Гиль обратился к команде миноноски с просьбой о помощи. В то же время многие матросы, вероятно новобранцы, постарались укрыться в нижних помещениях броненосца.

Команду собрали на митинг. Первым перед матросами «Георгия» выступил потемкинец Кулик. Он рассказал о событиях на «Потемкине» и о задачах российской революции. По наблюдениям членов делегации Березовского и минного машиниста Шестидесятого, команда «Георгия» сразу же резко раскололась на две части. Первая приветствовала речь Кулика, а вторая заняла враждебную позицию и требовала вернуться в Севастополь. Источники не указывают, из каких матросов состояла вторая группа. Но, вероятно, это были не только новобранцы. После Кулика выступил Березовский. В своих речах потемкинские вожаки начали убеждать команду «Георгия Победоносца» присоединиться к «Потемкину» и уничтожить всех офицеров. Особого эффекта речь руководителей потемкинского мятежа на команду «Победоносца» не произвела. Машинист Каюров предлагал арестовать также и кондукторов. Но сразу встал вопрос, а кто будет управлять броненосцем, и Каюрова никто не поддержал. Кондукторов было решено не трогать, а боцмана Кузьменко избрать командиром.

Все дело, однако, испортил Матюшенко, который в таких ярких красках живописал казнь офицеров «Потемкина», что слушавшие его матросы пришли в ужас от того, что с ними будет, когда власти начнут разбираться с обстоятельствами мятежа. Команда «Георгия Победоносца» не желала, чтобы ее, как и команду «Потемкина», повязали кровью — убийством собственных офицеров. Большая часть «георгиевцев» после речи Матюшенко вообще отказалась перейти на сторону бунтовщиков. Кошуба с компанией оказался в еще худшем меньшинстве, чем на «Потемкине» сторонники его дружка Матюшенко. Есть сведения, что потемкинские вожаки вообще были освистаны и едва не изгнаны с борта «Георгия Победоносца». Ореол романтики, дотоле сиявший над «Потемкиным», в умах черноморских матросов исчез.

В 15 часов 30 минут караул «Георгия» во главе с Березовским арестовал офицеров и запер их в кают-компании. Никто из офицеров не пострадал. Только лейтенант Григорков, не желая сдаваться, застрелился на мостике. Если верить последнему изданию мемуаров Фельдмана, арест офицеров на «Георгии Победоносце» произвели исключительно потемкинцы Матюшенко, Дымченко и Кулик без всякого участия матросов «Георгия». После нежелания георгиевцев убивать своих офицеров Матюшенко уже больше им не верил. Вдруг они передумают и решат освободить офицеров? Правда, сам казнить чужих офицеров, да еще на чужом корабле, он все же не решился. Поэтому Матюшенко приказал переправить офицеров «Георгия Победоносца» на «Потемкин». Кроме

этого Матюшенко запросил с «Потемкина» еще один вооруженный караул. Это уже напоминало не матросское братание, а настоящую карательную экспедицию. Впрочем, по другим сведениям, отдельные матросы с «Георгия» все же помогали Матюшенко в аресте своих офицеров. Впрочем, на «Потемкине» офицеров «Георгия» тоже долго держать не стали. В тот же вечер на катере их высадили на берег.

После ареста офицеров на «Георгии» начались выборы членов корабельной комиссии. Отбирать кандидатов, разумеется, помогали потемкинцы. Выборы затянулись до вечера. Установить состав и численность комиссии «Георгия» помогает «Обвинительный акт», составленный военно-морским судьей полковником Воеводским на основе показаний участников и очевидцев восстания. Достоверность сведений, сообщаемых Воеводским, подтверждается более всего тем, что он не ввел в состав комиссии многих самых активных матросов, имена и действия которых были известны всему экипажу «Георгия». Согласно «Обвинительному акту», в комиссию вошли 10 человек: Бутрин, Горобец, Дейнега, Каюров, Моторный, Панфилов, Соседка, Степанюк, Шаповалов и Щулевицкии. Командиром корабля оставили боцмана Кузьменко. Но фактическая власть на корабле была сосредоточена в руках Кошубы, Дейнеги и Рябоконя. Тогда же состоялось и первое заседание комиссии, на котором обсуждался опять вопрос о кондукторах. После долгих дебатов было решено отправить их всех на берег, выдав по 10 рублей на дорогу. Однако выполнить свое постановление комиссия так и не успела.

Заметим, что Фельдман в воспоминаниях не скрывает своей ненависти к православию. Вот как он описывает наведение революционного порядка на «Георгии Победоносце»: «Мы с Куликом заканчивали проверку караульных постов в минном отделении, услышали, как горнист трубил сбор: горн призывал на молитву. Мы бросились на ют… Религиозные обряды были упразднены на “Потемкине” с первых же часов восстания. Я подошел к командиру. “Именем флагманского корабля, — заявил я ему, — категорически запрещал вам играть сборы на молитву!”» Это тоже не понравилось многим матросам

Тем временем, отойдя от Одессы на 12 миль, вице-адмирал Кригер собрал командиров кораблей на совещание. Командиры заявили о ненадежности команд. Было решено вернуться в Севастополь и сформировать сильный отряд миноносцев со специально подобранными командами для атаки «Потемкина».

Уже поздно вечером Кригер послал в Одессу миноноску № 272 для переговоров с восставшими об условиях их капитуляции. Старшими на

миноноске находились старший офицер броненосца «Три Святителя» капитан 2-го ранга Псиол, известный на флоте своим либерализмом, с ним лейтенант Чайковский и священник. Оказавшись на расстоянии видимости, они световыми сигналами предложили «Потемкину» сдаться. «Никогда», — ответили с мятежного броненосца. Получив отказ, Псиол предложили вступить в переговоры. По воспоминаниям Березовского, он вместе с Матюшенко и еще несколькими матросами вышел на катере навстречу миноноске. «Мы хотели, — писал он, — заставить посланных от эскадры вести с нами переговоры в присутствии всей команды контрминоносца, надеясь, что она позднее сумеет передать о наших целях и стремлениях матросам других судов». Возможно, что Березовский в своих воспоминаниях не совсем искренен и настоящей целью встречи с миноноской был ее захват, иначе для чего посланный катер был до предела заполнен вооруженными матросами. Однако чрезмерное количество вооруженных переговорщиков не осталось незамеченным для капитана 2-го ранга Псиола, который, не без основания, испугался захвата своего судна, и миноноска № 272 полным ходом ушла в море. Выслушав доклад офицеров, Кригер развернул эскадру в Севастополь.

Телеграмма вице-адмирала Чухнина Николаю II из Николаева, 18 июня 5 часов 8 минут пополудни: «Командир броненосца “Георгий Победоносец” донес мне, что 17 июня вся эскадра под командою Кригера собралась у Одессы; не будучи изготовлена к бою, построившись в строй фронта, она пошла по направлению к молу; навстречу ей вышел “Потемкин-Таврический”, готовый к бою. При прорезывании строя броненосцев, когда “Князь Потемкин-Таврический” поравнялся с “Георгием Победоносцем”, команда последнего устроила овацию и, когда по сигналу эскадра повернула на 16 румбов, команда “Георгия Победоносца” бросилась на мостик и не позволила управляться кораблем; раздались крики “долой офицеров!”. Эскадра удалилась и на сигнал “Георгия”, что команда бунтует, получив ответ идти в Севастополь, команда спустила шлюпку, посадила всех офицеров, кроме лейтенанта Григоркова, лишившего себя жизни, и на буксире миноносца № 267, перешедшего на сторону “Князя Потемкина-Таврического” (командир миноносца свезен на берег) свезла командира и всех офицеров на берег в 7 милях от Одессы. По разборе дела можно ожидать тоже и на всех судах; не имея сведений ни из Одессы, ни из Севастополя, боюсь, что море в руках мятежников. Решил не выходить».

Поздно вечером вернулись в Одессу и «Потемкин» с «Георгием Победоносцем». Последний прошел на якорное место мимо «Потемкина»,

отсалютовав ему как флагману. Власти Одессы после появления на рейде второго броненосца находились в растерянности. Полагали далее, что «Потемкин» сдался «Георгию». «Потемкин» и «Георгий Победоносец» стали на ночь на внешнем рейде напротив выхода из порта. Боясь ночных торпедных атак, потемкинцы приказали своей миноноске патрулировать на линии горизонта, а минных катеров — вокруг броненосцев. Прожекторы «Георгия» освещали акваторию порта и берег, а более сильные прожекторы «Потемкина» — море и горизонт.

При этом «потемкинцы» внимательно следили и за ситуацией на «Георгии Победоносце», не очень-то доверяя своим новым союзникам. После присоединения «Георгия

Победоносца» к «Потемкину» военное командование Одессы перестало надеяться на помощь Черноморского флота. На господствующей над портом Жеваховой горе установили восемь 229-миллиметровых мортир. В город вошли Ставучанский и Хотинскии пехотные полки, а также Вознесенский драгунский полк. А начальник Одесского жандармского управления полковник Кузубов направил в Петербург телеграмму с просьбой прислать с Балтики миноноски и подводные лодки для потопления мятежных броненосцев. Одесса готовилась к обороне.

Едва броненосцы бросили якоря на рейде Одессы, на «Потемкин» от комиссии «Георгия» приехали совещаться матросы Дейнега, Кошуба и Безбах. Вначале с докладами о положении на «Георгии» выступали Кошуба, Дейнега и Фельдман. Новости были не слишком радостными, так как большинство команды «Георгия» все больше сомневается в победе восстания. Тогда же Матюшенко предложили обменять 300 «георгиевцев» на 300 «потемкинцев» и тем самым «оздоровить» команду «Георгия Победоносца». Но большинство потемкинской комиссии выступило против перевода своих «сознательных» матросов на «Георгий», боясь ослабления влияния на собственном корабле. Тут свою команду надо все время в узде держать, а теперь еще три сотни «неблагонадежных» георгиевцев присоединится, что тогда будет? Наконец, по настоянию Кошубы, для оздоровления «революционного сознания» экипажа «Георгия» комиссия решила послать туда хотя бы 60 потемкинцев. Но споры о том, кого именно послать, ни к чему не привели. Командиром карательного отряда на «Георгий» был назначен верный матюшенковец Резниченко, но с «Потемкина» никто не хотел идти на чужой корабль, на своем было все же привычней.

На этом же заседании постановили снабдить миноносец № 267, не имевший боеприпасов, снарядами и торпедами.

Потемкинские 37-миллиметровые снаряды и торпеды не подходили к орудиям и аппаратам миноноски. Боеприпасы решили взять с «Георгия». Но когда около двух часов ночи за ними послали, кондукторы «Георгия» отказались дать снаряды и торпеды. Вначале они отговорились поздним временем и усталостью команды, а потом напрямую заявили, что никаких боеприпасов «Потемкин» от них не получит. Это было настоящим ударом для Матюшенко и его приверженцев. После этого отказа Дейнега и Безбах поспешили на «Георгий», чтобы найти управу на своих сверхсрочников. В помощь им туда отправились Кулик и вездесущий Фельдман. Главный же бузотер «Георгия» Кошуба остался на «Потемкине», требуя скорее выделить ему надежных людей. Своих сослуживцев Кошуба откровенно боялся и всю надежду возлагал на карательный отряд с «Потемкина», который привел бы в чувство колеблющийся «Георгий».

Тем временем кондукторы «Георгия», понимая, что теперь они в открытой конфронтации с мятежниками, собрались в кают-компании и выработали собственный план действий. Решено было утром завести корабль в Карантинную гавань и сдать его властям. Когда на «Георгий» прибыли Фельдман и Кулик, то остававшийся на «Георгии» за старшего матрос Дейнега сообщил им, что ситуация на броненосце сильно ухудшилось и команда выходит из повиновения. По воспоминаниям Безбаха, на «Георгии» было много матросов, призванных из запаса, у которых остались в Севастополе жены и дети. Все они не желали и слышать о какой-то революции, а желали идти в Севастополь. Дейнега предложил срочно арестовать всех кондукторов во главе с боцманом Кузьменко, но так как свои арестовывать не будут, нужны каратели с «Потемкина» и как можно скорее прислать «потемкинцев» для «укрепления» команды специалистами с «Потемкина».

А вот как ночует Фельдман на «Георгии Победоносце», по его же воспоминаниям: «Дейнека, мягко улыбнувшись, пожелал нам спокойной ночи. “А караул-то надежен?” — остановил его Кулик. “Да ничего ребята”, — не очень обнадеживающе звучал его ответ. Мы погасили свет. “Студент, а студент! — раздался из темноты голос Кулика. — Повсрнись-ка, не ровен час, штыком в живот пырнут”. Я лег на живот. Так действительно было спокойнее».

Утром 18 июня с «Потемкина» прислали новую агитационную команду в составе Березовского, врача Галенко, механика Коваленко, матросов Макарова и Скрсбнева для борьбы с контрой. Потемкинцев встретили откровенно враждебно. Возбужденные матросы не давали им даже выступать. «Трудно сказать, — писал впоследствии в своих мемуарах

Березовский, — чем бы все это могло кончиться, но, увидев среди нас офицеров, часть матросов стала кричать: “Пусть офицеры скажут. Послушаем, господа, офицеров”. Доктор Галенко и тов. Коваленко протолкались вперед, и матросы сразу же стихли. Рабская психология перед авторитетом “начальства”, очевидно, была еще жива у многих, замуштрованных дисциплиной моряков». Первым выступил Коваленко. Он упрекнул георгиевцев в измене и призывал их поддерживать потемкинцев, доказывая необходимость революции. После его речи часть матросов «Георгия» выразила согласие продолжать борьбу вместе с потемкинцами. Но когда Коваленко спросил, что они хотят делать дальше, то услышал: идти в Севастополь и предъявить начальству свои требования.

Затем слово взяли сторонники возвращения в Севастополь. Они предложили подойти к Севастополю и вызвать вице-адмирала Чухнина для переговоров. Но когда их спросили, какие переговоры они собираются вести с адмиралом, то оказалось, что этого они не знают.

Пока матросы выступали и спорили, врач Галенко отошел к кондукторам и заявил им: «Я на “Потемкине” больше не могу, все равно меня там расстреляют», — и предложил заключить союз для борьбы с мятежом.

Намитинговавшись, матросы «Георгия» решили послать уже свою делегацию на «Потемкин» для совместного обсуждения дальнейших действий, а до тех пор ничего не предпринимать. Успокоенные делегаты «Потемкина» стали спускаться на катер. В этот момент к ним подошел боцман Кузьменко и заявил: «Наша комиссия к вам не поедет, ей там делать нечего. Мы все равно в 12 часов снимемся с якоря». Непонятно почему, но ни Березовский, ни Фельдман не отреагировали на слова георгиевского боцмана. Скорее всего, они просто проголодались, а на «Георгии Победоносце» их к столу никто не пригласил. Это была ошибка, и ошибка непоправимая. Из документов следствия известно, что с ними отправился и один из участников заговора, комендор Юрченко, чтобы узнать, заряжены ли орудия на «Потемкине».

Едва делегация успела вернуться и доложить о результатах поездки, как на «Потемкин» прибыла комиссия с «Георгия». Георгиевцы сообщили о положении на их броненосце. Обе комиссии решили арестовать кондукторов «Георгия» и перевести на него часть потемкинской команды. Затем георгиевцы вернулись на свой корабль. Вместе с ними отправилась очередная делегация «Потемкина», чтобы еще раз до приезда потемкинского караула убедить матросов в необходимость ареста кондукторов. Делегация состояла из 10 человек во главе с врачом Галенко.

С ними вернулся на свой броненосец и Юрченко, известивший заговорщиков о состоянии боевой готовности «Потемкина».

Одновременно с выяснением отношений с «Георгием Победоносцем» потемкинцы направили делегацию и к командующему войсками для переговоров о покупке лекарств, перевязочных средств, провизии и угля. Генерал Каханов отказался удовлетворить требования матросов в угле и провизии, разрешив доставить в порт только медикаменты. Тогда потемкинцы заказали было провизию в селе Дофиновка под Одессой. Но казачьи патрули конфисковали провизию и не пустили матросов на берег.

Одновременно потемкинцы захватили в порту пароход «Петр Регир». На нем находилось более 100 тысяч пудов угля. «Наша команда, — вспоминал Березовский, — с такой поспешностью таскала мешки и ссыпала их, так дружно кипела работа, что едва ли что-нибудь подобное наблюдалось при грозном Голикове».

Около полудня к командующему войсками прибыла новая делегация с «Потемкина». Она потребовала освобождения арестованных накануне потемкинцев и доставки на броненосец провизии, угрожая в 21 час начать бомбардировку города. В документе говорилось: «Третьего дня (16-го июня), после похорон матроса Вакуленчука, не возвратились с берега трое наших товарищей… кроме того, в тот же день не вернулись с берега еще трое матросов, посланных нами в город за покупкой мяса… По имеющимся у нас сведениям, все эти матросы арестованы полицией и заключены под стражу. Ввиду этого мы требуем немедленного их освобождения и беспрепятственного возвращения на судно. Далее мы требуем:

1. Доставки для всей команды необходимой провизии, угля, воды и пр. запасов.

2. Освобождения из тюрем всех политических, как борцов за народное дело, за которое готовы сражаться и мы.

3. Немедленного очищения города от войск, передачи его во власть населения и свободного вооружения всего города.

4. Мы же после этого будем добиваться установления Народного Правления, как в городе, так и по всей России.

В заключение мы заявляем, что если хоть одно из наших требований не будет удовлетворено в течение 24 часов, то мы приступаем к бомбардировке города и захвату его… И тогда мы снимаем с себя всякую ответственность за невинные жертвы, — они падут на вашу зачерствелую совесть.

Команда революционной эскадры, состоящей из броненосцев —

“Князь Потемкин-Таврический”, “Георгий Победоносец”, миноносца № 267 и госпитального судна “Веха”».

Если первый пункт еще был как-то реален для выполнения, то все другие были явной провокацией. Ни командир Одесского гарнизона, ни командующий Одесским округом эти пункты исполнить не могли. В воздухе запахло бомбардировкой.

Рано утром Матюшенко тайком ездил в город, якобы для посылки жене убитого им командира «Потемкина» тысячи рублей «в виде пенсии» (что само по себе уже кощунственно!), а па самом деле переговорить с местными солдатами о поддержке броненосца, собрать данные о положении в Одессе. Он успел переговорить с солдатами разных полков, которые якобы сообщили ему о своей готовности присоединиться к восстанию, если матросы продолжат бомбардировку и помогут солдатам. Но к каким полкам принадлежали эти солдаты Матюшенко так и не понял.

Матюшенко, по словам Фельдмана, разыграл славный «номер». Он пошел посмотреть расположение правительственных войск, а когда его остановили, объявил, что команда «Потемкина» назначила пенсию вдове убитого ею капитана 1-го ранга Голикова и он просит передать ей тысячу рублей — первый взнос за первое полугодие. Может, для Фельдмана совершенное Матюшенко действительно кажется остроумным и смешным «номером», но для меня это не что иное, как самое циничное издевательство палача капитана 1-го ранга Голикова над его вдовой.

Тем временем врач Галенко, узнав о решении обеих комиссий арестовать кондукторов «Георгия», решил действовать. Он достаточно быстро смог договорился с потемкинскими кондукторами о сигнале к началу выступления, который будет подан с борта «Георгия». По прибытии на «Георгий Победоносец» Галенко объявил матросам о решении совместного совещания бомбардировать Одессу и арестовать кондукторов. Однако о причинах такого решения он ничего не сказал, и его выступление взбудоражило команду. Георгиевцы наотрез отказались стрелять по Одессе и выдать своих кондукторов потемкинскому караулу на расправу. После этого Галенко сообщил команде «Георгия», что команда «Потемкина» тоже хочет прекратить бунт, но боится расправы со стороны Матюшенко и его подручных. За эти слова историки приклеили Галенко ярлык предателя и провокатора. На самом же деле младший врач «Потемкина» оказался весьма смелым человеком, ну а то, что он рассказал георгиевцам о реальной обстановке на «Потемкине», соответствовало действительности. Бывшие вместе с Галенко на «Георгии» потемкинские активисты кинулись прикончить своего врача, но ему удалось убежать от них, а команда

«Георгия» отказалась выдать врача на расправу разъяренным матюшенковцам

В это время сигнальщики на «Георгии» увидели, как на «Веху», подошедшую к борту «Потемкина», переходят вооруженные матросы. Это Матюшенко решил больше не церемониться и захватить союзнический броненосец силой. И командир «Георгия» боцман Кузьменко решил действовать. Вначале осторожно выбрали якорь, но только до уреза воды, чтобы он не был виден с «Потемкина», одновременно надежные кондуктора и матросы захватили машину, вытащили из стоящих в пирамидах винтовок затворы и разобрали замки орудий. Как только все было готово, Кузьменко передал в машину: «Вперед полный!»

Р.М. Мельников в своей книге «Броненосец “Потемкин”» пишет: «Безответными остались и раздававшиеся в разных местах призывы “бить изменников” — момент для воздействия на команду был упущен. Рассеянные сигналом тревоги по постам и отсекам, утратившие столь ободряющее на митингах чувство локтя товарища, матросы перестали быть той живо реагирующей массой, обращаясь к которой можно было возбудить революционный энтузиазм и смести предателей. Не удалось, как к этому призывали кочегары М.И. Волков, А.В. Гиль и Л.С. Бутрин, потопить или взорвать корабль. Не сумели овладеть положением и находившиеся на борту потемкинцы — хорошо организованные контрреволюционеры по приказанию Галенко вытеснили их из рубки, кочегарных и машинных отделений».

Сообщение вахтенного матроса, что «Георгий» выбирает якорь, стало для потемкинцев громом среди ясного неба. Матюшенко с окружением выскочили на палубу. В это время «Георгий Победоносец» уже дал ход. На нем подняли сигналы: «Иду в Севастополь» и «Прошу позволения сняться с якоря!»

Потемкины были застигнуты врасплох, так как почти вся команда была занята погрузкой угля и не была готова к открытию огня. Стремясь выиграть время, с «Потемкина» ответили: «Ясно вижу», а затем просигналили: «Подождать 15 минут и следовать в Севастополь вместе».

Затем Галенко передал семафором на «Потемкин», что желает переговорить с одним из боцманов, в надежде подать сигнал к восстанию на самом «Потемкине». Но ему такой возможности уже не дали.

«Георгий» прошел вдоль правого борта «Потемкина» на выход из гавани. На «Потемкине» подняли новый сигнал: «“Георгию Победоносцу” стать по диспозиции». На это Кузьменко приказал лишь увеличить ход. Успокаивая команду, он заявил, что «Потемкин» тоже идет в Севастополь,

но разрешил им идти первыми. Когда стало понятно, что «Георгий» идет сдаваться властям, на его палубе начался настоящий рукопашный бой между бывшими на порту «Георгия» потемкинцами и местными матюшенковцами, с одной стороны, и остальной командой. Дрались штыками и прикладами. Численный перевес был на стороне противников «Потемкина», и вскоре все «сознательные» матросы вынуждены были отступить. «Георгий Победоносец» вышел из Одесской гавани и направился в открытое море.

На «Потемкине» пробили боевую тревогу, развернули башни главного калибра в сторону «Георгия», подняли боевой красный флаг «Наш» и сигнал: «Буду стрелять».

На «Георгии» началась паника. Броненосец развернулся и стал снова входить в гавань. В этот момент к его борту подошел лоцманский катер и предложил Кузьменко следовать за ним. Вбежавшие на мостик Кошуба, Бородин и Дсйнега снова попытались захватить управление кораблем, но были оттеснены. Идя за катером, Кузьменко ввел броненосец в порт и отдал якорь у Платоновского мола. После этого 15 кондукторов во главе с Кузьменко перебрались на лоцманский катер для следования на берег. С собой боцман взял кормовой флаг «Георгия».

Бывшие на «Георгии» потемкинцы спустили шлюпку, чтобы идти за помощью. С ними отправились: Волков, Кошуба и Силкин. Прибыв на «Потемкин», Кошуба сразу же призвал расстрелять собственный корабль, на котором ему не удалось стать вожаком, и всех находящихся на нем сослуживцев из орудий, говоря, что «позор надо смыть кровью изменников». Но не был поддержан матросами «Потемкина», которые пришли в ужас от такой кровожадности. Тогда неуемный Кошуба предложил потемкинцам высадить десант в Севастополе. По его замыслу, вооруженные матросы, набив рубашки патронами, под видом ночного патруля должны были проникнуть в крепость и арестовать офицеров, после чего провозгласить всеобщее восстание флота. Это откровенно идиотское предложение не нашло поддержки даже у Матюшенко.

*** * ***

Уход «Георгия Победоносца» явился переломным моментом всей потемкинского эпопеи. На самом деле ничего страшного не произошло, и при грамотных и энергичных действиях «Георгий» еще можно было вернуть, высадив на него вооруженный десант, тем более, что после убытия

кондукторов там снова царил полный разброд. Но впечатление, которое произвел уход «Георгия», было столь велико, что на «Потемкине» растерялись, а потом там тоже началась самая настоящая паника. «По всему кораблю, — вспоминал впоследствии бывший потемкинец Токарев, — внезапно пронесся крик: “Идем в Румынию!” Тогда из нас никто не мог понять, откуда исходит этот призыв, и лишь позднее выяснилось, что эту подлую мысль подал жалкий трус командир Алексеев». Остановить начавшуюся панику ни Матюшенко, ни его сторонникам так и не удалось.

Из воспоминаний И. Лычева: «По всему кораблю внезапно пронесся крик: “Идем в Румынию!” Тогда из нас никто не мог понять, откуда исходил этот провокационный призыв. И лишь позднее мы выяснили, что эту подлую мысль подал жалкий трус Алексеев. Наши попытки остановить панику, успокоить команду оказались бесплодными. Матросов точно загипнотизировал этот вопль. “Идем в Румынию… в Румынию…” — слышалось везде, от капитанского мостика до машинного отделения… “Потемкин” вышел в море, убегая от неведомой опасности».

18 июня около 17 часов «Потемкин» выбрал якорь и взял курс к берегам Румынии, бросив своих сторонников на «Георгии» на произвол судьбы. За ним последовала верная миноноска № 267.

Тем временем кондуктора «Георгия» были доставлены к градоначальнику. Не разобравшись в происшедшем, градоначальник сообщил командующему округом, что «Георгий Победоносец» посажен на мель, а команда желает сдаться. Это была неправда. Корабль на мели не сидел, а команда все дралась между собой, выясняя отношения, но никому сдаваться пока не собиралась. Однако именно с этого сообщения одесского градоначальники и родилась легенда о посадке «Георгия Победоносца» на мель, встречающаяся повсеместно почти во всех статьях о восстании на «Потемкине».

Затем одесское начальство наконец-то выяснило, что «Георгий» вовсе не стоит на мели, а среди его команды все еще кипят страсти, к кому присоединяться. К памятнику Ришелье подтянули артиллерию, а на сам броненосец — пехотный батальон. На этом страсти на «Георгии Победоносце» улеглись, и генерал Коханов мог с чистой совестью телеграфировать в Петербург о сдаче броненосца властям. На телеграмму Николай наложил следующую резолюцию: «После самого скорого следствия и полевого суда надо привести приговор в исполнение перед всей эскадрой и городом Одессой».

20 июня в Одессу прибыли командир и офицеры «Георгия». На броненосце сразу же было арестовано 68 активных мятежников. В момент

отправки арестованных один из них, машинный квартирмейстер Гуляев, вырвался из рук конвоиров и, бросившись в воду, чтобы бежать, утонул

Начальник одесского жандармского управления — в Департамент полиции, 20 июня 6 ч. 24 м дня: «Сегодня около шести часов утра прибыли из Николаева на “Эриклике” офицеры “Георгия”. Побывав на броненосце, где экипаж встретил их приветствием, они подняли на броненосце флаг, отправились к командующему войсками, прося дать войска для ареста бунтовавшей части экипажа “Георгия”, возвратились на броненосец, откуда снято шестьдесят семь бунтарей… В порт пришел из Севастополя контрминоносец “Стремительный”, имея приказание разыскать “Потемкина” и взорвать его; у “Стремительного” нет ни одного матроса, вся команда состоит только из офицеров. По окончании нагрузки угля и провизии “Стремительный” отправился для выполнения возложенного на него поручения…»

В это время на броненосце «Георгий Победоносец» команда была вновь приведена к присяге. Отслужили молебен. Многие с искренним раскаянием молились и плакали. Матросы сами помогли выявить зачинщиков — семьдесят человек. Их свезли на берег и взяли под стражу.

Но потеря «Георгия» была не единственной для «Потемкина». Помимо броненосца Матюшенко исключительно по собственному недоумию потерял и транспорт «Веха». Перед бегством из Одессы с «Потемкина» приказали «Вехе» грузить уголь с парохода «Петр Регир» и следовать за ними. В 20 часов 20 минут «Веха» закончила погрузку и около 21 часа отошла от транспорта. К этому времени «Потемкина» уже и след простыл. Матюшенко и компания бежали из Одессы так спешно, что даже забыли оповестить «Веху» о своем маршруте. Не зная, куда он направился, «Веха» взяла курс на Очаков. Там «Веха» сдалась властям Любопытно, что никого из собственных активистов команда «Вехи» так и не выдала, зато все как могли поносили «кровожадного Матюшенко», который все время призывал их прикончить своих офицеров.

Уход «Потемкина» из Одессы был далеко не триумфальным, как его недавний приход. Тогда появление мятежного броненосца вызвало определенный ажиотаж, теперь же всем было на него глубоко наплевать. Уход «Потемкина» из Одессы был самым настоящим бегством. Об этом говорит хотя бы такой факт. После недальнего перехода в Констанцу на «Потемкине» начались большие проблемы с углем. А ведь он вроде бы грузился углем со специального угольного транспорта! Почему же не догрузился, ведь никто этому вроде бы не мешал, и никакой реальной опасности для него в Одессе не было? А потому, что, увидев сдачу

«Георгия», потемкинцы в панике побросали мешки с углем, развели пары и дернули из Одессы куда глаза глядят, не предупредив даже верную им «Веху». Поразительно, но если на «Георгии» все время панически боялись «Потемкина», то на «Потемкине» напоследок перепугались «Георгия» еще больше! Вот тебе и герои!

В это время вице-адмирал Кригер отправляет на поиск «Потемкина» минный крейсер «Гридень» и миноносец «Стремительный». Последний при этом был укомплектован командой, полностью состоящей из офицеров. Корабли имели задачу, обнаружив «Потемкин», ночью атаковать его самодвижущимися минами. Буквально через несколько часов после ухода «Потемкина» из Одессы туда на полном ходу ворвался «Стремительный», но мятежного броненосца в гавани уже не застал. Пополнив запасы угля и воды, «Стремительный» вышел в море для поиска мятежного броненосца, но тот к этому времени уже затерялся в открытом море.

С эпизодом бегства «Потемкина» из Одессы связана одна весьма любопытная легенда. Как известно, в Советском военно-морском флоте (да и в современном российском) минеров, да и вообще всех представителей миноторпедных боевых частей, традиционно именуют «румынами». Где истоки такого, прямо скажем, необычного прозвища, однозначно сказать сложно. Однако существует легенда, что когда на борту мятежного «Потемкина» решался вопрос, куда именно бежать из Одессы, то именно минеры броненосца первыми начали дружно кричать, что идти следует только в Румынию. За это они были тут же и прозваны «румынами». После подавления мятежа история с «румынами» стала известна всему Черноморскому флоту, и шутливое прозвище пристало уже ко всем черноморским минерам, а затем перекочевало на другие флоты и флотилии. Впрочем, это всего лишь легенда…

Глава пятнадцатая.
А БЫЛИ ЛИ ВООБЩЕ БОЛЬШЕВИКИ НА «ПОТЕМКИНЕ»?

Одним из самых сложных и таинственных во всей потемкинской истории является вопрос о политической принадлежности матросов мятежного броненосца.

Сразу же оговоримся, что точных документальных данных по социал-демократам «Потемкина» нет. В разных исторических трудах называются самые разные составы социал-демократической ячейки броненосца, как по количеству, так и по персоналиям. К примеру, в одних трудах Вакуленчук фигурирует лишь как член пресловутой «Централки», в других он социал-демократ, а в некоторых даже большевик. Разумеется, что в своих воспоминаниях, написанных после 1917 года, почти все бывшие потемкинцы дружно пишут, что они как есть, были идейными большевиками. Думается, что если бы к власти пришли эсеры, они столь бы дружно задним числам причисли себя и к ним Документально же проверить фактическую принадлежность того или иного матроса к конкретной революционной организации не представляется возможным. Именно поэтому историки и сочиняют то, что им нравится, придумывая несуществующие организации и их многочисленных членов.

Так, в официальной советской литературе и воспоминаниях участников событий традиционно сообщалось, что на «Потемкине» на момент начала мятежа было около тридцати социал-демократов, два эсера, два матроса анархистско-эсеровского толка и один анархист. При этом, разумеется, все социал-демократы по умолчанию традиционно считались только большевиками, а никак не меньшевиками.

Иногда приводится даже список матросов, согласно их партийной принадлежности. Так социал-демократами, как правило, называются матросы: Н.С. Алексеев, П.В. Алексеев, С.С. Андросов, Г.Н. Вакуленчук, С.А. Денисенко, И.А. Дымченко, Н.И. Добровольский, А.Н. Заулошнов, И.Д. Захарченко, М.М. Костенко, В.П. Кулик, Г.Е. Кулишов, И.А. Лычев, А.В. Макаров, В.З. Никишкин, Б.С. Прохоров, Е.К. Резниченко, И.А. Репин, Н.П. Рыжий, К.Г. Савотченко, А.В. Самойленко, И.С. Спинов, П.П. Фесснко, Н.Т. Хохряков, З.А. Цымбал и Ф.Г. Шевченко. Представителями партии эсеров традиционно объявляются — М.А. Волобуев и А.И. Турбаев,

матросами «анархистко-эсеровского толка» — Т.В. Скребнев и И.П. Шестидесятый. Что касается матроса Е.Р. Бредихина, то он объявлен просто анархистом

Согласно историку Б.И. Гаврилову «Двенадцать членов РСДРП (кроме погибшего Г.Н. Вакуленчука), судя по рассказам потемкинцев, якобы были большевиками (П.В. Алексеев, С.А. Денисенко, И.А. Дымченко, М.М. Костенко, В.П. Кулик, И.А. Лычев, А.В. Макаров, В.З. Никишкин, Е.К. Резниченко, А.Г. Самойленко, И.С. Спинов, Е.С. Шевченко). Фракционная принадлежность остальных, по данным Б.И. Гаврилова, вообще неизвестна.

Еще раз повторимся, что до сих пор никаких подтверждений относительно реальной партийности всех вышеперечисленных матросов нет. Непонятно и то, кто первым из историков составил этот список, который повторяется из одного исторического труда в другой.

В воспоминаниях потемкинцев также нет на этот счет единства мнений. Единственно, в чем единодушны авторы, так это в том, что себя каждый из них в обязательном порядке причисляет к большевикам, но это, как *мы* понимаем, было явлением времени, в котором мемуары писались.

Так, бывший ученик машиниста А.Ф. Царев поведал в своих мемуарах, что к началу восстания в революционных группах корабля, по его мнению, состояло около ста человек Откуда взял эту цифру Царев, непонятно, да и трудно поверить, что молодой призывник-«салага», не имевший даже штатной должности, был посвящен в «святая святых» — в тайну корабельного подполья, причем посвящен до такой степени, что знал поименно всех членов этой организации. Хорошо известно, что в целях конспирации матросы-заговорщики всегда сорганизовывались в пятерки. При этом члены одной пятерки не имели представления о том, кто состоял в другой. Поэтому «воспоминание» А.Ф. Царева доверия не заслуживает.

Но если мы даже приблизительно не знаем, сколько матросов вообще было предрасположено к революционной работе, то как мы можем с точностью до одного человека определить, кто из них в какой конкретной партии состоял?

Взять, к примеру, одинокого бедолагу анархиста Е.Р. Бредихина. Если одни потемкинцы именуют его анархистом, то другие считают социал-демократом Скорее же всего, матрос Бредихин не был ни тем ни другим, а лишь время от времени просто рассказывал сослуживцам о своих симпатиях к той или иной партии. Эти рассказы, по-видимому, и запомнили авторы мемуаров.

Такая же история и с минными машинистами Т.В. Скребневым и И.И.

Шестидесятым, которых причисляли то к социал-демократам, то к матросам «анархистко-эсеровского толка» (что это означает конкретно, сказать сложно). Тот же Шестидесятый, которого я видел на его столетнем юбилее, рассказывал нам, что уже на «Потемкине» он являлся большевиком. Впрочем, победи в 1917 году эсеры, думаю, он с той же искренностью рассказывал бы, что в 1905 году был именно твердым эсером.

Поэтому, так как источники этой информации никогда не указывались, да и вряд ли вообще существовали в природе, то о партийности матросов судили в основном по характеру их действий во время мятежа. К социал-демократам, видимо, скопом относили тех, кто проявил в событиях наибольшую активность, так сказать, действовал жестко и бескомпромиссно, по-большевистски. Кто много говорил о терроре, того автоматически приписывали к эсерам, ну а кто всех посылал куда подальше (это, видимо, был упертый Бредихин и его ближайшее окружение), — к анархистам.

К примеру, потемкинец Н.П. Рыжий впоследствии вспоминал: «В различии между большевиками и меньшевиками не все из нас разбирались в то время».

Историк Б.И. Гаврилов в своей книге «В борьбе за свободу» пишет следующее: «Исследование материалов восстания на “Потемкине” показывает, что команда с первых его минут разделилась на три группы: участников восстания, его противников и колеблющихся. В источниках названо 129 активных участников, из них 29 были социал-демократами. Выявленное количество членов РСДРП можно считать полным, принимая во внимание слова одного из участников восстания: “Нас здесь 30 революционеров, 30 социал-демократов”». Сразу возникает вопрос а социал-демократы — это не революционеры? Тогда кто же революционеры? Заметим и то, что стихийное разделение на группы матросов во время мятежа не может являться основанием для зачисления их в ряды каких-либо партий.

Игнорируя очевидные неувязки, Б.И. Гаврилов бездоказательно настаивает: «…Несмотря на недостаточную теоретическую подготовку, социал-демократы “Потемкина” выполняли решения III съезда РСДРП и “Централки”, а, следовательно, и сами находились на большевистских позициях.

К группе активистов восстания примыкала группа рядовых участников (около 150 человек), которым классовый инстинкт подсказал выбор революционного пути. Вместе с активными участниками они составили

революционное ядро в 300 человек, охарактеризованное секретарем Одесского комитета РСДРП АМ. Книпович как “вполне сознательное”. Большинство участников восстания являлось матросами технических специальностей, что характерно для революционного движения на флоте. Распространенное в литературе мнение о наличии в команде членов партии эсеров не соответствует действительности. Матросы с эсеро-анархистскими взглядами на “Потемкине” были, к ним относился и руководитель восстания А.Н. Матюшенко. Однако связей с эсеровскими организациями матросы не поддерживали, о чем свидетельствуют отсутствие упоминаний об этом в эсеровской печати и отказ потемкинцев принять делегата Одесского комитета социалистов-революционеров. Материалы о восстании свидетельствуют, что его политическая программа являлась программой большевистской “Централки”, программой III съезда РСДРП. Частично она отражена в обращениях и прокламациях потемкинцев. Эти документы были рассчитаны на самые широкие слои народа, вероятно, поэтому в них отразилась лишь программа-минимум РСДРП: свержение самодержавия и созыв учредительного собрания, а также борьба против войны, за мир. Поскольку обращения и воззвания, как и все решения судовой комиссии, должны были утверждаться общим собранием команды, можно считать их выражением воли всего экипажа, в том числе и малосознательных матросов. Это свидетельствует об успехах социал-демократов в политическом воспитании членов команды “Потемкина”. Исследование программы действий восставших показывает, что она соответствовала общему плану “Централки” по захвату Черноморского побережья и провозглашению республики. Этот план потемкинцы в дальнейшем дополнили предъявлением ультиматума царскому правительству. К группе колеблющихся относились в основном новобранцы, составлявшие более половины экипажа (около 400 человек). Уровень революционности этой части команды был невысоким. Один из колеблющихся, матрос Л.И. Летучев, вспоминал: “Восстание на броненосце «Потемкин» застало меня врасплох, и оно поразило меня как громом, и я не знал, что делать, к какой из сторон присоединиться… Я не был против восстания и не был «за», потому что не понимал и не разбирался в нем. Я честно отбывал свой долг по службе, слушался новой власти, честно нес вахту в машинном отделении, ходил регулярно на митинги и собрания, слушал ораторов, меня интересовали горячие речи и призывы, но разобраться во всем этом я не мог… Окружающие меня старые матросы были поглощены революционными событиями, а такие, как я, новобранцы, сами ничего не понимали и нуждались в помощи и

разъяснении”».

Еще раз повторимся, что никаких документальных доказательств своим рассуждениям Б.И. Гаврилов так и не приводит, а потому перед нами всего лишь его личная трактовка событий, причем ничем не подтвержденная.

*** * ***

Неожиданное паническое бегство «Потемкина» из Одессы сорвало далеко идущие планы вождя партии большевиков В.И. Ленина. Дело в том, что находившийся в это время в эмиграции в Швейцарии Ленин, узнав о восстании на «Потемкине», срочно направил в Одессу для «политического руководства восстанием» лично преданного ему большевика Васильева-Южина, который вспоминал впоследствии, как Ленин, напутствуя его перед отъездом, сказал: «Задания очень серьезные. Вам известно, что броненосец “Потемкин” находится в Одессе. Есть опасения, что одесские товарищи не сумеют как следует использовать вспыхнувшее на нем восстание. Постарайтесь во что бы то ни стало попасть на броненосец, убедите матросов девствовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае, не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. На эту работу бросьте возможно больше наличных сил одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян захватывать помещичьи земли и соединяться с рабочими для общей борьбы. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение».

«Владимир Ильич явно волновался и, как мне тогда казалось, несколько увлекался, — пишет в своих мемуарах далее Васильев-Южин. — В таком состоянии я раньше никогда не видел его. Особенно меня поразили, и, каюсь, очень удивили тогда, дальнейшие его планы, расчеты и ожидания.

— Дальше необходимо сделать все, чтобы захватить в наши руки остальной флот. Я уверен, что большинство судов примкнет к “Потемкину”. Нужно только действовать решительно, смело и быстро. Тогда немедленно посылайте за мной миноносец. Я выеду в Румынию.

— Вы серьезно считаете все это возможным, Владимир Ильич? — невольно сорвалось у меня.

— Разумеется, да! Нужно только действовать революционно и быстро. Но, конечно, сообразуясь с положением, — твердо и уверенно повторил он».

Васильев-Южин примчался в Одессу утром 20 июня, но, увы, «Потемкина» там уже не было. И все же любопытно, насколько реальны были планы Ленина?

Допустим, Васильев-Южин застал бы «Потемкин» в Одессе. Что произошло бы дальше?

Вот точка зрения на этот вопрос историка Б. Никольского: «Если бы Васильев-Южин успел войти в контакт с потемкинцами, и ленинский план был реализован, вплоть до прибытия Ленина на миноносце в Одессу, — любопытно было бы наблюдать процесс общения двух ветвей потенциальной власти, ленинского ЦК, с одной стороны, и бундовско-меньшевистского цукербергoвского комитета — с другой. Хотя, учитывая национальную принадлежность большинства членов ЦК, с большой долей вероятности, они нашли бы общий язык. Кстати, обратите внимание на внешность Васильева-Южина. Нельзя не отметить исключительно грамотно подобранного делегата для миссии в Одессе…»

Думаю, что далеко не факт, что Васильева-Южина сразу бы приняли на «Потемкине» с распростертыми объятиями, к тому же признали в нем начальника! К этому времени на мятежном броненосце уже сформировался свой триумвират: Березовский—Матюшенко—Фельдман, который делиться властью с неким примчавшимся эмигрантом вряд ли бы пожелал. Вспомним, как обстреляли из винтовок пытавшегося прибыть на «Потемкин» Губельмана-Ярославского, также метившего в вожаки мятежа. Что касается Фельдмана и Березовского, то в любви к большевизму они на самом деле признались лишь после октября 1917 года, когда большевики стали правящей партией и пребывание в их рядах сулило большие выгоды. До этого же одесские друзья ошивались то в Бунде, то в эсерах. Матюшенко же вообще «по жизни» ненавидел всяких там интеллигентов.

Но допустим, что Васильев-Южин добрался бы до Одессы, взобрался на палубу броненосца, в публичной речи доказал несостоятельность Фельдмана и Березовского и захватил власть на «Потемкине». Что же было бы дальше?

Много ли мог сделать и В.И. Ленин, севши в Румынии на миноносец? При всем уважении к его гениальности и предприимчивости, в успехе данного мероприятия я глубоко сомневаюсь. Ленин не знал флота, а флот не знал его и, думаю, мало бы кто пошел за каким-то швейцарским эмигрантом. Если же принять во внимание таких помощников, как

Матюшенко, то, может быть, сама судьба уберегла Ильича от этой авантюры. Всю абсурдность затеи, видимо, понял, приехав в Одессу и разузнав подробности о «Потемкине», и сам Васильев-Южин. Не зря в своих воспоминаниях относительно ленинской затеи он употребляет такие осторожные, но предельно понятные выражения, как «Владимир Ильич явно волновался и, как мне тогда казалось, несколько увлекался», «в таком состоянии я раньше никогда не видел его»… Как знать, может быть, на самом деле Васильев-Южин специально не очень-то торопился в Одессу, понимая, что ничего путного из ленинской затеи не получится.

А может быть, Васильев-Южин мог бы попытаться захватить власть на броненосце, опираясь на матросов-социал-демократов (о настоящих большевиках на флоте в тот момент вообще не могло быть и речи!)? Увы, скорее всего, Васильеву-Южину, даже попади он на «Потемкин», ничего там не светило. В лучшем случае его взяли бы в свою компанию Березовский с Фельдманом, но, скорее всего, даже они его бы просто не пустили на палубу броненосца, как они поступили до него с одесскими социал-демократами. А потому Владимир Ильич мог особенно не волноваться — никто бы за ним никогда миноносца в Констанцию не прислал.

Вообще рассказ Васильева-Южина «о миноносце для Ильича» (если он действительно происходил в реальности) наводит на мысль, что Ленин совершенно не представлял, что же на самом деле происходило на «Потемкине», оставаясь в плену собственных иллюзорных фантазий.

Версия о том, что руководители восстания были в своем большинстве членами социал-демократической партии, была выдвинута еще в 1905 году. Она имела свои корни. Крымский союз РСДРП и Севастопольская социал-демократическая организация были в то время по своему составу преимущественно меньшевистскими и стремились распространить свое влияние на матросов Черноморского флота. Когда матросы «Потемкина» оказались в эмиграции, издававшаяся за рубежом меньшевистская «Искра» приняла все меры к тому, чтобы подчеркнуть причастность руководителей восстания именно к их организациям в Крыму. В подготовке публикаций на эту тему в «Искре» принял участие видный деятель газеты Х.Г. Раковский, который оказывал помощь матросам броненосца в Румынии и в доме которого жили некоторое время матросы В.П. Кулик, Е.К. Резниченко и И.П. Шестидесятый. В июле 1905 года по его инициативе в «Искре» были опубликованы два письма группы участников восстания, в которых они сообщали, что являются членами Крымского союза РСДРП. Однако анализ этих писем показывает, что они были написаны не матросской рукой. При

этом в этих письмах стоят подписи тех, кто никогда не входил в состав команды «Потемкина» или не принадлежал к РСДРП. Например, в «Открытом письме» к русскому пролетариату стоит 29 подписей. Из них Н. Силкин вообще никогда не был матросом «Потемкина», а служил и затем бежал с броненосца «Георгий Победоносец»; Антонов, А. Петренко и Н. Рыдлов также не значатся в списках команды «Потемкина»; Н. Алексеев, как подписант, указан дважды. О «социал-демократе» матросе Е.Р. Бредихине мы уже говорили выше. Да и минный машинист Т.Г. Мартьянов не мог подписать этого письма, поскольку еще в ходе восстания был арестован военными властями в Феодосии. Думается, не лучше обстоит дело и с другими подписавшими открытое письмо матросами социал-демократами с «Потемкина».

*** * ***

Во второй половине 80-х годов XX века в научных публикациях стали понемногу признавать факт того, что социал-демократическая организация на броненосце была все же не столь большой и влиятельной, как об этом писалось ранее. ЦК РСДРП (большевиков), оказывается, вообще ничего не знал о событиях на «Потемкине». Для проживавшего в Женеве Ленина они были полной неожиданностью. О восстании на броненосце руководитель большевистского крыла РСДРП узнал из газет. Согласно научным работам последних лет уже признано, что на «Потемкине» всем заправляли вовсе не социал-демократы, а эсеры и анархисты. Но и о них известно крайне мало. Да что говорить о принадлежности матросов к каким-то конкретным партиям в 1905 году, когда даже после февраля 1917 года на кораблях Балтийского флота иные активисты «на всякий случай» состояли одновременно в трех и более партиях.

По последним данным историка российского флота Никиты Кузнецова (сотрудника Дома русского зарубежья) в ходе официального расследования по делу «Потемкина» полицией было установлено, что из 781 унтер-офицеров и матросов броненосца 15 человек на момент восстания являлись членами партии эсеров, т.е. официально заявили об этом. Остальные матросы до 1917 года ни о какой своей партийной принадлежности ничего не объявляли. Больше никаких документальных дореволюционных свидетельств о принадлежности матросов «Потемкина» к каким-либо партиям нет. Так что вполне возможно, что используемые историками советского периода данные о том, что чуть ли не все потемкинцы являлись

большевиками, или хотя бы о том, что на борту броненосца существовала организация социал-демократов, — это выдумка послереволюционного времени. Почему так получилось? Да потому, что, во-первых, большевики, со своей стороны, после прихода к власти начали усиленно эксплуатировать тему «Потемкина». И не только его. В 20-е годы начала создаваться официальная история ВКП(б), в которой партия большевиков имела решающее влияние на все сколько-нибудь известные революционные выступления в России. Таким образом, из сознания масс изымалась вся информация обо всех партийных конкурентах по революционной борьбе. Версия о наличии большевиков на борту броненосца вполне устраивала и находившихся тогда в России (а потом и в СССР) потемкинцев, ведь она позволяла им объявлять большевиками с дореволюционным стажем и себя. А это давало огромные преимущества как в карьере, так и в решении многих социальных вопросах. Мне кажется, что именно так и родились ставшие потом каноническими рассказы о большевистском подполье на броненосце, которые затем стали необсуждаемой аксиомой.

По воспоминаниям длинно-машинного квартирмейстера И.И. Лычева, матросами «анархистско-эсеровского толка» были Т.В. Скребнев и И.П. Шестидесятый. Что касается остальных матросов, подписавших это письмо, то прямые указания об их принадлежности к РСДРП имеются лишь на некоторых из них. В этом же письме были опубликованы фамилии членов судовой комиссии, среди которых есть и Г.Н. Вакуленчук, в то время как этот матрос погиб 14 июня, то есть в день восстания, тогда как судовая комиссия была создана днем позже — 15 июня. Таким образом, инспирированный характер писем потемкинцсв в «Искру» очевиден. Очевидным это было еще в 1905 году для эсеровского органа за рубежом — «Революционной России». Газета назвала матросов «Потемкина» людьми «без определенных политических взглядов». В связи с этим возникла полемика между меньшевиками и эсерами, которая нашла отражение на страницах их газет. В большевистском «Пролетарии» не появилось ни одной публикации, исходившей от матросов «Потемкина». Секретарь «Пролетария» Н.К. Крупская писала в связи с этим, что «Искра» «маху не дает» и всех потемкинцев сумела переманить к себе. Таким образом, активные участники восстания фактически оказались заложниками того противостояния, которое существовало в то время между левыми партиями России. В данном случае между ними шел спор о том, благодаря усилиям какой именно партии произошло восстание на «Потемкине».

Что думали в то время по этому поводу сами потемкинцы, неизвестно. Высказался лишь один из них — Матюшенко. В заявлении, сделанном

эсеровской газете «Революционная Россия», он заявил: «Я не признаю никаких партий, для меня хороши все, кто бьет это правительство, и кто его сильнее бьет, те для меня лучше… По-моему, нужно уничтожить правительство, дать рабочему народу свободу, отобрать землю и разделить ее поровну… Землю нужно переделять по душам, тогда у каждого будет столько земли, сколько он в состоянии обработать». Он же заявил в 1906 году на заявление румынской полиции, обвинившей его в анархизме, что «до анархизма нужно еще дорасти».

При этом надо понимать, что потемкинцы в подавляющем своем большинстве были неопытными и не слишком грамотными людьми. Большинство из них жили до призыва в деревнях и о большом мире имели самое смутное представление.

Даже в силу этого никаких определенных самостоятельных политических взглядов у них не могло быть.

Партийная ориентация матросов по-настоящему начала определяться лишь во время их бытия за рубежом, в основном под влиянием эмигрантов, представителей тех или иных партий. С кем матросы имели дело, кто из эмигрантской политической элиты протягивал им руку помощи, членами той партии они себя и объявляли. Поэтому контактировавшие с народниками Арборе-Ралли и Ивановским матросы и объявляли себя народниками, хотя и не до конца понимали всех нюансов их политической программы. Общавшиеся с эсерами Волховским, Савинковым, Тепловым и Чайковским объявляли, что разделяют взгляды социал-революционеров. Посещавшие лидеров анархизма Кропоткина, Сандомирского и Хоткевича, соответственно, вставали под их черно-красные знамена, как и прислушивавшиеся к меньшевикам Березовскому, Раковскому и Фельдману матросы проникались их идеями. Ну а кроме этого, потемкинцы общались еще и с легальным марксистом Поссе, старообрядцами Веригиным и Ивановым, и, наконец, с попом-провокатором Гапоном. Каждый из последних, думается, также вербовал в свои ряды новых адептов.

Сразу же после победы Октябрьской революции Г.Н. Вакуленчук был задним числом записан в большевики. С тех пор его велено называть большевиком, руководителем социал-демократической организации корабля и членом военной социал-демократической организации Черноморского флота. На могиле Г.Н. Вакуленчука в Одессе написано: «Организатор революционного восстания в 1905 г. на броненосце “Потемкин” матрос-большевик Григорий Вакуленчук». Однако каких-либо реальных документов о партийной принадлежности Г.Н. Вакуленчука и о руководстве им социал-демократической организацией на броненосце до

сих пор не обнаружено, да и вряд ли будет обнаружено. Тем не менее статьи о большевике Г.Н. Вакуленчуке вошли во все советские энциклопедии и справочные издания.

Согласно сохранившимся документам, Департаменту полиции со временем стали известны имена матросов — членов некоторых политических партий. Разумеется, что подавляющее большинство из них, как и следовало ожидать, являлись не большевиками и даже не социал-демократами, а эсерами, которые были в 1905 году куда более популярны среди матросов, чем большевики и меньшевики. Это такие матросы, как: М.А. Волобуев, С.А. Денисенко, М.М. Костенко, И.В. Коченихин, А.Н. Матюшенко, Н.Т. Найденов, С.С. Родин, И.И. Солоха, А.И. Турбаев, В.Н. Хитеев и К.К. Черницын. К социал-демократам (причем без определения конкретной партийной фракции) полиция отнесла всего лишь трех — В.П. Кулика, И.А. Лычева и Б.С. Прохорова. Подтвердила полиция и анархистскую предрасположенность все того же одинокого Е.Р. Бредихина. Однако эти данные полиция получила от своих заграничных агентов несколько лет спустя после мятежа, поэтому у нас нет никаких оснований считать, что на сам момент мятежа эти матросы являлись членами именно указанных выше политических партий.

С этим согласуется и точка зрения историка Б. Никольского: «Во все времена было очень сложно замалчивать тот факт, что на “Потемкине” значительно большим авторитетом пользовались эсеры и анархисты. Не случайно стихийным главарем бунта на броненосце был анархист Матюшенко. Именно он своими буйными, непредсказуемыми действиями сорвал сроки планируемого мятежа, способствовал зверской расправе над офицерами… Почему восставшие расправились так жестоко с офицерами? Ведь не было ничего подобного при аналогичных возмущениях команд кораблей в Кронштадте и Свеаборге. Подобная зверская расправа произошла лишь в марте 1917 года в Кронштадте и Гельсингфорсе и в декабре 1917 году в Севастополе. Кто и зачем отдал этот дикий приказ об уничтожении офицеров? Обратите внимание на то, что документ о планировании возмущения на кораблях эскадры в поддержку восставшего “Потемкина” также предусматривал — “перебить предварительно начальство”. Сразу напрашивается вывод о том, что руководство обоими акциями происходило из одного Центра Сразу возникает вопрос, почему взбунтовавшейся “Потемкин” направился не в Севастополь, где его с нетерпением ждали и готовились поддержать другие корабли эскадры, а максимально возможным ходом направился в охваченную стачкой Одессу? То, что стачка в Одессе была инспирирована меньшевиками и так

называемым одесским Комитетом, и чьи интересы представлял этот Комитет, нам ясно из публикации Орлицкого. То, что Комитету был нужен броненосец для воздействия своими орудиями по правительственным войскам, прибытие которых ожидалось для подавления уже начавшихся к тому моменту беспорядков, в этом тоже не возникает сомнений».

*** * ***

Да и как вообще возможно точно определить партийный состав матросов на кораблях, если до сегодняшнего дня историки не могут разобраться даже с определением процента революционности того или иного корабля?

Дело в том, что сама методика подсчета процента революционности на кораблях российского флота в советское время была весьма оригинальной. Автору о ней поведал его старый сослуживец по Балтийскому флоту доктор исторических наук капитан 1-го ранга М. Елизаров, который защищался именно по данной тематике. Оказывается, официально признанным считался подсчет по дисциплинарным ведомостям, которые ежеквартально отсылались с кораблей в вышестоящие штабы. Историкам было велено считать всех нарушителей дисциплины и, исходя из их количества, определять процент революционных матросов. Вне всякого сомнения, что среди пьяниц и самовольщиков вполне могли быть и идейные борцы с самодержавием, но, как показывает личный опыт тридцатилетней службы на флоте, подавляющее большинство пьет, убегает со службы и дебоширит вовсе не по идейным соображениям. Но у мужей науки считали так: коль каждый пьяница и самовольщик своим поведением объективно подрывал устои дисциплины царского флота, значит, в более широком смысле, он подрывал и устои самого царизма. Вывод: каждый из оных являлся настоящим революционером, может, даже сам того и не подозревая. А потому всех, кто пытается сложить себе мнение из вычисленных историками процентов революционности матросов на том или ином броненосце, призываю быть весьма осторожными. С таким же успехом эти проценты могут служить основанием для вычисления процента горьких пьяниц в российском флоте. Так, на том же Черноморском флоте самым революционным (по данной методике подсчета) считалась команда броненосца «Екатерина II». Однако и в июньских (потемкинских), и в ноябрьских (очаковских) событиях 1905 года она никакого участия не принимала. Почему? Да может, именно потому, что вся революционность

там определялось количеством алкоголиков и дезертиров? Не обошла методика подсчета революционных матросов и «Потемкин». Известно, что еще в 1903 году на еще находящемся в постройке «Потемкине» матрос-плотник Констальский напал на боцмана Иващука и тяжело ранил его топором. Преступление, казалось бы, чисто уголовное, но и ему придали революционный окрас: раз плотник боцмана по голове топором саданул, значит, виноват боцман, так как любой боцман царского флота — заведомая шкура и сволочь и он неправильно формулировал перед плотником его трудовые задачи. Вывод: плотник Констальскии — настоящий революционный матрос, топор — оружие пролетариата, а покушение на убийство — протест против социального неравенства. Эх, если бы плотник Констальскии дожил со своим топором на «Потемкине» до июня 1905 года, вот бы где нашлось для него революционной работенки…

А вот как, согласно версии историка-фантаста 14.14. Пономарева, происходила революционизация «Потемкина»: «Матросы с большим интересом читали призывы партии (разумеется, что читали они исключительно призывы РСДРП(б). — *В.Ш.)*, и только один из них, сигнальщик Веденмеер, понес листовку командиру броненосца. За сигнальщиком матросы и раньше замечали угодничество перед начальниками.

— Мне под подушку положили, ваше высокоблагородие, — доложил Веденмеер, кладя на стол листовку. — Матрос Иван Каберда рассказывал, что вчера революционеры собирались в лесу, о его императорском величестве плохо отзывались. Ходили туда и наши.

— Кто ходил? — заорал Голиков.

— Не могу знать, ваше высокоблагородие!

— А кто тебе прокламацию положил, ты знаешь?

— Не могу знать, ваше высокоблагородие!

— Не могу знать! Не могу знать! — вскипел Голиков, но быстро взял себя в руки. — Узнай, голубчик, кто ходил, хорошо награжу.

Командир сунул в руки Веденмеера рублевку и вызвал вахтенного офицера мичмана Тихменева.

— Откуда на корабле появились листовки?

— Какие листовки, ваше высокоблагородие?

— Какие, какие — революционные! — орал Голиков. — Ничего вы не знаете! Ничего не видите! Обыскать всех, обшарить везде!

Но обыск оказался безрезультатным…»

Надо ли говорить, что перед нами не исторический документ, а историко-фантастическое произведение на заданную тему…

Однако определенные волнения на корабле все же были. Так, 7 июня после артиллерийских учений капитан 1-го ранга Голиков списал с корабля около 30 матросов. В одном из изданий я встретил поистине фантастические данные, что в тот день с борта «Потемкина» было списано 300 человек. Увы, писавший такую ахинею просто не понимает, что после столь массового списания специалистов броненосец стал бы на весьма продолжительное время небоеспособен. В условиях все еще продолжавшейся в это время Русско-японской войны никто никогда на такой шаг не пошел бы.

Через неделю, 12 июня, с «Потемкина» было списано еще 40 матросов, среди которых был один из будущих руководителей ноябрьского восстания машинный квартирмейстер И. Сиротенко. Итак, в два приема с броненосца были списаны 70 человек. Это вполне реальная цифра. Ничего особенного в списании такого количества матросов нет. Команда «Потемкина» была, как известно, сборная. При этом для комплектации нового корабля другие командиры отправляли далеко не самых дисциплинированных и профессионально подготовленных подчиненных. Так что Голиков поступал вполне логично, оставляя у себя лучших и списывая на берег худших, с которыми в возможный бой с японцами идти было опасно.

18 мая командир корабля Голиков получил первое анонимное письмо о подготовке мятежа. Речь в письме шла, скорее всего, о группе Матюшенко, которая почти открыто готовилась к «большой бузе».

11 июня до полусотни матросов под разными предлогами просили списать их с броненосца, вероятно, не желая участвовать в мятеже. В тот же день опять кто-то из матросов прислал командиру второе анонимное письмо, в котором сообщил о намеченном мятеже и даже якобы называл имена руководителей. Голиков, однако, по неизвестной причине командованию об этом не сообщил. Однако он, думается, поделился информацией со старшим офицером, так как тот во время событий на верхней палубе сразу же обратил особое внимание на Вакуленчука и Матюшенко.

Что и говорить, командир Голиков проявил очевидную близорукость, не приняв никаких мер для предотвращения предполагаемой «бузы». Впрочем, понять его тоже можно — боевой офицер просто не мог представить, как это русские матросы будут убивать русских офицеров. А обращаться за помощью в жандармское управление считал ниже своего достоинства, будучи уверен, что его авторитета и опыта вполне хватит, чтобы поддерживать на вверенном ему корабле уставной порядок.

Поведение Голикова в день мятежа оставляет двойственное ощущение. С одной стороны, понятно стремление командира удержать в руках выходящую из повиновения команду, однако он явно недооценил опасность и своими достаточно неуклюжими действиями только ускорил взрыв.

Подводя итог четырехдневному «одесскому этапу» эпопеи «Потемкина», можно сказать, что, несмотря на временные успехи (присоединение «Георгия Победоносца»), он закончился полным поражением и паническим бегством. По сути, с этого момента «Потемкин» уже реальной угрозы ни для кого не представлял, так как в душах его матросов уже поселился страх за совершенное, апатия и неверие в успех начатого дела,

*** * ***

Архивные источники ничего не говорят нам о том, что в организациях РСДРП в 1905 году были некие особые военные секции. Первые упоминания о так называемой «Централке» появились в советской печати с легкой руки матросов-ветеранов первой революции, аккурат в 1925 году, когда все они дружно начали публиковать свои воспоминания. Любопытная особенность: каждый из них в обязательном порядке зачислял себя, любимого, в члены этой самой «Централки», так что даже по самым скромным меркам эта непонятная организация включала в себя десятки и десятки матросов, причем прежде всего тех, кто сподобился дожить до 1925 года. Чтобы это понять, достаточно полистать хотя бы воспоминания матросов только одного «Потемкина».

Сразу же необходимо признать и то, что принадлежность к «Централке» еще совершенно не значила автоматического членства в Социал-демократической партии. Если «Централка» в какой-то форме и существовала, то в ней наверняка заправляли все те же эсеры и анархисты.

Воспоминания о мятеже оставили многие матросы броненосца. Их учет, если принимать во внимание и многочисленные выступления бывших матросов в газетах и журналах советского времени, весьма затруднен, но счет идет на многие десятки Что касается офицерского состава, то из всех выживших офицеров корабля свои воспоминания о трагических событиях лета 1905 года оставил только поручик А.М. Коваленко, который, как мы знаем, был и единственным офицером корабля, который добровольно примкнул к мятежникам.

На самом же деле документов, подтверждающих факт реального

существования «Централки», нет ни в одном архиве. И это удивительно! Власть наголову разгромила мятежников в 1905 году, тысячи из них прошли через следствие, и никто и словом не обмолвился о пресловутой «Централке», в том числе и раскаявшиеся, и заведомые осведомители. Ряд историков восторгается: вот, мол, как законспирировались молодцы-матросики, так что их никто до 1925 года не расколол! Меня же это наводит на вполне здравую мысль, что на самом деле в реальности никакой «Централки» никогда не существовало в природе, а выдумали ее к юбилею то ли сами ветераны, то ли им подсказали более грамотные товарищи. К слову сказать, выдуманная «Централка» пришлась всем ко двору. Для партийных функционеров она стала доказательством классовой сознательности матросов, для партийных историков дала необозримый простор новых диссертаций, для самих же ветеранов это была возможность объявить себя старыми большевиками со всеми вытекающими из этого привилегиями.

В исторических трудах советского периода, со ссылками на ветеранов 1905 года, много говорится о том, что осенью 1905 года якобы готовилось и некое грандиозное восстание на кораблях эскадры, причем даже уточняется, что начаться оно должно было с самого революционного корабля Черноморского флота — броненосца «Екатерина II». Однако другая часть ветеранов 1905 года («членов» все той же мифической «Централки») столь же авторитетно заявляют — самым революционным кораблем Черноморского флота являлась никакая не «Екатерина», а броненосец «Ростислав», и восстание предполагалось начать именно с него. Много писалось, что во главе будущих мятежников должен был якобы стать матрос А. Петров с учебного судна «Прут» (тот самый родственник большевика Стопани). Судя по обилию свидетельств о Петрове, о будущем диктаторе знал весь Черноморский флот. Но Петров был схвачен и казнен еще в 1905 году, а потому проверить достоверность этой информации возможным сегодня не представляется. Кстати, сам он почему-то не стал ждать вожделенных осенних маневров, а поднял мятеж на учебном судне «Прут». Поэтому казнили его именно за мятеж на этом конкретном корабле, а не как руководителя «Централки». Но что же это за руководитель тайной организации, который своими дурацкими действиями совершенно сознательно перечеркивает все грандиозные планы подчиненной ему структуры? Как же могли члены «Централки» поставить во главе своей всесильной организации такого идиота и откровенного провокатора? Однако если понять, что никакой «Централки» не было в природе, тогда действия Петрова выглядят вполне логичными. Он тот же Матюшенко,

только не «потемкинского», а «прутовского» разлива. И все, и не более…

Читаем записку организатора мятежа на «Пруте» матроса А. Петрова: «Мы видели, как трудно сделать восстание всеобщим. Вспыхнув в одном месте, оно не скоро переместится в другое. Войска только тогда будут открыто переходить на сторону народа, когда у них появится уверенность во всеобщем восстании. А для этого надо, чтобы восстание охватило широкий район. Где же такой широкий район, как не у нас на Черном море? Кто, как не мы, матросы, начавшие революцию в Севастополе, можем перебросить ее сразу на Кавказ, с Кавказа в Одессу, в Николаев? И кто, как не мы, можем заставить войска принять участие в революции? Что они примут участие, в этом мы не сомневались».

В ней однозначно речь идет лишь о мечтах и общих рассуждениях о том, как надо организовывать масштабные мятежи, но не о том, что они таковой уже организовали, но потерпели неудачу. Петров пишет, что они увидели, как трудно устроить большой мятеж, но видеть — не значит делать. Речь в записке идет не о настоящем, а лишь о будущем. Если эта записка и есть главное документальное «свидетельство» деятельности «Централки» по подготовке осеннего всеобщего восстания флота, то о чем можно говорить дальше!

А вот типичный образчик рассказа о якобы предполагаемом восстании: «На большой матросской сходке в окрестностях Севастополя за Малаховым курганом 10 июня 1905 года было решено начать восстание с выходом эскадры на учения в Тендровский залив. Сигналом должен был служить орудийный выстрел с броненосца “Ростислав”, когда все офицеры соберутся в кают-компаниях кораблей на обед. Разработаны были и меры по захвату основных командных пунктов на кораблях специально выделенными группами матросов. Содействие гарнизонных полков и крепостной артиллерии считалось обеспеченным».

Что тут можно сказать? Вполне возможно, что какие-то матросы действительно собирались в овраге за Малаховым курганом и мечтали о большой бузе. Возможно, что кто-то мечтал и о восстании всего флота. Но мечтать одно, а создать реальную, разветвленную, профессиональную, глубоко законспирированную подпольную организацию и с ее помощью готовить одновременный грандиозный мятеж целого флота — это совсем иное. Замечу, что такого всеобщего военного восстания в истории России так никому никогда поднять не удалось, да на такое никто и не замахивался, понимая, что это почти нереально. А тут полуграмотные матросы, не имеющие никакого понятия об азах конспирации, организации подпольной работы и множестве других необходимых специфических знаний, и

малейшего опыта, планируют мятеж с таким грандиозным замахом.

Теперь зададимся вопросом: а чего, в сущности, хотела пресловутая «Централка»? Свергнуть Николая II или же добиться от него каких-то послаблений? Созвать Учредительное собрание и провозгласить новую династию? Уничтожить монархию вообще? Установить буржуазную республику либерального толка или суровую проякобинскую диктатуру? А может быть, установить диктатуру пролетариата, диктатуру свободного крестьянина или же, вообще, диктатуру свободных матросов?

А может быть, члены «Централки» мечтали о построении социализма с человеческим лицом, а то и сразу о коммунизме, как о царстве истинной свободы?

Удивительно, но ИЗ ВСЕХ ветеранов 1905 года НИКТО НИКОГДА так и не поведал нам, ради чего же, собственно, затевала свою бузу сверхмогущественная и сверхсекретная «Централка»! Чего, собственно, она добивалась? Согласитесь, но затевать государственный переворот, не имея не то что сколько-нибудь внятной политической государственной программы, а даже более-менее внятного понимания ближайших политических перспектив своих действий, — это чистое безумие или просто гнусная провокация-«подстава». Во имя чего все делалось? Еще раз напомню, что почти все авторы мемуаров считают себя полномочными членами «Централки», но ровным счетом не понимают, что же они хотели делать, и главное — во имя чего. Впрочем, здесь ничего удивительного нет, так как на самом деле и «Централка», и грандиозное осеннее восстание были выдуманы много лет спустя после событий 1905 года. Именно поэтому разбросанные по городам и весям не слишком грамотные ветераны в принципе не могли договориться между собой, кто же именно из них был членом «Централки», как именно должно было начаться восстание, не говоря уже о сколько-нибудь внятной политической программе.

От себя заметим, что на самом деле никакого грандиозного учения на осень 1905 года командование Черноморским флотом не планировало, так как тогда флоту было просто не до общефлотских учений.

К тому же мало кто знает, что к осени Черноморский флот, вообще, был полностью выведен в резерв, т.е. был официально признан небоеспособным. И дело здесь вовсе не в реакции на мятеж «Потемкина», а в том, что руководству флота надлежало срочно делать выводы из Цусимы и в корне перестраивать всю организацию боевой подготовки. А это следовало начинать не с общефлотских маневров, а с изменений в индивидуальной подготовке каждого матроса и офицера, с одиночной подготовки каждого отдельного корабля. И только потом постепенно

переходить к созданию боевой эскадры — как единого боевого организма. Так что все мечты о неких красных флагах, одновременно поднятых на всех кораблях в открытом море, в реальности не стоили и мыльного пузыря.

Обратим внимание и на еще один любопытный факт. Если ветераны-матросы 1905 года наперебой спорят, кто из них был главнее в «Централке», то ни один из профессиональных революционеров в послереволюционное время о ней не обмолвился ни одним словом. А ведь если «Централка» действительно существовала, то ее члены обязательно должны были искать выходы на революционные партии, подыскивать себе нужных агитаторов, советчиков, да и просто спонсоров. Без хороших денег нельзя сделать даже самого заурядного переворота, не говоря уже о большем. Если бы «Централка» существовала и выходила на контакты с профессиональными революционерами, то последние после революции в обязательном порядке об этом бы вспомнили. Ведь такое престижное сотрудничество подняло бы как авторитет их самих, так и их партии. Но никто из представителей всех революционных партий никогда на эту тему ничего не писал. Почему? Да по все той же причине — писать было просто не о чем.

Глава шестнадцатая. РУМЫНСКИЙ ЛЯП

По выходу из Одессы судовой комиссии «Потемкина» с большим трудом удалось восстановить порядок на корабле. На «Потемкине» снова (в который уже раз!) практически начался бунт против компании Матюшенко. Команда не желала больше бунтовать и хотела идти с повинной в Севастополь. Разумеется, это не входило в планы Матюшенко. Может, кого-то там бы и простили, но его однозначно в Севастополе ждала петля. Поэтому с несогласными матросами члены судовой комиссии расправились круто. Только страх матросов перед безжалостным «товарищем Афанасием» помог как-то спасти ситуацию. Утром 19 июня члены комиссии собрались на заседание для обсуждения создавшегося положения и плана дальнейших действий. Заседание вел матрос Дымченко, во всех своих бедах члены комиссии обвинили предателей с «Георгия» и своих кондукторов во главе Алексеевым Члены комиссии постановили при первой возможности высадить кондукторов на берег вместе с Алексеевым. Есть сведения, что Матюшенко высказался за казнь предателей, но так как мятеж уже шел на спад и все уже думали, что будет с ними потом, это предложение не прошло. Чтобы ужесточить власть на корабле и сосредоточить ее в самых надежных руках, Фельдман предложил избрать исполнительный комитет в составе Матюшенко, Костенко и Резниченко для централизованного руководства и управления броненосцем Комитет должен был «выполнять роль командира и отчитываться в своих действиях перед комиссией».

Потом был обсужден вопрос о цели похода. После недолгих споров решили идти в Румынию и попытаться достать там угля, воды и провизии. Кроме того, рассчитывали получить из иностранных газет сведения о ситуации в Севастополе, а вдруг там началось восстание! Кроме этого матросов заставили добровольно-принудительно сдать все свои сбережения в общую кассу.

Обсудила комиссия и вопрос о флаге. Вопрос был действительно непростой; под каким знаменем нести свободу народам? Еще в начале мятежа некоторые горячие головы предлагали поднять над «Потемкиным» красный флаг, но более осторожные их не поддержали. И правильно сделали, так как по всем международным законам красное полотнище

считалось пиратским флагом. Корабль, поднявший его, сразу же выпадал из правового международного поля, и с ним следовало поступать как с пиратским судном, т.е. военный корабль любого государства, встретив пирата, должен был его уничтожить.

Читатель, может быть, вспомнит знаменитого премьер-министра Англии лорда Чемберлена, заявившего в начале 20-х годов, что любой корабль Советской России под красным флагом является пиратским и подлежит обязательному уничтожению. Тогда заявление лорда вызвало в СССР большой резонанс, писались плакаты с кукишами и лозунгами: «Наш ответ Чемберлену!», «Лорду в морду!» и т.д. Формально лорд был, однако, прав, но в это время за спиной у судов под красными флагами уже был СССР, вступивший в полосу международного признания. Поэтому вскоре статья о пиратских красных флагах была без лишнего шума из международного морского права изъята, и красные флаги более уже никого не раздражали. Но в 1905 году ситуация была, как мы понимаем, совершенно иная!

Именно поэтому «Потемкин» до этого и ходил под своим старым Андреевским флагом. Почему Матюшенко, Фельдман и Березовский пошли на такую провокацию, понять сложно. Мне думается, что не от большого ума, В своих воспоминаниях они писали, что просто хотели поднять дух команды. Не знаю уж, как поднялся дух команды, но международный приговор они новым флагом себе подписали. На громадном куске кумача корабельные маляры Старцев-Шишкарев и Сучкин написали с одной стороны: «Свобода, равенство и братство», а с другой «Да здравствует народное правление!» Надпись предложил Березовский. Знамя натянули на деревянную раму и подняли *к* гафелю, чтобы его издалека могли видеть проходящие суда Надпись, разумеется, издалека прочитать было почти невозможно, однако цвет флага говорил сам за себя… Так была сделала еще одна ошибка, почти фатальная!

Шифрованные телеграммы Департамента полиции — губернаторам и градоначальникам в Симферополь, Херсон, Екатеринослав, Ростов-на-Дону, Новороссийск, Батум, Керчь, Тифлис, Новочеркасск, 17 июня: «Побережью Черного моря ходит броненосец Потемкин, команда коего взбунтовалась, перебила офицеров, грозит бомбардировать целях восстания, уже исполнила угрозу Одессе… Остальные суда эскадры, вышедшей вместе Потемкиным из Севастополя, неизвестно где. Признается необходимым предупредить вас ввиду наличности вашем ведении портов побережья».

Террор, установленный Матюшенко и его подельниками, был в эти

дни особенно жесток. Оставшимся на корабле кондукторам-сверхсрочникам ежедневно угрожали расстрелом. Не видя иного выхода, многие из них бросали в бутылках в море прощальные записки семьям, в надежде, что те достигнут адресата. Одну из таких бутылок через пару дней ветер прибил в Каркинитский залив, где она была вскрыта. То оказалось прощальное письмо потемкинского шкипера Т. Зубченко: «Православные люди! Прошу сообщить и моей дорогой жене и деткам, что я умираю не от врага, а от руки своего брата. Был два раза на смертном одре, т.е. 14 июня и 16. По милости трюмного механика Коваленко, артиллерийского кондуктора Шонарева, старшего боцмана Мурзака я оставлен еще на мучения и каждую минуту жду смерти, только не знаю, какова она будет. Дорогая Маруся, прошу, прости меня. Я умираю за Веру, Царя и Отечество. Крепко обнимаю предсмертной рукою. 19 июня 1905 г. Ответ не пиши, а похорони меня на севастопольском кладбище».

Письмо крайне интересное, и говорит о том, что разделение на корабле на сторонников и противников мятежа на «Потемкине» происходило вовсе не по придуманной историками схеме: все матросы — революционеры, все сверхсрочники — контрреволюционеры. Сторонники мятежа, как и его противники, имелись среди всех категорий оставшихся на броненосце моряков. При этом противники продолжения мятежа постоянно испытывали на себе очень жесткий, порой даже жестокий, прессинг со стороны революционеров.

19 июня в 18 часов «Потемкин» вошел на рейд Констанцы. Обставлено это было со всей возможной торжественностью. Корабельный триумвират хотел продемонстрировать румынам знание военно-морского этикета. Отсалютовав 21 орудийным выстрелом (любопытно, что данный салют является государственным, но какое государство в данном случае представлял «Потемкин», сказать сложно!), броненосец стал на якорь. Вскоре на его борт поднялся комендант порта капитан-лейтенант Негру. Он явился на броненосец в сопровождении офицера и двух портовых чиновников. На палубе «Потемкина» их встретил почетный караул из 30 человек, и прозвучал новый артиллерийский салют. Матюшенко, Фельдман и Березовский старались соответствовать международному морскому этикету. Румынских представителей пригласили в кают-компанию, рассказали о восстании, вручили список необходимых броненосцу материалов и продовольствия. Негру обещал запросить разрешение на обслуживание корабля у правительства и дать ответ на следующий день. Одновременно он предложил потемкинцам сдать броненосец румынским властям и высадиться на берег на правах политических эмигрантов, но

матросы категорически отказались. Тогда Негру вместе с Матюшенко и еще тремя потемкинцами отправился в город заказывать провизию и материалы. Матросы проводили его криками «ура!» и новым салютом из 19 выстрелов. Знай, мол, наших!

После отъезда Негру потемкинцам нанес визит командир транспорта-стационера «Псезуапе» капитан 2-го ранга Банов, Увидев на броненосце Андреевский флаг и услышав салют, Банов подумал, что восстание подавлено. На счастье Банова, в момент его прибытия на броненосец там отсутствовал Матюшенко, а то бы не сносить ему головы! Матросы Банова не тронули, а только выпроводили его подобру-поздорову, пока не появился их вождь.

Матюшенко, сделав в городе необходимые заказы, заехал на румынский крейсер «Елизавета» за разрешением освещать ночью подходы к порту прожекторами «Потемкина». Румынские офицеры разрешили, но опять начали уговаривать потемкинцев сдаться. По словам Матюшенко, алчные румыны предложили ему продать броненосец Румынии. «Скажите сперва, за сколько вы продадите нам вашу “Елизавету”?» — якобы он им ответил. Слова Матюшенко — полный бред, ибо никто никогда не стал бы предлагать такой сделки мятежникам, которые не имели на корабль никаких прав по международному законодательству. Об этом говорят и факты. Если Матюшенко предлагали продать броненосец, то почему он его впоследствии не продал во время следующего визита в Румынию? Вырученные огромные деньги бы весьма пригодились и ему, и остальным матросам.

Затем Матюшенко, Березовский и Фельдман сразу же попытались захватить стоявший там стационером военный транспорт «Псезуапе». Командир транспорта капитан 2-го ранга Банов, узнав об этом, приказал развести пары и ночью ввел транспорт в гавань. За ним устремился было миноносец № 267, но его остановили выстрелом с румынского крейсера «Елизавета». Попытка захвата корабля в чужом порту уже пахла не народным матросским бунтом против батюшки царя, а самым настоящим пиратством. Думается, что к этому времени «потемкинский триумвират» вообще потерял чувство реальности. Раздосадованные одесскими потерями, они нахрапом попытались провернуть дело и в Румынии, но из этого ничего не получилось. Разумеется, допотопная «Елизавета» с ее мелкокалиберными пушчонками была «Потемкину» не соперник. Но тут уже пахло международным скандалом. Ко всему прочему над «Потемкиным» красовалось огромное красное полотнище с цитатами Березовского, ни дать ни взять самый натуральный пиратский флаг. Правда,

уже спустя несколько часов после прихода на «Потемкине» красный флаг спустили и снова водрузили царский Андреевский, но, как говорится, у румын осадок остался. Теперь все европейские газеты пестрели заголовками, что русский мятежный броненосец в нарушение всех морских международных прав ходит под красным пиратским флагом и пытается захватывать корабли в иностранных портах. Это был уже скандал!

Историк пишет «Расчехленные орудия, наведенные на город, вызвали панику среди жителей Констанцы. Но румынское правительство распорядилось не оказывать бунтовщикам никакой помощи. Но что мог поделать начальник порта, если в его распоряжении имелось всего две канонерки с шестью орудиями, а против них… семьдесят шесть, из которых четыре 12-дюймовых. От их огня город в считаные минуты мог обратиться в руины. И все же румыны проявили на переговорах выдержку. Они решительно отказались доставить на корабль столь необходимое продовольствие».

Похоже, что более умные и прагматичные Березовский с Фельдманом все же поняли, что играют с огнем, и приструнили Матюшенко, так как понимали, что в Европе они должны выглядеть мучениками, а не разбойниками. После дикой выходки с попыткой захвата «Псезуапе» стало очевидно, что ловить в Румынии, собственно, нечего. Выдавать продукты, воду и уголь румынские власти наотрез отказались. За это их в советское время историки дружно порицали, и зря! На самом деле кому надо из-за какого-то Матюшенко портить отношения с Россией? Единственно, что предложили местные власти, так это принять у команды броненосец для его последующей выдачи России, а самим потемкинцам предоставить статус военных дезертиров. Разумеется, что военный дезертир — это совсем не узник совести и не политический страдалец, но все же намного лучше, чем пират.

Чтобы хоть успокоить насторожившуюся европейскую общественность, утром 20 июня Фельдман послал во все иностранные консульства пространное заявление с амбициозным заголовком «Обращение к цивилизованному миру», где пространно порассуждал о болях человечества и о свободах. Фельдман объявлял миру о начале революции в России и провозгласил восстание «Потемкина» составной частью революционной борьбы: «И вот мы, КОМАНДА ЭСКАДРЕННОГО БРОНЕНОСЦА “КНЯЗЬ ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ”, решительно и единодушно делаем этот первый великий шаг. Пусть все те братские жертвы рабочих и крестьян, которые пали от солдатских пуль на улицах и полях, снимут с нас свое проклятье, как их убийц. Нет, мы не убийцы, мы

не палачи своего народа, а защитники его, и наш общий девиз: смерть или свобода для всего народа. Мы требуем немедленной приостановки бессмысленного кровопролития на полях далекой Маньчжурии. Мы требуем немедленного созыва всенародного УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. За эти требования мы единодушно готовы вместе с нашим броненосцем пасть в бою или добиться победы. Мы глубоко уверены, что честные граждане всех стран и народов откликнутся горячим сочувствием нашей ВЕЛИКОЙ БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ. ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ!»

Что и сказать, обращение напыщенное и красочное, но, увы, весьма безграмотное; чего, к примеру, стоит только выражение: «пусть… братские жертвы рабочих и крестьян, которые пали от солдатских пуль на улицах и полях, снимут с нас свое проклятье, как их убийц». Братские жертвы снимут проклятье как их убийц! Вы что-нибудь поняли? Ну ладно бы писали его неграмотные матросы, но профессиональный революционер Фельдман почему так и не выучил русский язык!

Более практичный Березовский озаглавил свое сочинение скромнее — «Ко всем европейским державам», так сказать, сузив ареал влияния только до Европы, и попытался оправдаться в нем за пиратский налет на «Псезуапе»: «Ко всем европейским державам. Команда эскадренного броненосца “Князь Потемкин-Таврический” начала решительную борьбу против самодержавия. Оповещая об этом все европейские правительства, мы считаем своим долгом заявить, что мы гарантируем полную неприкосновенность всем иностранным судам, плывущим по Черному морю, и всем иностранным портам, здесь находящимся. Команда эскадренного броненосца “Князь Потемкин-Таврический”». К воззванию была приложена судовая печать, «накопченная на свече». Европейские державы обещание «товарища Кирилла», однако, почему-то не успокоило. Уже через несколько дней в газете «Echo de Paris» появилось сообщение из Лондона, что «если “Потемкин” не будет захвачен, то английское правительство решило научать против него действия с согласия других держав. А Турция согласна пропустить для этой цели флот через Босфор». Это значило только одно: отныне «Потемкин» объявлялся как пиратское судно в самый настоящий международный розыск. При этом для потемкинцев в этом сообщении была и еще опасность. Признание «Потемкина» пиратским кораблем значило, что вся команда (по тому же английскому закону о пиратах) подлежала аресту и повешению, именно как пираты.

К слову, Англия в таких случаях обычно не церемонилась и пиратские корабли атаковала. Примеру тому были. Так, в мае 1877 года в чилийский порт Арика, где находилась английская станция, поступило известие: восставший перуанский монитор «Гуаскар» пытается преследовать и задерживать английские торговые суда. Причина та же, что и у потемкинцев, — восставшим перуанским матросам нужен был уголь и продукты. Реакция англичан была однозначна — найти и уничтожить! Вскоре «Гуаскар» был настигнут у прибрежного городка Ило. Англичане атаковали мятежников. «Гуаскар» был тяжело поврежден и счел за лучшее сдаться перуанским властям

Надо ли говорить, что такой оборот дела был весьма неприятен для Матюшенко и его компании, после подобного путь им в Европу был бы заказан навсегда. Насколько была проинформирована о последних событиях остальная команда, в точности сказать сложно, но то, что она с каждым днем впадала во все большее уныние, — это факт.

Шифрованная телеграмма из Севастополя на имя командира Отдельного корпуса жандармов 21 июня 1905 года; «За исключением “Ростислава”, “Двенадцати Апостолов”, настроение флотских команд вызывающее, тревожное… Возвратилось учебное судно “Прут” из Николаева. На нем взбунтовавшаяся команда из-за пищи убила боцмана. Судно стоит под караулом Рассказы о бунте “Потемкина” вернувшихся с него рабочих, бывших там для доделок, производят нежелательное влияние… Вчера объезжал суда возвратившийся главный командир, среди матросов царит сильное недовольство. Предполагают взорвать флотские пироксилиновые хранилища; поставлен к ним пехотный караул. Между портовыми рабочими толкуют об устройстве сочувственной демонстрации матросам “Потемкин” по слухам в Кюстендже. Морские офицеры просят разрешения без участия матросов взорвать минами “Потемкин”. Решения еще нет. В городе жизнь нормальная».

К этому времени Российское общество пароходства и торговли прекратило движение судов по Черному морю. Вслед за ним австрийский «Ллойд» отменил пароходные рейсы Константинополь — Одесса. Черное море опустело.

Положение на «Потемкине» стало тяжелым. Из провизии остались лишь четыре мешка сухарей. Так, по крайней мере, значится в одних воспоминаниях. Я полагаю, что на самом деле сухарей было гораздо больше, но не одними же сухарями питаться! Думаю, что, грызя сухари, матросы не раз вспомнили о наваристом борще, который несколько дней назад они отказались есть. Теперь бы из-за него, наверное, передрались!

Угля на «Потемкине» вообще было на сутки хода, пресную воду даже для питья получали опреснителем. Машинные котлы запитывали забортной водой. Из-за этого они быстро обросли солью, причем исправными, по воспоминаниям участников событий, оставались только два Чтобы и они не засолились окончательно, их постоянно чистили. Но было понятно, что через несколько дней «Потемкин» останется без хода и электричества.

В отношении двух исправных котлов у меня серьезные сомнения. Дело в том, что один котел работал постоянно на опреснитель, еще один на освещение, ну а для того, чтобы дать ход, надо было иметь под парами хотя бы еще два-три котла.

Как бы то ни было, но кочегары и машинисты до предела были измучены тяжелой непрерывной работой. Пока наверху в адмиральских апартаментах заседали Матюшенко и его подручные, они вкалывали на пределе сил. Боясь бунта нижней команды, Матюшенко старался лишний раз не спускаться вниз, а верхние люки держать под контролем своих подручных. Броненосец находился на грани нового мятежа, теперь уже антиреволюционного. Помимо всего этого на корабле началось массовое пьянство, чего не было в первые дни мятежа.

Тем временем царское правительство продолжало принимать меры к подавлению восстания потемкинцев. Еще 18 июня управляющий Морским министерством Ф.К. Авелан приказал адмиралу Г.П. Чухнину сообщить по всему побережью о выходе «Потемкина» из Одессы. 20 июня царь Николай II записал в дневнике: «Черт знает, что происходит в Черноморском флоте. Три дня тому назад команда “Георгия Победоносца” присоединилась к “Потемкину”, но скоро опомнилась, просила командира и офицеров вернуться и, раскаявшись, выдала 68 зачинщиков. “Потемкин” очутился сегодня перед Констанцией в Румынии. На “Пруте” тоже были беспорядки, прекращенные по приходе транспорта в Севастополь. Лишь бы удалось удержать в повиновении остальные команды эскадры! Зато надо будет крепко наказать начальников и жестоко мятежников».

В это время капитан-лейтенант Негру получил телеграмму министра иностранных дел Румынии с категорическим запрещением снабжать «Потемкин» провизией, водой и углем, о чем он известил «Потемкин». Стало ясно, что поход в Румынию был очередной авантюрой и ничего путного из этого не вышло. Теперь надо было срочно решать, что делать дальше.

На собранном заседании судовой комиссии Березовский предложил идти в район Поти, где можно было захватить турецкие суда, перевозящие уголь из Зонгулдака в Константинополь.

Согласно воспоминаниям машинного унтер-офицера С. Денисенко, Матюшенко опять старался склонить всех идти к кавказским берегам «Я думаю, что нам лучше идти в Батум, — продолжал он, — там мы высадимся на берег и к нам присоединится много товарищей-революционеров. Там много армян, а армяне — почти все социалисты, и пойдем мы тогда войной на царя и будем брать один город за другим, пока не доберемся до самого Петербурга!» Сам Денисенко тоже звал матросов в Батум, где можно было, по его мнению, соединиться с местными меньшевиками-сепаратистами. Любопытно, что если бы предложение Денисенко победило, то сегодня грузинские учебники истории писали бы о «Потемкине», как о первом грузинском броненосце! Но предложение Денисенко встретило сопротивление прапорщика Алексеева, который резонно заявил, что «Потемкин» до Кавказа просто не дойдет, так как не хватит угля. Денисенко же с пеной у рта доказывал, что именно Батум должен стать базой «Потемкина». Денисенко поддержал и Матюшенко. После долгих колебаний комиссия решила все же идти к берегам Кавказа. Но для этого надо было запастись углем и провизией, хотя бы на первое время. Предложение Березовского о пиратских налетах на турецкие суда матросы отклонили, т.к. после первого же такого захвата даже сдавшихся потемкинцев во всем мире потом отправили бы на виселицу. Что касается Фельдмана, то он советовал идти в Феодосию, так как, во-первых, это крупный железнодорожный узел и уголь там должен быть, и лучше грабить своих, чем иностранцев; кроме этого, там можно было установить связь с местными революционерами и получить сведения о положении в Севастополе. Алексеев снова выступил против. Он предложил идти в Евпаторию, так как до нее было несколько ближе. В итоге комиссия постановила идти в Феодосию, оттуда к берегам Кавказа, там высадить десант и соединиться с вольнолюбивыми грузинами. В случае неудачи в Феодосии опять же на остатках угля идти до берегов Кавказа, там взорвать броненосец и присоединиться к местным повстанцам.

На прощание румыны поинтересовались намерениями восставших. Конспиратор Березовский ответил, что «Потемкин» направляется в Турцию за углеми едой. 20 июня в 13 часов 20 минут броненосец «Потемкин» и миноноска № 267 покинули Констанцу.

В час дня «Потемкин» с миноносцем на буксире без лишнего шума (никаких салютов уже не было и в помине!) снялся с якоря и ушел в море. Куда ушел? А в никуда! Больше «Потемкин» и потемкинцев никто и нигде уже не ждал. Их предали толкнувшие на мятеж одесские революционеры, бросили братки георгиевцы, они опозорились на весь мир с «Псезуапе» и

вмиг потеряли ореол борцов с царизмом, превратившись для всех в заурядных пиратов; наконец, у них осталось мало угля и они разочаровались в своих вожаках.

Из воспоминаний механика Коваленко: «Я иногда с невольным любопытством наблюдал в течение этого двухсуточного перехода оригинальную жизнь нашей вольницы под сенью вымпела, Андреевского флага и красного знамени, жизнь, в которой остатки прежней военной организации должны были приноровляться к вновь провозвещенным принципам свободы и равенства и в которой вообще старое и обычное своеобразно сочеталось с совершенно новым и необычайным. Раздается, например, столь обычный на военном судне звук дудки вахтенного унтер-офицера, и вслед за этим слышится совсем уж необычная команда его: “Комиссии собраться в адмиральском помещении на заседание!” или “Желающие и свободные от занятий — ходи в адмиральское помещение на заседание комиссии!” Или опять — едва замирали последние звуки рожков и барабанов, которыми обыкновенно сопровождается на военном судне спуск флага при заходе солнца, как на палубе раздавалась свободная речь кого-нибудь из ораторов… Несмотря на недостаток пищи и тяжелую работу, в продолжение обоих дней этого перехода на баке царило большое оживление: там, сменившись с вахты и пообедавши сухарями с водой, свободная от службы часть команды веселилась. В одном углу под незатейливые звуки скрипки и бубна двое самым добросовестным образом… отплясывали гопака, в другом… целая толпа забавлялась какой-нибудь из матросских игр. Повсюду слышался говор, смех и песни».

За время стоянки в Констанце с броненосца сбежало еще несколько матросов, после чего судовая комиссия по предложению матроса Н.М. Костенко вынесла решение повесить всех сбежавших, когда они будут пойманы. Разумеется, вряд ли Матюшенко с его окружение не понимало, что им не удастся поймать сбежавших. На самом деле решение о повешении было принято совсем не для сбежавших, а для тех, кто еще только искал случая, чтобы покинуть мятежный броненосец. Замечу, что если вопрос о дезертирстве встал уже столь серьезно и в активе Матюшенко не осталось больше никаких аргументов, кроме виселицы, значит, он уже начинал терять контроль над ситуацией на корабле. Иного объяснения данному факту у меня нет.

Моляр Старцев и Сучкин нарисовали черными буквами на белом полотне надпись: «Свобода, равенство, братство», это полотно подняли и закрепили на мачте броненосца. С этим черно-белым полотнищем броненосец и подошел к Феодосии.

Коваленко умалчивает, что именно на переходе в Феодосию на «Потемкине» помимо плясок гопака и игр начались первые массовые пьянки матросов, чего в первые дни не было. Потому и веселились, а не думали над своим будущим. Пройдет совсем немного времени, и ситуация на «Потемкине» вообще изменится до неузнаваемости.

Глава семнадцатая.
УЛЬТИМАТУМ ФЕОДОСИИ

«Потемкин» пришел в Феодосию в седьмом часу утра 22 июня. Теперь он снова был под Андреевским флагом. Для пущей торжественности броненосец украсили флажками расцвечивания. Матюшенко и одесские революционеры рассчитывали, что одно их появление в Феодосийском порту вызовет восторгу местного населения. Но ошиблись, никакого восторга их появление не вызвало. На берегу были любопытные, но не более того.

Николай II, узнав о приходе «Потемкина» в Феодосию, направил вице-адмиралу Чухнину телеграмму с требованиями «прекратить шатания “Потемкина” по портам» и «покончить с этим невыносимым положением»

Едва «Потемкин» остановился на рейде, к нему подошел катер с чиновником порта. Матросы потребовали было катер к трапу, но катер развернулся и ушел. Тогда группа матросов во главе с Березовским сама отправилась в порт. Там Березовский велел передать свое приказание явиться на «Потемкин» городскому голове, в противном случае угрожая обстрелом города. Для лечения больных запросил врача. В 9 часов утра городской голова Дуранте, его заместитель, гласный городской думы, полицейский исправник, портовый чиновник и городской врач Муралевич прибыли на броненосец. Городскому голове вручили список необходимых материалов. Дуранте обещал немедленно все исполнить и доложил о требованиях матросов военному командованию.

Городские и военные власти собрались на совещание. Начальник гарнизона и начальник жандармского управления старались уговорить городского голову и гласных «не срамить Феодосии и не исполнять никаких требований мятежников».

Но Дуранте и гласный Крым являлись, как и другие члены управы, крупными домовладельцами. Под угрозой бомбардировки, опасаясь за свое имущество, они проголосовали за удовлетворение требований потемкинцев. Начальник гарнизона генерал-майор Плешков (имевший в своем распоряжении всего 400 солдат) был категорически против. В конце концов пошли на компромисс — дать мятежникам некоторое количество продовольствия. В 4 часа дня катер с броненосца в сопровождении миноносца прибуксировал нагруженное продовольствием судно

«Запорожец» к борту «Потемкина». С него сгрузили хлеб, муку, мясо и даже четырех живых быков. К этому времени Плешков получил распоряжение командира 7-го армейского корпуса «никаких требований мятежников не исполнять». Отгрузка продовольствия была сразу же прекращена. С «Потемкина» требовали уголь и свежую воду. Снова прозвучал ультиматум в случае невыполнения требований расстрелять город.

Настроение потемкинцев несколько улучшилось, когда побывавшие на берегу матросы принесли ложный слух, что броненосцы «Екатерина II» и «Синоп» якобы подняли восстание и ушли к берегам Турции разыскивать «Потемкин», но ненадолго. Вскоре на броненосце стало известно об арестах активистов восстания на «Георгии Победоносце» и грозящих им суровых наказаниях. Недолгая эйфория сразу же сменилась всеобщим унынием. Все понимали, что впереди, учитывая убийство офицеров, их ждут куда более суровые наказания. Часть команды к этому времени уже практически вышла из повиновения судовой комиссии.

Из донесения начальника Таврического губернского жандармского управления, Феодосия, 25 июня: «… Во время отвоза на броненосец провизии с катера его бежал матрос Кабарда, который на допросе показал, что на “Потемкине” имеется 750 человек экипажа, в числе коего до 400 новобранцев, совсем не сочувствующих охватившему броненосец революционному движению, что всем руководят два севших в Одессе неизвестных статских, из коих один, судя по фуражке, студент, и что на броненосце имеется только 67 человек, проникнутых духом мятежа, людей наиболее решительных и отчаянных, держащих в руках весь экипаж; что командир “Потемкина” Голиков и старший офицер Неупокоев убиты матросом Матюшенко, убито еще шесть офицеров… На борту находятся: прапорщик запаса Алексеев, командующий броненосцем по принуждению, и два механика, распорядительной же частью заведует старший боцман; что угля на броненосце осталось около 10 000 пудов, воду добывают опреснителем, провизии нет, и команда уже 4 дня питается сухарями, пьянствует, состояние духа ее угнетенное и разногласие в распоряжениях и неисполнительность видны на всем: людей боятся отпускать с катера, чтобы не убежали, динамо-машины не действуют, отчего не могут стрелять 12-дюймовые орудия, чистка броненосца не производится и команда утомлена и расстроена…»

Потемкинцы, ждавшие на берегу продуктов, попытались провести митинг. Вокруг них начал собираться местный люмпен, в надежде воспользоваться происходящим и пограбить. Начальник Таврического

губернского жандармского управления полковник Загоскин докладывал командиру отдельного корпуса жандармов, что «студенты и толпа собирались на углах улиц и, видимо, готовы были примкнуть к матросам, если бы тс высадились на берег». Первыми выяснять отношения с полицией местные бунтари не желали. Однако и потемкинцы высаживаться на берег тоже не торопились, вступать в бой с солдатами в их планы не входило. Одно дело — декларировать поход на Петербург, сидя на диванах в адмиральском салоне, и совсем иное — идти в реальный бой.

Судовая комиссия тем временем собралась на очередное заседание. Решили любой ценой заставить городские власти дать уголь и потом идти к Турции искать восставшие броненосцы. Уже не городскому голове, а начальнику гарнизона был отправлен ультиматум с требованием выдать уголь и воду до 6 часов утра, угрожая иначе взять все необходимое силой. Мирным жителям давалось четыре часа для исхода из города. В 22 часа Березовский и матрос Резниченко через городскую управу передали ультиматум начальнику гарнизона.

Ночью на берег съехал и Фельдман. Он рассчитывал установить связь с местными революционерами. Но никого он так и не нашел, местные эсеры и бундовцы куда-то разбежались.

На следующий день, 23 июня, утром, городской голова расклеил объявление: «Не имея возможности по не зависящим от городского управления причинам удовлетворить все требования команды броненосца “Потемкин-Таврический”, городская управа рекомендует жителям Феодосии оставить город, ввиду угрозы со стороны команды броненосца принять решительные меры. Городской голова Л. Дуранте. Члены управы: А. Крым, С. Иванов».

Спасаясь от смерти, толпы горожан бросились в горы. С броненосца это видели и поняли, что никто их требований выполнять не будет. Снова заседала комиссия, решая, стереть с лица земли Феодосию или нет. Большинством голосов было решено огня не открывать. Причины отказа от обстрела города в точности не известны. В советское время считалось, что от обстрела потемкинцы отказались, так как не имели сведений о расположении войск и даже простых планов города и могли огнем вызвать жертвы среди рабочих. Мне кажется, что причины были несколько иные. Во-первых, орудия главного калибра, как мы уже говорили, не были пристреляны и грамотно стрелять неподготовленные матросы просто не могли.

Во-вторых, возможно, артиллеристы к этому времени, вообще, уже не слушали судовую комиссию. Наконец, в-третьих, все понимали, что мятеж

подходит к своему логическому концу, и отягощать себя новыми убийствами не желали.

После этого Фельдман и Матюшенко отправились в порт на катере на поиски угля. То, что искать уголь пришлось самим руководителям восстания, говорит о том, что количество надежных людей у них на корабле заметно сократилось и им самим пришлось заниматься этим делом. Фельдману с Матюшенко удалось обнаружить три шхуны с углем — по 10 тысяч пудов на каждой. За ними послали миноноску и паровой катер. Шхуны были захвачены. Около 30 матросов перешли на одну из шхун и стали выбирать якорь, не обращая внимания на роту солдат, стоявшую на берегу. В это время в Феодосии была всего одна неполная рота 52-го пехотного Виленского полка. По другим данным, рота была усилена местными полицейскими, и в ряде документов говорится о двух ротах. Этих солдат возглавил храбрый полковник Герцык (впоследствии боевой генерал Первой мировой войны, совершивший немало подвигов во главе 84-й пехотной дивизии в Польше, Литве и Галиции). Увидев, что мятежники захватывают уголь, он приказал открыть огонь. В 9 часов 5 минут раздались три залпа. Несколько матросов было убито, остальные укрылись в трюме или бросились в воду, чтобы доплыть до катера или миноноски.

«Этот предательский залп, — рассказывал впоследствии о своих подвигах Матюшенко, — напугал команду миноносца, и он пошел полным ходом к кораблю, в катере же вся прислуга легла на дно. Одна из пуль сломала регулятор, и катер пошел было полным ходом прямо на берег… Видя, что все от неожиданности потеряли голову… я решил спасти хоть катер с оставшейся на нем командой. Взявшись за штурвал, я повел катер к броненосцу. Всю дорогу — версты полторы — пули осыпали катер, даже пробили на нем дымовую трубу; раза три пули надвигали мне фуражку на лоб… но все же катер был спасен». Короче, струсили все, кроме самого рассказчика. Особенно впечатляют пули, сдвигающие фуражку…

Из числа матросов, находившихся на шхуне, восемь человек попали в плен. Среди них — Фельдман и зачинщик мятежа на «Георгии Победоносце» Кошуба. Прибыв на «Потемкин», Матюшенко велел поднять боевой вымпел и сигнал иностранным судам покинуть порт. Иностранные корабли вышли из гавани. Броненосец развернул орудия в сторону вокзала. Но в этот момент против Матюшенко взбунтовалась практически вся команда. Матросы не желали никого убивать. Матюшенко еще призывал сжечь палубу и идти захватывать Кавказ. Но его никто не слушал. Команда уже не желала приключений, и хотела одного — идти в Констанцу и

сдаться тамошним властям.

Сообщение из Феодосии — в Департамент полиции, 24 июня: «22 июня в 6 часов утра пришел в Феодосию броненосец Потемкин и, став на рейде, предъявил требование о снабжении углем, провиантом, водой, грозя в противном случае бомбардировкой. Городское правление дало провизию, в угле было отказано военной властью. В 10 часов 23 июня бывшая с броненосцем миноноска № 267 сделала попытку захватить в гавани баржу с углем, находившуюся у железнодорожных амбаров, две роты Виленского полка открыли огонь по миноноске, на которой залпом были убиты и ранено команды около 30 человек. Затем миноноска быстро ушла, отвечая огнем из скорострельного орудия, после чего на берегу было задержано 10 матросов. Весьма срочное объявление в 8 часов утра, предлагая жителям выехать из города, ожидалась бомбардировка. В 12 часов дня броненосец развел пары и начал направляться на юго-восток. Стрельба миноноски никакого вреда ни людям, ни железной дороге и городу не причинила. Один из захваченных матросов оказался студентом, фамилия его не выяснена».

Сообщение Севастопольского жандармского управления — в Департамент полиции, 4 июля 1905 года: «Среди доставленных из Феодосии десяти матросов “Потемкина” оказался еврей Константин Израилев Фельдман, севший на броненосец в Одессе. Был одним из главных руководителей».

Есть и несколько иная версия финала стояния в Феодосии: «…Была сделана попытка захватить две стоявшие у набережной баржи с углем. На них с катера высадилось несколько матросов, которые стали выбирать якоря. В это время к берегу подошла рота солдат, открывшая ружейный огонь по катеру и миноносцу. После первого залпа несколько человек с катера упали в воду, а перешедшие на баржи налетчики попрятались в трюмы. После второго залпа к баржам подошел катер с солдатами, которые арестовали укрывшихся на них матросов. Фельдман и матрос Кошуба спрыгнули во время обстрела катера в воду и были схвачены на берегу. Тем временем на “Потемкине” среди мятежников началась паника. Оставшийся на броненосце “Кирилл” Березовский подстрекал команду бомбардировать город и захватить его, но большинство потребовали идти в Румынию».

Об истории пребывания «Потемкина» в Феодосии обычно историки говорят скороговоркой. Оно и понятно — именно там стало окончательно ясно, что потемкинская авантюра окончательно потерпела крах.

В свое время, чтобы хоть как-то оправдать позорное бегство потемкинцев от двух солдатских рот, писали о некоем «пулеметно-

оружейном» огне, которому не могли ничего противопоставить храбрые потемкинцы. О «жестоком пулеметном огне» писал, в частности, историк С. Найда. Но насколько реально могли быть в Феодосии пулеметы? Дело в том, что в 1905 году никаких пулеметов, кроме пулеметов систем «Максим» и «Матсена», в русской армии не было вообще. А те, которые были, считались на единицы. Тульский завод только к концу 1904 года освоил выпуск первых пулеметов «Максим». Помимо этого было еще несколько датских пулеметов системы «Матсена». Все они, разумеется, шли сразу же на вооружение нашей армии, дравшейся с японцами в Маньчжурии. Несколько пулеметов успели доставить в Порт-Артур. В действующей армии к концу войны имелось всего несколько десятков пулеметов. Причем начальство смотрело на них с подозрением, уж больно много тратили боеприпасов. То, что армию надо оснащать пулеметами, осознали только в самом конце войны, во время генерального Мукденского сражения. Одна из наших артиллерийских батарей (тогда пулеметы из-за своей малочисленности и ценности были подчинены артиллерийскому ведомству), оснащенная шестнадцатью пулеметами «Максим», противостояла нескольким атакам японцев. Вскоре телами было усеяно все поле боя — японская сторона потеряла половину своих солдат от общего числа атаковавших. Без помощи пулеметов отбить такие атаки было бы просто невозможно. После Мукдена было решено закупать пулеметы для армии сотнями, несмотря на значительную цену — свыше 3000 рублей за пулемет, но реально массовые закупки начались только в 1906 году.

Трудно поверить, что ценнейшими «максимами» в 1905 году вооружались тыловые части в Крыму. Вспомним и то, что к началу мятежа на «Потемкине» не прошло и месяца с момента подписания мира между Россией и Японией. За это время, учитывая все еще стоящую рядом во всеоружии японскую армию и начавшиеся забастовки на Транссибе, их просто не смогли бы перевезти с Дальнего Востока в Крым. К тому же до мятежа «Потемкина» в этом просто не было никакой необходимости Даже если и имелось на тот момент в Одесском округе несколько пулеметов, то почему их надо было размещать именно в Феодосии? Гораздо логичнее было бы их иметь в Одессе (где можно было еще ожидать новых волнений местных люмпен-пролетариев), или в Севастополе (где могли ожидать матросского мятежа), или в Николаеве (где имелись крупные заводы), или в Керчи. Делая вывод, можно почти с полной уверенностью сказать, что никаких пулеметов на феодосийской набережной в момент прихода «Потемкина» в Феодосию НЕ БЫЛО, как не было там и никаких орудий. Если стрельба с берега и велась, то исключительно из винтовок, да и то,

видимо, больше для острастки.

Спрашивается, какой вред могли нанести мосинские трехлинейки закованному в броню броненосцу? А никакого! А катерам, которые пытались захватить шаланды с углем? Для катера винтовочная пуля — то же, что слону дробина, а для миноноски — тем более. Заметим, что на момент восстания на «Потемкине» на корабле имелась и мелкокалиберная артиллерия, которую вполне можно было бы с успехом использовать против стреляющей пехоты: четыре 47-мм пушки и две 37-мм пушки Гочкиса. Помимо этого имелись две 63-мм десантные пушки Барановского и пулемет. И десантные пушки, и пулемет (кстати, всего один!) легко устанавливались не только на катер, но даже на обычную корабельную шлюпку, чтобы вести огонь в носовом секторе. Даже против одной десантной пушки винтовки правительственной пехоты были бы бессильны. В полицейском донесении об итогах боя в порту однозначно указывается, что на удирающей миноноске стреляло скорострельное орудие. Этого было более чем достаточно, чтобы захватить шхуны (баржи) и разогнать солдат. Но ничего этого не произошло. Все случилось с точностью до наоборот: несколько ружейных залпов с берега сделали поистине невозможное. После них и на катере, и на самом броненосце началась самая настоящая паника. До этого момента мятежники чувствовали себя в полной безопасности, так как с момента мятежа в них никто не стрелял. Нескольких ружейных залпов роты вполне хватило на то, чтобы с мятежным броненосцем было, по существу, покончено. Поразительно, но несколько залпов из винтовок полностью деморализовали команду «Потемкина». Никто даже не помышлял о сопротивлении. Бросив своих товарищей на произвол судьбы, Матюшенко и К° сразу же позабыли о всех своих революционных планах преображения России и рванули сдаваться в Румынию. Даже историки признают, что с этого момента на корабле царили полная анархия и разброд.

Историк Ю. Кардашев относительно происшедшего на борту «Потемкина» после отпора, данного ротой солдат, пишет: «Одни матросы призывали к решительным действиям, другие — к немедленному уходу в Румынию и сдаче. На сигнальном мостике, у флаг-фала, возникла потасовка между сторонниками и противниками продолжения восстания. Как отражение этой борьбы, над броненосцем то поднимался, то опускался красный боевой флаг. Противники обстрела Феодосии взяли вверх». За не слишком вразумительными словами Ю. Кардашева о «потасовке» кроется нечто большее. Во время нахождения броненосца в Феодосии команда фактически подняла восстание против Матюшенко и его окружения,

причем дело дошло до массовой драки. В результате происшедшего Матюшенко и его окружение практически были отстранены от командования броненосцем. При этом отстранили от власти революционеров не офицеры и кондуктора-сверхсрочники, а сами матросы, уставшие от революционных экспериментов бывшего забойщика скота.

Не слишком рознятся относительно этих событий и воспоминания И. Лычева; «В Феодосии на “Потемкине” повторилась та же паника, что и в Одессе в момент измены “Георгия Победоносца”. Небольшая часть матросов бросилась было к орудиям, чтобы открыть огонь по городу, но под натиском большинства вынуждена была отказаться от этого». Во время этой паники Фельдман, по его собственному признанию, попытался было выступить перед потемкинцами с очередной революционной речью, но его тут же пригрозили выкинуть за борт, и Фельдман затих…

В 11 часов «Потемкин» спустил боевой вымпел, развел пары и в 12 часов 30 минут вышел в море.

Тем временем еще 22 июня в 8 часов утра вице-адмирал Кригер с броненосцами «Двенадцать Апостолов», «Ростислав», «Три Святителя» и шестью миноносцами прибыл в Одессу и, захватив с собой усмиренный «Георгий», сразу же вышел обратно в Севастополь, оставив в Одессе на случай появления «Потемкина» два миноносца. Пока эскадра следовала в Севастополь, командующий флотом Чухнин получил телеграмму морского министра; «“Потемкин” требует уголь и воду от городского управления Феодосии под угрозою бомбардировки города при отказе. Необходимо принять самые энергичные меры за невозможностью допускать подобный образ действий мятежного корабля. Если нужно, утопите “Потемкин”. Авелан».

Не успела эскадра войти в Северную бухту, вице-адмирал Чухнин потребовал Кригера к себе и велел вести эскадру в Феодосию и уговорить «Потемкин» сдаться, а в противном случае — утопить. 23 июня в 14 часов из Севастополя вышли броненосцы «Ростислав», «Георгий Победоносец», «Двенадцать Апостолов», «Три Святителя», крейсер «Память Меркурия», минный крейсер «Казарский», миноносцы «Завидный», «Свирепый», «Сметливый», «Строгий» и миноносец № 270. Но «Потемкин» в Феодосии они уже не застали.

Уходя от Феодосии, «Потемкин» совсем недалеко разошелся с посланными для его перехвата кораблями. Кригер имел приказ вступить в переговоры с мятежниками, предложить им сдаться, в противном же случае атаковать «Потемкин» и уничтожить его артиллерийским огнем или самодвижущимися минами. Однако противники разминулись, так и не

заметив друг друга.

Глава восемнадцатая. ФИНАЛ В КОНСТАНЦЕ

Во время перехода в Румынию настроение команды было самое гнетущее. Все понимали, что игра закончена и теперь предстоит расплата за все совершенное. Несколько радовало то, что румыны обещали не отдавать их в руки царских властей.

Воспоминания машинного унтер-офицера С. Денисенко: «Я был очень измучен, так как почти не спал все это время. От утомления я задремал и не слышал, как ко мне подсел кочегарный унтер-офицер Алеша, фамилию его забыл. Когда он увидел, что я поднял голову, он спросил меня, плача: “Ну что теперь будет, Степа?” “Не знаю, Алеша, что дальше делать”, — ответил я ему. “Ну, а кто же знает? Уж если вы не знаете, то мы подавно не знаем, — продолжал он. — Ну, Степа, делайте что хотите, только спасите команду. Посмотрите, какие они все молодые”. Ею слова подействовали на меня; мне стало жалко молодую команду, и я сказал ему, что мы так и сделаем. Вскоре я встретился с Матюшенко, и он спросил меня, что я придумал. Я рассказал ему о своем решении. Он крикнул, что мы дураки и трусы».

В ночь с 24 на 25 июня прапорщик Алексеев был заподозрен в том, что ведет корабль не в Румынию, а в Севастополь. В связи с этим Матюшенко собирался выбросить ею за борт, но Алексеев на коленях умолил его этого делать и клялся в том, что броненосец идет туда, куда следует.

На подходе к румынским берегам на «Потемкине» произошло еще одно важное, поистине знаковое, событие. Потемкинцы, не желая более рисковать, выбросили за борт свой красный флаг. Теперь им было уже не до игр, надо было думать о собственном будущем, и европейские власти в этой ситуации лучше было не злить. Позднее Матюшенко постарается придать этому факту романтический ореол. «В море, — вспоминал Матюшенко, — похоронили мы свой и всего русского народа боевой красный флаг — флаг свободы, равенства и братства, чтобы он не достался в чужие руки. Черное море было свидетелем наших слез и горя, когда бросили его за борт! Как было тяжело смотреть, когда он то опускался, то поднимался на гребнях волн, как будто приглашал всех матросов продолжать борьбу». Данное мероприятие можно, разумеется, называть и похоронами, но факт остается фактом — перед приходом в Констанцу красный флаг был выброшен за борт.

Из воспоминаний потемкинца И. Лычева; «Позднее, уже в Румынии, матрос Афанасий Дмитриенко признавался мне: “В последнюю ночь перед сдачей «Потемкина» группа матросов, человек сорок—пятьдесят, собрались тайком в укромном местечке Мы решили перевязать всех членов судовой комиссии и запереть их в трюме. А если они будут сопротивляться, то перебить всех и выбросить в море. Затем мы собирались направить броненосец в Севастополь, сдать его главному командиру Черноморского флота и тем самым заслужить себе прощение и награду'. На вопрос, почему же не был исполнен этот план, Дмитриенко ответил: “Мы не смогли этого сделать, так как вы все не спали в эту ночь, и у вас было оружие, а мы были безоружны”».

О чем говорит признание Дмитриенко? Не только о том, что власти Матюшенко над кораблем к этому времени уже, по существу, пришел конец, но и о том, что, боясь теперь мятежа против себя, Матюшенко и его сторонники обезоружили команду и, вооружившись сами, старались теперь не спать по ночам, боясь нападения. Только благодаря этой предосторожности на «Потемкине» не вспыхнул антимятеж, в котором жертв могло быть намного больше, чем 14 июня.

25 июня около полуночи «Потемкин» и миноносец № 267 прибыли в Констанцу. На этот раз уже без всякого салюта и почетного караула. К этому времени на «Потемкине» уже царили полный разброд и анархия. В 2 часа ночи на берег съехала группа матросов для переговоров о сдаче броненосца. Они спросили у коменданта порта Негру, заходил ли в Констанцу «Синоп». Узнав, что этот тот не появлялся и последняя их надежда рухнула, потемкинцы заявили о желании сдаться и пригласили коменданта на броненосец. 25 июня в 8 часов утра он прибыл на «Потемкин», выступил перед командой и огласил условия сдачи: корабль передается румынским властям в хорошем состоянии, команда сходит на берег только с личными вещами, команде гарантируется свободное проживание на всей территории Румынии, потемкинцы обязуются не заниматься в Румынии политической деятельностью. Из порта на шлюпке на «Потемкин» прибыл социалист Раковский, старый знакомец Березовского. Он стал предлагать свои услуги посредничества в доставке угля и провизии, но, увидев толпы пьяных озлобленных матросов, «понял, что восстановить прежний революционный дух на “Потемкине” невозможно», и тихо съехал на берег. Посредничество с румынскими властями и потемкинцами осуществлял некто Константин Кац (Гернеа-Добруджану), весьма темная личность в русском революционном движении.

В 12 часов 30 минут «Потемкин» вошел в порт и опустил Андреевский флаг. В полдень 25 июня вся команда покинула борт броненосца. А вот миноносец № 267 отказался спустить Андреевский флаг. Покинув порт, он направился в Севастополь. Там команда заявила, что на судне никакого бунта не было, а они лишь подчинялась силе. Разумеется, в столь наивный обман никто не поверил, и команда миноноски также была арестована.

Историк Р.М. Мельников в своем труде «Броненосец “Потемкин”» пишет «25 июня, около часа дня, после переговоров комиссии с властями на борту румынского крейсера “Елизавета” броненосец “Потемкин” и миноносец № 267 вошли в гавань. Румыны гарантировали потемкинцам свободу и невыдачу царским властям Члены комиссии приступили к передаче корабля румынскому военно-морскому командованию, на броненосце спустили Андреевский флаг и вместо него подняли румынский. Сжившиеся со своим замечательным броненосцем и теперь обреченные на годы скитаний на чужбине, с болью покидали матросы палубу родного корабля. Последний раз в едином строю прошли матросы по улицам города. Цепи солдат ограждали колонну от проявлений чрезмерного, по мнению властей, энтузиазма и радушия жителей. Об этом же с недоуменным раздражением доносил один из русских консулов, потрясенный поведением публики, которая принимала потемкинцев “как настоящих героев, а совсем не как разбойников, как это надлежало”. К покинутому на рейде “Потемкину”, блиставшему как всегда чистотой и порядком, вскоре после ухода команды устремились толпы народа. Интерес был настолько велик, что местные власти устроили массовую экскурсию на опустевший и теперь беззащитный броненосец».

Когда деморализованную команду свезли на берег, на борт «Потемкина» поднялись румынские солдаты и на радостях подняли свой флаг. Спустя два дня флаг, разумеется, спустили, а румынский король извинялся перед российским императором за столь бестактную выходку, уверяя, что это сделали местные власти без его ведома. Командиру все еще стоящего в Констанце транспорта «Псезуапе» капитану 2-го ранга Банову пришлось урегулировать с румынами технические вопросы. Сдавшихся мятежников румынские власти делили на группы и отправили из Констанцы в отдаленные деревни. 48 матросов решили вернуться в Россию, чуть позднее к ним присоединились еще 62 человека. Таким образом, из 763 человек в Россию вскоре возвратилось 110 человек. Разумеется, это были те, кто не принимал активного участия в мятеже и на которых не было офицерской крови.

Из сообщений прессы: «Бухарест, 25 июня. Броненосец “Князь

Потемкин” в сопровождении миноносца пришел сегодня около двух часов утра в Констанцу. Власти предложили экипажу сдаться на тех условиях, которые были сообщены ему во время первого посещения Констанцы, то есть сойти на берег без оружия и признать себя дезертирами или же покинуть румынские воды».

Из телеграммы Санкт-Петербургского телеграфного агентства: «Бухарест, 25 июня. Экипаж “Князя Потемкина” и миноноски сдался сегодня в час пополудни на предложенных ему условиях. Матросы передали румынским властям оба находившихся в их распоряжении судна, выставив на них румынские флаги. Высадившиеся матросы отправлены небольшими группами в различные местности Румынии».

Из письма министра иностранных дел Ламсдорфа товарищу министра внутренних дел Трепову, 28 июня 1905 г.: «Считаю долгом уведомить ваше превосходительство, что румынское правительство не располагало к сожалению достаточными силами, чтобы принудить команду “Князя Потемкина” к безусловной сдаче и обещало сдавшимся рассматривать их как военных дезертиров, не подлежащих выдаче России. При таком положении дела предъявлять королевскому правительству требование о выдаче мятежников было бы в настоящее время бесполезно, но можно не сомневаться, что присутствие в стране столь опасных элементов явится крайне обременительным для Румынии, и правительство оной впоследствии, при известных условиях, охотно постарается от них избавиться, сдав их постепенно нашим властям»…

Из донесения Бессарабского жандармского управления — в Департамент полиции, 12 июля 1905 г: «…Капитан Банов просил (румынские власти) возвратить ему сигнальные книги (составляющие большой секрет каждого государства) с броненосца, но по розыску их на броненосце не оказалось. Через некоторое время к капитану Банову явились три матроса с броненосца и заявили, что хотят передать Банову сигнальные книги, унесенные ими с броненосца, каковые и передали ему в целости… По снятии с броненосца русской команды, туда вошли румыны и начали безобразное хищение всего, что только представляло хотя какую-нибудь ценность: все запасные части машин, всевозможные морские приборы и инструменты, все было похищено румынами, а когда вопрос был решен о возвращении броненосца России, то румыны привели в негодность некоторые части машин и затопили машинное отделение… По выходе команды с броненосца им были выданы машинистом Матюшенко по 32 рубля каждому, после чего румынские власти разделили всю команду с броненосца на группы и разослали по разным городам… Большинство из

матросов страшно удручены и были примеры покушений на самоубийство. Все они страшно жалеют убитых офицеров, во всем обвиняют машиниста Матюшенко и бывших на броненосце каких-то двух студентов, фамилий которых никто из них не знает. Положение команды с броненосца “Князь Потемкин” в Румынии ужасное, они пропили и проели полученные ими 32 рубля и теперь, не находя работы, не зная местного языка, положительно голодают; так что надо полагать, что большинство из них возвратится в Россию…»

В дележе денег из корабельной кассы «Потемкина» встречаются расхождения. По одним воспоминаниям, Матюшенко якобы разделил имевшиеся деньги поровну между всеми членами команды. Есть сведения, что он всю кассу забрал с собой. Думается, что истина, как всегда, посередине. Деньги Матюшенко, скорее всего, все же разделил, но не между всеми (зачем ему обеспечивать деньгами тех, кто поднял против него мятеж в Феодосии?), а между своими единомышленниками.

Отношение русского консульства в Галаце в Бессарабское губернское жандармское управление, 4 июля 1905 г.: «Императорское консульство имеет честь просить вас, милостивый государь, благоволить оказать зависящее содействие при переходе через границу предъявителю сего, Андрею Корнееву Трубникову, 22 лет, добровольно явившемуся в сие Консульство и показавшего следующее: что он, Андрей Трубников, крестьянин Самарской губернии, Николаевского уезда, Хоросянской волости и деревни, где ныне проживают его жена Мария, 18 лет, отец Корней, мать Варвара и братья Степан и Иван Трубниковы. Что, состоя на службе матросом-учеником сигнальщиком на броненосце “Князь Потемкин”, по возникновении бунта 12 июня сг. на названном броненосце против начальства, он, Андрей Трубников, против своей воли был принужден товарищами принять участие и что, каясь в том ныне, он, Андрей Трубников, желает отправиться в Севастополь в 6 роту 36 экипажа, предстать перед судом, просить о своем помиловании и после продолжать службу. Для чего и просит выдать ему настоящее свидетельство».

Когда первые российские представители поднялись на борт брошенного броненосца, их глазам предстала жуткая картина — «Потемкин» был совершенно разграблен Кто разграбил «Потемкин», в точности не ясно. Потемкинцы в своих мемуарах дружно пишут, что они не взяли с броненосца ничего. В то же время на имеющихся фотографиях все они сходят с корабля, таща на себе огромные баулы. Ну а затем на броненосец ринулись вороватые румыны, которые уж точно не оставили там ничего, что только можно было утащить. Думается, на самом деле в

разграблении корабля постарались и те и другие.

26 июня в 10 часов утра на рейд прибыл отряд из Севастополя — броненосцы «Чесма», «Синоп» и миноносцы № 261, 262, 264, 265. Около полудня из Бухареста было получено разрешение на передачу корабля. После церемонии спуска румынского флага и подъема Андреевского палубу «Потемкина» окропили святой водой, был отслужен молебен. Николай II в те дни писал в своем дневнике: «Дал бы Бог, чтобы эта тяжелая и срамная история поскорее окончилась».

Командир отряда контр-адмирал Писарсвский при всей своей ненависти к бунтовщикам остался объективен: «Есть основания подозревать, но установить достаточно точно не удалось, что частью судового имущества воспользовались румыны и что они же затопили машинное отделение. В продолжение всей ночи на “Потемкине” находилась масса румынских офицеров, светивших всю ночь боевыми фонарями», — докладывал адмирал главному командиру. Ему вторил и назначенный временно командиром броненосца лейтенант А.А. Янович. Отметив, что в числе пропавших вещей и предметов снабжения оказались восемь ящиков с полным комплектом инструментов для приборов управления артиллерийским огнем, и описав тот «разгром и расхищение», которому подверглась подшкиперская, он высказывает мнение, что «вряд ли эти вещи понадобились команде, стремящейся спасти свою свободу и в то же время бросившей свои вещи».

Как подтверждал Янович, «главной заботой вместе с переборкой котлов стала откачка воды из более чем на два метра затопленного (через открытые краны для заливания подшипников) машинного отделения. К работе по подготовке броненосца к походу и приступила временная команда корабля: матросы с “Чесмы”, “Синопа” и 47 членов команды “Потемкина”, включая всех кондукторов, явившихся на корабль и решивших вернуться на родину».

Из сообщений прессы: «Севастополь, 26.VII. Сегодня получено известие, что к берегам Евпатории прибило четыре тела жертв мятежа на “Потемкине” …у Тендеровского маяка всплыло на поверхность моря три человеческих трупа. Тотчас в Тендеровский залив отправился военный транспорт “Гонец” с тремя гробами. Тела были уже на берегу, в истерзанном виде, разложившиеся. Однако командиру транспорта Толмачеву и офицерам удалось распознать тела бывшего командира “Потемкина” капитана 1-го ранга Голикова и офицеров броненосца, лейтенантов Григорьева и Неупокоева».

Говорят, что, узнав о страшной смерти своего старого знакомого

Голикова, Николай II был очень расстроен. Факт смерти командира «Потемкина» он занес в свой дневник. Мог ли он тогда представить, что минет тринадцать лет, и он сам со своей семьей будет подвергнут столь же страшной ритуальной казни…

Днем 28 июня на «Потемкине» завели поданные с «Синопа» буксиры, снялись с якоря, и в 19 часов 20 минут корабль в сопровождении «Чесмы» и миноносцев повели в Россию. Со скоростью от трех до шести миль в час, четыре раза оборвав буксиры, два дня и две ночи шел «Потемкин» к берегам России. В пять часов утра 1 июля «Потемкин» отдал якорь в Южной бухте. В жизни эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» начиналась новая глава.

В тот же день, когда «Потемкин» бросил якорь в Севастопольской бухте, на городском кладбище города состоялись похороны его командира. По иронии судьбы, в 1917 году гранитный постамент на могиле капитана 1-го ранга Голикова был перенесен на кладбище Коммунаров и на нем сооружен памятник лейтенанту Шмидту. Несколько лет спустя на могиле командира «Потемкина» кто-то неизвестный снова установил скромный памятник, который чудом уцелел до наших дней.

*** * ***

В истории с «Потемкиным» есть еще одна загадка. Как правило, расследуя совершенное преступление, следователи обычно начинают его с попытки ответить на вопрос а кому это было выгодно? В случае с «Потемкиным» мы уже установили, что мятеж был выгоден революционерам всех мастей, которые с помощью матросов хотели опередить конкурентов по революционной борьбе и встать во главе всероссийского мятежа. Но только ли революционерам был выгоден мятеж на новейшем и мощнейшем броненосце Черноморского флота? Вспомним, что к моменту мятежа мирный договор между Японией и Россией еще не был подписан. В Маньчжурии российская армия была готова к решительному наступлению на своего изнуренного затянувшейся войной врага и имела все шансы на успех. В этом случае могли бы пригодиться еще и черноморские броненосцы.

Ни для кого не секрет, что японская разведка перед Русско-японской войной и в ходе нее имела самые тесные контакты с российскими революционерами всех мастей, не жалея средств на организацию стачек и забастовок. Сегодня историки в своем большинстве сходятся во мнении,

что и революция 1905 года во многом была инспирирована японскими спецслужбами.

А теперь зададим себе вопрос, представлял ли броненосец «Потемкин» интерес для японской разведки. Ответ, думаю, будет однозначным.

Взять, к примеру, знаменитого японского коммуниста Сэна Катаяму, похороненного у кремлевской стены.

Официально известно, что он был организатором японской компартии, видным деятелем Коминтерна. В разгар Русско-японской войны на Амстердамском конгрессе II интернационала в 1904 году он публично обнимался со своим идейным другом Плехановым, показывая, что социалисты всего мира друзья и товарищи. Известно, что Катаяма был и личным другом В.И. Ленина.

Официально Катаяма был вторым сыном в бедной крестьянской семье. Однако это не вся правда. На самом деле Катаяма происходил из клана Ивасаки — основателей концерна «Мицубиси». Пытаясь обойти этот щекотливый вопрос в жизни Катаямы, его биографы пишут о некоем усыновлении. Затем Катаяма разъезжал по миру, окончил Иельский университет.

При жизни в глазах своего поколения Катаяма воспринимался как живое воплощение идей всемирного братства трудящихся и пролетарской солидарности. Катаяму высоко ценил В.И. Ленин. Подготавливая создание III коммунистического интернационала, он с самого начала включил Катаяму в число его отцов-основателей.

14 августа 1904 года, в Амстердаме (Голландия) начал свою работу очередной VI конгресс второго интернационала. После вступительной церемонии председательствующий обратил внимание делегатов на то, что его заместителями избраны представители социалистов воюющих стран — русский Георгий Валентинович Плеханов и японец Сэн Катаяма. При этих словах Плеханов и Катаяма встали и пожали друг другу руки в знак братской дрркбы рабочих России и Японии. Зал разразился бурной овацией. Плеханов и Катаяма хотели вернуться на свои места, но овация не прекращалась. Тогда они снова обменялись рукопожатиями, и Плеханов, при бурном одобрении всех присутствующих, обнял и поцеловал японского социалиста. Почему бы и не обняться, когда оба делали одно общее дело. Заметим, что Плеханов выступал как пораженец, желая в своих статьях скорейшего разгрома русской армии и флота. Катаяма в отношении поражения своих помалкивал. Он поддерживал Плеханова. Сегодня появились публикации, что на самом деле Катаяма был кадровым

сотрудником японских спецслужб, залегендированным под «трудящегося социалиста». Умер Катаяма в 1933 году, но доживи он до 1937 года, ему бы службу в японской разведке уж точно припомнили.

Еще в преддверии войны руководитель российского направления японской разведки полковник Мотодзиро Акаси (прообраз купринского «Капитана Рыбникова») предложил своему правительству идею: раскачать ситуацию в Российской империи вплоть до организации антиправительственного путча в Петербурге. Он делал ставку на сторонников священника Георгия Гапона, который спровоцировал «кровавое воскресенье» 9 января 1905 года, а также на боевые отряды партии эсэров. Для осуществления своей идеи Акаси намеревался закупить в Европе оружие, доставить его в Россию, а затем вызвать выступления националистов на западных окраинах империи и оппозиционных организаций в центре страны.

Все это требовало огромных затрат и смахивало на авантюру. Но критическая ситуация, сложившаяся в 1905 году, вынудила японцев пойти на этот шаг. На подрывную деятельность в России японский Генштаб выделил миллион иен (около 35 миллионов долларов в ценах 1990 года). За «освоение» этих огромных денег между революционными партиями началась настоящая битва. Каждый желал урвать себе куш. Но японцы даром раздавать деньги не собирались. Золото надо было отработать.

Информации о деталях этой операции очень мало. В нашей печати существуют лишь два источника: записки самого Акаси, написанные в 1906 году на основе его донесений в японский Генштаб (там, разумеется, было далеко не все, какая же разведка будет всего год спустя засвечивать свою агентуру и кричать на весь свет о своих операциях), и изданная в том же 1906 году в Петербурге брошюра «Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства», в которой опубликованы добытые царской контрразведкой документы о подрывной деятельности Акаси.

Расположился Акаси в Стокгольме. Отметим, что на том же Амстердамском конгрессе, где обнимались Плеханов и Катаяма, Акаси также присутствовал. Именно после Цусимы и Мукдена (февраль—март 1905 года), когда японские ресурсы оказались на пределе, Акаси резко усилил работу по финансовым вливаниям в «решительных» революционеров. Помимо эсеров он активно сотрудничал и с российскими социалистами. Именно на его деньги была закуплена большая партия оружия и отправлена в Россию на пароходах «Джон Графтон» и «Сириуо. И если «Графтон» был отправлен в Финляндию и там потерпел крушение, то

«Сириуо (8,5 тысяч ружей и 1,2 миллиона патронов) — в Грузию, куда благополучно и прибыл. Так что в начале вооруженного мятежа на Черном море японцы были не просто заинтересованы, они его организовывали!

Историк А. Смирнов пишет «С помощью своих агентов Акаси провел вторую конференцию революционных партий (Женева, 2—8 апреля 1905 года.). В ней приняли участие все революционеры, кроме меньшевиков. Почтил ее своим присутствием и Владимир Ленин. Здесь были определены сроки восстания, выработаны планы (начать следовало в Питере и на Кавказе) и позиции по оружию и финансам. Из донесения полковника Акаси начальнику японского Генерального штаба генералу Ямагата, 12 апреля 1905-го года: “Большое восстание должно начаться в июне, и оппозиция предпринимает все новые усилия для приобретения оружия и взрывчатых веществ”.

Ученые, ссылаясь на японские источники, считают, что полковник Акаси выделил только Ленину пятьдесят тысяч иен, отдельный транш был выделен на издание большевистской газеты «Вперед». Сама Женевская конференция обошлась японскому Генштабу в сто тысяч иен. Впоследствии Акаси признавался: “Мы должны были заставить их (революционеров. — *А.С.)* делать дело, приободрить их, и, конечно же, мы должны были делать все это в обстановке исключительной секретности”.

После окончания конференции в Женеве полковник Акаси отбыл в Лондон. Здесь, живя в отеле “Черинг-Кросс”, он организовывал отправку в Россию военного и террористического оборудования, амуниции и снаряжения — бомб, пистолетов и пр. Все было рассчитано на предстоящее летом восстание.

Полковник был всецело удовлетворен результатами конференции и, вероятно, настолько уверовал в собственное дарование разведчика, что все дальнейшие революционные события и, конечно, террор в России (убийство Г.И. Бобрикова, финляндского генерал-губернатора; Великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора; В.К. фон Плеве, министра внутренних дел, а также восстание на эскадренном броненосце “Князь Потемкин-Таврический”) был склонен относить на свой счет.

Большая часть контрабандного груза парохода “Сириус” дошла до мест назначений и получателей. Причем прибытие “Сириуса” по времени совпало с началом массовых вооруженных антиправительственных выступлений в Закавказье. Самая ожесточенная борьба проходила именно в тех местах, куда поступило контрабандное оружие — в Поти, Зугдиди, Озургетах, Сухуми.

Почему мы можем утверждать, что японская военная разведка причастна к вооруженным выступлениям против российской власти в Грузии и Абхазии? Известно также, что Георгий Деканозов получил от Акаси через Талона 40 тысяч иен для организации мятежа на Черном море. Но весь флот взбунтовать не удалось: знамя восстания поднял только броненосец “Потемкин”.

23 августа (3 сентября) 1905 года был подписан Портсмутский мирный договор с Японией. Войне пришел конец. Полковника Акаси отозвали в Токио. На своей родине резидент заслужил признание. Император пожаловал ему чин генерал-майора и возвел в почетное звание — барон…»

Как знать, может быть, пройдет некоторое время, и архивы откроют нам новые тайны мятежа на броненосце «Потемкин». Честно говоря, мне очень не хотелось, чтобы оказалось, чтобы когда-нибудь выяснилось, что русские матросы убивали русских офицеров по заданию японской разведки.

Глава девятнадцатая.
ВЫСОКАЯ ПОЭЗИЯ «ПОТЕМКИНА»

Разумеется, что вершиной пропаганды о восстании на «Потемкине» всегда был и, видимо, уже навсегда останется знаменитый немой фильм Сергея Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин” прогремевший в 20-е годы XX века по экранам всего мира. А потому и ныне именно кинематографическая версия Эйзенштейна является наиболее известной в народе.

Безусловно, фильм «Броненосец “Потемкин”» талантлив, но это фильм особого жанра — историко-фантастического, и к реальным событиям июня 1905 года на палубе реального броненосца «Князь Потемкин-Таврический» он не имеет никакого отношения.

Фильм «Броненосец “Потемкин”» был снят в 1925 году к двадцатилетию первой русской революции. Главным заказчиком киноленты и ее идеологом являлся Лев Троцкий. По замыслу Троцкого, фильм должен был стать этаким «идеологическим камнем», брошенным СССР в капиталистический мир, чтобы побудить тамошние народы к новым мятежам и конечной победе всемирной коммунистической революции. По этой причине денег на создание фильма, наглядно рассказывающего о том, как надо устраивать военный мятеж, не жалели.

Снят и смонтирован «Броненосец “Потемкин”» был чрезвычайно быстро — всего за каких-то четыре месяца. Эйзенштейну надо было обязательно успеть сделать премьеру фильма в декабре 1925 года, в 20-ю годовщину восстания на Красной Пресне.

Разумеется, труднее всего было с натурой самого броненосца. Вначале решили искать «Потемкин» на Балтике, так было ближе и дешевле.

Однако, когда Эйзенштейн прибыл на Балтийский флот, там тогдашний командующий флотом М.В. Викторов, бывший лейтенант царского флота, помнивший кровавые расправы над офицерами в феврале 1917 года в Гельсингфорсе, не слишком воспринял идеи Эйзенштейна и под благовидным предлогом, что в составе флоте не осталось кораблей, похожих на «Потемкин», спровадил киношников на Черное море. Там, мол, «рулил» «Потемкин», там о нем фильм и снимайте. К тому же у Викторова была железная отговорка — флот готовился к своему первому заграничному походу в Кильскую бухту под флагом наркомвоенмора М.В.

Фрунзе и балтийцам было просто не до творческих изысканий Эйзенштейна.

Пришлось Эйзенштейну ехать в Севастополь. Не думаю, что тогдашний начальник Морских сил Черного моря Э.С. Панцержанскй (тоже бывший офицер царского флота) больше симпатизировал идее фильма, чем его балтийский коллега, но ситуация у Панцержанского была более щекотливая. Буквально накануне он был освобожден от должности начальника Морских сил СССР и назначен с понижением на Черное море. При этом и на этой должности он чувствовал себя неуверенно, понимая, что главная опала еще впереди. В такой ситуации Панцержанский просто не мог отказать Эйзенштейну в организации съемок фильма к годовщине первой революции, иначе его не так бы поняли. Забегая вперед, скажем, что осторожность с фильмом Панцержанскому не помогла и через год он будет снят и с этой должности, а впоследствии и вовсе расстрелян.

Но вернемся к съемкам фильма о мятежном броненосце. Для того чтобы сделать фильм о броненосце, нужен, прежде всего, броненосец. Сам «Потемкин» уже находился в стадии разборки на «иголки». Впрочем, в севастопольских бухтах удалось отыскать его «младшего брата» — еще более старый броненосец «Двенадцать Апостолов», превращенный в склад морских мин. Разумеется, снимать кинофильм среди тысяч мин было нарушением всех инструкций. Но Панцержанский пошел и на это, выбрав из двух зол наименьшее. Однако на «Потемкине» орудия главного калибра были башенными, а на более старых «Апостолах» — барбетными. Поэтому пришлось изготавливать бутафорские башни. По старым чертежам, хранившимся в Адмиралтействе, из деревянных балок, реек и фанеры на «Апостолах» был более-менее воссоздан весь внешний облик броненосца «Потемкин». Затем «Апостолы» буксиром развернули кормой в сторону открытого моря. Мины решили не выгружать, так как у группы каждый день был на счету. Приходилось соблюдать предельную осторожность. Сцены, происходившие во внутренних помещениях «Потемкина», и эпизод с червивым мясом снимались на борту крейсера «Коминтерн».

В «Броненосце “Потемкин”» есть сцена, где взбунтовавшиеся матросы выбрасывают за борт офицеров. Эту сцену снимали в Севастополе в декабре. Актеры, исполнители ролей, «купаться» отказались. Вызвавшиеся двое добровольцев-актеров Александров и Левшин прыгали в воду за всех офицеров. Каждый раз их переодевали, приклеивали разные бороды и усы и бросали за борт.

Любопытно, что Матюшенко в фильме сыграл консультант фильма, бывший мичман царского флота, тот самый, который категорически

возражал против того, чтобы матросов накрывали брезентом, говоря, что зритель засмеет создателей фильма. Чем руководствовался бывший мичман, согласившись на роль столь одиозной личности, как Матюшенко, нам неизвестно.

Не менее любопытно и то, что хорошо нам известный уже Константин Фельдман в фильме сыграл роль… самого себя.

Историки кино отмечают и еще один занимательный факт, произошедший во время съемок фильма: «Чтобы воспроизвести эпизод, в котором экипажи трех броненосцев (в том числе и броненосца “Двенадцать Апостолов”) так внушительно солидаризировались с матросами “Потемкина”, что адмирал Кригер приказал повернуть и взять курс на Севастополь, и чтобы придать этому эпизоду наибольшую мощь, Эйзенштейн хотел показать не три корабля, а всю эскадру. Ему удалось получить согласие на это у председателя Реввоенсовета СССР и наркомвоенмора Михаила Фрунзе. В конце ноября, в ясный день весь Черноморский флот направился к кораблю, “игравшему роль” “Потемкина”. Выйдя на параллельный с ним курс, он должен был дать залп в честь мятежного экипажа. Эйзенштейн повел многочисленных гостей, приехавших на съемку, на командную вышку. Эскадра приближалась. Подошли офицеры. Они спросили у Эйзенштейна, как он собирается дать команду о залпе. “О, самым обыкновенным способом, — ответил Эйзенштейн. — Вот таким!..”» Он вытащил из кармана носовой платок и помахал им в воздухе. Режиссер полагал, что находится слишком далеко от кораблей эскадры и его платок там никто не увидит, но за ним следили через бинокли. Едва он опустил руку с платком, как со всех кораблей раздался залп… После этой неудачной съемки Эйзенштейну пришлось удовлетвориться планами, взятыми из старой хроники, где запечатлены маневры иностранной эскадры.

Одним из эпизодов, имевших на премьере наибольший успех, был подъем экипажем красного флага. На выпускавшихся тогда пленках нельзя было воспроизвести красный цвет. Он получался черным. Снимали белый флаг. Но, поколебавшись, Эйзенштейн решился раскрасить флаг в красный цвет, что и было сделано вручную кисточками. Это была трудная работа, так как раскрашивать пришлось 108 кадров, но эффект получился необыкновенный.

У фильма есть интересная черта: он не воспринимается как художественный фильм. Фильм балансирует на очень тонкой грани кинохроники и игрового кино. Разумеется, что фильм — это самая настоящая идеологическая агитка, своего рода учебник по революционной

деятельности. Но агитка, сделанная столь талантливо, что воспринимается и сегодня, 80 лет спустя. Пытаясь позже разобраться в принципах построения фильма, Эйзенштейн писал, что “Потемкин” выглядит, как хроника событий, а действует, как драма».

Заметим, что в фильме вообще отсутствует главный герой. Представлен ряд ярких эпизодических персонажей, но центральной фигуры нет. В средоточии фильма находится коллектив, как и учила партия большевиков. Восстание творит коллективный разум, поглощенный светлой идеей, которая в своем становлении расставляет события по предопределенному плану…

Во всем мировом кинематографе за сто лет его бытия, наверное, нет кадра более знаменитого, чем роковая детская коляска с плачущим ребенком, которая скачет вниз по лестнице, под пулями, среди мечущихся людей — в морские волны, к неотвратимой гибели. Насмерть раненная молодая мать, падая, нечаянно толкнула коляску. Со ступеньки на ступеньку вниз, ближе и ближе к волнам, непоправимо… Кинокадр безвинной жертвы, чудовищной и бессмысленной, давно оторвался от конкретных исторических событий, его подсказавших, вырос в символ вселенской несправедливости и мирового зла.

Сам «Потемкин» похож на некую бездонную бочку, из которой раз за разом выныривают новые и новые персонажи. Это придает фильму оттенок безумия. Тут и караул, и карикатурный доктор, и бурлящий котел, и священник, причем Эйзенштейн пользуется символами весьма навязчиво, ассоциируя кортик и крест, — и то и другое является оружием против возмутившихся матросов. А чего стоит только усатая еврейская матрона с раненым мальчиком на руках, превращенная в символ этакой «общероссийской революционной матери»!

Финальная часть фильма — встреча мятежного броненосца с эскадрой — рождает новую волну переживаний. Апофеоз картины — момент, когда броненосец без единого выстрела проходит сквозь строй царской эскадры, когда с борта других кораблей, все нарастая, доносятся до слуха матросов «Потемкина» крики: «Братья! Братья!» На мачте броненосца гордо развевается поднятый восставшими красный флаг, тот самый, который раскрашивали вручную. Заканчивается картина кадром, на котором броненосец будто бы «выплывает из фильма» в зал.

О том, что произошло с броненосцем в последующие дни, Эйзенштейн предпочел не рассказывать…

Премьера «Броненосца “Потемкина”» состоялась в Москве 5 декабря 1925 года в 1-м Госкинотеатре, ныне кинотеатр «Художественный». Было

устроено грандиозное шоу. Фасад кинотеатра «Художественный» был превращен в модель броненосца. Перед началом сеанса на «броненосце» появлялся горнист, играющий сигнал восстания. Театр внутри был украшен морскими флагами, якорями и спасательными кругами. В центре фойе установили модель броненосца «Потемкин».

В том же 1925 году после продажи негатива фильма в Германию «Броненосец “Потемкин”» вышел в мировой прокат в отличающейся от авторского замысла версии. Немой фильм был озвучен в 1930 году, восстановлен в 1950 году (композитор Николай Крюков) и переиздан в 1976 году (композитор Дмитрий Шостакович). Сам Эйзенштейн очень любил и считал почти идеальным музыкальное сопровождение Майзеля. Это была не музыка в привычном смысле слова, так как в звуковом сопровождении Майзеля кроме музыкальных инструментов использовались самые разнообразные шумовые эффекты, что создавало дополнительное эмоциональное воздействие на зрителей. В то же время самое знаменитое музыкальное сопровождение фильма связано все же с именем Дмитрия Шостаковича.

Неоднократно в разные годы фильм «Броненосец “Потемкин”» признавался лучшим или одним из лучших фильмов по итогам опросов критиков, кинорежиссеров и публики.

По подсчетам статистиков, «Броненосец Потемкин» имеет максимальное количество призов, дипломов, наград и стойко возглавляет рейтинг в международных опросах, держа титул «фильма № 1 всех времен и народов». В 2005 году юбилейный показ фильма в Берлине с музыкой Майзеля в очередной раз стал мировой сенсацией и произвел фурор в кинематографическом мире.

Фильм «Броненосец “Потемкин”» многократно становился объектом цитирования и даже кинопародий, причем в большинстве случаев внимания удостаивалась легендарная сцена расстрела на Потемкинской лестнице и особенно кадр с катящейся коляской, отраженный в десятках фильмов, снятых разными режиссерами в разных странах. Среди них: «Возвращение “Броненосца”» Геннадия Полоки (1996, Россия—Белоруссия), «Гудбай, Ленин» Вольфганга Беккера (2003, Германия) «Kebab Connection» Анно Зауля (2005, Германия), «Голый пистолет 33 $^{1}/_{3}$» Питера Сигала (1993, США), «Неприкасаемые» Брайана де Пальма (1987, США), «Бразилия» Терри Гиллиама (1985, США), мультсериал «Симпсоны» и др.

Весьма странно, но наиболее подробное пародийное отражение

знаменитый фильм нашел в комедиях. Так, в 1976 году итальянский режиссер и актер Паоло Виладжио в одном из эпизодов своей комедии «Фантоцци Второй Трагический» вывел легендарный фильм под гротескным пародийным названием «Броненосец “Котемкин” Сергея Эйнштейна». Эпизод заключался в том, что начальник мелкого клерка Фантоцци (героя комедии), являясь страстным поклонником великого фильма, принуждает всех своих подчиненных каждый вечер после работы смотреть этот фильм и обсуждать его. Никто не смеет возразить начальнику, хотя все возмущены его самодурством. Первым не выдерживает Фантоцци, который на очередном сеансе на весь зал восклицает: «Это же редкое дерьмище!» Взбунтовавшиеся служащие сжигают пленку с надоевшим фильмом, а начальник оказывается в тюрьме. Но вскоре его освобождают, и он, мстя своим служащим, заставляет их заново переснять фильм. Сам Фантоцци снимается в легендарной сцене с коляской, играя младенца.

В 1988 году польский кинорежиссер Юлиуш Махульский в своей известной гангстерской комедии «Дежа вю», действие которой происходит в Одессе летом 1925 года, цитирует фильм Главные герои — киллер Поллак и его жертва, главарь мафии Нечипорук — случайно оказываются на съемочной площадке фильма, и им приходится участвовать в съемках знаменитой сцены расстрела на Потемкинской лестнице. В этой пародийной сцене, чтобы добраться до своей жертвы, киллер Поллак вынужден играть жандармского офицера, командующего расстрелом, а мафиози Нечипорук в роли безногого матроса пытается скрыться от него. В погоне за Нечипоруком Поллак случайно сталкивает с лестницы детскую коляску. Заметив это, Эйзенштейн в озарении велит оператору скорее снимать этот кадр и использует действие Поллака как свою гениальную режиссерскую находку.

Успех комедийных пародий на «Потемкин» еще раз подтверждает старую истину, что от великого до смешного всего один шаг…

*** * ***

Однако романтизирование мятежного броненосца началось намного раньше выхода на экраны фильма Эйзенштейна, еще в 1905 году. Причем если Ленин назвал «Потемкин» весьма сухо и по-деловому «непобежденной территорией революции», то некто Боровский на страницах бундовской газеты «Пролетарий» присвоил ему поэтичный

титул корабля-скитальца: «Сколько трагической поэзии в судьбе этого скитальца, дни и ночи обреченного носиться по далекому морю, одинокого, отрезанного от друзей, преследуемого врагами. Зловеще смотрят убийственные жерла пушек, день и ночь стоит на часах зоркая стража, каждую минуту готова команда идти в бой, — враг не решается подойти к этой плавучей крепости, — нет приюта отважным, берег враждебно отталкивает их от себя, грозя гибелью, и только море, не знающее цепей рабства, протягивает братские объятия этим борцам за свободу».

В 1906 году во Франции вышла драма «Князь Потемкин», написанная на… польском языке. Главными героями ее являлись Вакуленчук, Матюшенко и Резниченко. Пьеса носила явно националистический характер. По ходу ее герои рассуждали, как вольготно и свободно жилось украинцам в былые времена, когда Малороссия входила в состав Речи Посполитой, и как плохо живется им нынче под гнетом русского царя. О художественных достоинствах сего сочинения говорить не приходится. Автор этого опуса остался неизвестен. Была еще и песня о восстании, сочиненная сами потемкинцам. Об этой песне автору известно лишь то, что ее текст привез из Румынии в Россию в 1917 году матрос П.К. Пазюк, а в 1925 году передал текст песни (пелась на мотив «Раскинулось море широко») в Музей революции СССР.

Не намного дальше пресловутого фильма «Броненосец “Потемкин”» ушла и «народно-героическая» опера «Броненосец “Потемкин”» — вершина послереволюционного маразма, созданная композитором Чишко. В опере, разумеется, все только и делают, что поют. Заламывая руки, голосят и убийцы, и их жертвы Григорий Вакуленчук, как и положено положительному герою-страдальцу, поет басом, а его жена Груня, некая «партийная работница» — меццо-сопрано. Если зверски убитые капитан 1-го ранга Голиков и старший офицер Гиляровский поют первый — низким басом, а второй — бас-баритоном, то их убийца Матюшенко очаровывал слушателей своим лирико-драматическим тенором. Кстати, партию Матюшенко на премьере исполнил сам композитор О.С. Чишко. Так сказать, и чтец, и жнец, и на дуде игрец…

«Мне хотелось, — выступал в прессе композитор-новатор, — не только воспроизвести атмосферу революционных событий, передать их подлинный политический смысл, но и создать правдивые музыкальные образы главных героев восстания — Вакуленчука, Матюшенко и коллектива революционного броненосца». Работа над произведением началась в Одессе, была продолжена в Ленинграде, где ею заинтересовался театр оперы и балета имени Кирова. Премьера состоялась 27 июня 1937

года, после чего опера была поставлена Большим театром СССР, а также на сцене других музыкальных театров страны.

Честно говоря, композитору Чишко не позавидуешь — «создать правдивый музыкальный образ» профессионального убийцы и садиста Матюшенко, прямо скажем, задача не из легких, даже если он и поет лирико-драматическим тенором. Но композитор-новатор все же, как мы видим, с задачей успешно справился!

К 50-летию первой русской революции по инициативе ленинградского Малого оперного театра композитор О.С. Чишко подготовил новую (улучшенную!) редакцию своего произведения. Прежнее либретто С. Спасского совместно с композитором было «значительно переработано» сценаристом В. Чулисовым. Задача переработки заключалась «в усилении исторической достоверности содержания оперы по вновь обнаруженным документам и в более четком противопоставлении двух борющихся лагерей: дворянской клики и революционного народа — восставших матросов и рабочих». С этой целью сюжет был заметно драматизирован: введены новые картины (по одной в первом и третьем акте, две в четвертом акте), остальные сжаты, действеннее изложены. Усилена была также роль оркестрового начала, особенно в воплощении пейзажных моментов, морской стихии. Кульминацией оперы стала встреча революционного броненосца с Черноморской эскадрой, знаменующая моральную победу восставших над силами реакции. Премьера новой редакции этого значительного произведения советской музыки состоялась 30 декабря 1955 года на сцене Малого оперного театра в Ленинграде.

Сюжет «народно-героической» оперы «Броненосец “Потемкин”» стоит того, чтобы его пересказать хотя бы вкратце. Итак, «веселье царит на офицерском балу в Севастополе (это месяц-то спустя после Цусимы? Самое время офицерам веселиться!). Боцман Веденмейер с броненосца «Потемкин» сообщает, что на корабле распространяются революционные прокламации. Командир корабля Голиков клянется очистить его от бунтовщиков. Горничная командующего Одесским округом Катя (а она-то что делает в Севастополе, когда командующий в это время находился в Одессе?), подслушивает “план подавления недовольства матросов”. Ее жених Качура служит на броненосце. Отважная Катя спешит на Малахов курган, где должна состояться нелегальная сходка с участием команды корабля.

На сходке — делегаты бастующих рабочих Одессы (они-то как там оказались?) и матросов Черноморского флота. Здесь и Груня (партийный работник), и муж ее — матрос Вакуленчук, и Матюшенко. Груня призывает

к сплочению революционных сил народа — близится час восстания. Меньшевик Малов пытается предотвратить его. Но сходка единодушно принимает решение, предложенное Груней (кроме Груни, там умней, видимо, никого не нашлось!). Убеждает в правильности Грунинога плана восстания и известие, сообщенное Катей, и сведения Качуры о том, что “Потемкин” приказом командующего отделен от эскадры — ему приказано якобы для учебной стрельбы одному выйти в море. Полны решимости отстоять свободу участники сходки. Вакуленчук прощается с Груней.

Вторая картина открывается протяжной песней “Ой, горе, горе, матросское житье!” В ней слышится и отчаяние, и гневный протест. Динамично передана сцена сходки, где полнее всего обрисован смелый, волевой образ Вакуленчука. Героичен по своему складу монолог Матюшенко “Нет уже мочи, нет уже силы больше ждать!” Выразительны хоровые эпизоды сходки. Картину завершает большая лирическая сцена Груни и Вакуленчука, которая завершается дуэтом-колыбельной “Спи, родной мой, спи, сыночек”; в этой проникновенной колыбельной они мысленно обращаются к младенцу, которого ожидает Груня».

Ко всему прочему «партийная работница» Груня, оказывается, еще и беременна? Что ж, зная дальнейшую судьбу Вакуленчука, Груне действительно не позавидуешь. Впрочем, виновата во всем она сама— нечего было по митингам шастать и мужа за собой туда таскать!

Ну, что же происходит в это время на оперной палубе броненосца? А там тревожно. «Жених генеральской горничной Качура рассказывает команде, что бастующие рабочие просят помощи у матросов. Возмущены они и жестокостью офицеров. К тому же, оказывается, их будут кормить недоброкачественной пищей. Старший офицер Гиляровский призывает доктора, который вопреки истине должен подтвердить, что мясо в борще не гнилое. Гиляровский угрожает смертью отказывающимся есть этот борщ. Те, кто подчиняется его приказу, пусть переходят на бак. Медленно, нерешительно передвигаются матросы. Внезапно Гиляровский отделяет часть из них, не успевших перейти, отдает распоряжение накрыть их брезентом (эпизод, как мы понимаем, бесстыдно содран у Эйзенштейна!) и расстрелять. Это переполнило чашу терпения — вспыхивает восстание. За борт летят Голиков, Гиляровский и судовой врач. Матросы овладевают судном, над “Потемкиным” взвивается красный флаг. В схватке смертельно ранен Вакуленчук. В горе склоняются над ним повстанцы…»

«В начале второго акта — печальная песня Качуры “Растужился ясный сокол”. Фон дальнейшего действия образует выдержанная в народном украинском духе песня рыбачек (а они-то на броненосце откуда?) “Ой,

заспиваймо!” Вслед за драматической сценой с Голиковым (на самом деле, сцена была не драматической, а самой что ни на есть кроваво-трагической!) Матюшенко запевает патетически (самое время!) взволнованную песню “Ой ты ветер, ветер, что тихо веешь?” Под конец ее подхватывает хор. Полна динамики сцена восстания. Она органически заключается боевой массовой песнью матросов “Вот мы, братья, стали вольными людьми” (ее мелодия использована в увертюре). Суровым колоритом овеяно предсмертное ариозо (?!!) Вакуленчука “Недолго, братцы, быть мне с вами”.

Наступила ночь. Скорбит Матюшенко о погибшем друге. Не с кем ему более посоветоваться. Судовой комитет все еще не может решиться высадить в Одессе отряд революционных матросов. Полон сомнений и мичман, назначенный волею комитета командиром корабля. Он замышляет совместно с Веденмейером предательство. Качура хочет вместе с матросской делегацией сойти на берег, чтобы повидать Катю (шустрая невеста уже успела перебраться из Севастополя в Одессу!). Пусть передаст с ней письмо, где указано, что судовой комитет постановил не открывать огонь по Одессе». Дальше бред авторов только усиливается.

«В оркестровом вступлении к третьему акту развивается тема революционных матросов. Сосредоточен, исполнен внутренней силы монолог Матюшенко “А если я не так веду людей?” Ему противостоит монолог предателя мичмана “Я революционный командир”. В конце картины выделяется лирически протяжная песня Качуры “И у меня, Катюша, березонька цветет” (ее мелодия также использована в увертюре)».

«“Потемкин” прибыл в Одесский порт. Рабочие приветствуют матросов. Среди встречающих Груня и Катя. Но что это? Кого несут с корабля? Потрясенная Груня, узнав о смерти мужа, пламенно призывает к мести. Нет сил, которые могли бы остановить гнев народа. Траурное шествие с телом Вакуленчука движется в город.

Вторая картина начинается тревожной оркестровой музыкой. Она вскоре сменяется веселой пляской и частушечного склада хоровой песней “Ты, волна, меня не тронь!” Матросы выносят под звуки похоронного марша тело Вакуленчука (под “веселую пляску” — это что-то новое?!). Безграничная скорбь Груни (а она-то как оказалась в Одессе, вместе с горничной Катей, что ли, приехала?!) выражается в манере украинских заплачек: “Ах, ты, мой Гришенька! Муж ты мой, друг ты мой!” (Это тоже несколько странно — как “партийная работница”, Груня должна была бы в данном случае не выть белугой, а претворять в жизнь свой же хитро придуманный план!) Героический призыв Матюшенко “Один за всех и все

за одного” подхватывается хором. На таких резких контрастах выдержана вся музыка этой картины.

Страхом объят командующий Одесским военным округом Каханов: траурное шествие близится к его дому. Катя приводит сюда ничего не подозревающего Качуру с донесением мичмана. Узнав, что матросы колеблются принять участие в революции, Каханов, следуя приписке мичмана, арестовывает Качуру. Арестована и Груня. Матюшенко врывается в дом Каханова с требованием освободить их. Тот отказывается. Тогда по сигналу Матюшенко “Потемкин” открывает огонь по Одессе.

Конфликтна музыка первой картины четвертого акта. Фоном к ней служит грозно звучащая мелодия революционной песни “Смело, товарищи, в ногу”. Все более нарастает шквал народною гнева, который с большой силой запечатлен в развернутой хоровой сцене “Так это зовется совестью у царей”.

Сорвался план мичмана. Но он вторично задумал предательство: броненосец должен выйти в море навстречу эскадре — там он разделается с непокорными. Мичману с помощью Веденмейера (вот подлец так подлец, все время гадит и гадит, а его никто так и не раскусит!) удалось также посеять рознь среди тех матросов, кто пребывал в нерешительности. Но внезапно вернувшийся Матюшенко сплачивает команду, укрепляет веру в победу. Приближается эскадра. На “Потемкине” объявляется боевая тревога. Но молчат пушки на кораблях. Оттуда несутся приветственные возгласы в честь восставших. Матюшенко обращается к матросам Черноморского флота с воззванием.

В последней картине перелом в действии наступает с приходом Матюшенко. Мужественным пафосом отмечен его монолог “Так что же, потемкинцы, — назад? Сдаться адмиралам?” Музыка все более насыщается героическими интонациями и увенчивается финальной боевой песней “Не сдадим свободы знамя!” В конце оперы звучит мелодия революционной песни “Варшавянка” (“Вихри враждебные веют над нами”)».

Заметим, что авторам все же хватило ума закончить оперу именно в этом месте, а не продолжать свою эпопею до конца. Думаю, что в этом случае для финала более всего подошла бы ария поляков из оперы «Иван Сусанин»: «Куда ты завел нас, проклятый старик!» Именно так в реальной жизни вопрошали Матюшенко и К° в Румынии обманутые и брошенные на произвол судьбы матросы.

В 1926 году поэмой «Морской мятеж» разразился Борис Пастернак, вдохновенно описав «гнилое мясо» и выведя богатырский образ «гиганта Матюшенко»:

…Солнце село.
И вдруг
Электричеством вспыхнул «Потемкин».
Со спардека на камбуз
Нахлынуло полчище мух.
Мясо было с душком…
И на море упали потемки.
Свет брюзжал до зари
И забрезжившим утром потух…
...
По машинной решетке
Гигантом
Прошел
Матюшенко
И, нагнувшись над адом,
Вскричал:
— Степа!
Наша взяла!

Отдал должное «Потемкину» и Леонид Утесов, видевший его в детстве в Одессе и совместно с поэтом И. Фрадкиным написавший песню «Спустилась ночь» о восстании на «Потемкине». Песня жалостливая, но правды в ней ни на грош. Судите сами:

...А было так. Тогда на нашем судне
Служил помощник, старый изувер.
Он избивал нас в праздники и будни,
Не человек, а просто лютый зверь.
Команда вся построилась, сказали,
Что командира требует народ
В безмолвии сурово мы стояли,
Один матрос лишь выступил вперед
Но в тишине суровой, напряженной
Вдруг выстрел одинокий прозвучал,
И, пулей в сердце насмерть пораженный,
Он, заливаясь кровию, упал.
Убийцу вмиг матросы раскачали
И смерть нашел в пучине подлый враг.

И на могучем корабле подняли
К восстанию зовущий Красный флаг…

В юбилейные даты деяния потемкинцев вдохновляли и других деятелен культуры, к примеру, поэта М. Рудермана и композитора Б. Терентьева, написавших в 1955 году, к очередной годовщине восстания, песню «Броненосец “Потемкин”», где главным героем является подло убитый офицером матрос Вакуленчук

…Павшего жертвой за дело
От подлой дворянской руки.
И труп под навес положили
И флагом накрыли его,
На грудь ему лист положили
С историей смерти его.
У многих стоявших близ трупа
Горячие слезы лились,
Иные молились сквозь слезы
И мстить до могилы клялись…

Разумеется, что популярной эта достаточно корявая песня не стала, что, видимо, в общем-то, не слишком огорчило ее создателей. Они выполнили соцзаказ и получили соответствующий гонорар.

Не были оставлены вне потемкинской пропаганды и дети. Кто из старшего поколения читателей в детстве не зачитывался книгой Валентина Катаева «Белеет парус одинокий»! Действие повести происходит летом 1905 года в Одессе. Согласно сюжету, братья Петя и Павел Бачей с отцом возвращаются с летнего отдыха в город. Все лето они провели на даче, откуда видели черный дым броненосца «Потемкин» на морском горизонте. По дороге мальчики и их отец спасают от преследователей некоего беглого матроса-потемкинца Родиона Жукова, пробирающегося тайком из Румынии в Одессу, чтобы снова делать революцию. В Аккермане (ныне Белгород-Днестровский) семья пересаживается на пароход, идущий в Одессу. На этом же пароходе Петя снова встречает матроса-потемкинца. Но кроме матроса на судне находится и сыщик, выследивший преступника и собирающийся его арестовать по прибытии в Одессу. Матросу удается сбежать, спрыгнув с парохода в море и поплыв в сторону берега. Сыщик,

пострадавший при попытке задержания, остался в дураках. Разумеется, и папа и его сыновья Бачей целиком на стороне беглого матроса и ненавидят преследующего его оперативного сотрудника.

Матрос с трудом доплыл до рыбацких шаланд и стал тонуть, но его спас старик-рыбак и его внук — Гаврик. Матрос-потемкинец серьезно заболел, но его вылечили, приютив в рыбацкий хижине на берегу моря. Этот матрос с маленькой татуировкой на руке в виде синего якоря вообще впоследствии становится одним из главных героев четырех произведений В. Катаева, вошедших в эпопею «Волны Черного моря». Разумеется, что матрос-потемкинец — это истинный рыцарь без страха и упрека. Именно он является кумиром юных одесситов, именно с него они стараются брать пример в жизни, именно такими же революционерами и ниспровергателями российской государственности они, несомненно, и станут в будущем, когда вырастут. Несмотря на талант автора и приключенческий сюжет, перед нами типичная агитка, призванная обелить зверства потемкинцев и прививать любовь к ним советским людям с детства.

Ничего общего с действительностью не имеют и широко известные «эпические полотна» художников П. Фомина, К. Дорохова, И. Пшеничного и других, посвященные восстанию на «Потемкине». Так, на картине П. Фомина Вакуленчука почему-то убивают не за башней, а перед ней. Плохие офицеры судорожно выхватывают из карманов свои револьверы, но храбрый Матюшенко уже целит в них из винтовки. На картине К. Дорохова лжи еще больше. Художник дает понять зрителю, что под валяющимся брезентом — тела погибших от рук офицеров матросов. Здесь он перещеголял уже самого Эйзенштейна! Неподалеку у борта стоит насмерть испуганный капитан 1-го ранга Голиков, а с ним еще какой-то офицер и священник. Матюшенко уже направил на них свою грозную винтовку, готовый творить революционный суд за смерть расстрелянных товарищей. Примечателен и кок с трехлинейкой, как напоминание о плохом борще. При этом Голикова почему-то никто не избивает и не раздевает, как это было в действительности…

Вообще о «Потемкине» и связанных с ним событиях даже в советские время вспоминали обычно раз в десять лет, на очередную годовщину. В июне 1925, 1935 (в 1945 году было не до «Потемкина»), 1955, 1965, 1975 и 1985 годов в журналах и газетах обязательно появлялись статьи с доходчивым популярным изложением событий июня 1905 года. Разнообразия там было не много, из десятилетия в десятилетие переписывались одни и те же легенды.

В 60—70-х годах прошлого века в Англии, США и в Швейцарии несколькими изданиями вышла книга английского автора Ричарда Хоу «Мятеж на “Потемкине”», ставшая для западного читателя настоящим бестселлером Р. Хоу писал, что история этого восстания получила в СССР «статус легенды», разобраться в которой уже необычайно сложно, так как она очень сильно запутана «временем и пропагандой». И хотя свою точку зрения он не подтверждает исследованием, тем не менее в его замечании есть большая доля истины. Не согласиться с ним сложно.

*** * ***

Помимо кинематографа и литературы деяния потемкинцев были увековечены и в камне. В первую широко отмечаемую годовщину восстания в 1925 году на могиле Вакуленчука в Одессе был установлен памятник. В следующую годовщину, в 1935 году, в ознаменование 30-летия восстания на «Потемкине» Президиум ЦИК СССР наградил группу ветеранов-потемкинцев грамотами. А в 1955 году в юбилейные дни восстания все оставшиеся еще в живых к тому времени потемкинцы были награждены сразу двумя (!) орденами — Боевого Красного Знамени и Красной Звезды. Тогда же новому танкеру Черноморского пароходства было присвоено имя «Григорий Вакуленчук». Назвать какое-нибудь судно именем Матюшенко все же не решились.

На следующий юбилей, 27 июня 1965 года, на площади Карла Маркса в Одессе был открыт и памятник героям «Потемкина». Любопытно, что поставили его на постаменте, где некогда стоял памятник основательнице города императрице Екатерине.

Уже в постсоветское время, когда было решено восстановить памятник Екатерине II, памятник мятежным потемкинцам был перенесен на припортовую площадь. Сегодня неофициально там место тусовки одесских путан. Случайность или закономерность?

Второй памятник потемкинцам соорудили там, где началось восстание, — у Тендровскои косы. Тогда же приказом командующего Черноморским флотом было определено, чтобы каждый корабль Черноморского флота, проходя мимо этого места, салютовал героям 1905 года. Ныне об этом приказе в современном российском флоте, все, разумеется, благополучно забыли.

В Севастополе в честь Вакуленчука назван новый микрорайон и поставлен его бюст. В честь Матюшенко в Севастополе, также была

названа одна из улиц и гора около города. Кстати, во время Гражданской войны матросы-анархисты назвали в честь своего старшего товарища Матюшенко один из волжских пароходов, переоборудованных в канонерскую лодку. Она так и называлась — «Товарищ Матюшенко». Вакуленчуку в этом отношении повезло больше, и в его честь назвали в советское время сразу несколько судов.

Из военно-морских историков темой «Потемкина» занимались в разное время историки Найда, Мельников, Гаврилов, но и они, в силу законов советской историографии, также не слишком далеко отклонялись от общепринятой и утвержденной на верхах классической версии восстания. Более объективен в деталях событий и в их оценках является Ю.П. Кардашев.

Идет время, меняются политические системы и политические карты, но каждая новая власть старается приспособить далекие события на «Потемкине» под свои интересы. В советское время шла историческая большевизация участников мятежа, сейчас дуют иные ветры, и большевики нынче не в моде. Ныне предприимчивее всех оказались украинские власти, которые, внезапно для всего цивилизованного человечества объявили, что мятеж на «Потемкине» был вовсе не революционным восстанием, а первым демаршем украинских самостийщиков против российских оккупантов и образцом создания первой в истории мира плавучей казацкой республики! Думаете, бред, ан нет!

«Борт восставшего в июне 1905 года “Потемкина”, — пишет в официальном печатном издании Министерства обороны Украины “Вiйсько України” некто Данило Кулиняк, — который под малиновым казачьим флагом одиннадцать суток был островом свободы, плавучей казачьей республикой, свободной от русского царизма, можно полностью назвать кораблем украинской революции на Черном море и предтечей общеукраинской революции 1917—1918 годов. Ведь восстание было наиболее ярким проявлением народного гнева на Черноморском флоте, который в то время был преимущественно украинским».

По словам автора, бунт начался с призыва Григория Вакуленчука на украинском языке: «Та доки ж ми будемо рабами!» («До каких пор мы будем рабами!») Увы, автору невдомек, что бедный Вакуленчук ни к какому восстанию никого не призывал, а наоборот, старался его не допустить, так что скорее он мог кричать: «Пидемо, хлопци, исты боршь, вин сегодни наваристий!»

Главными аргументами своей версии автор «казачьей республики» считает, что на «Потемкине» служили уроженцы Малороссии Панас

Матюшенко да Олександр Коваленко, что «Кобзарь» Тараса Шевченко «был любимой книжкой потемкинцев», и его поэзия «распространялась по всему Черноморскому флоту», а тот же Афанасий-Панас Матюшенко в свободное от вахты время нежно играл на бандуре. Однако помимо малороссов на «Потемкине», как известно, служили и великороссы и белорусы. Экипаж броненосца вообще был интернационален. Любопытно, почему же жаждавшие казачьей вольности матросы начали мятеж именно с убийства прямого потомка запорожских атаманов капитана 2-го ранга Гиляровского, его бы им и крикнуть на круге в свои атаманы! Неизвестно, откуда украинским историкам известны литературные вкусы черноморцев в 1905 году, читательские книжки их, может быть, изучали? А что если на самом деле черноморцы и гоголевскою «Бульбу» почитывали, и Пушкина полистывали, и о Толстом спорили? Возможно, что и над «Энеидой» Котляревского смеялись с удовольствием. Нельзя же все время одного «Кобзаря» талдычить! Честно говоря, мне трудно представить маньяка Матюшенко с бандурой в руках и томом «Кобзаря» под мышкой, и уж совсем невозможно представить лидеров этой казацкой республики Березовского и Фельдмана в казачьих шароварах с оселедцами и пейсами! То-то бы перевернулся в своем гробу старик Хмельницкий!

Глава двадцатая.
ПОТЕМКИНЦЫ В РАССЕЯНИИ

По приходу броненосца в Румынию, как мы уже говорили, команда была сразу же свезена на берег. Власти Констанцы прислали вооруженный конвой для сопровождения потемкинцев. Увидев его, матросы решили, что их заманили в ловушку, арестуют и передадут российским властям Началась паника, дело едва не дошло до драки. Кое-как матросов успокоили. Местные жители с любопытством глядели на колонны русских мятежников, бредущих под конвоем по городу. Участник восстания минный машинист Шестидесятый впоследствии вспоминал: «На берегу в это время собралось много народа. Многие приехали из далеких мест, чтобы посмотреть на революционный броненосец, на смелых моряков. Я с благодарностью вспоминаю встречу румынских граждан с потемкинцами — так тепло, так дружески приветливо встретили нас на берегу. Я и сейчас не могу вспомнить без волнения те минуты встречи, особенно с рабочими. Этот день был каким-то праздником в Констанце. Некоторые граждане обменяли свои котелки и шляпы на матросские бескозырки с георгиевской лентой. Многих потемкинцев румыны разобрали к себе по квартирам, остальные были размещены в казенных зданиях. На следующий день потемкинцы отправились искать работу. Специалисты попали в мастерские, а остальные поехали на сельские работы».

Отныне каждый был предоставлен самому себе. Без денег, без знания иностранных языков, без помощи «братьев-революционеров» никому не нужные «потемкинцы» разбрелись во все стороны. Из письма матроса Д.И. Горелова из Румынии: «Я остался голый и босый среди зимы и вдобавок без куска хлеба».

Несколько десятков из них почти сразу же вернулись на свой корабль, едва в Констанцию пришла Черноморская эскадра, чтобы увести «Потемкин» в Севастополь. Вернувшиеся матросы (конечно, это были те, кто не принимал активного участия в мятеже) активно помогали в подготовке корабля к переходу и участвовали в его проведении. Но об этом факте у нас вспоминать не любят.

Впрочем, нескольким членов экипажа помощь и поддержка все же была оказана. К примеру, Матюшенко сразу же был отделен от всей остальной команды (судьба которой отныне никого уже не интересовала) и

переправлен румынским революционером Гереа-Доброджану (Константин Кац) в Швейцарию. Перед отъездом Матюшенко Денисенко присутствовал при разговоре того с неким революционером-провокатором князем Хилковым, который планировал новые революционные акции, но уже в Петербурге. Душой этих революционных выступлений должны были быть поп Гапон и Матюшенко. По воспоминаниям Фельдмана, «Матюшенко никогда не был сознательным социал-демократом, хотя и любил называть себя таковым».

Хорошо известна картина; В.И. Ленин беседует с матросом Матюшенко. На картине Матюшенко что-то увлеченно рассказывает Ленину, который внимательно его слушает. Рядом на диване с беседующими сидит и Н.К. Крупская, которая тоже с интересом слушает главного «потемкинца».

Что здесь правда, а что ложь? О факте такой встречи говорят многие источники, однако почему-то никто не говорит, что эта встреча не имела никакого продолжения. Ни Ленин, ни Матюшенко не пожелали больше ни встречаться, ни тем более сотрудничать. Почему? Можно только предположить, что идеи большевиков показались слишком умеренными и слишком далекими для нетерпеливого и вошедшего во вкус восстаний и мятежей матроса. Со своей стороны, Ленина могла отпугнуть неприкрытая кровожадность собеседника, которая при его весьма низкой эрудиции и образованности производила, скорее всего, самое гнетущее впечатление. Если к этому прибавить эпатажно-хамское поведение в обществе, которое неизменно демонстрировал эмигрантам Матюшенко, и его избалованность всеобщим вниманием и славой, то понять руководителя большевистской партии вполне можно. От таких личностей, как Матюшенко, лучше было держаться подальше. Пользы от них уже не могло быть никакой, зато скандалов и крови могло быть много.

О встрече Матюшенко с Лениным оставила свои вспоминания Крупская. Встреча, оказывается, была еще та! Супруги Ульяновы, как интеллигентные люди, пригласили героического потемкинца на чашку чая. Помимо него был приглашен еще некий молодой социалист, имя которого Крупская не указывает. За чаем начался спор о крестьянах и Матюшенко, обложив всех присутствующих трехэтажным матом, схватил социалиста за грудки. «Не знаю, до чего бы дошло, — писала Крупская, — если бы не… Ильич». Ленин быстро утащил разъяренного потемкинца в другую комнату, а Крупская «постаралась поскорее сплавить парня». Больше, как мы уже знаем, Ленин желания общаться со знаменитым потемкинцем не высказывал.

Из воспоминаний анархиста Г. Сандомирского: «Флотское звание его (Матюшенко. — *В.Ш.)* было, кажется, боцманмат. Если я и ошибаюсь формально, то звание это как нельзя более соответствовало его угрюмому облику низкорослого моряка, грузно ступающего слегка искривленными тяжелыми ногами… В анархических сферах Матюшенко занимал позицию самую крайнюю. Босяки, безработные и вообще все те элементы, которые обычно подводятся под понятие “люмпен-пролетариата”, занимали его внимание гораздо больше, чем “сытые, разжиревшие мещане” из квалифицированных рабочих».

Не были тайной для других революционеров и садистские наклонности унтера с «Потемкина». По воспоминаниям Фельдмана, Матюшенко хвастался ему, что из семерых офицеров он собственноручно убил пятерых. До нас дошли слова ветерана потемкинского восстания Шестидесятого, сказанные им уже в 60-х годах о Матюшенко. Со слов старейшей сотрудницы музея Черноморского флота Генриетты Васильевны Парамоновой, знавшей Шестидесятого на протяжении многих десятков лет, он однажды, находясь еще в полной памяти, вспоминая о Матюшенко, сказал ей следующее: «Это был страшный человек, настоящий садист, которому убийство безоружных офицеров доставляло настоящее удовольствие. Он-то и начал расправу с ними, хотя это было совсем никому не нужно».

Впрочем, и сам маститый старец Шестидесятый в молодости не был агнцем божиим. Согласно документам следствия, он лично участвовал в убийстве лейтенанта Тона, арестовывал старшего механика подполковника Цветкова и кондуктора Бордюкова, предлагал выбросить за борт тяжелораненого мичмана Бахтина, являлся он и одним из инициаторов обстрела Одессы.

В воспоминаниях Г. Сандомирского, в целом благоволившего к Матюшенко, то и дело встречаются такие высказывания: «Верный своему босяцкому происхождению Матюшенко», «В редкие минуты добродушия, находившие на Матюшенко, он снисходительно посмеивался».., «Матюшенко, с аппетитом уплетая поданное нам блюдо, начал самым немилосердным образом “крыть” гостеприимных хозяев (эсеры Гольдсмиты. — В.Ш.) за их “толстовские” взгляды… Я с ужасом слушал эту отповедь Матюшенко…» Что и говорить, даже в этих высказываниях личность вырисовывается весьма малоприятная.

Тем временем Матюшенко, ставший модным «героем революции», общался и с «пролетарским» писателем Горьким, и с социалистом Раковским, и с эсером-предателем Азефом, и с эсером-террористом

Савинковым, и даже с попом-провокатором Талоном. Все проявляли несомненный интерес к главному «потемкинцу». Но после первого же общения большинство больше видеть его уже не желало. Мода на Матюшенко прошла очень быстро.

Буквально за несколько месяцев Матюшенко насмерть переругался и со всеми видными революционерами. На Горького, к примеру, он обозлился, увидев того ехавшего по улице на автомобиле, а социалиста Жореса он едва не отлупил прямо на митинге. Как пишет эсерка-террористка Ивановская, в 1907 году видевшая Матюшенко в Женеве, тот был разочарован тем, что лидеры революционеров, находящиеся в эмиграции, вершат судьбы тех, кто непосредственно участвует в революции в России. Под революцией он понимал исключительно грабежи банков и убийство интеллигентов и офицеров. Чтение трудов Маркса он объявил глупым и ненужным делом, уделом все тех же «очкастых интеллигентов». Уделом же настоящих революционеров, по его мнению, должны были быть револьвер и бомба. От Талона Матюшенко, к примеру, хотел получить деньги на организацию матросского отряда «смерти», который должен был пробраться в Петербург и устроить там всем беспощадный террор. Гапон деньги обещал, но так их и не дал, потому как сам был повешен за измену соратниками-эсерами.

Любопытно, что Матюшенко вместе с Талоном планировал организовать некий поход вооруженного отряда матросов-потемкинцев в Россию, чтобы начать новую революцию. Но против этой безумной идеи выступил куда более популярный среди команды машинный квартирмейстер Степан Денисенко, и затея провалилась.

Известный эсер-террорист Б.В. Савинков якобы лично предлагал Матюшенко стать профессиональным эсером-террористом. Тот был в принципе не против, но ему не понравились аристократизм и интеллигентность Савинкова. Так и не договорившись, две революционные знаменитости расстались.

Одни считали Матюшенко социал-демократом, другие — эсером, третьи — анархистом. Сам он о себе говорил так: «Я не признаю никаких партий, для меня хороши все, кто бьет это правительство, и кто его сильнее бьет, те для меня лучше». Это высказывание Матюшенко я приводил уже выше, но в данном случае оно, думается, характеризует уже не столько общее отношение к партиям потемкинцев, а личное отношение к партийным функционерам самого Матюшенко.

В воспоминаниях революционеров-эмигрантов, встречавшихся с Матюшенко, они единодушно описывают его как крайне неумного,

хамоватого авантюриста, патологически любившего рассказывать о своих убийствах. Немудрено, что от него практически все отшатнулись. В эмигрантской среде Матюшенко быстро становится одиозной личностью, всякий интерес к нему пропадает. В 1907 году Матюшенко опубликовал в журнале «Буревестник» статью «Своим бывшим учителям». Этот документ интересен как исповедь человека, пришедшего к крайним антиинтеллигентским выводам Короче говоря, в статье Матюшенко открыто призвал вешать всех умников-интеллигентов, от монархистов до социалистов.

Встречаясь с руководителями революционных партий, Матюшенко явно ищет покровителей и быстро их находит. Во время своего пребывания в Швейцарии, а затем и в Нью-Йорке, Матюшенко существует исключительно за счет еврейской «демократической» эмиграции. Особенно же теплые отношения сложились у него в это время с Азефом Из воспоминаний «потемкинца» Денисенко: «С Матюшенко я снова встретился в Нью-Йорке. Когда я приехал в Монреаль, я застал там письмо от него, в котором он писал мне; “Ну, чего застрял там? Приезжай в Нью-Йорк — будем делать революцию и бить «социалистов»!” Я отправился туда и нашел, что, действительно, бить их нужно было, за исключением доктора Каплана, Зиновьева и Каца…» Но в США «делать революцию и бить социалистов» Матюшенко не дали и быстро его оттуда попросили.

После долгих метаний по всем партиям Матюшенко в конце концов примкнул к «Южнорусской группе анархистов-синдикалистов» Новомирского, сторонника антиинтеллигентской линии в анархизме. Группа Новомирского была, по существу, самой настоящей бандой, давно вышедшей из подчинения ЦК партии анархистов и промышлявшей на свой страх и риск убийствами и эксами. Это были как раз люди, наиболее близкие Матюшенко по духу. С «новомирцами» он нелегально переправляется в Россию «делать новую революцию».

Последующая судьба Матюшенко была, впрочем, печальной. Такие одиозные личности не могли долго жить. Матюшенко должен был повторить судьбу лейтенанта Шмидта и попа Гапона, Первого убили враги, а второго — соратники. Матюшенко повторил судьбу сразу обоих. С главным «потемкинцем» был разыгран средний вариант: его сдали врагам свои же соратники. Вскоре по заданию эсеров он вернулся в Россию, чтобы организовать ряд террористических актов в южных губерниях. В июне 1907 года он возвратился в Россию под чужой фамилией, но был схвачен в Николаеве, как член группы анархистов-синдикалистов, и опознан одним из филеров. Затем арестованного Матюшенко опознал на очной ставке и

бывший мичман с «Потемкина» Бахтин, ставший к этому времени уже лейтенантом. Это был тот самый Бахтин, которого в день мятежа Матюшенко лично избивал прикладом.

20 октября 1907 года по приговору военно-морского суда Матюшенко был повешен во внутреннем дворе севастопольской тюрьмы.

Отметим, что из всей команды мятежного «Потемкина» Матюшенко был единственным, кому не заменили повешение 15-летней каторгой.

Вешал его известный в то время на юге России палач А.И. Жекмаки. В списке жертв палача, который тот скрупулезно вел и который насчитывал около трехсот человек, осталась следующая запись: «Севастополь. Матрос Матюшенко с “Потемкина”, с 19 на 20 октября 1907 года».

В эмигрантских кругах говорили, что одиозная фигура Матюшенко ко времени его ареста уже начала вредить делу революции, и он был просто сдан властям Азефом с молчаливого согласия партии эсеров. Отметим, что после смерти Матюшенко ни одна из партий (включая анархистов) так и не причислила казненного потемкинца к сонму своих героев-мучеников за дело революции.

*** * ***

А вот Косте Фельдману, в отличие от его подельника Матюшенко, удалось из-под ареста бежать. Через несколько дней после поимки, еще в Феодосии, к двери камеры, где он сидел, подошел какой-то солдат-еврей. Назвался Иосиком Мочедлобером и предложил свою помощь для побега. Но не сдержался, горяч, видно, был: не помогли Фельдману, попытался убить начальника гарнизона полковника Герцыка. Попытка, однако, не удалась. Видимо, солдатом Иосик Мочедлобер был неважным. Стрелял он в упор в полковника аж три раза, но ни разу так и не попал, зато смертельно ранил стоявшего неподалеку безвинного солдата, за что и был повешен. Тем временем штабс-капитан Померанцев, допрашивавший Фельдмана, установил, кто такой на самом деле есть Матвей Иванов (так Фельдман называл себя, когда проник на броненосец).

После этого Фельдмана перевезли в Севастополь, где начальником военной гауптвахты был некий ефрейтор Бурцев. Фельдман, надо полагать, время не терял и начал сразу же обещать ефрейтору золотые горы за свою свободу.

Из воспоминаний Фельдмана: «Бурцеву нужны были деньги, и он, узнав, какая “птица сидит в его клетке”, решил разбогатеть, организовав

Фельдману (о себе в мемуарах Фельдман писал в третьем лице. — *В.Ш.)* побег. Сначала хотели усыпить часового папиросами. Но потом возник другой вариант — найти среди солдат-охранников еврея. Бурцев верил, что каждый еврей сочувствует революции, и стоит ему сказать одно слово, чтобы заставить его действовать с ним.

— Уж ты, Костинька, подожди, — часто говорил он мне, — только придет на этот пост часовой-еврей! Как придет, так сейчас и уйдешь, — в этом не сомневайся! Эх, евреи — золотой народ! — заключал он, захлебываясь от восторга».

Сомневаюсь, прав ли он был вообще в своей вере в «еврейскую революционность», но на этот раз «еврейство» не обмануло его… Как-то утром Бурцев подошел к моей камере и сказал: «Сегодня в третьей смене часовой-еврей, действуй!»

И таким солдатом-евреем оказался некий Штрык. Он согласился помочь бежать Фельдману, но, разумеется, за хорошие деньги, сославшись на извечное, что он бедный еврей. Свою долю, несомненно, запросил и ефрейтор Бурцев. Через него Фельдман передал на волю записку на организацию побега нужна тысяча рублей. В какой пропорции эти деньги делились между Бурцевым и Штрыком, мы не знаем. К побегу были подключены: от Одесской организации Бунда брат Фельдмана Самуил по кличке «Евгений», от Киевской организации — Коган («Андрей») и Зборовский («Федор»), от Крымской организации — Каторович и известный впоследствии большевик Адольф Абрамович Иоффе, который и вывез Фельдмана за границу, через всю ту же Румынию. Заметим, что охраняли все же Фельдмана весьма неважно, если всего один часовой смог организовать побег. Любопытно и то, что в своих воспоминаниях Фельдман не упоминает о встречах в Румынии с потемкинцами, которые тогда неприкаянно шатались по всей Румынии. Профессиональному революционеру они уже были неинтересны, как отработанный материал. Да и торопился он в Германию на заслуженный отдых.

Деньги на побег выделили берлинская группа Бунда, которая оказывала материальную помощь «российской революционной эмиграции», и немецкий фабрикант Юлиус Герсон. На деньги германских социал-демократов был подготовлен контрабандный переход русско-румынской границы, а затем и германской, и через несколько дней на квартире Карла Либкнехта (Гарнштейна) Костя Фельдман подробно рассказал о своих приключениях.

*** * ***

В феврале 1917 года Фельдман вернулся в Россию, где подвизался при вице-адмирале Колчаке на Черноморском флоте и истово, как истинный правоверный эсер, проводил в жизнь политику Временного правительства. Затем Фельдман был делегирован Колчаком на Балтику, чтобы агитировать балтийцев за Временное правительство против социалистических идей. С приходом к власти большевиков умный Фельдман сразу же переписался к ним в партию и служил столь же преданно, как ранее и эсерам. Однако, помня его эсеровское прошлое, особой карьеры Фельдман при большевиках не сделал. А потому уже с начала 30-х годов выступал с бесконечными беседами о восстании на «Потемкине» и о своей руководящей роли в нем. При этом Фельдман очень любил порассуждать о причинах поражения мятежа (считал, что из-за недостатка революционной решимости моряков), написал мемуары, книжки о восстании для детей и даже снялся в фильме Эйзенштейна в роли… самого себя. Видимо, войдя во вкус творческой деятельности, К. Фельдман со временем получил известность как критик и драматург.

Вспомним, что Фельдман был эмиссаром одесских революционных кругов, которые помимо всего прочего желали использовать мятеж Черноморского флота для создания некой Южнорусской республики, которая бы стала временным Израилем для скитающегося по всему миру народа. В этой связи любопытна последующая дружба Фельдмана с Эйзенштейном. Не он ли подсказал режиссеру идею о создании Крымской автономной еврейской республики? Ведь именно в середине двадцатых годов группа советских и партийных руководителей во главе с Троцким инициировала вопрос о создании еврейской автономии в Крыму.

И, возможно, совсем не случайно в августе 1920 года будущий кинорежиссер Эйзенштейн был принят в ложу розенкрейцеров одним из лидеров этого ордена Б. Зубакиным, а два года спустя продолжил активное сотрудничество в московском отделении ложи — «Ордене Духа», а затем и в ложе «Ордене Света». Впрочем, все инициации о новой Крымской автономии пресек Сталин, образовав еврейскую автономию, но не в Крыму, о чем мечталось, а в Приморском крае на границе с Китаем

В 1925 году К. Фельдман проходил по делу о финансовых злоупотреблениях на «Мосфильме». Подворовывал наш герой, однако выкрутился из-за своего революционного прошлого, да и милиционеры постеснялись тащить на нары героя «Потемкина».

В 1937 году момент истины для Фельдмана все же наступил — он был репрессирован, но как-то и здесь выкрутился. В 1957 году, как ветеран революции, даже стал персональным пенсионером. Свою книгу о восстании на «Потемкине» Фельдман издавал всю оставшуюся жизнь, причем не как переиздания, а каждый раз под новым названием, т.е. как новую книгу, чтобы не терять гонорары. Фельдманский опус издавался в 1917, 1920, 1924, 1937, 1938, 1955 и в 1964 годах, а между выпусками книг бывший потемкинец пробавлялся бесконечными статьями и воспоминания, выступал (не бесплатно) с лекциями в системе общества «Знание», так что бывший меньшевик никогда особенно не бедствовал, ни в 1917 году, ни в 1964-м

Умер Фельдман, окруженный почетом и уважением, в 1968 году. При весьма тесных контактах Фельдмана с сионистами, сепаратистами и масонами остается только удивляться его продолжительной жизни. Впрочем, возможно, в этих контактах и кроется сама разгадка.

Другу и соратнику Фельдмана по «Потемкину» Березовскому повезло меньше, и в 1937 году он получил свою вполне заслуженную пулю в застенках НКВД. Следы ефрейтор Бурцева и рядового Штрыка, бежавших вместе с Фельдманом, затерялись где-то в Румынии.

Судьба жестоко покарала тех, кто прямо или косвенно пытался погреть на потемкинском мятеже руки. Так, куратор Фельдмана и Березовского Иоффе покончил жизнь самоубийством в 1927 году. Карл Либкнехт, финансировавший побег Фельдмана и его приезд в Берлин, расстрелян в 1919 году за попытку взять власть в Германии. В 1905 году в Констанце потемкинцев встречал социалист Раковский, чтобы «передать привет от европейского пролетариата и вдохнуть в их усталые души энергию к новой борьбе». Привет он передал, но в 1938 году за попытку государственного переворота в СССР был расстрелян.

Посланник Ленина М.И. Васильев-Южин, ехавший возглавить восстание, но так и не успевший попасть на «Потемкин», тоже получил в свое время по заслугам. В жизни этого профессионального революционера эпизод поездки на «Потемкин» (которого он так и не увидел в глаза) оказался самым заметным в его жизни. Если сейчас историки и вспоминают когда Васильева-Южина, то только по той причине, что он ехал, но не доехал…

Вообще, Васильев-Южин был личностью в своем роде примечательной. Сын пятигорского рабочего, отучившийся поочередно на физико-математическом факультете Московского университета и на юридическом факультете Юрьевского (Тартусского) университета. А нам

говорят, что при царизме рабочие плохо жили! Попробуй сейчас простому работяге выучить сына в двух самых престижных вузах страны, да еще по столь престижным специальностям! Впрочем, возможно, что свое рабочее происхождение несостоявшийся «потемкинец» просто выдумал для пользы общего дела.

После неудачи с «Потемкиным» Васильев-Южин объявляется в Москве, где агитирует рабочих брать в руки револьверы и идти убивать полицейских и казаков. Затем он вроде бы входит в состав исполнительной комиссии Московского комитета по руководству вооруженным мятежом, но когда в Москве запахло жареным, вовремя оттуда удирает. Затем Васильев-Южин объявляется в Баку, где знакомится со многими тамошними революционерами, в т.ч. и со Сталиным. Заметим, что Васильева-Южина все время арестовывали, чуть ли не ежегодно, но по какой-то неведомой причине всегда быстро отпускали — то ли улик не находили, то ли слово какое знал заветное… Уставши освобождаться от ежегодных арестов, революционер отправился на заслуженный отдых в Швейцарию. В феврале 1917 года он внезапно объявляется в Саратове, где, разумеется, готовит очередной вооруженный мятеж. После октября 1917 года Васильев-Южин сразу же становится чекистом, участвует в замене полиции на милицию, активно участвует в подавлении восстания в Тамбовской губернии, отличаясь при этом патологической жестокостью к крестьянам, лично руководя массовыми расстрелами не только пленных повстанцев и сочувствующих им, но и просто заложников. После Гражданской войны Васильев-Южин — уже один из руководителей советской прокуратуры, затем в течение долгих тринадцати лет трудится заместителем председателя Верховного суда СССР. Именно на этом посту Васильев-Южин много сделал для того, чтобы тогдашняя советская юстиция в своих действиях руководствовалась не законностью, а «пролетарским сознанием» и «революционной необходимостью».

В 1937 году «революционная необходимость» добралась наконец-то до него самого. И Васильева-Южина расстреляли. Двадцать лет спустя Хрущев велел реабилитировать старого большевика, и напрасно. Все произошло именно так, как и должно было произойти, — революция просто сожрала одного из многих своих птенцов.

*** * ***

По свидетельству Г. фон Гельмерсена, незадолго до начала

ноябрьского восстания 1905 года в Севастополе во главе с лейтенантом Шмидтом группа арестованных потемкинцев содержалась на транспорте «Днепр» в ожидании суда. Когда на «Днепр» прибыли посланцы Шмидта, то арестованные неожиданно наотрез отказались освобождаться и попросту выгнали своих «освободителей». Гельмерсен в своих воспоминаниях пишет так: «На предложения Шмидта присоединиться к нему они (бывшие потемкинцы. — *В.Ш.)* ответили отказом, говоря, что хотят очиститься по суду и что им не годится участвовать в беспорядках». С пониманием власти отнеслись даже к тем потемкинцам, кто поверил Шмидту. Потемкинец Герасим Хаценко при обстреле «Очакова», к примеру, был тяжело ранен, ему оторвало ногу. Никто его не добивал, наоборот, прибывшие на горящий «Очаков» санитары оказали тяжелораненому мятежнику первую помощь и доставили в госпиталь. Там Хаценко лечился в течение 9 месяцев и как инвалид был помилован.

Поведение бывших матросов броненосца «Потемкин» было логичным и абсолютно правильным. Во-первых, под арестом на «Днепре» находились те матросы, которые после завершения потемкинской эпопеи добровольно вернулись в Россию. Среди них, по понятным причинам, не было ни зачинщиков мятежа, ни активных его участников. В Россию вернулись те, кто не чувствовал за собой особой вины и надеялся на снисхождение властей. И тут новый мятеж! Разумеется, сидевшие на «Днепре» потемкинцы (уже имея за плечами опыт предыдущей авантюры) прекрасно понимали, что очень скоро эйфория революционной безнаказанности пройдет, все вернется на круги своя и начнется новое разбирательство. Зачем же им снова наступать на грабли! Именно поэтому они и выставили недоумевающего Шмидта и его подельников с плавтюрьмы, оставшись добровольно сидеть под арестом. Как показали последующие события, опытные потемкинцы оказались совершенно правы. Кстати, во время судебного процесса по делу «Потемкина» их неприсоединение к севастопольскому мятежу было принято во внимание и серьезно облегчило их участь.

Как оказалось, российское законодательство оказалось совершенно не готово к такому событию, как мятеж команды крупного боевого корабля. Пришлось, что называется, «с колес» трансформировать судебное законодательство, чтобы дать в руки власти реальные рычаги воздействия на преступников. Уже в начале расследования над потемкинцами возникли серьезные разногласия между судебными инстанциями и командующим Черноморским флотом вице-адмиралом Чухниным.

Дело в том, что Г.П. Чухнин настаивал, чтобы матросов судили по 109-

й статье военно-морского устава о наказаниях, то есть судили за реально совершенное воинское преступление — вооруженный бунт. Судебные инстанции, наоборот, считали, что поскольку восстание на «Потемкине» имело «яркую революционную окраску», к матросам следует применить 100-ю статью Уголовного уложения, которая предусматривала наказание за попытку свержения существующей в стране власти.

При этом позиция Чухнина была более дальновидной и грамотной, так как в случае применения к мятежникам 100-й статьи Россия утрачивала формальное право требовать у Румынии выдачи восставших как «уголовных преступников», и потемкинцы сразу же получали статус «политических».

Тем временем по России множились слухи о том, что император Николая II якобы объявил о показательной казни потемкинцев перед эскадрой Черноморского флота и жителями опальной Одессы. Разумеется, ни о чем таком император не объявлял, но слухи множились и множились.

Всего, по свидетельству историка Ю.П. Кардашева, за двенадцать лет, с 1905 по 1917 год, по делу «Потемкина» было привлечено к суду 184 человека (примерно 24% команды). Из них один (Матюшенко) был приговорен к смертной казни, 12 человек получили от года до 15 лет каторги, 160 человек были отправлены в исправительно-арестантские отделения на срок от 6 месяцев до года и 11 человек были оправданы. Как мы видим, суд очень внимательно и скрупулезно рассматривал вину каждого из обвиняемых и определял наказание каждому не огульно, а с учетом реального участия каждого матроса в мятеже.

Совершенно не готово к реалиям «Потемкина» оказалось и Министерство иностранных дел. Застигнутые врасплох дипломаты не сумели обеспечить реальную поддержку в изоляции мятежников и выдаче их, как уголовных преступников, российскому правосудию. Наоборот, Турция воспользовалась историей с «Потемкиным», чтобы усилить оборону Босфора, поставив там дополнительные артиллерийские батареи. Это, в свою очередь, заставило Россию вносить коррективы в планы возможной атаки проливной зоны. Румыния отказалась выдать эмигрировавших матросов, демонстрируя, таким образом, демократичность и независимость своего политического курса. Что касается Болгарии, то великий князь Фердинанд выразил готовность арестовать и выдать мятежников в случае их высадки в Болгарии при условии, что это не будет предано огласке.

*** * ***

Судьба основной массы потемкинцев была весьма заурядна. Необразованные матросы были абсолютно чужды по мыслям и духу экзальтированной политической эмиграции, а потому нужды в них не было никакой. Использовать их в своих интересах не было ни для одной из партий никакого смысла. «Потемкин» свою роль на исторической сцене уже отыграл.

К слежке и попыткам ареста сбежавших за границу матросов были привлечены серьезные силы — органы охранки, внутренняя и зарубежная агентура, дипломатические и военные представители России за границей, полицейский аппарат ряда иностранных государств. Однако за весь период сыска, с 1905 до 1917 года, Департаменту полиции удалось выследить и арестовать только десять человек, в том числе и Матюшенко. Впрочем, такой результат и понятен, так как самые активные мятежники, за которыми, прежде всего, и шла охота, постарались убраться от границ России как можно дальше — кто в Канаду, а кто даже и в Аргентину.

Со сдачей корабля румынским властям вчерашние герои стали сразу же совершенно ненужными политической российской эмиграции, т.к. они являлись пролетариями. По всем революционным теориям, пролетариям отводилась роль беспрекословных исполнителей приказов революционной элиты. Включать же в свои элитные ряды таких пролетариев, тем более включать массово, ни эсеры, ни социал-демократы, ни даже анархисты оказались не готовы. Поэтому судьба подавляющего большинства потемкинцев была сразу же предрешена — их ждала лишь унизительная тяжелая работа, прозябание и нищета. Когда ранее все вместе они составляли команду мятежного броненосца, то руководство любой из партий посчитало бы за счастье взять их под свое крыло, но вне своего корабля они уже не представляли никакой ценности — это был просто отработанный материал.

Весьма любопытное свидетельство о пребывании потемкинцев в Румынии оставил Лев Троцкий: «Отношения между разными группами матросов были к этому времени (к моменту прихода броненосца в Румынию. — *В.Ш.)* до последней степени обостренные, и каждую минуту могла вспыхнуть кровавая схватка Доктор Раковский отправился на броненосец и заявил матросам, что на румынской территории они останутся неприкосновенными. 700 человек высадилось в Констанце. Много они тут горя приняли, — в чужой стране, без языка! Работали на

помещичьих полях, на нефтяных промыслах, на фабриках. Матюшенко пробовал устроить жизнь своих сотоварищей на коммунистических началах. Но это скоро расстроилось, особенно когда семейные стали выписывать из России жен и детей. Румынские власти первое время действительно не трогали матросов. Но после бурного крестьянского движения, прокатившегося в 1907 году по всей Румынии, началась бессмысленная полицейская травля матросов, которые к крестьянским волнениям не могли иметь никакого отношения, так как ни один из них тогда не говорил еще по-румынски. Большинство матросов потянулось в Америку, часть разбрелась по Европе, душ полтораста осталось в Румынии. Их все здесь очень ценят, как искусных и энергичных работников. Многие поженились на румынках и обзавелись домишками. В Плоештах один из матросов открыл пивную и назвал ее “Князь Потемкин”. Другой служил в вокзальном ресторане. Сильно “порумынился”, щеголевато одевается, носит желтые ботинки, в разговоре употребляет много чужих слов…»

Достаточно быстро никому не нужные матросы разъехались по всему белу свету, чтобы добывать себе пропитание тяжким трудом на чьих-то фермах и шахтах, проклиная тот день и час, когда дали уговорить себя принять участие в кровавом мятеже. Были умершие от голода, спившиеся и опустившиеся. Один из ближайших подручных Матюшенко матрос Демченко погиб, заблудившись в аргентинской степи, от голода и укусов гнуса.

В Урге (Монголия) каким-то образом оказался потемкинец Черепанов, который и погиб где-то в степях в 1921 году. Весьма причудливо сложилась судьба комендора с «Потемкина» Гончарова, который с кавказскими боевиками добрался до Персии и стал командующим артиллерией в отряде некого Сатгар-шаха, который намеревался свергнуть местного шаха и сесть на персидский престол. Поначалу удача сопутствовала Саттар-шаху, и в 1908 году он даже захватил Тебриз. Наверное, если бы Сатгар-шах захватил Персию, то бывший потемкинец стал бы как минимум каким-нибудь беем с вполне приличным гаремом. Но не случилось. Дела у Сатгар-шаха в дальнейшем пошли не столь успешно, он начал терпеть поражения, а в 1910 году Гончаров был убит.

Отдельные потемкинцы обосновались в США, в Канаде и даже в Австралии. Несколько бывших мятежников добрались даже до Сайгона, где влачили жалкое существование, работая грузчиками-кули и рикшами. Говорят, что аргентинцы якобы до сих пор благодарны эмигрировавшим в Аргентину потемкинцам, которые приучили тамошних жителей к употреблению гречки. Но это, согласитесь, небольшое утешение. Пожалуй,

лучше остальных устроился наиболее образованный из всех участников мятежа — инженер-механик поручик Коваленко, который преподавал математику в школе для детей русских эмигрантов в Женеве, где учился сын писателя Горького. Но Коваленко — скорее исключение из общего ряда.

Очень любопытны признания Льва Троцкого, прозвучавшие в его мемуарах «Новая полоса эмиграции ознаменовалась здесь высадкой “потемкинцев”».

Трудно представить себе тот ужас, в какой были повергнуты румынские власти появлением мятежного русского броненосца у берегов Констанцы в июне 1905 года. Они боялись принимать незваных гостей, еще больше боялись, что те, в случае отказа, начнут бомбардировать город; не знали, как им быть с русским правительством, если мятежники окажутся на румынской территории. В конце концов, все уладилось к общему удовольствию. Русские власти предложили принять броненосец и обещали не требовать выдачи матросов, лишь бы только корабль (цена ему около 30 миллионов) был возвращен в сохранности».

Признания Троцкого позволяют сделать несколько весьма серьезных выводов:

1. Матюшенко фактически бежал с броненосца, боясь кровавой расправы команды, до которой только сейчас дошло, в какую авантюру он всех втянул.

2. Положение потемкинцев было самое бедственное. Они сразу же оказались никому не нужны, ни революционерам, ни своему бывшему вожаку Матюшенко, ни румынам.

3. Полностью провалилась идея Матюшенко превратить часть своих бывших сослуживцев в своих собственных рабов, путем создания лично подчиненной ему некой революционной коммуны.

4. Бывшие ниспровергатели царизма сразу же забыли обо всех своих недавних амбициях. Революцией они были уже сыты, и теперь превратились в нищих и беспрекословных работников, которых использовали за нищенские зарплаты на самых тяжелых работах.

Троцкий признает, что больше ни в каких революционных выступлениях потемкинцы не участвовали.

Часть матросов постепенно вернулась в Россию. Некоторых арестовали и осудили. Кому-то удалось остаться незамеченными.

Историк Б. Никольский отмечает: «В этой связи своевременно будет вспомнить о том, что при организации военного суда над матросами… общественным защитником от флота был назначен лейтенант А.В. Немитц,

будущий командующий Черноморским флотом при Временном правительстве, сместившим А.В. Колчака в угоду корпоративным целям масонской группировки, возглавляемой Керенским В связи с событиями в Одессе, среди “особо информированных” севастопольских дам прошел слух о том, что восстание на “Потемкине” возглавил лейтенант Шмидт, успевший к тому времени оставить свой заметный след не только среди “поборников свободы”, но и среди дам севастопольского общества».

Некоторые бывшие потемкинцы впоследствии воевали в годы Гражданской войны в Красной армии. Матрос Чубук, к примеру, стал кавалерийским комиссаром, матрос Кульков командовал стрелковым полком, а матрос Спинов стал контрразведчиком-чекистом. Некоторые потемкинцы, вернувшись в СССР, нашли себя в новом государстве. В 1935 году Президиумом ВЦИК было принято решение установить оставшимся в живых ветеранам потемкинского мятежа персональные пенсии, а в 1955 году в ознаменование 50-летия восстания все жившие к тому времени потемкинцы были награждены медалью «За отвагу».

*** * ***

Что касается призванного из запаса прапорщика Д.П. Алексеева (до призыва он плавал штурманом на судне в Азовском море), то он вел себя во время мятежа вообще достаточно странно. Как оказывается, еще до восстания он докладывал командиру корабля о неблагонадежности матросов Сырова и Спинова. Во время начавшейся стрельбы вначале спрятался в адмиральском салоне, а потом появился на верхней палубе совершенно голый, так как вроде бы собирался бежать вплавь, но потом не решился. Вид перепуганного и голого прапорщика рассмешил матросов, и те не стали его убивать.

Вот как характеризует официального командира мятежного броненосца историк Ю.П. Кардашев: «После расстрела Е.Н. Голикова против своей воли назначен восставшими командиром корабля. Его власть командира была ограничена и подчинена воле судовой комиссии в работе, которой вынужден был принимать участие. Своими обязанностями тяготился и самостоятельно никаких действий не предпринимал. По собственным показаниям, считал своей главной задачей сохранение броненосца (“Насколько у меня хватало силы, не боясь смерти, шел против постановления комиссии”)… Отказался управлять кораблем во время “немого боя” с эскадрой адмирала А.Х. Кригера, не подписывал документы

судовой комиссии, предлагал увести броненосец в Севастополь и сдаться властям. Тем не менее, по оценке следственных органов, команда броненосца признавала Алексеева командиром и оказывала ему наружные знаки уважения. Неоднократно просил судовую комиссию отпустить его с броненосца, но каждый раз получал отказ. Совместно с младшим судовым врачом А.С. Голенко планировал арест членов судовой комиссии, но не нашел необходимого числа сторонников. Двойственное положение Д.П. Алексеева не вызывало к нему симпатий ни со стороны восставших матросов, ни находившихся под арестом офицеров корабля. Последние считали, что это был «глубоко несчастный человек, которому не хватало характера тут же покончить с собой». Судьба Алексеева будет печальной, и виной этому невольно станет он сам…

Однако прежде чем рассказать о финале жизни Алексеева, нам надо вспомнить еще одного участника событий на «Потемкине» — боцмана Мурзака, так как их судьбы оказались переплетены до самого конца.

Он, как известно, в дни мятежа вел себя крайне непоследовательно, выступая то за тех, то за этих. В начале мятежа его едва не расстрелян Матюшенко. Во время «немого боя» Мурзак неожиданно стал рьяным революционером и по собственной инициативе намеревался таранить броненосец «Ростислав». Потом он снова стал контрреволюционером и якобы был готов арестовать главарей мятежников вместе с врачом Голенко. Вернувшись в Россию из Румынии, Мурзак был исключен со службы, но за сотрудничество со следствием и активность в выявлении активных участников мятежа был прощен, как полностью раскаявшийся. После 1917 года Мурзак объявил себя старым революционером и выступал на матросских митингах (в том числе и на своем бывшем корабле) чуть ли не как руководитель восстания… В годы Гражданской войны он воевал на стороне красных, за что, будучи взят в плен, был расстрелян белыми. Произошло это при весьма необычных обстоятельствах.

В 1919 году в Феодосию вошли белые. Они сразу арестовали бывшего боцмана, который не успел убежать и выдавал себя за обычного рыбака. Может быть, ему как-то и удалось бы отвертеться, но в это время в Феодосию зашел пароход, где «штурманил» бывший невольный командир «Потемкина» Алексеев. Так как пароходик пришел из занятого красными порта, белые тут же арестовали всю его команду. Команде ничего страшного не грозило, просто их решили подержать для профилактики пару суток в камере. Там-то, в тюрьме, Алексеев и увидел Мурзака. Решив, что ему выпала редкая удача свести счеты со старым недругом, а заодно и выгородить себя, Алексеев сдал.

Мурзака белогвардейцам, не представляя, чем это для него обернется. Наверное, белогвардейские контрразведчики очень удивились, узнав, что у них в каталажке одновременно сидят бывший командир мятежного «Потемкина» и его старший помощник. Не разбираясь долго, кто из них больше виноват, они расстреляли обоих…

*** * ***

Ближайшие же друзья Матюшенко отличились и в дальнейшем. В 1906 году под Екатеринославом был пойман и повешен бывший потемкинец анархист Горобец, ставший профессиональным террористом, а в годы Гражданской войны «прославился» жестокостью один из сподвижников батьки Махно потемкинец Дерменжи, который всегда лично казнил пойманных офицеров и большевиков, вырезая первым погоны на плечах, а вторым звезды на спинах.

Некоторые бывшие ближайшие сподвижники Матюшенко поступили более хитро. Из письма активного матюшенковца Денисенко друзьям-потемкинцам в Румынию: «Вижу я теперь, что лучше умереть за святое дело народа, чем жить на чужой стороне и работать на проклятого буржуя. Живем мы здесь несколько русских, и как заработаем деньги, то сформируем военную дружину и придем на родину бить проклятых народных кровопийцев». Вскоре Денисенко действительно заработал хорошие деньги, но от замысла ехать «бить проклятых кровопийцев» почему-то сразу отказался, а вместо этого… купил себе приличную ферму. Спустя еще несколько лет Денисенко и вовсе стал преуспевающим фермером, на которого работало несколько десятков наемных рабочих А потому в 1917 году он предпочел навсегда остаться в Канаде, так как пришел к выводу, что лучше самому быть «проклятым кровопийцем», чем уничтожать оных.

Что касается уже знакомого нам минного машиниста Иллариона Шестидесятого, то из Констанцы он перебрался не куда-нибудь, а в благодатный Цюрих, откуда в 1908 году переехал в Канаду, где и жил под Монреалем, занимаясь бизнесом. На родину после революции Шестидесятый особо не торопился и вернулся только в 1923 году, когда его ферма обанкротилась и он разорился. Вернувшись в СССР, Шестидесятый, как и почти все остальные потемкинцы, объявил, что всегда был большевиком. На самом деле, по отзывам потемкинца Лычева, никаким большевиком Шестидесятый, разумеется, не был, а был матросом

«анархистско-эсеровского толка».

В советское время хорошую карьеру сделал бывший потемкинец Лычев, который стал вначале секретарем губкома РКП(б), а затем и генеральным консулом в Англии. Несколько бывших потемкинцев приняли участие и в Великой Отечественной войне. Так, бывший матрос Скляров воевал в 40-й Краснознаменной мотострелковой бригаде, а бывший потемкинец Чубук командовал партизанским отрядом в Ленинградской области.

Разные матросы служили на броненосце. Были и сорвиголовы, и авантюристы, были и вполне порядочные люди, патриоты своей Родины. Интересна в этой связи судьба кочегара Иллариона Малышева Призванный на флот, он попал в первый экипаж «Варяга», принимавший крейсер в Филадельфии, и прослужил на нем включительно до знаменитого боя при Чемульпо. После возвращения в Россию был отправлен до конца войны дослуживать на Черноморский флот и попал на «Потемкин». В мятеже никакого участия не принимал. Из Констанцы вернулся в Россию. До 1908 года работал в Печенге на добыче соли. В 1918 году оказался на линкоре «Свободная Россия» в Новороссийске и был участником затопления части Черноморского флота, не пожелавшей сдаваться немцам.

В 30-е годы возглавлял главную кочегарку Николаевского судостроительного завода, вырастил пять сыновей и проводил их на воинскую службу. В 1941 году, с началом Великой Отечественной войны, несмотря на возраст (62 года), вступил в народное ополчение, защищал Новороссийск. Затем сопровождал на Астраханский судоремонтный завод последний заводской эшелон со станками. В дальнейшем служил вольнонаемным комендантом эвакуационного госпиталя № 4946 под Сталинградом. Участник героической обороны города. Вдобавок к своему Георгиевскому кресту за Чемульпо был награжден медалью «За оборону Сталинграда». Умер Илларион Малышев от сердечного приступа там же, в госпитале под Сталинградом.

*** * ***

Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» (14—24 июня 1905 года), как мы уже знаем, застало командующего Черноморским флотом вице-адмирала Г.П. Чухнина в Петербурге, куда он выехал на обсуждение новой судостроительной программы.

Экстренно вернувшись в Севастополь, Чухнин начал принимать все

меры для поиска и захвата мятежного броненосца, отстранив от командования старшего флагмана Практической эскадры вице-адмирала Кригера, упустившего «Потемкина» около Одессы. Под своим началом Г.П.Чухнин вновь вывел эскадру в море для решительного поиска восставших, однако «Потемкин» к этому времени уже прибыл для интернирования в Констанцу. Никакого, даже отдаленного, сочувствия к мятежной команде Чухнин не испытывал. Отсюда его быстрые и решительные действия по подавлению матросских выступлений.

До осени Г.П. Чухнину удавалось контролировать ситуацию на Черноморском флоте. Где уговорами, где силой вице-адмирал сдерживал натиск революционного движения.

Осенью 1905 года началось Севастопольское восстание. Первыми поднялись береговые части, за ними крейсер «Очаков». Ситуация для Чухнина была крайне опасной, революционная агитация парализовала целые корабли. Вот тут-то и сказался еще один талант вице-адмирала — талант оратора и полемиста. Не страшась возможных покушений, Г.П.Чухнин объезжает корабли, выступает перед командами, убеждает сомневающихся, ободряет робеющих. По отзыву слушавших его знаменитые монологи, после выступлений Чухнина матросы плакали, а самого адмирала провожали с кораблей криками «Ура!». С восставшим «Очаковым» адмирал расправился быстро, решительно и жестоко, стремясь не дать развернуться революционному брожению по всему флоту. Николай II благодарил вице-адмирала за усердие в борьбе с врагами империи, революционеры — заочно приговорили к смерти.

Ну, с революционерами все понятно — Чухнин для них опаснейший враг, а какие реальные претензии предъявляли Чухнину сами матросы?

Бывший матрос с броненосца «Потемкин» И. Лычев в своей книге «Потемкинцы», к примеру, выдвинул «кровожадному Чухнину» следующую «предъяву»: «Он (Чухнин. — *В.Ш.)* воспретил матросам появление на главных улицах Севастополя», «запретил матросам ездить по городу на извозчике и они стали ездить на банабаке», а также «ввел отпускные записки в город вместо белого — красного цвета».

Для понимания этих обвинений поясним, что «банабаками» в Крыму традиционно называли одноконные коляски, управляемые крымскими татарами. Проезд на «банабаках» стоил весьма недорого, в отличие от лихачей-извозчиков. А потому в приказе Чухнина ездить на «банабаках» я вижу лишь заботу вице-адмирала о матросах, чтобы те по глупости не спускали зазря и так не слишком свои больше деньги.

То, что матросам не разрешалось бродить по центру Севастополя,

было, по моему мнению, для них только во благо, т.к. на Большой Морской и Екатерининской улицах всегда было много и офицеров, и патрулей, тогда как именно на окраине размещалось большинство недорогих развеселых заведений, где матросам можно было прекрасно отдохнуть. При этом, если офицерам рекомендовалось отдыхать на Приморском бульваре, то у матросов был свой не менее уютный Исторический бульвар, расположенный отнюдь не на городской окраине. Напомню, что и в советское время военнослужащим срочной службы и курсантам военно-морских училищ вполне официально запрещалось посещать рестораны и вечерние кафе, однако это ни у кого возмущения и желания восставать не вызывало. Ну а обвинение Лычева Чухнина в том, что тот поменял цвет увольнительных записок — это вообще полный идиотизм. На отпускных билетах, как мы видим, фантазия И. Лычева и иссякла.

Кстати, революционерам вообще угодить было невозможно. К примеру, когда сменивший Чухнина на посту главного командира Черноморского флота адмирал Скрыдлов (всегда отличавшийся большим либерализмом) стал ходатайствовать о смягчении наказаний для осужденных матросов, улучшил их бытовые условия и условия отдыха, вплоть до снижения цены в борделях, это вызвало у революционеров еще больший гнев. Скрыдлова они объявили еще более опасным врагом, чем Чухнин, на том основании, что он якобы хитростью пытается оттолкнуть черноморцев от революционной борьбы…

Г.П. Чухнин прекрасно понимал непопулярность своей политики и ясно сознавал свое одиночество перед лицом почти всего т.н. «образованного» русского общества. Так, в донесении от 17 ноября он писал: «Мы победили здесь революцию, за что на наши головы посыпятся проклятья со всех сторон, во всех газетах и устно на всех перекрестках, но не возвысятся русские голоса в одобрение или поддержку борцов за целостность государства».

После жесткого подавления ноябрьского мятежа 1905 года в Севастополе центральный комитет эсеровской партии приговорил Г.П. Чухнина к смертной казни. На вице-адмирала началась настоящая охота, к которой подключился и «первый террорист России» Борис Савенков. Рассматривались варианты покушения на Чухнина в городе, в штабе Черноморского флота и в летней резиденции командующего — даче «Голландия» на северной стороне Севастопольской бухты. Дача принадлежала Морскому ведомству, при ней находился большой фруктовый сад. Г.П. Чухнин был разносторонним человеком: хорошо рисовал, знал английский язык и очень любил садоводство.

Первое покушение на Г.П. Чухнина было неудачным. Приговор должна была привести в исполнение 23-летняя эсерка Екатерина Адольфовна Измаилович, младшая сестра другой известной революционерки, Александры Измаилович. За две недели до выстрелов младшей сестры старшая сестра стреляла в минского полицмейстера Норова.

27 января (по другим данным, 22 января) Екатерина Измаилович, назвавшись дочерью адмирала Чалеева, записалась на прием к командующему. Она просила выслушать ее по делу о пенсии вдове капитана 2-го ранга Славочинского, бывшего командира минного транспорта «Буг», погибшего во время ноябрьского восстания в Севастополе. Кратко изложив просьбу, Измаилович неожиданно достала браунинг и четырежды выстрелила в Чухнина, ранив его в плечо и в живот. Однако раненый вице-адмирал сумел все же выбить из ее рук пистолет, схватив террористку за руку, и две последние пули прошли мимо. Детали покушения Е. Измаилович дошли до нас в изложении ординарца Дубинина: «Говорит, хочу видеть адмирала. Доложили. Принял без задержки. Только эдак через минуту-две вдруг, бах, бах, бах! Как мы всегда неотлучно были при адмирале, вот первый я и вбежал. Стоит эта самая барышня одна, плюгавенькая, дохленькая и вся белая-белая как снег, стоит спокойно, не шевельнется, а револьвер на полу около ее ног валяется. “Это я стреляла в Чухнина, — говорит твердо, — за расстрел «Очакова»”. Смотрим, адмирала тут нет, только из другой комнаты выбежала жена его, кричит, как бы в безумии: “Берите ее, мерзавку… скорей берите”. Я, конечно, позвал своего постоянного подручного. И что бы вы думали? Смотрим, а наш адмирал-то уже вместе с женой закричал; “Берите скорей, берите ее!” Ну, вот мы ее сволокли во двор и там покончили быстро…»

Дубинин, выведя Е. Измаилович на караульный двор, привязал ее к столбу и расстрелял из винтовки. Отметим, что никакого конкретного указания для самосуда он от Чухнина не получал.

Раны Чухнина были тяжелыми, но не смертельными. Уже на следующий день он вернулся к работе, принимал доклады, делал распоряжения. Несмотря на то что охота на него не была окончена, Чухнин не просил ни отпуска, ни перевода на другую, более спокойную, должность.

Чухнина приговорили к смерти и потемкинцы из т.н. «галацкого комитета», группы бывших матросов собравшихся в румынском городке Галаце. Привести приговор в исполнение поручили почему-то санитарам Турбаеву и Черницыну. Почему именно им? Может, потому, что они лучше

других знали анатомию человека? Впрочем, Черницын во время событий у Тендры уже на деле доказал свою преданность революции, выбросив за борт своего тяжелораненого начальника — врача Смирнова, так что товарищ был вполне надежный.

Однако «галацкие мстители» опоздали… Что касается несостоявшегося убийцы бывшего санитара Черницына, то он подался в эсеры-боевики, впоследствии, в 1908 году, неоднократно участвовал в терактах под кличкой «Константин». Дальнейшая судьба Черницына неизвестна

Но вернемся к Чухнину. После неудачи Измаилович за дело взялся сам Борис Савинков. Под именем подпоручика Субботина он прибыл в Севастополь. Но ему не повезло. По стечению обстоятельств местная боевая дружина эсеров организовывала как раз в это время покушение на коменданта крепости генерал-лейтенанта Неплюева. В нем принимали участие гимназист Макаров и матрос Фролов. Их прикрывали четверо боевиков, находившихся в толпе. Когда 14 мая во время церковного парада у Владимирского собора Фролов попытался метнуть бомбу в коменданта, она взорвалась у него в руках, убив шестерых и ранив почти сорок севастопольцев. Макаров, бомба которого не взорвалась, был тут же арестован. После неудачного покушения в городе провели облаву, во время которой и был задержан только что приехавший Савинков. При нем нашли оружие, три фальшивых паспорта и крупную сумму русских и финских денег. Арестованного разместили на главной крепостной гауптвахте. Теперь уже надо было думать не об убийстве Чухнина, а о спасении его несостоявшегося убийцы. Сам Савинков был взбешен несанкционированным терактом местных эсеров, о котором ничего не знал, но не потому, что погибли ни в чем не повинные люди, а потому, что из-за этого сам угодил на нары.

Для организации побега в Севастополь прибыли его жена (дочь писателя Глеба Успенского) и мать, а также члены центральной боевой организации. Рассматривались самые невероятные сценарии побега — от вооруженного налета до усыпления караульных конфетами со снотворным. Через солдата-бундовца Израэля Кона была установлена связь с неким вольноопределяющимся Сулятицким, который за солидную сумму и организовал побег в ночь с 15 на 16 июля. Исполняя обязанности разводящего караула, он вывел переодетого в солдатскую форму Савинкова из здания гауптвахты. После побега Савинков десять дней скрывался в урочище Кара-Коба и на хуторе под Балаклавой. Попытка вывезти его на турецком парусном судне сорвалась. В конце концов загримированного

Савинкова переправили поездом в Петербург.

После второй неудачи эсеры стали разрабатывать новый вариант уничтожения адмирала на даче Голландия. В третьем покушении на Чухнина есть определенная загадка. Дело в том, что дачу обслуживали два садовника, В это время эсеры якобы вербуют некого отставного матроса Акимова. После этого его устраивают работать садовником на дачу и готовят к акции. Этим якобы занимался эсер Шевцов (впоследствии известный советский писатель Н.Н. Никандров). В напечатанных в журнале «Каторга и ссылка», № 5 (18) за 1925 год воспоминаниях «Как я убил усмирителя Черноморского флота адмирала Чухнина» утверждается, что Чухнина убил автор статьи, матрос Черноморского флота Я.С. Акимов. Впоследствии Никандров спрятал матроса Акимова, а затем переправил его в Петербург через Бахчисарай, откуда тот успешно был переправлен в Финляндию. Акимова снабдили браунингом и ружьем, заряженным крупной волчьей дробью. Долго ждали удобного момента, т.к. занятый делами вице-адмирал редко появлялся на своей госдаче. Когда же 28 июня Чухнин позвонил на дачу и сообщил, что он приедет, Акимов устроил засаду в саду и дважды выстрелил в проходившего мимо Чухнина, смертельно ранив его в щеку и грудь. Очевидцы утверждали, что вице-адмирал, падая на землю, успел удивленно произнести: «Мат-ро-оос?..» Удивительно, но, уже пораженный двумя смертельными пулями, Чухнин нашел в себе силы сделать ответный выстрел из револьвера.

На катере тяжелораненого командующего переправили на Павловский мыс во флотский госпиталь, где его принял врач Яблонский. Увы, раны Чухнина оказались несовместимыми с жизнью, и в половине первого ночи с 28 на 29 июня он скончался.

Впрочем, существует и другая версия этого покушения. Так, в статье писателя М. Лезинского «Севастополь литературный» говорится, что под псевдонимом «матроса Акимова» скрывался сам эсер Никандров (Шевцов). Что касается меня, то мне хочется верить, что в вице-адмирала Чухнина стрелял все же не русский матрос, а профессиональный террорист.

Решением офицерского собрания Черноморского флота, утвержденным Николаем II, Чухнина было велено похоронить в пантеоне черноморской славы — Владимирском соборе в Севастополе. 1 июля 1906 года под залпы броненосца «Ростислав» его похоронили. В 1917 году революционные матросы вскрыли склеп с телом Чухнина и, наглумившись над его останками, выбросили их на помойку…

Что касается вице-адмирала Александра Христиановича Кригера, возглавлявшего Черноморскую эскадру во время знаменитого «немого

боя», то «Потемкин» прошелся и по его судьбе.

В 1905 году Кригер занимал должность старшего флагмана практической эскадры ЧФ, а также временно исполнял обязанности главного командира Севастопольского порта. На время отсутствия вице-адмирала Чухнина исполнял обязанности главного командира Черноморского флота. После подавления мятежа на «Потемкине», несмотря на хорошие личные отношения с Николаем II, был уволен в отставку приказом от 1.8.1905 года за «медлительность и нерешительность в подавлении матросского бунта на “Потемкине”». Через год подал прошение о возвращении на службу, но оно было отклонено императором. До 1917 года проживал в Петрограде, дальше судьба А.Х. Кригера неизвестна

Младший флагман Черноморского флота контр-адмирал Федор Федорович Вишневецкий в 1906 году, как и Кригер, был уволен в отставку. Остался жить в Севастополе. В событиях Гражданской войны, будучи уже в преклонном возрасте, не участвовал. После эвакуации армии Врангеля в 1920 году остался доживать свой век в Севастополе. Дальнейшая судьба неизвестна. Вполне вероятно, что старик Вишневецкий стал жертвой чекистского разгула 1920—1921 годов в Крыму, впрочем, возможно, о нем все забыли, и отставной контр-адмирал смог спокойно дожить свой век.

Бывший мичман «Потемкина» Бахтин, чудом оставшийся в живых после издевательств Матюшенко и впоследствии опознавший его после ареста, в 1917 году, будучи уже в чине капитана 2-го ранга, был расстрелян анархиствующими матросами на Малаховом кургане, как участник событий на «Потемкине». Чудом уцелевший в бойне 1905 года, он не уцелел в бойне новой революции. Вместе с Бахтиным был расстрелян и бывший старший механик «Потемкина» полковник Н.Я. Цветков.

*** * ***

Некоторым потемкинцам пришлось побывать на своем родном броненосце еще раз. Так, бывший потемкинец матрос Дмитрий Голубов после разоружения «Потемкина» в Румынии вернулся в Россию с нашей эскадрой. Находился под арестом на борту «Пантелеймона» (бывший «Потемкин»). По приказу лейтенанта Шмидта в ноябре 1905 года был освобожден и перевезен на мятежный крейсер «Очаков». Во время обстрела крейсера был ранен, снят с корабля и доставлен в госпиталь, где лечился до января 1906 года. В суд его приносили на больничной койке. По

решению суда Голубов был оправдан. Другой освобожденный лейтенантом Шмидтом потемкинец, минно-машинный кондуктор Петр Журавкин, был взят заложником на «Очаков» с офицерами «Пантелеймона». «Когда началась стрельба из орудий по “Очакову”, — сообщал вице-адмирал Чухнин в рапорте морскому министру, — машинный кондуктор Журавкин отворил из кают-компании дверь, но был убит наповал часовым, стоящим у двери». В вахтенном журнале крейсера «Очаков» осталась следующая запись: «Убит мятежниками на крейсере “Очаков” 15 ноября».

Минный машинист «Потемкина» Тихон Мартьянов, как активный мятежник, был заочно приговорен к повешению, замененному после Октябрьского манифеста императора на 15 лет каторги, бежал из мест заключения и перебрался в Румынию. После революции он вернулся в Севастополь и, к всеобщему удивлению, определился снова служить на «Потемкин» (ставший к этому времени уже «Борцом за свободу») в качестве штатного «представителя героической команды 1905 года». Мартьянов был популярен среди черноморских матросов. По некоторым данным, именно с его подачи начались поиски и последующие расстрелы офицеров как из бывшей команды «Потемкина», так и принимавших участие в расследовании обстоятельств мятежа. В 1919 году Мартьянов был пойман и расстрелян белогвардейцами в Крыму.

Были и весьма любопытные истории. Так, потемкинец Кузьма Перелыгин, находясь в Румынии, уже в осенью 1905 года первым написал подробные воспоминания, с указанием множества фамилий участников событий и многочисленных деталей происшедшего. Текст воспоминаний подозрительно быстро попал в руки полиции, после чего данные воспоминаний были использованы во время следствия и суда над потемкинцами. После революции бывший корабельный писарь Перелыгин вернулся в Россию, где и опубликовал свои воспоминания в 1924 году. В 1935 году о воспоминаниях Перелыгина неожиданно вспомнили, причем вспомнили в НКВД, когда нашли текст его воспоминаний в делах заграничной агентуры департамента полиции. При чтении воспоминаний бывшего писаря оказалось, что они больше напоминают официальный отчет о действиях мятежников. В июле 1935 года начальник 12-го отдела главного в управления госбезопасности Эйдельман информировал ЦИК СССР, что «Перелыгин нами будет привлечен к ответственности», как осведомитель и провокатор. Однако чекисты опоздали, так как в 1935 году Перелыгин уже сидел за решеткой, отбывая срок за «неисправные столовые весы», а точнее, за жульничество в торговле. Сам Перелыгин в это время, именуя себя старым революционером-большевиком, молил о своем

досрочном освобождении «за былые заслуги перед революцией» Общество старых большевиков. Пока разбирались, как лучше посадить Перелыгина, посадили и расстреляли самого Эйдельмана, а потом и тех, кто посадил и расстрелял Эйдельмана. О доносчике Перелыгине как-то снова забыли, и он, теперь уже навсегда, исчез из поля зрения потомков.

Из воспоминаний старого севастопольца: «До Великой Отечественной войны в доме по соседству с домом моего прадеда жил участник мятежа на броненосце “Князь Потемкин-Таврический”. Бывший матрос 2-й статьи означенного броненосца, бывший политический каторжанин, идейный анархист и беспробудный пьяница — дядя Кроня. Кроня пользовался небывалым авторитетом среди корабельской молодежи и, естественно, у властей района и города, которые привлекали его к разнообразнейшим торжественным мероприятиям, посвященным всевозможным знаменательным датам и годовщинам Великой Октябрьской Социалистической революции. Ему даже справили полный матросский костюм, правда, советского образца, но хорошо стилизованный под 1905 год, дали пулеметную ленту со стреляными патронами и учебную ручную гранату, а на груди у него был пришпилен огромный красный бант. В таком виде он и появлялся на всех общественно значимых мероприятиях района и города. Дядя Кроня был счастлив таким признанием, как зеницу ока хранил свою замечательную форму одежды и прилагаемый к ней реквизит.

Значения имени “Кроня” я не знаю, это может быть что угодно — и фамилия, и имя, в конце концов, — просто кличка, его жена, тетя Варя, вспоминая о нем, говаривала: “мой Кронечка” и ревела белухой. Я сам, в своем юношеском максимализме, полагал, что эти рыдания необоснованны, так как от своих родителей знал, что в свое время этот Кронечка колотил ее нещадно, то есть бил смертным боем, и по пьянке и просто так, от настроения. Теперь, по прошествии жизни, я так не думаю…

Дядя Кроня имел ялик, что позволяло ему неплохо зарабатывать промыслом рыбы и перевозкой через севастопольские бухты городских обывателей, его жена продавала добытую им рыбу на Корабельском базаре. И все бы хорошо, если бы у Крони не было пагубной привычки — в пьяном недоумении прилюдно, по шалманам да забегаловкам, рассказывать о восстании на броненосце “Князь Потемкин-Таврический”.

К сожалению, на свою беду, излагал он не красивую, полностью соответствующую “Краткому курсу истории ВКП(б)” версию этих событий, а совсем другое предание — корявое и идейно невыдержанное. Это была какая-то навязчивая идея, Кроня постоянно твердил о ней своим собутыльникам, клятвенно уверяя их, что “усе так и було” и что из-за одной

паскудной гниды и собственной глупости многие хорошие хлопцы, да и он вместе с ними, сами себе жизнь под корень срубили. За эти деяния Кроню, в конце концов, арестовали и предали суду. Процесс был открытым. Протрезвевший за время предварительного заключения Кроня каялся, уверяя и судей и публику, что все его разговоры не от ехидства, а от неумеренного потребления “зеленого змия”, и что во всем виноват проклятый царизм.. По суду получил наш страстотерпец срок заключения —десять лет лагерей, и навсегда убыл в неведомые дали. По крайней мере, на Корабелке его больше никто и никогда не видел. Жену дяди Крони, тетю Варю, торговку жареными семечками, я до сих пор очень хорошо помню. Хорошо помню и ее доброе круглое лицо с постоянным выражением недоумения по поводу “посадки” мужа, героя-революционера, которое так и осталось с ней до самой ее смерти, случившейся где-то в конце шестидесятых годов прошлого века».

Крайне любопытно, что такого мог рассказывать о мятеже на «Потемкине» дядя Кроня, что угодил за свой рассказ на десять лет в лагеря, откуда уже больше не вернулся?

Разумеется, что, как это часто бывает в жизни, в истории с «Потемкиным» не обошлось и без самозванцев. Наряду с «сыновьями лейтенанта Шмидта» в СССР, как оказалось, действовали и многочисленные лжепотемкинцы, на самом деле не имевшие никакого отношения к событиям на мятежном броненосце. Но если «сыновья красного лейтенанта», как правило, являлись обычными «ворами на доверии» и дешевыми аферистами, то лжепотемкины были людьми солидными и респектабельными. Таким, к примеру, был некто К.Н. Орлов (настоящая фамилия И.Н. Егоров), написавший даже воспоминания о своем участии в мятеже, в котором никогда не участвовал. Такими были некие Ф.Т. Бармистров и И.Т. Чубук, сделавшие на своем мифическом участии в мятеже служебные карьеры, ставшие персональными пенсионерами всесоюзного значения и отхватившие в придачу ко всему, как участники знаменитого восстания, еще и по ордену Красной Звезды. Историк Ю.П. Кардашев вообще вынужден был признать в своем фундаментальном труде «Восстание. Броненосец “Потемкин” и его команда»: «Вообще число людей, необоснованно считавших себя участниками восстания, было в свое время достаточно велико. В практике работы РГА ВМФ известны десятки (!) случаев отрицательных ответов на запросы подтвердить службу на “Потемкине” тех или иных лиц». Так что проходимцев вокруг «потемкинской» темы, как мы понимаем, хватало.

Вот типичный образчик лжи вокруг революционеров-героев с

«Потемкина». По сообщению некого журналиста Э.Г. Дегодюка, «арестованный властями потемкинец матрос К.А. Шрамко попал в группу из матросов, которых должны были расстрелять. Но приговор отменили, заменив расстрел отправкой провинившейся команды в Маньчжурию на фронт. Домой в Лиман Шрамко вернулся с тремя Георгиевскими крестами…» Здесь вранье все, от первого слова до последнего! Во-первых, к расстрелу приговаривали только тех, кто лично участвовал в убийстве офицеров, и если уж кому-то из них по какой-то причине и смягчили приговор, то только на бессрочную каторгу, не меньше. Во-вторых, никакую «провинившуюся команду» с «Потемкина» ни на какой фронт никогда не отправляли. Потому, что такое наказание вообще не было приято в царской России, да и война в августе 1905 года с Японией уже закончилась и Шрамко уж никак не мог пройти достаточно долго длившееся следствие, суд и доехать до Маньчжурии до ее окончания. И уж тем более — получить сразу три Георгиевских креста. Ну и последнее: согласно наиболее полному и документально выверенному списку потемкинцев, сделанному историком Ю.П. Кардашевым *(Кардашев Ю.П.* Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда. М., 2008.) никакого матроса с фамилией, хотя бы отдаленно напоминавшей Шрамко, на «Потемкине» никогда не было.

*** * ***

Из команды «Потемкина» 47 человек решили вернуться в Россию сразу же, прямо на броненосце. Затем число вернувшихся достигло 117 человек. Всех их разделили на категории: зачинщиков бунта, тех, кто присоединился под угрозой насилия, и т.д.

Историк Б. Никольский считает: «Поскольку весь экипаж “Потемкина” был интернирован и остался в Румынии, провести полноценное судебное расследование по факту мятежа на броненосце было нереально. Только полноценное дознание и следствие с опросами, допросами, следственными экспериментами и прочими процессуальными процедурами могло дать объективную картину, в том числе оценить степень внедрения представителей различных антиправительственных структур и партий в экипаж броненосца и их влияние на ход мятежных действий. Только поэтому оказалась столь живучей легенда о том, что во главе мятежа стояли социал-демократы и пр. По этой же причине Константин Фельдман, создавая и культивируя свой ореол буревестника революции, мог в этой

связи и немного пофантазировать…»

Жандармским управлением был составлен весьма подробный «Список нижних чинов-убийц и главных зачинщиков бунта», согласно которому по всей империи и за ее границами начался розыск государственных преступников.

С 25 января по 4 февраля 1906 года в Севастополе состоялся военно-морской суд. По делу о мятеже были привлечены 68 потемкинцев. При этом судьи прекрасно понимали, что главные зачинщики и руководители мятежа сбежали за границу. «В рассматриваемом случае, когда важнейшие преступники были увлечены примером других, а все остальные действовали под угрозой лишения жизни, зачинщиков и главных виновников нет. Поэтому все наказания назначаются по усмотрению суда, в зависимости от вины и степени участия каждого». На основании манифеста от 21 октября 1905 года смертная казнь трем матросам была заменена каторгой на 15 лет, 16 человек были осуждены к различным срокам каторжных работ, остальные отделались посылкой в исправительно-арестантские роты. Заметим, что практически все арестованные весьма активно сотрудничали со следствием, почти каждый клялся, что он был против мятежа и ненавидел главарей. Но минули годы, сменилась политическая власть в стране, и эти же матросы, как по мановению ока, все как один сразу же стали «первыми друзьями Вакуленчука и Матюшенко» и «руководителями восстания»…

Судили и 75 зачинщиков восстания и с «Георгия Победоносца», троих казнили. Им не повезло, дело было в августе, до Октябрьского манифеста, и приговоры тогда были весьма суровые.

Главаря мятежников с «Георгия Победоносца» машиниста 1-й статьи Дорофея Кошубу, который был ранен и пойман в Феодосии, расстреляли 23 сентября 1905 года.

О команде миноноски № 267 историки обычно умалчивают. Действительно, команда миноноски в ходе восстания ничем выдающимся себя не проявила и в полном составе вернулась из Румынии в Севастополь. Источники сведений о ней весьма бедны. Однако материалы следствия отдают должное первому революционному порыву матросов миноноски. «… Нельзя не прийти к заключению, — писал военно-морской судья полковник П.Л. Воеводский, — что с момента перехода броненосца 14 июня с Тендровского рейда в Одессу названная команда имела полную возможность отделиться от мятежной команды броненосца и передать миноносец в ведение одесских военных властей и что все последующие совместные ее действия и переходы с броненосцем из порта в порт

происходили не иначе, как по доброй воле, при явном отсутствии непреодолимого принуждения со стороны команды броненосца».

Однако на допросах матросы с миноноски своих товарищей не выдали, назвав лишь тех руководителей восстания, которые были уже известны всем участникам и очевидцам. Это и не удивительно: команды маленьких кораблей всегда более дружны и сплоченны, чем больших. Увы, надежды миноносников на милосердие царского суда не оправдались. Все матросы миноносца № 267 проходили по делу как обвиняемые и были приговорены к отдаче в арестантские роты. Обмануть следствие им не удалось.

*** * ***

Последствиями мятежа на «Потемкине» стали и серьезные кадровые перестановки среди командования Черноморского флота. Вскоре после июльских событий адмиралы Кригер и Вишневецкий, командиры броненосца «Георгий Победоносец» и судна «Прут», а также ряд других офицеров, проявивших попустительство и бездеятельность во время мятежа на броненосце, высочайшим приказом от 1 августа 1905 года были уволены со службы без производства в следующий чин и даже без предварительного прошения об отставке.

До сих пор историками так и не выяснена причастность ставшего печально знаменитым несколькими месяцами позднее лейтенанта Петра Шмидта к мятежу «Потемкина». Дело в том, что именно в это время Шмидт находился в Измаиле, где базировался миноносец, которым он командовал. При этом из Измаила он все время самовольно ездил по каким-то делам то в Одессу, а то и в Киев. А потому позднейшие события ноябрьского мятежа на крейсере «Очаков» наводят на мысль о существовавших связях Шмидта с Одесским революционным комитетом или по крайней мере с отдельными его деятелями.

Но ведь именно этот комитет через Фельдмана и Березовского руководил и «Потемкиным»! Поэтому вполне возможно, что именно Шмидту предлагали возглавить мятежный корабль, но он по какой-то причине отказался.

Историк М. Чарный в своей книге «Лейтенант Шмидт» пишет: «… Пронесся же по Севастополю слух, будто восстание на “Потемкине” возглавил лейтенант Шмидт. Нелепый слух…» Ну почему же такой уж нелепый? Дыма без огня, как известно, не бывает, тем более что пройдет

совсем немного времени, и Шмидт на деле докажет, что вполне был способен на подобное.

А вот и весьма неожиданное высказывание самого знаменитого «красного лейтенанта» Шмидта относительно причины мятежа на «Потемкине»: «…инициатива бунта на “Потемкине” принадлежит не матросам. Это очень и очень радует. Но… если какая бы то ни было инициатива не может и не должна исходить от матросов, то может и должна принадлежать офицерам… или офицеру».

Похоже, что Шмидту просто не понравилось, что главные роли на «Потемкине» уже распределены и ему в лучшем случае уготована роль лояльного революционерам технического специалиста, что его никак не устраивало. Разумеется, это лишь мои догадки, но согласитесь, что, зная нашего «героя», они не так уж и беспочвенны. Шмидт никогда не желал быть статистом, он всегда желал войти в мировую историю!

Относительно судьбы самого броненосца «Князь Потемкин-Таврический» оказалось, что «похождения блудного броненосца» на этом не закончились. Во время ноябрьского восстания в Севастополе «Пантелеймон» (так назывался к тому времени уже переименованный «Потемкин») снова присоединился к мятежникам, но всего на полтора дня. В годы Первой мировой войны «Пантелеймон», ставший к этому времени линкором, достаточно активно воевал. С началом Февральской революции ему «за старые революционные заслуги» вернули вначале старое имя, а потом вновь переименовали, уже в «Борца за свободу». В декабре 1917 года «Борец за свободу» оказался в составе Красного Черноморского флота. А 22 марта 1918 года, в тщетной попытке избежать захвата флота германскими войсками, Совнарком «подарил» флот экзотической Советской социалистической республике Тавриды. Когда же в мае немцы вступили в Севастополь, экипаж линкора очередной раз «перековался», перейдя на сторону правительства УНР, по иронии судьбы, в тот же день и свергнутого. Над «Потемкиным» подняли германский флаг. В дальнейшем линкор «пошел по рукам». 11 ноября 1918 года «Пантелеймон» был включен в боевое расписание украинского флота. Но лишь затем, чтобы 13 дней спустя остатки команды разогнали англичане. В конце апреля 1919 года Крым заняли красные, и над бывшим «Потемкиным» снова подняли красный флаг. Затем Крым заняли белые. И хотя «Потемкин» уже стоял на приколе и в море выйти не мог, на нем был поднят Андреевский флаг. Окончательно в распоряжение красных Морских сил Черного моря корабль вернулся только 15 ноября 1920 года, но к тому времени он уже ни на что не был годен, так как к этому времени безнадежно устарел морально, да к

тому же находился в ужасном техническом состоянии. В 1923—1925 годах линкор был разделан на металл и 21 ноября 1925 года окончательно исключен из списков Рабоче-Крестьянского Красного Флота. В разделке броненосца принимал участие и мой дедушка Степан Дмитриевич Зайцев, в ту пору шестнадцатилетний рабочий Севастопольского морзавода. Память о своем участии в работах на знаменитом корабле дедушка сохранил на всю свою жизнь.

В целом «Потемкин» числился в разных флотах почти 28 лет, из которых только 13 лет — как реальная боевая единица. Вот, по сути, и вся история «корабля перекати-поле»… Какие только флаги он не носил — русский, румынский, украинский, германский и даже британский! При этом каждая новая «революция на флагштоке» становилась еще большим фарсом, чем предыдущая.

Последний участник бунта на «Потемкине» Иван Бесшов умер в Ирландии в 1987 году в возрасте 104 лет. Впрочем, настоящая фамилия его была Соколов, а Бесшовым (Beshoff) он стал, взяв фамилию жены-англичанки.

Еще в начале века он открыл в Дублине ресторанчик «Рыба и картофель». Постепенно ресторанчик превратился в весьма популярную сеть заведений, разбросанных по всей Ирландии, а сам Бесшов стал миллионером. Все вернулось на круги своя, и бывшие революционеры в конце концов превратились в обычных капиталистов. Так стоило ли ради этого проливать океаны крови?

В.И. Ленин, как известно, назвал мятежный броненосец «Потемкин» «непобежденной территорией революции». Увы, как мы уже теперь знаем, в действительности все обстояло совершенно иначе, чем виделось из далекой Женевы лидеру российских социал-демократов…

Дрмодедово—Севастополь

2004-2013

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Командир броненосца «Князь Потемкин-Таврический» капитан 1-го ранга Е.И. Голиков

Старший офицер броненосца «Князь Потемкин-Таврический» капитан 1-го ранга И.М. Гиляровский

Команда броненосца «Князь Потемкин-Таврический» незадолго до мятежа

Социал-демократ А.П. Березовский

Социал-демократ К.И. Фельдман

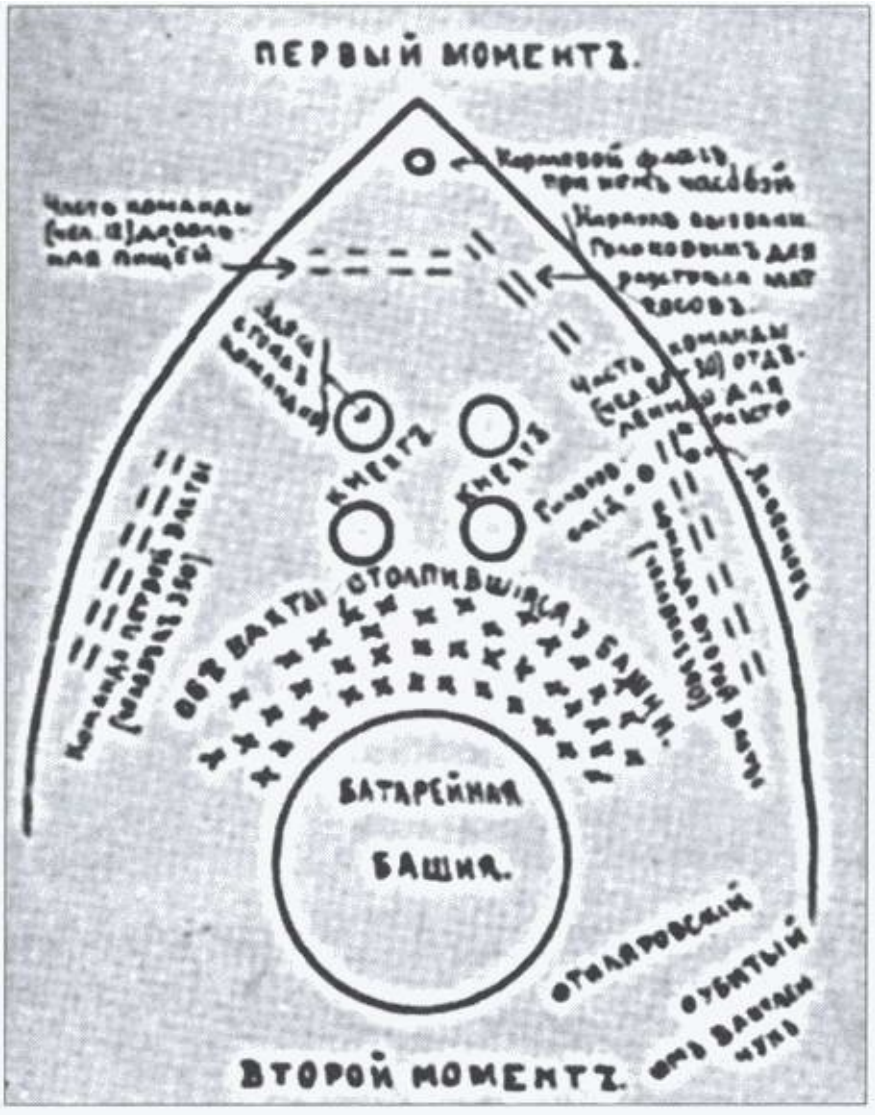
Комендор Е.Г. Лакий

Машинист А.Ф. Царев

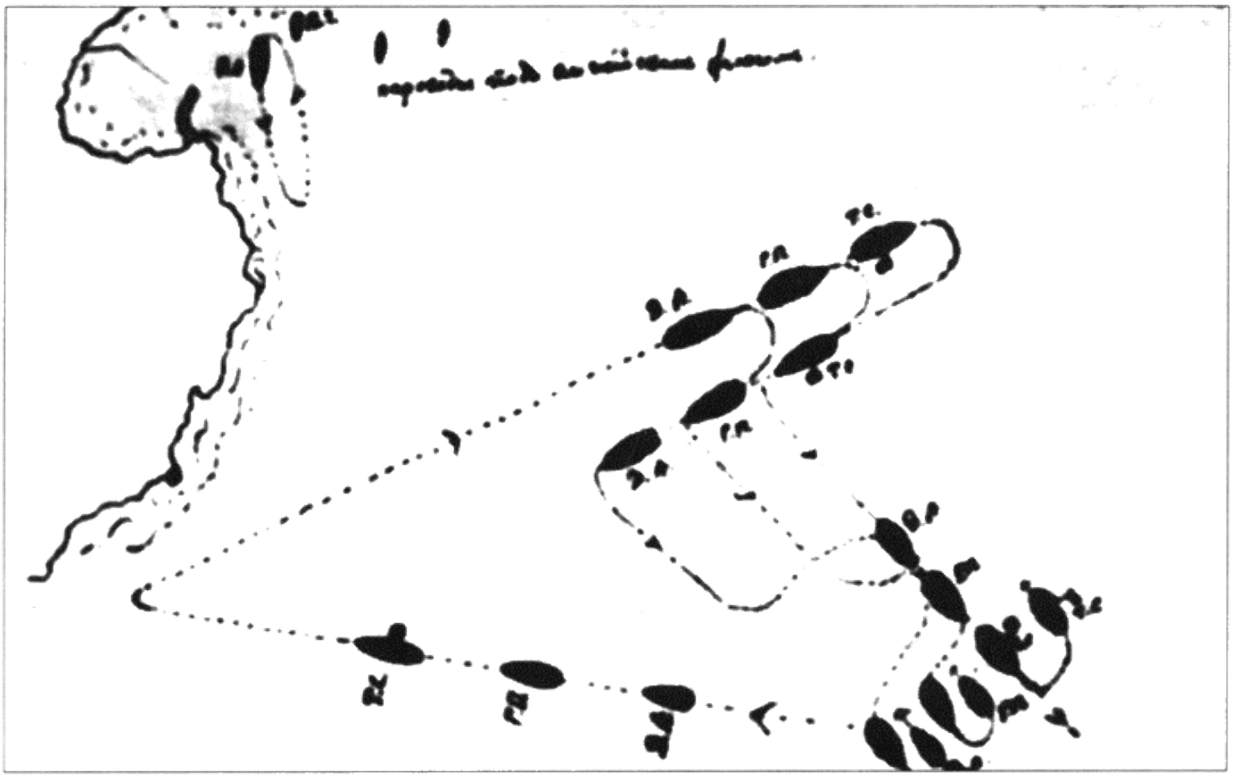
Матрос Т.Н. Вакуленчук

Матрос А.Н. Матюшенко

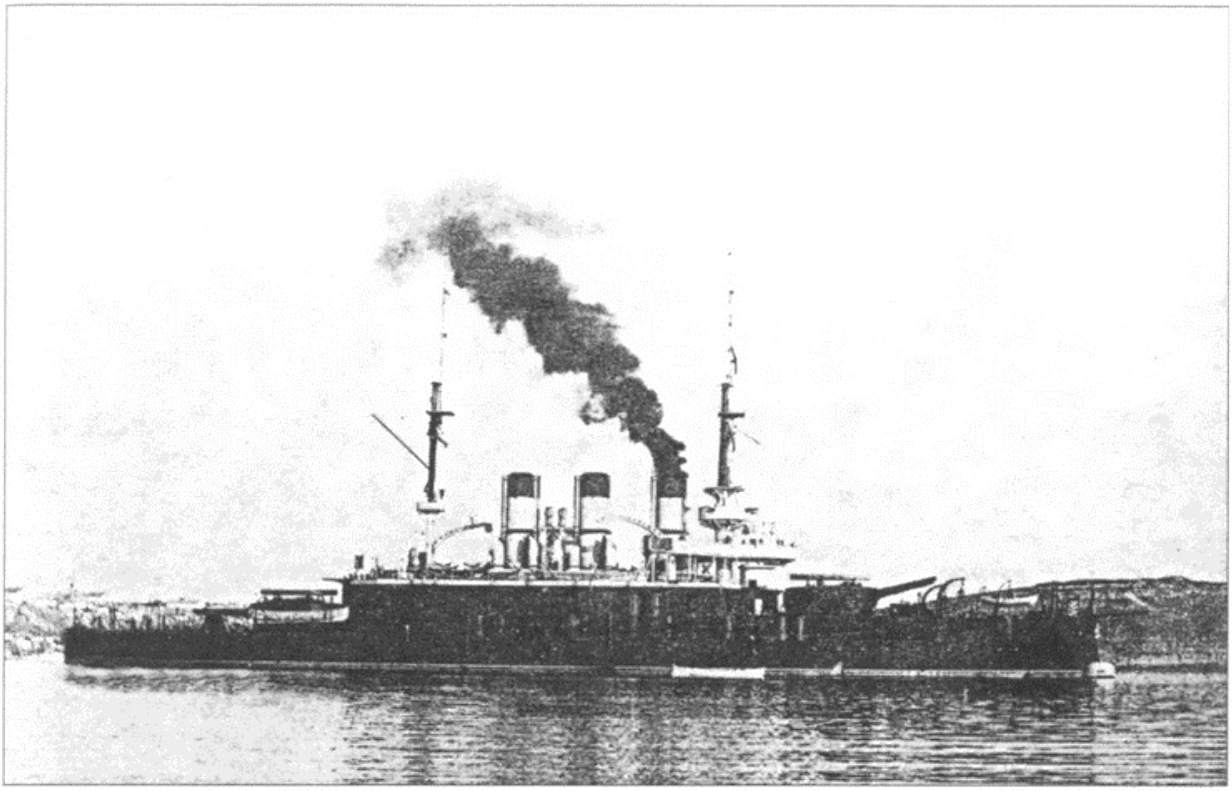
Матросы броненосца «Князь Потемкин-Таврический» с лейтенантом А.К. Неупокоевым



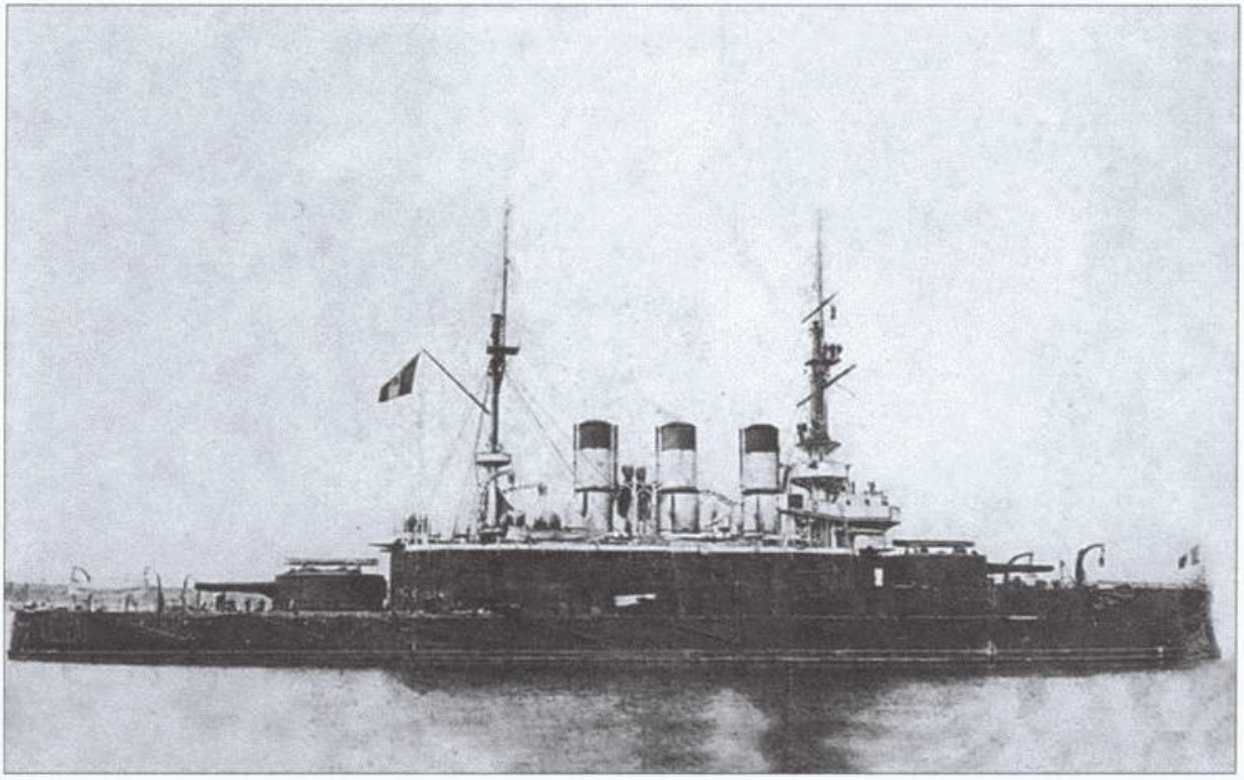
Начало восстания на «Потемкине». Рисунок А.И. Матюшенко



Встреча «Потемкина» с первой эскадрой. Рисунок флагманского журнала контр-адмирала Ф.Ф. Вишневецкого



Броненосец «Князь Потемкин-Таврический» в Севастополе. 1905 г.



Броненосец «Князь Потемкин-Таврический» под румынским флагом

Потемкинцы сходят на берег в Констанце

А.Н. Матюшенко в Констанце

Памятник потемкинцам в Камышове

Памятник матросам броненосца «Потемкин» в Феодосии

Памятник «Потемкинцам — потомки» в Одессе

Морская летопись

Долгое время восстание на эскадренном броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический» было окутано легендами. О восстании писали многие, а Сергей Эйзенштейн снял художественный фильм, ставший не только классикой мирового кинематографа, но и гимном всем революциям мира. А потому совсем не случайно, что и само восстание на броненосце «Потемкин», с момента которого уже минуло сто лет, мы вольно или невольно воспринимаем именно через знаменитый фильм.

Новая книга В.В. Шигина правдиво рассказывает историю броненосца и восстания его экипажа. Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

реклама
365
12+
www.365days.ru
Не только читайте, но и смотрите!
РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КАНАЛ «365 ДНЕЙ ТВ»
Все о российской и мировой истории
Смотрите в пакетах кабельных и спутниковых операторов!

ISBN 978-5-4444-1493-4
9 785444 414934
ВЕЧЕ